

A close-up portrait of an elderly man with thinning grey hair, looking slightly to the right with a serious expression. His hand is resting under his chin. The background is out of focus.

С. С. Шушкевич

**МОЯ ЖИЗНЬ,
крушение
и воскрешение
СССР**

Станислав Шушкевич

**Моя жизнь.
Крушение и воскрешение
СССР.**

**Москва,
РОСПЭН,
2012.**

Тем, кому предназначено судьбой вернуть Беларусь в Европу – белорусской молодёжи - посвящается. Учитесь на наших ошибках, не будьте избыточно доверчивыми.

Я, Шушкевич Станислав Станиславович, выражаю искреннюю благодарность Фонду Ельцина, Slovak Aid (Slovak Agency for International Development Cooperation), Министерству иностранных дел Словакии и Посольству Словакии в Минске, оказавшим мне - пенсионеру, лишённому пенсии декретом президента Республики Беларусь №16 от 9 сентября 1997 года, поддержку, позволившую написать эту книжку.

Станислав Шушкевич

Беловежский консенсус и Беларусь

(заметки первого)

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	5
 I. ПРО МОЙ РОД, СЕБЯ и НАШУ ЭЛИТУ	
Деды, родители, семья	7
О себе: хронология и статистика	14
О себе: исповедь совка	18
Беларусь, белорусы, элита	19
Московские ставленники	21
Элита политическая и творческая	25
 II БАЦЬКАЎШЧЫНА	
Моя малая родина – Комаровка	29
Июнь 1941-го.	31
Неустранимое из памяти	33
Школа, учителя	37
Материнская мудрость	40
Артек	42
Распутье	43
Студенчество	46
Когда труд – удовольствие	51
Распределение	54
 III. АКАДЕМИЯ–ЗАВОД—УНИВЕРСИТЕТ	
Аспирантские вояжи и будни	56
СКТБ радиозавода	60
Мой с Сашей ученик – Ли Харви Освальд.	62
Возврат в альма-матер	63
Кафедра ядерной физики и...	65
Кандидатская и её харьковский и сибирский триумф	67
Ахиллесова пята сибирского академика	69
 IV. МРТИ – ХОРОШО, БГУ-ЛУЧШЕ	
Новое назначение	73
От беспартийности к партийной интриге	75
Опять в альма-матер	77
Помня рекомендации Резерфорда	81
Коса и камень	85
Страсть к путешествиям	89
Сахаровский колледж	91
Новый первый секретарь КПБ	93
 V. ЧЕРНОБЫЛЬ	
Как в университете узнали о Чернобыле	96
Чернобыль и Горбачёв	98
Виновники и без вины виноватые	102
Фукусима и Чернобыль	103

VI. В МОСКВУ, К ВЛАСТЯМ

Мавзолей и Кремль	106
Мои первые, но повторные в округе выборы	109
Первый съезд	112
Что имели, умели и могли Народные депутаты	113

VII. ДОРОГА К ВИСКУЛЯМ

Проблемы в «созвездии равных»	115
Бывало и лучше.	116
Эстония, 16 ноября 1988 года. (1)	117
Литва, 18 мая 1989 года. (2)	118
Латвия, 28 июля 1989 года. (3)	119
Азербайджан, 23 сентября 1989 года. (4)	120
Грузия, 9 марта 1990 года. (5)	122
РСФСР, 12 июня 1990 года. (6)	123
Узбекистан, 20 июня 1990 года. (7)	125
Молдова, 23 июня 1990 года. (8)	126
Украина, 16 июля 1990 года. (9)	127
Беларусь, 27 июля 1990 года. (10)	129
Туркменистан. 22 августа 1990 года. (11)	132
Армения 23 августа 1990 года. (12)	135
Таджикистан, 24 августа 1990 года. (13)	137
Казахстан, 25 октября 1990 года. (14)	139
Киргизстан, 15 декабря 1990 года. (15)	141
Резюме	144

VIII. НАРОДЫ МАЛОЧИСЛЕННЫЕ И К НИМ ПРИРАВНЕННЫЕ

Декларации автономий	145
Резюме	159

IX. ЕСЛИ Б ЗНАЛ Я, С КЕМ ЕДУ, С КЕМ ВОДКУ ПЬЮ...

Трогательное послание	160
Знакомство	161
Ансамбль лжецов	163
Выбор лодки	167
Сага о гвоздях	169
Утка для «интеллектуалов»	171
С кем вы одной крови?	175

X. БЕЛОВЕЖСКАЯ ПУЩА, ВИСКУЛИ, 7-8 ДЕКАБРЯ 1991 ГОДА

Приглашение	178
«Расширение» приглашения	180
Что оставалось в сознании людей	181
Солидарность VIP-персон мирового уровня	183
Прилёт-приезд.	184
Вискули, день первый.	186
Задумались: что творим?	187
Поздний вечер 7 декабря, баня.	189
8 декабря	189
Кто, когда, кому звонил?	190
Соглашение о создании СНГ	192
Напрасные сомнения, ратификация	195
Послесловие	197

XI. БЕЛАРУСЬ – СОЕДИНЁННЫЕ ШТАТЫ

Первый визит в США	202
Пенсильвания авеню: Блэйр-Хауз – Капитолий	209
Relax	214
Встреча с Клинтоном	216
Президент Клинтон в Беларуси	221
Куда идти?	231

XII. ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И ПОЛИТИКА

Политика и искусство	233
Партийная номенклатура и политики	235
Межклассовая прослойка	237
Наши белорусские реалии	241
Соблазн для академика	243
Иной академический путь	245
«Университетский» вариант	251
В роли невинно пострадавшего	253
Перманентный лидер	255
«Молодые волки» и генерал милиции	257
«Куды вецер вее, туды галле гнецца»	260
Сухой остаток	264

XIII. О УНИВЕРСИТЕТАХ И ВУЗАХ, СТЕПЕНЯХ И ЛЕКЦИЯХ

Люблянский	265
Ягеллонский	270
Польша, негосударственное образование	280
Польша, столица	282
О католическом университете и «моём памятнике»	285
ВВЦ или тайна, которую 7 лет хранила жена	289
О Гарварде, Сахаровском колледже и шотландском виски	295
Коннектикут, Нью-Хевен, Йельский университет	300
Крупнейший в американской столице	306

XIV. О «МОЁМ» ЗАРУБЕЖЬЕ

ФРГ	308
Китай	314
Бразилия, Уругвай, Кабо-Верде	318
Монголия	327
Япония	330
Южная Корея	341
Франция	346
Официальный визит	347
О достоинстве и чести	349
Встреча с пророком	350
Париж, нормальная политическая школа	353
Мексиканская свадьба в Испании	355

XV. ПАТОЛОГИЯ

Никаких достоинств	359
Источники и составные части белорусской государственности	363
Кандидаты в президенты на выборах 2010 года	368
Надежда на спасение	372

XVI. ЧЕРЕЗ ГОДЫ, ЧЕРЕЗ РАССТОЯНИЯ

Или микро-эссе с картинками в случайной последовательности	376
--	-----

ВВЕДЕНИЕ

Всё в этой книге – моё личное мнение. Считайте, что каждому утверждению предшествуют слова «мне представляется, что это так».

Заново переживаю уроки Беловежской пущи декабря 1991 года. Россия, Украина, Беларусь, как и все республики СССР, официально заявившие о своём стремлении к независимости, нуждались в неотложных переменах, в определении принципов построения новой государственности. Президент России Борис Николаевич Ельцин оставался самым значимым прогрессивным лидером союзного масштаба. С первого съезда Народных депутатов СССР он был сторонником демократических преобразований, противником их замещения суррогатами, не искал способы под благовидным предлогом ввести поправки на величие и историческую предназначенность «старшего брата» союзных республик - России.

По моему приглашению 7 декабря 1991 года в Беловежской пуще собрались официальные полномочные представители трёх субъектов СССР. Они же были полноправными представителями государств, принявших декларации о государственном суверенитете. Все собравшиеся в пуще осознавали пороки советского строя. Однако не было единодушия в том, что нужно отвергнуть, что очистить от изуродований и извращений, какими должны быть нововведения. На месте встречи, в пуще мы поняли, что обязаны делать то, **чего нельзя не делать** и отложили на второй план то, для чего приехали. Здесь же были сформулированы приемлемые для всех аргументы в защиту утрачиваемого единства, и сохранена наиболее плотная из оставшихся возможных форм единения.

Мы отвергли ставший нормой в СССР демократический централизм, безоговорочное подчинение меньшинства большинству, неблагоприятные методы формирования большинства, жестокое подавление меньшинства, не желающего способствовать утверждению чуждых ему подходов, и заменили их поиском общего согласия, поиском консенсуса.

Итоговый международный правовой документ – Соглашение о создании Содружества Независимых Государств – незамедлительно прошёл проверку на зрелость и был в течение четырёх дней ратифицирован парламентами стран-участниц, а через 13 дней к нему присоединились ещё восемь субъектов СССР, собравшиеся для этого в Алма-Аты. Они не просто вступили в СНГ, а попросили считать и их учредителями Содружества.

Консенсус тройки расширился до консенсуса одиннадцати. Сохранились шансы на привлечение к нему и единственной оставшейся вне Содружества бывшей республики СССР Грузии, что впоследствии и произошло. Решительные, миротворческие по своей

сути превентивные действия руководителей 11 новых государств, не оставили для Президента СССР Михаила Горбачёва никаких иных шагов кроме добровольного отречения от поста главы уже не существующего государства, и 25 декабря 1991 года Президент СССР сложил свои полномочия. Впервые в мире произошёл бескровный распад империи, причём империи более могущественной, чем любая из исчезнувших ранее.

20 лет не успокаиваются те, кто сожалеет о распаде страны ГУЛАГов, преступной власти, лидеров, совершивших преступления против человечности. Есть и такие, кто в индивидуальных заявлениях называет распад СССР трагедией, преступлением против братского единства народов, безответственными действиями новых руководителей, дорвавшихся до власти.

Вместе с тем, на встречах на высшем уровне звучат иные речи. 20-летие образования СНГ, например, было торжественно отмечено всеми входящими в Содружество странами, хотя многое декларированное на саммитах забывается и по старой советской традиции не выполняется. Даже существенно менее демократичная по сравнению с Европейской конвенцией Конвенция СНГ о правах и основных свободах человека, подписанная в Минске 26 мая 1995 г. семью странами СНГ не стала нормой в этих странах. Права человека ограничиваются в них сильнее, чем Конвенция предписывает. Центристские силы также неискоренимы в Содружестве, как и претензии России на «особенную статью», не поддающуюся ординарным измерениям, в которую «можно только верить».

Не нравится властям стран СНГ и классическая демократия. Российская власть, например, породила свою демократию – «суверенную». Неприемлема и Европейская хартия по муниципальному самоуправлению. Беларусь вообще с местным самоуправлением покончила, а Россия к этому приблизилась.

Будем считать эти и множество других издержек временными трудностями переходного процесса от «развитого социализма» к истинной свободе, демократии, правам человека, уважению национального достоинства и достоинства человека вообще. Пока же отдельные руководители стран СНГ, не поднялись до уровня понимания того, как проводить эффективную самостоятельную политику ради благополучия своих граждан. Многие ждут подсказок от наследников тех, кто долго командовал их республиками и от чьей «опеки» они освободились «де-юре», благодаря Беловежскому соглашению. Они, как правило, довольствуются статусом власть имущих, а вместо трудной повседневной политической деятельности на благо народов своих стран делают всё, чтобы удержаться у власти и успокаивают людей заклинаниями, кажущимися им мудрыми, типа: «у тех, кто желает восстановить СССР, нет ума, а у тех, кто не сожалеет о распаде СССР, нет сердца».

І. ПРО МОЙ РОД, СЕБЯ и НАШУ ЭЛИТУ.

Деды, родители, семья

До 1997 года я очень гордился своим «рабоче-крестьянским» происхождением. Отец моей матери Людвиг Романовский работал железнодорожником на Любаво-Роменской дороге. Он умер, когда мне не было и трёх лет, но я его помню! Точнее помню его сапоги, край которых мешал мне сидеть у него на коленях, после того, как я опрокинул в нашем саду на свою голую ногу раскалённую самоварную трубу. Дед успокаивал меня и говорил, что если бы я, как он, был в сапогах, то труба бы меня не обожгла.

Мой дед Людвиг Антонович.

Соседки нередко говорили его вдове – моей бабушке.

-- Франтишка, ты счастливый человек, прожила с Людвигом интересную жизнь, родила 12 детей, была женой хорошо зарабатывающего человека – кондуктора.

Бабушка их поправляла.

-- Обер-кондуктора!

Что такое «обер», я понял сравнительно поздно, а до того считал деда очень важным большим начальником. Реалии же были

простыми: дед в любую погоду – хорошую и ненастную -- ездил с керосиновым красным фонарём в хвосте товарного поезда.

1949 год. Моя бабушка Франия, фотографировал сам

Хорошо помню главную драгоценность дедовского наследства – карманные часы «Буре» в чугунном корпусе. Бабушка очень ими дорожила и берегла, как реликвию, но во время фашистской оккупации поменяла их на хлеб и кусочек сала для меня и сестры. Такие часы были только у железнодорожников-машинистов. Дед получил их в награду за то, что смело действовал, когда несколько вагонов случайно оторвались от товарного состава и остановились. Дед с фонарём побежал в сторону, противоположную движению и предотвратил аварию -- остановил следующий поезд.

Трое из двенадцати бабушкиных детей умерли в детстве. Остальные выросли и оказались разбросанными по Беларуси, России, Литве и Польше.

Дед и баба со своей младшей дочерью Ядвигой.

Судьба некоторых из них оказалась трагической. Младшая – Ядвига -- окончила педагогический институт и работала учительницей в школе на станции Красный Берег. Во время оккупации её муж – Семён Караваевский -- был командиром партизанского отряда. Она, будучи беременной, находилась дома и, увидев полицаев, спряталась на чердаке, не успев захватить с собой

тёплую одежду. Полицаи это поняли и отбросили лестницу-стремянку от чердачного проёма. Тётя Ядя, слезая без лестницы, свалилась, сильно ушиблась и умерла, оставив круглыми сиротами троих детей, так как муж её тоже погиб через несколько дней.

1912 год. Свидетельство о восстановлении деда Людвига «в потомственном дворянском достоинстве».

В конце второго тысячелетия моя сестра разыскала документ, согласно которому в 1912 году наш дед Людвиг был восстановлен в дворянском звании. Хорошо, что это произошло в постсоветское время, а то ведь могла случиться очередная кампания борьбы с наследниками потенциальных противников казарменного коммунизма.

Знаю только одно, что дед мой был простым тружеником. Всё, что было сделано его руками, заслуживало самой серьёзной похвалы: просто, прочно, надёжно. Он, как и бабушка Фрэнк, считал труд источником благополучия и не относился свысока ни к какой работе. Когда у деда ухудшилось здоровье, он пошёл работать банщиком. Простым банщиком в

общественной бане: принимал и выдавал одежду и тапки, убирал моечное отделение и раздевалку. Бабушка Фрэнк до 91 года ходила с мешком по пустырям и стройкам за травой для своей козы, молоко которой оставалось ощутимым подспорьем в нашем семейном бюджете.

Деда со стороны отца – Петра Иосифовича Шушкевича – помню с начала войны. Его жена Розалия Викентьевна умерла, когда мне не было и двух лет. У них тоже была многодетная семья, и её члены тоже оказались разбросанными по всему СССР.

1949 год. Своим «Комсомольцем» я сфотографировал деда Петра.

Зиму 1941-1942 годов я провёл в деревне Щитомиричи у деда Петра в 14 километрах, как считалось тогда, от Минска. Непосредственно перед началом войны дед завершил строительство нового дома с большими окнами и деревянным полом – самого близкого строения в деревне от дороги Минск-Слуцк. По-видимому, именно поэтому оккупанты деда с семьёй из дома выгнали. Дед вернулся в хату -- старый дом – основательно прогнивший с глинобитным полом и двумя маленькими окнами.

В центре одной общей для всех комнаты стояла большая русская печь. Бабка Вера – женщина, на которой дед женился в 1939 году, пекла вкуснящие блины из теста, замешиваемого вечером перед днём выпечки из ржаной муки на закваске. Закваской служила часть теста, оставленного в деревянной дежке от предыдущей выпечки.

1912 год. Моя бабушка Розалия и дед Пётр со своими детьми Броней, Стасем (мой отец), Бронисем и Вацлавом (впереди всех).

Один раз в 12-15 дней бабка Вера выпекала на той же закваске хлеб. После того как печь была основательно протоплена, она бросала на чисто выметенный специальным веником печной под увесистые комки теста овальной формы, похлопывала по ним деревянной лопатой, и закрывала печную заслонку. Через час-полтора комки превращались в большие чёрные буханки хлеба. И сколько бы ни убеждали меня, что сейчас можно купить хлеб более вкусный, я не верю.

В городе в ту зиму было очень голодно, а в деревне довольно – сытно. Часто на завтрак были блины. На обед -- крупник, борщ или щи, заправленные шкварочками, краюха хлеба и кружка молока на ужин.

Как настроила меня мама и как получалось в мои семь лет, я старался помогать деду и бабке Вере по хозяйству, но моя помощь была, увы, не тем, чего им не хватало в тяжёлой деревенской жизни. Меня же без моих уличных друзей и домашней библиотеки одолевала скука. Дедовы книжки остались в новом доме, куда входить было запрещено, а сюда, в старый, он сумел забрать только самое нужное - календари колхозника за добрый десяток лет, библию на церковно-славянском и журналы «Пчеловодство», тоже лет за десять. Всё это нужно было деду, убеждённому мичуринцу, сад и пасека которого славились далеко за пределами деревни Щитомиричи. Но его книжки меня мало увлекали.

1933 год. Моя мать – Елена Романовская

К незабываемому в детстве я отношу и лето в деревне в 1942 году. Большинство крестьян в Щитомиричах были тогда безлошадным. Колхозных лошадей отдали отступающим красноармейцам. У деда была кобыла Машка, которую, наоборот, красноармейцы отдали ему. Он упросил их Машку не пристреливать, когда она сломала ногу. Дед полную безнадёгу, как говорили в деревне, выходил, постоянно советуясь со своим давним приятелем, имевшим какое-то представление о ветеринарии. В итоге Машка, хотя и основательно хромала, но выполняла все нужные крестьянину лошадиные работы. Меня же она страшно обидела. Когда я, взобравшись на машинку спину, направил её к водопою -- небольшому озерцу, она

так сильно наклонила голову к воде, что я съехал по лошадиному загривку в воду. К вечеру по всей деревне распространилось известие: хромая Машка чуть не утопила этого городского неумеху малого Шушкевича в озерце, глубина которого доходит до ушей даже взрослым, если встать на голову.

Мои родители – мать Елена Романовская и отец – Станислав Шушкевич были интеллигентами в первом поколении, детьми белорусских крестьян, но как позднее выяснилось, и обедневшей шляхты. Они учились в одной университетской студенческой группе и получили дипломы филологов с правом преподавания белорусского, русского и польского языков. Оба довольно успешно занимались писательской деятельностью и были приняты в Союз писателей СССР: мать в 1934 году, отец в 1935.

В то время мои родители искренне верили, что в Советском Союзе строится самое справедливое общество на Земле. Фактически, они воспевали социалистический строй и учили ненавидеть его врагов – рифмовали иллюзии, как скажет позднее уважаемый журналист.

Членский билет матери подписан Максимом Горьким, сохранился и является семейной реликвией. Отцовский билет конфисковали при аресте в конце 1936 года, когда он был осуждён как «враг народа».

1966. Мой отец – Станислав Шушкевич

После ареста отца мать мгновенно была уволена с работы в радиокомитете как политически неблагонадёжная и потеряла возможность заниматься литературной деятельностью. Она была вышвырнута из белорусского отделения Союза писателей СССР и исключена из комсомола, на комсомольском собрании, которое вёл комсорг Аркадь Кулешов. Главным аргументом для исключения послужила заполненная ею перед началом собрания анкета, в которой в графе «семейное положение» она написала «замужняя».

-- Не может считаться комсомолкой та, которая считает своим мужем врага народа, -- подытожил итоги собрания Аркадь Кулешов.

Везде в Минске матери отказывали в приёме на работу. Отчаявшись, она пошла в КГБ, пробились на приём к какому-то клерку и заявила.

-- Я отсюда никуда не уйду. Забирайте и меня в тюрьму, так как я нигде не могу устроиться на работу и мне нечем кормить сына и мать, не имея никаких денег.

Клерк, как рассказала через много лет мама моей сестре Ире, уже ставшей взрослой, оказался на редкость вежливым. Назначил время, когда мать должна была придти к нему на следующий день и добавил.

-- Идите домой, не делайте никаких глупостей, приходите, как договорились.

Днём позже он сказал маме, что школе № 17 нужен преподаватель русского языка и литературы старших классов и что её диплом позволяет устроиться на эту должность. В тот же день мать была принята на работу.

Такой поворот дел оказался для матери радостным, есть работа будет зарплата, и грустным, требующим титанического напряжения, так как до этого времени и на радио и в писательской практике она использовала только белорусский язык и польский и, соответственно, лучше, как ей казалось, знала белорусскую и польскую художественную литературу, чем русскую. Во-вторых, 17-я школа была в добрых шести километрах от места проживания матери, а трамвай ходил тогда с большими сбоями, и, боясь опоздать, мать добиралась до места работы пешком.

О том, что мать была очень хорошей учительницей русского языка и литературы в средней школе № 17 города Минска не раз говорили мне её бывшие ученики. В их числе и известный кардиолог академик НАН РБ Георгий Иванович Сидоренко. Он и не догадывался, что преподавание русского языка и литературы требовало от неё большой и нелёгкой ежедневной подготовки. Прививая своим ученикам любовь к великой русской литературе, мать сделала всё, чтобы я не пошёл по стезе гуманитарных наук, так как была уверена, что в этом случае меня ждёт судьба отца.

С дочкой Алёной и внучкой Стасей

В 1954 году отец был полностью реабилитирован и в 1956 году возвратился из Сибири в Минск. В этом же 1956-м я стал выпускником физико-математического факультета Белорусского государственного университета.

Отец не затаил ни обиды, ни желания мстить тем, кто бесчеловечно с ним обошёлся, но отыскал осудившего его судью и посоветовал ему уволиться с занимаемой должности, что тот незамедлительно сделал. Мне же он всё время говорил, что коммунистическая идея – самая прекрасная в мире и что нужно лишь следить за тем, чтобы к руководству под видом приверженцев коммунизма не пробирались негодяи. Романтиком был отец. В моём понимании, всё стало на должное место лишь после

перестройки и гласности. Только за год до смерти, как мне показалось, отец осознал порочность коммунистической идеологии.

Две Ирины – моя сестра и жена

Самым надёжным и верным мне человеком всегда была моя сестра Ирина. Она окончила физический факультет Белорусского государственного университета и всю трудовую деятельность связала с одним заводом. Полная мне противоположность она никогда никого не осуждает, никогда ни с кем не ссорится, умеет

договориться, как говорят, с самим чёртом, не идя ни на малейшие уступки своей человеческой гордости и своему человеческому достоинству.

Я по-доброму ей завидую.

Время бежит. Вчерашняя малышка – моя внучка Стася -- стала студенткой. То, чем дед так и не овладел по-человечески, она освоила, играя и балуясь. Бегло болтает по-английски, говорит по-польски, по-итальянски, по-немецки.

Сын Станислав был любимчиком тестя и тещи, сейчас – почти бизнесмен.

Дочь восполнила пробелы в нашем семейном музыкальном образовании – окончила консерваторию. Жена постоянно «мстит» мне за первую в её жизни четвёрку, которую она получила, сдавая мне экзамен на третьем курсе. До этого у неё были только пятёрки. Заставляет меня выключать телевизор во время завтрака, есть без соли, утверждая, что всё это идёт мне на пользу. Светлой памяти тесть – участник

Сталинградской битвы, танкист -- и теща никогда не знали лучшего занятия, чем забавляться с внуком – моим сыном. Мальчику это тоже очень нравилось, он платил им любовью. Только один раз в жизни я видел как мой сын безудержно плачет. На похоронах деда Кузьмы он нёс подушечку с дедовыми наградами и без перерыва поливал их слезами.

Безумно любил внука и другой дед – мой отец. Он реже с ним встречался, так как жил довольно далеко – в другом районе города Минска.

Но когда встречался, их трудно было разлучить.

Сын вырос, закончил университет, пытается стать бизнесменом. Пока испытывает на этом пути как удачи, так и поражения. Упрям, упорно хочет жизнеутвердиться в деле, которое для остальных членов семьи остаётся мало понятным. На одно поколение глубже, чем я, знает свою родословную, на порядок лучше рыскает в интернете. К сожалению, не знаю, кого любит больше – Родину мамы – Россию или Родину отца – Беларусь, но в том, что любит и ту другую сомнения нет. Студентом второго курса ездил во время летних каникул «на заработки» в США. Поездку оправдал и даже что-то заработал. Я же был счастлив, когда его первой фразой после приземления самолёта были слова.

-- Никогда больше никуда на заработки не поеду. Буду работать здесь, в Беларуси.

1985. Мой отец с внуком – моим сыном Станиславом.

О себе: хронология и статистика

Я родился 15 декабря 1934 года в Минске. В 1951 с медалью окончил среднюю школу, в 1956 – физико-математический факультет университета, в 1959 – аспирантуру Института физики Академии наук БССР. В 1963 году защитил кандидатскую диссертацию, в 1970 – докторскую, в 1972 стал профессором, в 1982 -- Заслуженным деятелем науки и техники Белорусской ССР, в 1986 получил Государственную премию, в 1988 -- премию Совета Министров СССР, в 1991 избран членом-корреспондентом Национальной Академии Наук.

Под моим научным руководством защищены 33 кандидатские диссертации по физико-математическим и техническим наукам. Являюсь автором более 150 научных работ, двух учебников и нескольких учебных пособий для университетов, 7 монографий, вместе с соавторами -- 73 изобретений. В советские годы был визит-профессором в престижных зарубежных университетах – Люблянском (Югославия), Ягеллонском (Польша), Йенском (ГДР), где читал лекции по ядерной электронике и радиоспектроскопии. Участвовал во многих научных конференциях и симпозиумах мирового уровня.

В 1966 году был назначен проректором по научной работе Минского радиотехнического института, в 1970 возвратился в университет, где в 1972 стал заведующим кафедрой ядерной физики и мирного использования атомной энергии. Название кафедры

подчёркивало, что обучаемые на ней иностранцы, а их за время моей работы прошло через кафедру около 300, изучают ядерную физику для мирной деятельности.

В 1985 году, оставаясь заведующим кафедрой, был назначен проректором по науке Белорусского государственного (тогда – имени В. И. Ленина).

Сразу же после катастрофы в Чернобыле, когда сущность произошедшего тщательно скрывалась, мы зафиксировали высокий уровень радиации окружающего воздуха и произвели анализ спектра радиоактивного излучения, позволивший однозначно утверждать, что где-то на ядерном реакторе случилась крупная авария.

Реакция на последовавшие за этим мои обращения к руководителям Академии наук и Совета Министров БССР была типично советской: «не сейте панику, ничего серьёзного не случилось»! По-видимому, именно это подтолкнуло меня перейти от обязательной для советских работников формальной общественной работы к серьёзной, а позднее и к общественно-политической и политической деятельности. Нелепое поведение советских чиновников, следовавших указаниями партийного руководства, а не рекомендациями профессионалов, ведущее к непоправимому пагубному отношению к здоровью людей, не могло не вызвать справедливого возмущения. Сотрудники кафедры и я сочли своим гражданским долгом разъяснять везде и всем суть произошедшего и пропагандировать методы и способы наименее болезненного преодоления последствий ядерной катастрофы.

Через три дня после чернобыльского взрыва -- 29-30 апреля 1986 года -- я открыл для свободного посещения двери одной из лабораторий руководимой мною кафедры, где сначала сотрудники университета, а затем и кто угодно, могли проверить уровень радиоактивности вещей, одежды, а вскоре и пищевых продуктов. Возможность осуществления последних измерений была в то время в Беларуси большой редкостью, но оборудование лабораторий нашей кафедры и высокая квалификация её сотрудников позволили сделать это мгновенно.

В 1989 году меня избрали Народным депутатом СССР. На съездах в Кремле вошёл в состав Межрегиональной депутатской группы (МДГ), в числе сопредседателей которой были Б.Н. Ельцин и академик А.Д. Сахаров. Главной целью МДГ было прогрессивное мирное реформирование СССР в правовое демократическое государство с рыночной экономикой.

В 1990 году я был избран депутатом Верховного Совета БССР, а затем, Первым заместителем Председателя Верховного Совета БССР. Сразу же осудил как попытку государственного переворота с целью коммунистического реванша августовский путч 1991 года в Москве (ГКЧП) и выразил поддержку Б. Ельцину.

В начале сентября 1991 года белорусский парламент избрал меня на высшую служебную должность страны – Председателя Верховного Совета БССР.

В начале декабря 1991 года, видя несостоятельность попыток возродить СССР и придать ему «человеческое лицо», я собрал в Беловежской пуще лидеров РСФСР, УССР и БССР совместно с главами и компетентнейшими членами правительств, экспертами. Цель – совместный поиск выхода из напряжённой внутренней экономической ситуации в Беларуси и соседних республиках. Там, в пуще, всем нам стало абсолютно ясно, что без правдивой документальной констатации реального состояния дел, никакие прогрессивные преобразования немыслимы. Участники встречи сочли невозможным внять единодушным рекомендациям ведущих политиков крупнейших стран мира и идти по пути, настоятельно предложенному в знаменитой речи Буша-старшего в Киеве в октябре того же 1991 года. В своей речи, названной журналистами «котлетой по-киевски», он настоятельно призывал «отказаться от национализма» и оставаться в составе Советского Союза. В Беловежской пуще было решено официально признать то, что имеет место. Признать, что СССР как геополитическая реальность и субъект международного права не функционирует как нормальное государство, иными словами -- прекращает своё существование. Мы постарались найти наиболее плотную форму взаимоуважительного сотрудничества составных частей СССР и преобразовать его в Содружество Независимых Государств (СНГ).

Впоследствии неоднократно подчёркивалось и стало сейчас общепризнанным, что именно там, в Беловежской пуще был разработан, согласован и подписан документ, предотвративший силовой метод выделения из состава СССР новых независимых государств, предотвращён кровавый вариант неизбежного разделения страны на самостоятельные государства типа югославского. Сразу же по возвращении в Минск мне удалось убедить парламент ратифицировать Соглашение об образовании СНГ.

На встрече в Беловежской пуще я заявил о согласии Беларуси вывести со своей территории всё стратегическое и тактическое ядерное оружие безо всяких предварительных условий и компенсаций, так как отлично понимал, что наличие ядерного арсенала в Беларуси – реальная угроза существованию белорусов как нации. Все необходимые межгосударственные соглашения по вопросу вывода ядерного оружия были незамедлительно подписаны Беларусью, и до конца 1995 года всё это оружие покинуло Беларусь.

Летом 1993 года старая партийная номенклатура оправилась от страха, порождённого разгромом августовского путча 1991 года, пришла в себя и попыталась снять меня с должности высшего должностного лица Беларуси, но тогда при голосовании в парламенте ей не хватило шести голосов. В январе 1994 года ей это удалось.

В 1995 году я был снова в первом туре избран депутатом Верховного Совета Беларуси. В 1997 году Лукашенко, воспользовавшись помощью высших российских руководителей Селезнёва, Строева и Черномырдина, поправ конституцию и ликвидировал законно избранный парламент.

Последний диктатор Европы испытывает ко мне патологическую ненависть: лишил меня законной пенсии, не позволяет принять на какую бы то ни было работу в Беларуси.

Пришлось по-новому научиться зарабатывать на жизнь, читая за рубежом лекции преимущественно по политологии. Пока есть здоровье, не отказываюсь от приглашений. Побывал в известнейших университетах США, России, Польши, Украины, Южной Кореи, Франции, Японии, Швеции, удостоен звания почётного доктора (honoris causa) в четырёх зарубежных университетах. С 1997 года являюсь председателем Центральной Рады партии Белорусская социал-демократическая Грамада.

6 июня 2010 года Президент Литвы Даля Грибаускайте вручила мне орден «Крест ВитAUTаса»

Получил ряд престижных международных наград за деятельность, направленную на демократизацию и уважение прав человека. В 1997 – Международную премию имени Пилипа Орлика, в 2005 – премию имени Яна Новака Ёзераньского в Польше. В июне 2010 года награждён высшим

орденом Литовской Республики за содействие демократическим преобразованиям в Литве в 1989-1994 гг. **Фонд памяти жертв коммунизма наградила меня медалью Свободы Трумэна-Рейгана. Церемония вручения медали состоялась 26 марта 2012 года в фонде «Наследие» в Вашингтоне.**

Меня не покидает надежда преобразовать диктаторскую Беларусь с предводителем, руководствующимся, преимущественно, инстинктами, в государство, достойное её народа. Преобразовать эволюционным путём, как поступили с СССР.

О себе: исповедь совка

Советского Союза нет, а советский человек остался. Это факт. Шутникам, не вникающим в суть вещей, полная благодать. Человек разумный, утверждают они, появился на Земле тысяч семьдесят лет назад, человек советский – лет семьдесят. Сосуществуют сейчас на планете человек разумный и человек советский, кратко -- совок. Он обучен ненавидеть других за то, что они лучше его. Все богатства считает нажитыми нечестным путём, окружение – враждебным, убеждён, что светлое будущее ему помешали строить демократы.

Термин «совок» придумали советские диссиденты. Вроде бы, и не обидный, и не ругательный, описывает и человека и стиль жизни. В нём всё: и невосприятие, и порицание, и упрёк, и сарказм, и похвала за терпение. Языковеды относят такие термины к **пейоративным** или выражающим отрицательную оценку, неодобрение, порицание, иронию и даже презрение. В нём – ничего общего с грозным оружием большевиков -- ненормативной лексикой, а он её побеждает!

Совками считал многих, но не себя, однако, со временем понял, что, как и большинство граждан СССР, мало чем от среднестатистического совка отличаюсь. Не нашёл смелости покончить с совковостью, как делали это мужественные честные люди. Восторгался такими людьми, но сам не был способен на самопожертвование. Всему в себе советскому находил оправдание, даже вступлению в КПСС: на такой, мол, оказался должности, что беспартийному на ней работать невозможно.

Не упустил случай пойти во власть, стал первым без интриг и обмана. Мог, как совок, подмять инакомыслящих, но выдавил из себя совковость, не подмял, а пришедшим в себя от страха после подавления коммунистического путча совкам только это и нужно было.

Первый глава независимой Беларуси, первым подписал Соглашение о создании Содружества Независимых Государств. Первым предложил сделать Беларусь безъядерной, и сделал. А ведь до 54 лет не помышлял иметь отношения к политике. Воспринимал партийных деятелей, как людей абсолютно неспособных заняться полезным делом – физикой, техникой, историей, филологией, строительством или, например, стать фермером. Обязан, казалось бы, окончательно покончить со своей совковостью, но она живуча и временами проявляется.

Общался с сильными мира сего, местами понял, кто они. Они разные. Хочу пояснить это людям, чтобы реже заблуждались. Убеждён, что нам не придти к европейской белорусской Беларуси без возрождения настоящей **национальной** интеллигенции – людей любой национальности, но высокой внутренней культуры, которых так неистово уничтожали большевики и устраняют их наследники, попрежнему замещая интеллигентов **людьми умственного труда**.

Беларусь, белорусы, элита

Та история Беларуси, которую доводили в школе и вузах до людей от поколения моих родителей, до поколения моих детей, имеет мало общего с истинной историей моей страны. Однако, застряв в головах людей трёх-четырёх поколений, она и сегодня определяет мировоззрение большинства граждан страны. Поэтому расскажу кратко о том, как я понимаю основные вехи истории Беларуси сегодня.

Становление белорусской государственности началось в конце первого тысячелетия. Город Полоцк, как центр княжества, упоминается в летописях с 862 года. Интересная дата! Годом ранее – в 861 – новгородцы констатировали собственную несостоятельность, неумение наладить управление новгородским княжеством и пригласили княжить варягов. С той поры Россия испытывает комплекс неполноценности в деле государственного строительства. Лишь один раз 12 июня 1991 года российским народом был избран русский руководитель российского государства – президент Борис Николаевич Ельцин. Но даже его титанического здоровья и выносливости не хватило, чтобы утвердить такой подход на последующее время. Испытывающие комплекс неполноценности слились в единстве и заставили президента назначить преемника, а тот, воспитанный и обученный в старых имперских властных традициях, повернул всё в прежнее русло. Сегодня административный ресурс, а не народ, определяет, кому править Россией.

Беларусь, увы, не является сегодня примером достойной государственности. Одна из главных тому причин – российское вмешательство в 1996 году с целью сокрушить белорусский парламентаризм и наделить Лукашенко диктаторскими полномочиями. С самовлюблённым примитивом российской власти проще решать вопросы с выгодой для себя, чем с избранным народом парламентом.

Белорусы являются наследниками политических традиций одного из исторически великих европейских, средневековых государств - Великого Княжества Литовского (ВКЛ). Но сегодня многие в Европе ошибочно отождествляют с наследниками ВКЛ прежде всего литовцев, хотя долгое время белорусский язык был в ВКЛ государственным, а литовский – никогда. На старобелорусском языке написан Статут Великого Княжества Литовского – своего рода конституция ВКЛ. Белорусскому христианству исполнилось 1000 лет.

Московские цари, благословляемые православными патриархами, многократно ходили на Беларусь войной, грабили, уничтожали, жгли, оставляя после себя руины и пожарища. Российское дворянство пополняло ряды своих крепостных сотнями тысяч трудолюбивых белорусских крестьян. Даже «тишайший» (согласно В. В. Ключевскому,) и «добрейший человек славной русской

души» - царь Алексей Михайлович – умудрился во время 13-летней войны с Речью Посполитой (1654-1667 гг.) убить или же угнать в безвозвратный плен более 50 % трёхмиллионного тогда края - 1.550.000 человек. По иным оценкам потери составили 1.800.000 человек. Четверть и более населения потеряла Беларусь в войне Петра I со шведами, в кампанию похода Наполеона в Россию, во время Первой и во время Второй мировых войн.

Чуть более 200 лет назад, после трёх разделов Польши территория Беларуси попала в состав Российской империи. Белорусский язык был запрещён, восстания белорусов против российских поработителей были потоплены в крови.

Ослабление антибелорусского прессинга произошло в начале 1900-х годов, когда революционное движение России стало угрожать монархии. Тогда в столице белорусской культуры – городе Вильне, в который после сталинского передела границ в 1939 году из Каунаса была перенесена столица Литовской ССР, начала издаваться белорусская газета «Наша ніва», печатались белорусские книги, учебники, календари.

25 марта 1918 года была создана Белорусская Народная Республика (БНР). Её признали Армения, Австрия, Грузия, Латвия, Литва, Польша, Турция, Украина, Финляндия, Чехословакия, Эстония. Произошёл обмен консульствами между БНР и Украинской Народной Республикой. День создания БНР стал днём возрождения современной белорусской государственности.

БНР незамедлительно разрушили большевики, но она сыграла важнейшую роль в деле возрождения и становления независимого белорусского государства. БНР помешала большевикам осуществить их планы - создать на землях, заселённых белорусами, 5-7 западных областей (губерний) в составе Российской Федерации. После хотя и кратковременного существования Белорусской Народной Республики это было бы слишком явным подтверждением фальшивости ленинского «права наций на самоопределение вплоть до отделения». 1 января 1919 года большевики создали Белорусскую Советскую Социалистическую Республику (БССР), ставшую в 1922 году одним из учредителей СССР. Территория, вошедшая в состав БССР, оказалась значительно меньше той, которая была заселена белорусско-язычным населением.

После кратковременного, в 20-е годы, ослабления гонений на всё белорусское большевики под флагом борьбы с национализмом и контрреволюцией приступили в начале 30-х годов к *истреблению белорусской интеллигенции*. В 1937-39 гг. были уничтожены и сосланы десятки тысяч наиболее просвещённых образованных белорусов. Документально подтверждено, что только поэтов, писателей, публицистов, филологов, историков, писавших на белорусском языке, было расстреляно более 370. По столько же «пишущих интеллигентов» было расстреляно в Украине и в России, в

которых. население было тогда соответственно в 5 и в 15 раз больше, чем в Беларуси. В годы Второй мировой войны погиб каждый четвёртый из 10 миллионов жителей Беларуси.

Московские ставленники

Политические репрессии в Беларуси в первые годы советской власти отличались особой тщательностью и целенаправленностью. Московские эмиссары уничтожили большую часть белорусской национальной интеллигенции – более 90% её интеллектуальной элиты, а также наиболее грамотных и талантливых представителей белорусской партийно-советской номенклатуры. Чистки следовали одна за другой. На место Червякова, Игнатовского, Криницкого приходили Мясникян, Берман, Цанава, Гамарник, Гей...

Если называть вещи своими именами, то наиболее рьяные предводители Беларуси, такие как П. К. Пономаренко – первый секретарь ЦК КП(б)Б в 1938-1947 гг., фактически. просили Сталина разрешить устроить геноцид белорусов. Для него было недостаточно того, о чём позднее вспоминал народный поэт Беларуси Якуб Колос, как в Минске, а позднее и во всех городах Беларуси, людей арестовывали только за то, что они говорили на своём родном языке. 21 ноября 1938 года Пономаренко отправил вождю письмо «О белорусском языке, литературе и писателях».

Этнический кубанец, он без тени стеснения заверял вождя в том, что изучил состояние белорусского языка и литературы, познал белорусских писателей и их настроения. А далее прямым текстом: хочу этих, которые считают себя белорусами и набрались наглости писать и говорить по-белорусски, арестовывать, пытаться, расстреливать.

«Враги народа, пробравшиеся в свое время к партийному и советскому руководству Белоруссии, ставившие целью отторжение Белоруссии от Советского Союза и организацию "самостоятельного" Белорусского государства, под протекторатом Польши, прилагали много усилий для идеологической подготовки этого отторжения... Работали они умело. Матерых националистов, "щирых белоруссов" вербовали сразу, и вводили в курс задач-идей...

Наиболее крупную контр-революционную националистическую работу провел союз «советских» писателей Белоруссии, идейно возглавляемый всегда десятком профашистских писателей (в том числе известные Янка Купала и Якуб Колас), и всегда для прикрытия (в том числе и сейчас) имевший у руководства коммунистов. В этом союзе несправедливой критикой, клеветой, издевательством, пренебрежением затравили не одного честного коммуниста и беспартийного писателя. Здесь разлагали литературное движение, здесь боролись с советской

властью под видом борьбы за эту власть. Здесь ненависть ко всему русскому доходила до болезненной истеричности. Здесь был центр-штаб национал-фашистской пропаганды. Здесь говорили о застое культуры и объясняли его тем, что белорусский и украинский языки близки к русскому, как языки славянские, и наиболее сильная славянская культура русская, их ассимилирует. Другое дело, говорили, Грузия, там язык совсем другой, руководители свои грузины, преданные своей грузинской культуре, не так как в Белоруссии, где всегда «московские генерал-губернаторы».

Говорили о том, что русская культура действительно выше культур других союзных республик, но объясняли это тем, что русская культура выросла на костях малых народов.

Сама мысль о сближении белорусского и русского языков была ужасной. Янка Купала пустил крылатое выражение «пока живе мова, живе народ»... Пользуясь полной свободой, не стесняемые ничем, эти писатели монополизировали за собой право толкователей языка, право создания новых слов, терминов, лозунгов и т.д. Они перед этим пытались и внешне отдалить язык от русского...

Вся эта вражеская работа в области правописания, неразбериха, путаница, смесь в правилах определяют большую безграмотность оканчивающих школы. Позволю привести ряд примеров, слов и оборотов, имеющих сейчас в белорусской литературе. Слово "подъем", заменено каким-то диким словом "уздым". Образование - адукацыя. Краски - фарбы. Борец - змагар. Отечественный - айчынны (от польского ойчизна). Правительство - урад??? Годовщина - гадавіна (Белорусы говорят так в смысле гад-гадюка). Баня - лазня. Беспредельный, безбрежный, безграничный - бязмежны (пример сознательного обеднения языка). Безопасность - бяспечнасьць (отсюда органы государственной безопасности - органы государственной беспечности). Слово товарищ заменено словом сябр. Друг - тоже сябр. Дружба - сяброўства. Благожелатель - зычлівец...

Крупны - буйны (отсюда крупный деятель - буйны дзеяч)... В лозунге "Пролетарии всех стран, соединяйтесь", слово "соединяйтесь" заменено словом "злучайцеся", а в народе "злучайцеся - злучка", все равно, что и по-русски "случайтесь - случка". Лозунг "Да здравствует годовщина Октябрьской революции" на белорусском языке "Няхай живе гадавіна Кастрычніцкай рэвалюцыі", испохаблен от начала до конца. Белорусы говорят здравствуй, а "няхай" означает "пусть" в смысле пренебрежительного "так и быть". Гадавіна означает гада большого размера. Так и говорят "Ух, якая гадавіна". Кастрычнік - октябрь. Но кастрыца - это не лен, а отбросы от льна...

...Получилось так, что вся эта кучка нацдэмовских заправил сохранилась до сих пор. Даже организационно, в Союзе писателей. Они печатали и печатают внешне патриотические стихи и

произведения, насквозь фальшивые, необходимые для выражения советскости (их буквальное выражение). Янка Купала говорит, что все, что он написал при Советской власти, не творчество, а дриндушки. Они говорят о том, что теперь литература сведена на роль придатка, разъясняющего или восхваляющего, что это не творчество, а иллюстрация. В литературе нельзя ничего ставить и решать, так как партия уже решила на много лет вперед, план составлен, иллюстрируй то, что прошло...

Янка Купала недавно сказал: «Все наши карты биты, лучшие люди истреблены, надо самому делать харакири». (Он уже пытался один раз покончить с собой). В другой раз он начал жаловаться (в своем кругу) на безудержную тоску, на то, что никакой Белоруссии он не видит вокруг себя, что его жизнь прожита даром, что он скоро умрет с такой же тоской о Белоруссии, с какой начинал свою жизнь в молодости.

Эти настроения растерянности, творческой пассивности, обреченности, характерны и для других белорусских писателей, отдавших жизнь (в разной степени) нацидемовщине. Конечно, среди них есть и такие, которых политические события последнего времени сильно отрезвили, и повернуть которых для честной работы возможно и необходимо. Сейчас уже пора сделать определенные выводы, показать свое отношение к ним и начать большую работу. Что по-моему нужно сделать?..

...Решительно очистить литературу от произведений с национал-фашистской контрабандой (кое-что мы в этом направлении уже сделали), поднять литературную, преданную молодежь, освежить литературу, укрепить руководство Союза писателей.

В отношении Янки Купалы, Якуба Коласа, Бровко, Глебки, Крапивы, Бядули, Вольского, Аксельрода и др. членов этой «могучей кучки», узурпировавшей представительство от Белорусской литературы всюду, в том числе и за рубежом, людей, творческая авторитетность которых непомерно раздута, проводивших лично всю описанную выше вражескую работу, имеются многочисленные показания разоблаченных и арестованных врагов, изобличающие их вплоть до связей с польской дефензивой.

В отношении Янки Купалы имеется 41 показание, в большинстве прямые; Якуба Коласа... 31 показание; Крапивы... 12 показаний и так далее. По количеству и качеству изобличающего материала, а также по известным нам фактам их работы, они, безусловно, подлежат аресту и суду, как враги народа. В частности, Наркомвнудел Белоруссии запросил из центра санкцию на арест Купалы и Коласа уже давно, но санкция пока не дана...»

- Які вычварэнец (по-русски: каков урод!), - воскликнул один из студентов на лекции, когда я прочёл эти строки.

- Великий Лермонтов ровно сто лет до страшного 1937 года сказал о таких лучше: «не мог хранить он нашей славы, не мог понять в сей миг кровавый на что он руку поднимал».

Не мог понять товарищ Пономаренко, строго говоря, ординарный кровожадный примитив и неук, зомбированный ненавистнической коммунистической идеологией и поставленный за это управлять Беларусью, почему нет санкции на арест, расстрел и пытки тех, кто тысячу лет живёт на белорусской земле, любит свой край, хочет работать на его благо и говорит на славянском языке более древнем, чем русский. Тем не менее, он пишет далее в письме, что готов проявить определённое великодушие и позволить отдельным писателям *«искупить свою вину перед Советской властью»*.

А вины то не было. И сама коммунистическая партия это признала ещё задолго до кончины СССР. Однако лично я не знаю ни одного коммунистического руководителя Беларуси – сторонника национального возрождения белорусов. А о руководителях КПСС и СССР и речи быть не могло. Так ставший первым лицом СССР Хрущёв вообще возмутился тем, что в Минске граждане имеют смелость говорить на непонятном ему языке. По его убеждению все, идущие к коммунизму, должны говорить по-русски.

В послевоенные годы тактика дебелорусизации видоизменилась. Благодаря трудолюбию, организованности и дисциплинированности белорусских крестьян и горожан, Беларусь быстрее других республик, включая прибалтийские, вышла на высокий по меркам СССР уровень социально-экономического развития. Но предшествовавшие репрессии и чистки плюс самые большие в пересчёте на одного жителя потери в войне – погиб каждый четвёртый - роковым образом сказались на готовности населения к восприятию идей правового и национального государства, гражданского общества. Большинство жителей республики воспринимало коммунистическое руководство и советскую власть, не как модифицированное колониальное господство России, а как часть *собственной* истории. Военные со всего СССР, уходя на пенсию, предпочитали селиться в Беларуси, не находя в ней неприязни по национальному вопросу в отличие, например, от трудно скрываемого пренебрежения ими коренного населения Литвы, Латвии, Эстонии.

Правящая номенклатура Беларуси после 1945 года всё более разбавлялась мигрантами, потеряла опыт самостоятельного государственного управления. Советские белорусы стали на просторах бывшего СССР самыми советскими людьми, более советскими, чем русские и испытывали по этому поводу нескрываемую гордость. Но даже в номенклатурной среде продолжалось удаление наиболее способных патриотически ориентированных по отношению к Беларуси трудолюбивых партийных

функционеров. Их просто-напросто переводили на работу в Москву или на более высокие должности в других местах СССР. Там они быстро ассимилировались, проникались великодержавной идеей и нередко становились более ярыми шовинистами, чем их российские наставники. К началу горбачевской перестройки правящие круги Беларуси в большинстве своем были настроены антинационально. Любое проявление белорусскости воспринималось как некий рудимент прошлого. Они навязывали такую же линию поведения всему остальному населению Беларуси.

В советское время вековой быт и народный характер белорусов сильно изменился под влиянием пропаганды, большевизации, коллективизации, индустриализации. Изменилась психика и мировоззрение белорусского селянина. Создан новый тип человека, мало чем похожий по своему духовному облику на прежний, традиционный вековой. В духовном смысле белорусская деревня при советской власти изменила своё лицо не в лучшую сторону. Иногда трудно поверить, что сегодняшние граждане Беларуси это наследники тех белорусских крестьян, о которых писал архиепископ Афанасий Мартос, бывший епископ витебский и полоцкий *«Белорусские крестьяне всегда отличались трудолюбием, выносливостью и любовью к своим семействам. Эти качества сильно привязывали их к родным очагам и удерживали от отъезда в другие края для поиска труда и поселения... По природе белорусские крестьяне миролюбивы, терпеливы и благожелательны. Благодаря таким качествам соседи жили в мире, в праздничные дни навещали друг друга, а в беде взаимно помогали»*.

Большинство руководителей республики присылались из Москвы и послушно выполняли ее волю. Московские выдвиженцы умело сталкивали между собой представителей различных кланов: минский с гродненским, гомельский с брестским и так далее. Горбачевская перестройка и гласность, обнажив эти процессы, ускорила крах верхних эшелонов партийной номенклатуры в Беларуси.

Элита политическая и творческая

Той пёстрой смеси, которую логично считать политической элитой Беларуси, присущ комплекс неполноценности: она не активна в отстаивании права на историческое существование белорусской культуры, цивилизации, государственности. Её представители в лучшем случае относят к категориям мифологии Ефросинью Полоцкую, Кирилла Туровского, Франциска Скорину, Сымона Будного, Симеона Полоцкого, понаслышке знают о придворных театрах Радзивиллов, Сапегов, Огиньских, о театре Зорича в Шклове. Отдельные её представители лишь по хрестоматиям советского периода знакомы с творчеством Максима Богдановича, Янки Купалы,

Якуба Колоса, Владимира Короткевича, Василя Быкова, Рыгора Бородулина.

Исключением из большинства, руководствующегося описанным подходом, стали граждане, создавшие в 1988 году Белорусский народный фронт (БНФ). Они попытались очистить историю Беларуси от советских, коммунистических и прочих извращений. Вначале им это удавалось. Но опытная старая партийная номенклатура сумела их победить на сравнительно честных парламентских выборах 1995 года, а впоследствии практически вытеснить из игры на политическом поле.

Немалую роль в национальном, культурном и духовном возрождении страны могла бы сыграть белорусская творческая интеллигенция. Однако люди, причисляющие себя к этой категории граждан, в большинстве своём пассивны. Они не предложили взамен навязанного советской системой «морального кодекса строителей коммунизма» **единую стройную привлекательную** систему базовых гражданских ценностей и морально-нравственных ориентиров.

За редчайшими исключениями в белорусской художественной литературе, кинематографе, живописи, практически, отсутствует увлекательный историко-героический жанр, хотя историческая наука дала для подобного рода творчества богатейший фактический материал. Белорусский писательский корпус, деятели белорусского образования и белорусской культуры редко упоминают о нашей более древней, чем российская, государственности, более давнем статусе белорусских городов, более раннем и более демократичном писаном праве, книгопечатании, опередившем российское на 50 лет, но с верноподданническим рвением изыскивают аргументы, оправдывающие поработителей белорусов типа Александра Суворова и палачей типа Муравьёва-вешателя

Для большинства белорусских писателей история своей страны вообще начинается со второй мировой войны или в лучшем случае со времен русской революции 1905 года. Тем самым они невольно продолжают работать на укрепление советской ментальности, а не пытаются воспитать в молодом поколении законное чувство гордости за своё Отечество и устойчивое стремление сделать свою Родину современным независимым процветающим европейским государством.

К счастью, есть в современной белорусской литературе и великие творцы, на которых не вправе упасть тень предыдущих моих рассуждений. В эшелоне первом с большим отрывом от остальных – Василь Быков, Владимир Короткевич, Рыгор Бородулин, Нил Гилевич. Боюсь кого-то обидеть, начав перечислять тех, кто, по моему мнению, образует второй эшелон. Они, как и четвёрка первых, талантливы, трудолюбивы, честны, не поют славу правителю, не идут на сделки с совестью, а поэтому бесправны, а здравствующие, непозволительно плохо обеспечены материально.

В то же время послушное нелегитимной власти большинство представителей писательского корпуса и сегодня не блещет сколь-нибудь ощутимой политической грамотностью. Без устали поучая, они не пытаются разобраться в азах политологии даже на уровне учебников современной средней школы. При этом на редкость дружно сошлись во взглядах и те, кто за прежнюю критику советских реалий по инерции пригрет западными грантами, и те, кто по-прежнему с «коммунистической убеждёностью» восславляет реальную власть, и те, кто был уверен, что преуспеет в бизнесе, но не поднялся выше уровня заурядности в этом, как оказалось, весьма трудном деле. Во всех своих сложностях эти «инженеры человеческих душ» считают виновными оппозицию и народ. Они противодействуют какому бы то ни было прогрессивному реформированию Беларуси и вольно или невольно являются сообщниками сегодняшнего диктаторского режима.

В советское время белорусская национальная политическая элита в большей степени нежели элиты других республик СССР и стран «социалистического лагеря» уничтожена физически, деморализована и разъединена. Её наследники – партийная номенклатура – стала приученной к верноподданничеству Советскому Союзу, России, русскому языку, коммунистическим идеалам, потому что длительное время была более, чем иные, изолирована физически и информационно от утвердившихся в мире цивилизованных людских ценностей. После распада СССР она побоялась новых правил игры, побоялась трудностей овладения ими, трудностей обучения, побоялась, что белорусская государственность угрожает ей потерей принадлежности к элите.

Нет и не может быть сомнения, что оппозиция не лучшим образом пытается противостоять власти. Оппозиции в западном понимании слова «политическая оппозиция» в Беларуси нет, и пока не может быть. Но ретивые писаки, в том числе и титулованные писатели, журналисты, общественные деятели, побывавшие или же вообще живущие за границей, сидя на западных кормах и грантах, требуют от белорусских граждан, имеющих мужество противостоять диктаторскому режиму, того же, что гражданское общество демократических стран в праве требовать от своей оппозиции. Они паразитируют на теле противостоящих режиму репрессированных белорусов и получают помощь за дезинформацию Запада из-за своей дремучей политической неграмотности. Им никак не понять, что на их родине нет никакого правового государства, что право отбрасывается дорвавшейся до власти шайкой в каждом случае, когда оно противоречит интересам шайки. Когда же их уличают в политической непросвещённости, они гордо заявляют: мы люди творческие, мы вне политики.

Повторяю: оппозиции в Республике Беларусь нет и не может быть, так как с 1996 года нет выборов, а имевшаяся в Верховном

Совете оппозиция была ликвидирована вместе с Верховным Советом. Есть лишь люди – преимущественно бесправные, абсолютно необеспеченные и третируемые режимом, пытающиеся противостоять беззаконию, беспределу, унижению человека нелегитимной властью. Их называют оппозицией.

* * *

Белорусы толерантны и доброжелательны, они такие же как и французы Прованса, о которых так образно сказал Антуан де Сент-Экзюпери: *«В Провансе, когда горит лес, все, кто не сволочь, хватают вёдра и лопаты»*. Оголтелой пропагандистской братии правящего режима удаётся пока держать многих граждан Беларуси в неведении, но белорусский лес горит, и всё больше жителей страны понимают это.

II БАЦЬКАЎШЧЫНА

Моя малая родина – Комаровка

*«Камароўка-Камароўка,
Дзе пачатак, дзе канец?
Шчырая мая сяброўка
І жыцця вянец.»*

Б. Сармонт

Почему не по-русски – Отечество? Иронический смысл обрело это русское слово после многих лет напевания *«славься отечество наше свободное»*, как и нелепые белорусские слова о Родине, распеваемые у нас *«Каб любіць Беларусь маю мілую, трэба ў розных краях пабываць»*. Зачем лишать права любить родину тех, кто в иных краях не был, а тем более тех, для кого они недоступны и сегодня? Как раз такие, лишённые судьбой возможности побывать в разных странах, стали для меня символами настоящего белорусского патриотизма, людьми безгранично любящими Родину.

Детство и юность я провёл в Минске, преимущественно на улице Слепянской. Такой улицы сегодня в городе нет. Остались от неё только старые клёны и два кирпичных двухэтажных дома. На ней то и были только два кирпичных, остальные – деревянные, правда, один даже двухэтажный. Называли его «звездовский», так как несколько квартир в нём занимали семьи сотрудников газеты «Звезда». Кирпичные дома, в одном из которых находились ясли, в другом – детский сад, имели водопровод и канализацию, в остальных, в том числе и в «звездовском», все удобства размещались во дворе.

Для меня, после знакомства с Нью-Йорком, аналогом моей Слепянской является самая знаменитая его улица -- Бродвей, наискосок виляющим образом перерезающая строго перпендикулярные друг к другу авеню и стрит. Так и Слепянская, повиливая, наискосок перерезала Золотую горку, Деревообделочную, Бондаревскую и шла далее по направлению к деревне Слепянка до тех пор, пока ей не перегородили путь бывшая лесопилка и железнодорожные ветки. Начиналась Слепянская метрах в двухстах от пересечения тогдашних Советской и Долгобродской. Сейчас на месте этого пересечения стык улиц Козлова и проспекта Машерова. Коренным минчанам не по душе пришлось удаление Долгобродской от Советской (и от Слепянской!), и они долго называли начало улицы Козлова «козлобродской».

Жизнь обитателей Слепянской улицы не баловала. Состоятельными считались те, кто имел, кроме повседневной, и более-менее аккуратную праздничную одежду, зажиточными – имеющие свиней или, как мы – козу, богатыми – владельцы коровы или собственники дома под жестяной крышей. Таких было только две семьи.

Если сегодня после почти 20 лет проживания в девятиэтажном доме я в лучшем случае знаком с десятью обитателями своего подъезда, то до финской войны, как поясняла мне бабушка, и до Отечественной, как мог понять и я сам, на улице Слепянской все знали всех. Исключения, конечно же, были, но при проявлении интереса к какому-нибудь дому или конкретно к кому-то из проживающих, вы могли мгновенно получить все интересующие вас сведения от играющих на улице мальчишек.

1947. Центр Комаровки – развилка Логойский тракт – Советская

1987. Площадь Якуба колоса (бывшая Комаровка).

По понятиям моего детства Слепянская находилась на окраине Минска, по сегодняшним меркам – в его центре. Дом номер 33, в котором я прожил более четверти века, стоял в 150-200 метрах от того места, где сегодня воздвигнут памятник Якубу Колосу на площади его

имени. Сейчас на месте нашего дома – Концертный зал филармонии, точнее, его левый тыльный угол.

Площади Якуба Колоса или какой-то другой на её месте раньше не было, была развилка, называвшаяся, как и всё вокруг, Комаровкой. Развилка считалась центром Комаровки. Она была образована улицей Советской, продолжением которой после Комаровки была улица Пушкина, и отходящими от неё улицами Цнянской, Логойским трактом, Деревообделочной (преобразованной сначала в бульвар Луначарского, а сейчас в бульвар Мулявина) и Красной. Позднее через примыкавшее почти к самой развилке болото проложили новую улицу -- Веры Хоружей. Крытый Комаровский рынок находится там, где после войны в середине болота вокруг маленького озера, росли водоросли и летними вечерами квакали лягушачьи хоры.

Слепянская шла на юго-восток под острым углом к Советской. Люди старшего поколения говорили, что Слепянская начинается у костёла Святого Роха, но перед войной костёл заслонили от Советской улицы многоэтажным, но не очень стойким Домом Специалиста, от которого после пожара в первые дни войны даже коробка не сохранилась, а осталась лишь груда кирпичных обломков. После войны перед костёлом воздвигли более прочный и более высокий дом, чтобы окончательно надёжно заслонить пережиток религиозности от глаз прохожих и проезжих по главной улице Минска.

До войны все обитатели южной части Комаровки, т. е. Слепянской и близлежащих улиц – Бондаревской, Деревообделочной, Берестянской, Кладбищенской, Высокой, Малявщинской и других разговаривали на белорусском языке. «Звездовцы» говорили на красивом «интеллигентном» белорусском, с них мы брали пример. Русский считался языком тех, кто занимался «непыльной работой», а таких здесь почти не было.

Июнь 1941-го

Этот летний месяц мне запомнился на всю жизнь. За хорошее поведение и послушание в течение целой недели, которые дались мне очень непросто, бабушка обещала сводить меня в воскресенье 22 июня в парк имени Горького. Туда я и сам мог бы сходить, идти-то всего чуть более километра – не расстояние по тому времени для меня и моих сверстников в благополучном Минске. Ведь мне уже шесть с половиной! Но с бабушкой интереснее: купит билет на карусели, карамельного петушка на палочке, а если вообще не нарушу её строгих предписаний, то и мороженое, хотя обязательно пояснит, что продукт это очень дорогой, вредный и, если его есть так, как я ем всё остальное – быстро-быстро, то и простудиться можно и голос потерять.

То, что утром объявили по радио о начале войны – мелочь, война до Минска не дойдёт. Так считают и мама и бабушка. «Страна

крепка и танки наши быстры, и наши люди мужеством полны...». Не допустят! Поэтому идём в парк. Там становятся реальностью все мои мечты от карамельного петушка до мороженого и даже более – мне удаётся уговорить бабушку купить мне билет на три выстрела из духового ружья в тире. Однако попасть в мишень – толстого буржуя с сигарой, что дало бы право ещё на три выстрела, мне не удалось.

С сегодняшних позиций детское гулянье в парке имени Горького в день начала войны 22 июня 1941 года – пир во время чумы!

А тогда!

В год ареста отца

Ни у кого и мысли не было о том, что война может докатиться до Минска. Все глубоко убеждены, что посягнуть на Советский Союз может только безумец, и он будет наказан незамедлительно. «Ведь от Москвы до британских морей Красная армия всех сильнее!» Думать иначе могут только подлые враги народа, но с ними, пожалуй, покончено. Жаль, конечно, что кое-кого к ним причислили по ошибке, но в больших делах такое, к сожалению, может случиться.

Такова была философия обывателей, простых, как принято их называть, людей, зомбированных большевистской пропагандой.

Через два дня фашистские бомбардировщики подожгли центр города, и ветер гнал огонь в сторону Комаровки. Нужно было уходить от

наступающих захватчиков, и мы – мама, бабушка, сестра и я – пошли по Борисовскому тракту на восток, захватив с собой всё, что могли нести. Бабушка вела на поводке козу. Шли два дня, ночь провели на сеновале в какой-то деревне. К концу второго дня пришлось повернуть обратно, так как навстречу нам двигалась масса таких же бедолаг, как и мы. Немецкий десант высадился впереди и перерезал дорогу.

Мы были убеждены, что когда вернёмся в Минск, от нашего дома останется пожарище, так как, уходя, видели, что горят дома с номерами 15 и 17 по нашей нечётной стороне и огонь быстро распространяется. Но, оказывается, ветер изменил направление и последним сгоревшим на нашей стороне был дом с номером 19. На четной стороне пожар дошёл до кирпичного здания детсада, и оно тоже уцелело.

Бабушка Франия проявила большую любовь к животным. Покидая дом, она настежь распахнула сарай и загородку с поросёнком. Пусть,

мол, не сгорит, а убежит и кому-то пригодится. Но, вернувшись, искренне возмутилась, что поросёнок сбежал. Пошла на поиски и нашла своего поросёнка по свойственному именно ему пороссячьему голосу в сарае на Студенческом переулке, в полукилометре от нашего дома.

На шестой день войны 28 июня немцы вошли в Минск.

Неустрашимое из памяти

Вряд ли когда-нибудь я смогу забыть первые дни фашистской оккупации, повешенных молодых девушек и парней с табличками на груди «Они стреляли по германским солдатам». Нельзя забыть колонны голодных измученных пленных красноармейцев; не забыть и не принёсший никому никакого вреда взрыв в вагоне трамвая «Только для немцев», после которого фашисты здесь же захватили и на виду у всех расстреляли 50 ни в чём не повинных случайных прохожих. После какой-то партизанской акции в Минске фашисты схватили и мою мать, но худшее с ней не произошло. Её поместили в концентрационный лагерь на улице Широкой. Война – это ужас и на фронте, и в тылу и на оккупированных землях.

Мать постаралась отодвинуть меня от городского ужаса, и отправила в деревню Щитомиричи к деду.

Есть много поводов любить Комаровку и гордиться моей исчезнувшей с карты Минска Слепянской улицей. Никто из её обитателей не возрадовался приходу фашистов, хотя не было на ней дома, который бы обошли сталинские репрессии. Про Комаровку в целом такого не скажешь. Нашлась на Комаровке одна семья, члены которой приветствовали немецкие войска цветами. И адрес их помню, и фамилию, но... может не все в ней были уродами, поэтому и здесь и в других случаях, заслуживающих по моему мнению осуждения, не назову ни фамилий, ни имён, ни адресов.

В середине июля оккупанты расклеили на столбах приказ «Об образовании еврейского жилого района в г. Минске», т. е. о создании гетто. Туда насильственно переселили все еврейские семьи. Приличные дома переселённых отдавали тем, кто пошёл в полицаи. Но на Слепянской улице всё освободившееся жильё было незавидного качества и его заняли погорельцы или же те, кого выселили немцы, создавая гетто. Одним из таких переселенцев оказался Гарик Шифрин, ребёнок года на два меня старше. Ему, его старшей сестре Рите, старшему брату Жене и их маме досталась квартирка из комнаты и кухни в доме номер 42. Мама Гарика – армянка - утверждала, что муж её тоже армянин и что он пропал без вести. Однако вся Слепянская хорошо знала, что отец Гарика Юрий Шифрин еврей, и согласно вывешенному на всех столбах приказу нужно сообщить об этом немецкому командованию, чтобы Гарика, Риту и Женю отправили в гетто. За укрывательство евреев и

несообщение сведений о евреях – расстрел. И я ещё больше горжусь своей исчезнувшей с лица города Минска улицей Слепянской, что за три года оккупации никто из её обитателей этих людей фашистам не выдал!

В 1941 году я видел такое на Комаровке и в центре Минска

Геноцид, холокост. В последние десятилетия коммунистического властвования в СССР, когда вспоминали о потерях в войне, часто можно было слышать.

-- Почему мы так много говорим о потерях евреев, ведь русских в войне погибло больше, да и других национальностей не меньше?

И это – правда, верно и то, что мы прощаем убийц, истязателей, клеветников, писавших доносы, по которым обвиняли и расстреливали невиновных, прощаем холуёв, угодливо лгавших ради собственного благополучия. Мы не всегда выражаем презрение и отвращение к тем, кто пишет фальшивые свидетельства, обвиняя воистину интеллигентных, не отступающих от достойных принципов людей, в нарушении общественного порядка в употреблении бранных выражений. А от этого – один шаг до клеветнических свидетельств во благо «порядка и стабильности».

Настоящая Родина начинается с правды, которой не обделяла вас мать, родные, близкие, соседи. Главное в этой Родине – человек. А «была бы страна родная, и нету других забот» -- родина не для человека, а для торжества идей, нередко порочных, возносящих какой-то фрагмент бытия на небывалую высоту и забывающих о самом человеке.

Человеконенавистничество, в том числе и по национальному признаку, всегда было чуждо белорусам. И сколько бы ни клялись коммунистические функционеры, что они истинные интернационалисты, всё это враньё. Достаточно вспомнить донесение секретаря ЦК КП(б)Б П. К. Пономаренко товарищу Сталину в первые дни войны: *«... настроение белорусов исключительно патриотическое... Должен подчеркнуть исключительное бесстрашие, стойкость и непримиримость к врагу колхозников в отличие от некоторой части служащего люда городов, ни о чем не думающего, кроме спасения шкуры. Это объясняется, в известной*

степени, большой еврейской прослойкой в городах. Их обуял животный страх перед Гитлером, а вместо борьбы -- бегство...»

2011 год, Выпускники 13 мужской русской школы города Минска 1951 года: Альберт Алехнович, Борис Цынман, Пётр Любчевский, Станислав Шушкевич, Игорь Гришин, Гаригин Шифрин («Гарик»)

Странная логика. Дети, старики, женщины должны бороться, а ни в коем случае не убегать! Откуда было знать Пантелеймону Кондратьевичу, что евреев гитлеровцы будут убивать только за то, что они евреи. В «Кратком курсе истории ВКП(б)» об этом не написано, а другие источники знаний настоящему партийному руководителю знать не обязательно. Не

обязательно помнить, что Гитлер пришёл к власти и настроил немцев воевать, убедив их в том, что у Германии есть внешний враг – французы, которые немцев унизили своей победой с помощью союзников в первой мировой войне. Есть и внутренний враг – евреи, которые немцев безжалостно обирают. А врагов нужно уничтожать.

Да и до сих пор далеко не каждый понял, что такое геноцид, что такое холокост. Предельно упрощённо: геноцид (от греческих племя и убить) – тягчайшее преступление против человечности -- это, когда негра убивают за то, что он негр; еврея – за то, что он еврей; мусульманина – за то, что он мусульманин; католика – за то, что он католик. Холокост (от греческого сгореть целиком) – скорбь и память о евреях, сожжённых заживо, убитых, замученных немецкими фашистами и их европейскими сообщниками во время Второй мировой войны. Об этом нужно помнить, говорить и кричать сегодня и всегда.

Когда я вспоминаю свою Комаровку и свою Слепянскую улицу, переставшую окончательно существовать в 1961 году, то стараюсь понять, почему населяющие её граждане были способны без громких призывов проявить настоящую гражданскую солидарность, на которую не способны жители упорядоченных анклавов сегодняшнего Минска. Неужто крылатая фраза зарубежных публицистов о ментальности граждан СССР *«ничто так не разъединяет людей, как социализм»* правильно отражала существовавшую ситуацию, созданную усилиями коммунистических идеологов. Если же задуматься, именно такое разделение и нужно было, чтобы управлять страной, в которой господствовали лицемерие, несправедливость, телефонное право, к

которой до последних дней её существования ложь, преподносимая руководителями высшего ранга, должна была восприниматься восторженно как чистейшая правда.

1948 год. Таковы были мои первые снимки. На левом – отец возле нашего дома на ул. Слепянской; на правом я (в центре) с соседями Славой и Эдиком.

«Комаровско-слепянскую» солидарность и обще-политическую ситуацию я осознал позднее, а вот желание иметь собственный фотоаппарат, уметь фотографировать и делать снимки не покидало меня ни на минуту. Наконец, мечта сбылась. Мой первый собственный фотоаппарат назывался «Комсомолец» и стоил шесть рублей. Накопить на него деньги мне удалось в начале 1948 года. Дату я хорошо запомнил – именно в этом году возвратился отец. В день возвращения я сфотографировал его собственным новеньким «Комсомольцем» во дворе нашего дома на улице Слепянской. Отец сразу же поехал работать учителем в деревню Даниловичи Дзержинского района: проживать и работать в Минске ему было запрещено. В Даниловичах учительство также быстро закончилось: через три месяца отца вернули в Сибирь.

«Фоторемесло» я освоил самостоятельно по книгам от проявки плёнки до контактной и проекционной печати, но проекционная была позднее. Если мой первый фотоаппарат в принципе не позволял получить качественные снимки, то потом все мои фотографические провалы происходили только по моей вине. За работу в пионерлагере летом 1952 года я получил около ста рублей и приобрёл «Зоркий» - один из лучших фотоаппаратов на моём студенческом курсе, после чего довольно скоро купил и фотоувеличитель.

Школа, учителя

К моим четырём с половиной мать научила меня довольно бойко читать по-белорусски и по-русски. К этому же времени я начал отвечать печатными каракулями на письма отца из Сибири. Отец писал мне сначала печатными буквами, а потом и прописными, всегда по-белорусски. Я отвечал тоже по-белорусски. Война и оккупация прервали нашу переписку и сделали моими главными учебниками изданную в год моего рождения – 1934 -- детскую книжечку отца «Звярыны баль» и десятитомник «Малая советская энциклопедия» (МСЭ). Первую книжку я окончательно истребал, выучил наизусть и помню по сей день. Тома МСЭ -- самые новые и самые красивые книги на нашей тогдашней большой самодельной, оклеенной обоями книжной полке -- дождались отца, оставаясь в прекрасном состоянии. Мать разрешала мне брать с полки любую книгу, но обязательно возвращать её на то же самое место, откуда взял. Для того, чтобы раскрыть сразу несколько книг, а довольно часто мне хотелось поступить именно так, нужно было получить отдельное разрешение.

Моё, направляемое невидимой рукой моей матери, самообразование перешло в школьную стадию в 1944 году. Мама с бабушкой решили послать меня сразу в четвёртый класс, и я не испытывал никаких сложностей из-за того, что три первых освоил дома. Четвёртый класс закончил с похвальной грамотой. Как и все мои одноклассники, я запомнил на всю жизнь замечательного педагога -- свою первую учительницу – Татьяну Константиновну Мальцеву. До сих пор для меня остаётся загадкой, как эта скромная всегда безукоризненно вежливая женщина смогла добиться от нас абсолютной дисциплинированности на уроках и на многие годы влюбить в себя весь наш разнородный по возрасту, по степени нравственного и психического изувечения войной класс. На нашей ежегодной традиционной встрече одноклассников мы всегда подымаем тост за её светлую память.

Мне повезло с учителями и в старших классах. Наша бессменная классная руководительница «историчка» Станислава Михайловна Петрушкевич, преподаватель белорусского языка и литературы Владимир Николаевич Комар, математик Моисей Самуйлович Эльперин, физик Финиас Соломонович Баркан... всех их помню, и всем им благодарен. Особый человек – Мария Иосифовна Марцулянис – преподаватель русского языка и литературы. Мы все ей тоже благодарны, но поняли её значимость уже после школы. Нередко она теряла терпение и обрушивала на нас осуждающие слова.

-- Боже мой! Вы даже представить себе не можете, сколь вы все косноязычны! Я должна буду умереть от стыда, когда вы кому-то признаетесь, что я учила вас русскому языку! За что, за какие прегрешения, я осуждена на такой позор?

Лично для меня самым запоминающимся её действием стало домашнее задание выучить наизусть к следующему уроку стихотворение Лермонтова «На смерть поэта» с целью нанесения решительного удара по нашему и впрямь вопиющему косноязычию. Однако удар пришёлся в первую очередь по мне, и вот почему.

Следующий урок оказался на следующий день. Мария Иосифовна вызывала всех по очереди в алфавитном порядке от А до Я. Пока очередь дошла до меня в журнале красовалась колонка из двоек, разбавленная двумя-тремя тройками с минусом. Я же оказался в особом положении по нескольким причинам.

Во-первых, мама очень любила Лермонтова. Читая для меня «Белеет парус одинокий», мама объяснила мне, что такое море и что такое парус. В два года я знал это стихотворение наизусть. Позднее я понял, мать очень умело использовала в воспитательных целях моё не очень-то умеренное, но тщательно мною скрываемое самолюбие. Она, как бы между прочим, могла при мне сказать своей подруге-учительнице Зое Ивановне Буцевичкой.

-- Знаешь, Зоя, а мой уже повзрослел, не только лермонтовские стихи читает, но и «Героя нашего времени» одолел и, кажется, кое-что понял.

Во-вторых, отдельные строки из «На смерть поэта», например, «а вы, надменные потомки, известной подлостью прославленных отцов...», были крылатыми фразами в лексиконе моих двоюродных сестёр – Галины и Софьи Леонтьевны Бильдюкевичей – «патологических» отличниц-гуманитариев. В-третьих, я очень легко запоминал и долго храню в памяти то, что мне нравится.

И вот я выхожу к доске и начинаю

**«Отмщение, государь, отмщение!
Паду к ногам твоим,
будь справедлив и накажи убийцу,
чтоб казнь его в позднейшие века
твой правый суд потомству известила,
и видели злодеи в том пример!»**

Класс замирает. Учительница – Мария Иосифовна -- знает, а класс – не знает, что это эпиграф к «На смерть поэта», которого нет во многих изданиях произведений Лермонтова, в том числе и в школьной хрестоматии.

А уже потом:

**Погиб поэт! -- невольник чести --
Пал, оклеветанный молвой...**

и далее без запинки – всё стихотворение до конца.

В моей журнальной клеточке появляется жирное «5», а под ним в колонке ещё несколько двоек.

1953 год. Своим «Зорким» я сфотографировал мою первую учительницу Татьяну Константиновну Мальцеву (она - впереди) и мою мать Елену Людвиговну Романовскую, случайно встретившихся в Колодищах, где я проходил военные сборы после окончания второго курса.

По сей день мои одноклассники, все кто может, каждый год собираются вместе. И не было ещё случая, чтобы кто-нибудь из них не вспомнил, как основательно они отколошматили меня после этого урока.

-- Всегда помни, Шушкевич, не за то мы тебя тогда побили, что ты лучше всех нас выучил стихотворение, а за твоё выпендривание с эпиграфом.

С учителями не всё было идеально. Мы жаждали справедливости, недолюбливали бездушие и формализм и никак, например, не могли понять, за что наша учительница химии Анна Натановна была награждена орденом Ленина «за заслуги в коммунистическом воспитании подрастающего поколения». Объясняла она новый материал плохо, была вспыльчивой, даже истеричной. Постоянно нас в чём-то обвиняла. Иногда – справедливо, чаще – необоснованно. Мы платили ей взаимностью, и не прочь, как говорят, были её «подсидеть». Однажды это удалось и мне.

Проходили мы тогда рудничные лампы. Анна Натановна пояснила, что очень давно англичанин Гемфри Дэви изобрёл лампу с медной сеткой, которая размещалась в верхней части пламени, благодаря чему уменьшалась вероятность инициирования лампой взрыва метана, иногда присутствующего в опасной концентрации в воздухе шахт.

Подымаю руку.

-- В чём дело?

-- Извините, Анна Натановна, я вот читал днями журнал «Знание – сила», там сказано, что задолго до Дэви рудничную лампу придумал наш соотечественник уральский шахтёр Иван Подъелдыкин.

Немая сцена. Лицо химички делается белым, как полотно. И не удивительно. Как раз тогда развернулась безжалостная борьба с

«космополитами безродными» и «идолопоклонниками перед Западом». В российской истории стали старательно отыскивать тех, кто обязательно раньше за именитых иностранцев сделал то или иное открытие или изобретение. Мол, паровоз придумал не Стефенсон, а братья Черепановы, радио – Попов, а не Маркони, и т. д.

-- Садись, Шушкевич. Хорошо, что ты внимательно читаешь журналы. Я обязательно проверю всё относительно рудничной лампы. А пока давайте не будем связывать с ней чьи-то имена. Пусть будет просто рудничная лампа.

На перерыве мы давились от смеха. Поняли, Анна Натановна живёт в другом мире, далека от нашего ученического сленга и не понимает, что мнимый Подъелдыкин происходит от популярного для всех нас «подъелдыкивать», т. е. подкалывать.

Материнская мудрость

Мать никогда не давала мне наставлений быть дисциплинированным, хорошо учиться, хорошо себя вести. Если и наставляла таким образом, то я этого не помню. Но что я запомнил, что было движущим стимулом моих действий, что привело меня к некоторым детским и юношеским достижениям, так это её оценки моих сверстников. Она отзывалась о них только положительно.

-- Вот Гарик (тот самый Гарегин Шифрин, мой одноклассник, которого уберегла от фашистов моя Слепянская улица), он обязательно получит медаль, потому, что серьёзный, работает, учится, а не гоняет «в футбол» консервной банкой с утра до ночи.

Гарик, кстати, гонял консервную банку не меньше меня, но не под нашими окнами. Когда же я пытался это объяснить, мать переходила к другой не менее болезненной для меня теме.

-- Если бы он поступал так как ты, то не был бы таким аккуратным, чистым, незапачканным. Ты посмотри на себя, ты ведь вытер своей одеждой грязь со всех стенок и заборов Комаровки и прошёлся, не обходя, напрямик по всем окрестным лужам.

Я пытался возненавидеть Гарика за его, в моей трактовке, усердную зубрёжку и чистоплюйство, но, увы, понимал, что моё самолюбие от этого не выиграет. Да и всех одноклассников, которых мать регулярно ставит мне в пример, не возненавидишь. И надо было искать иной выход. Оставалось действовать по наставлениям бабушки Франи. А они очень простые: бери пример с тех, кто лучше тебя, учись у тех, кто умней тебя.

В пятом классе уроки начали проводить разные преподаватели. Мне, как и другим моим одноклассникам, очень нравилось играть вместо нелюбимых уроков на пустырях и незаконченных стройках недалеко от школы. Среди прогульщиков я не был лидером, но на уверенного середнячка тянул. Успеваемость моя стала плохой и, пожалуй, я бы мог совсем опуститься до двоечника, если бы не Артек.

Да, меня – жалкого на тот момент троечника – премировали путёвкой в легендарный пионерский лагерь на южном берегу Крыма, куда, как я думал, посылали только самых лучших пионеров. Причиной всему было моё увлечение написанием заметок в русскоязычную газету «Пионер Белоруссии», ставшую позднее называться «Зорька».

Привлёк меня к этому делу сотрудник редакции Володя, фамилию которого я так и не узнал. Он, как и мама, сыграл на моём желании быть замеченным. По его совету я описывал наше школьное житьё-бытьё и был довольно часто печатаемым автором в «Зорьке». Перед моей фамилией начали ставить очень нравившееся мне слово «деткор». Но так как я поначалу, стесняясь одноклассников, подписывался не своей, а маминой фамилией, то так всё и продолжалось – деткор Стасик Романовский. Однако безжалостные одноклассники довольно быстро меня вычислили, и хотя я никогда не писал неправды, но получил кличку «детбрех». Дело в том, что редакция нередко приукрашала моё повествование, делая пионерскую жизнь более красивой и увлекательной.

И вот в конце марта 1946 года меня вызывают в учительскую. Я жду порицания за пропуск уроков и обдумываю варианты оправдательных ответов. Оказывается всё не так печально. Просто звонили из редакции и просили меня незамедлительно зайти в такую-то комнату в Доме печати к редактору «Зорьки» Анастасии Мазуровой.

Бегу, стучу в дверь, захожу.

-- Здравствуй, Стасик. Так вот ты какой -- один из лучших наших деткоров. Неплохо пишешь, но, думаю, сможешь и лучше. Да и с учёбой у тебя, я уверена, по-прежнему всё в порядке. Небось, снова тянешь на похвальную грамоту? Володя сейчас в командировке, но он мне о твоих успехах рассказывал. Мы здесь в редакции решили помочь тебе писать лучше и премировать тебя путёвкой в Артек. Там ты будешь вести дневник и присылать нам свои записи. Мы будем их печатать в газете. Вот тебе инструкция о том, какие нужны справки, как сдать твои продовольственные и хлебные карточки, что взять с собой. Поезд отправляется через два дня – 29 марта в 10-15. Все 50 человек из нашей республики – 48 пионеров и двое вожатых – едете через Москву и Харьков в Симферополь. Дальше -- автобусом. Беги домой, обрадуй маму, и в поход за справками.

Редактор, к счастью, не делала никаких пауз, иначе, как не стыдно врать, я обязательно бы подтвердил, что с учёбой у меня всё по-прежнему.

Артек

Так попал я на целых два месяца – апрель и май -- во Всесоюзный пионерский лагерь Артек. Из Симферополя девочек повезли в лагерь Суук-су, нас мальчишек – в Верхний. Пришлось сдать всю одежду, которую тут же отправили на дезинфекцию и сказали, что вернут в день отъезда. После была стрижка под «нулёвку», душ, осмотр врача. Каждый получил бельё и два комплекта одежды – парадную, состоящую из тёмно-синих длинных брюк, белоснежной «мореходки» и бескозырки, плюс обыденную цвета хаки из штанов на шлейках, застёгивающихся ниже колена, куртки и рубашки. Потом была настоящая сказка – обед. Столы на четверых. На каждом – хлебница с белым и чёрным хлебом. Ешь, сколько хочешь. Еда вкусная, захотел добавку – подыми руку. Такое мне в ту пору и не снилось. По иждивенческим продовольственным карточкам моей, сестры и бабушки полагалось по 300 граммов хлеба в день, по маминой – рабочей – 500 граммов. Сейчас больше хлеба на человека и не нужно, но тогда хлеб был основным продуктом питания.

**1946 год, май. Встреча артековцев с маршалом Будённым.
Выше всех в левой части снимка – моя голова.**

Сказку, конечно же, должно было что-то омрачить. Всем, прибывшим из Беларуси, нужно было перед обедом глотнуть столовую ложку рыбьего жира. Нескольким, отнесённым к наиболее худосочным, в том числе и мне, ещё и ложку печёночного экстракта – горько-прегорького вязкого чёрного сиропа. Уклониться от этой

обязанности было практически невозможно. И уж совсем нам всем не нравился обязательный полуторачасовой послеобеденный сон. Все не скрывали также, что им приходится терпеть школьные занятия, так как на южном берегу Крыма есть дела и повеселее. Я же, наоборот, с рвением относился к учёбе, так как хотел получить справку об окончании пятого класса с хорошими оценками. В итоге – получил справку-люкс, естественно, без троек и почти без четвёрок. Так Артек ликвидировал брешь в моей незавидной успеваемости в пятом классе, и до конца учёбы в школе у меня больше не было проблем с успеваемостью. Вопреки мрачным, преследующим воспитательные цели предсказаниям моей мамы я даже получил медаль, правда, серебряную.

1981 год. 30-летие окончания школы. Одноклассники слева направо Эдуард Елиневич, Альберт Алехнович, Игорь Фокин, Владислав Барай, Леонид Кенис, Илья Фридлянд, Владимир Рубежин, Гарольд Смирнов, Станислав Шушкевич, Клим Степанчук, Пётр Любчевский, Абрам Затуренский, Леонид Котов с нашей классной руководительницей Станиславой Михайловной Петрушкевич возле здания нашей 13-й средней мужской русской школы. На этом месте сейчас 9-этажный жилой дом.

Распутье

Приближалось окончание школы. Мама очень хотела, чтобы я стал врачом, а уж если кем-то другим, то только бы не пошёл по стезе наук гуманитарных. Она знала, что меня влекло изучение изящной словесности, но перед глазами была судьба отца. Именно за литературу ему приклеили ярлык «нацдема». Поэтому мать настойчиво твердила: никаких гуманитарных наук, выбирай из естественных. К формулам прицепиться труднее, чем к стихам или прозе.

Что касается литературы, то никому я так не завидую, как мастерам слова. Не рифмоплётam, не писакам-приспособленцам, а творцам! Так уж сложилось, что я определил своего любимого писателя – Антона Павловича Чехова – ещё в школьные годы и не хочу менять привязанности. Но какой богатый выбор истинных мастеров белорусского художественного слова, которых престижно выбрать в любимые. От титанов до тех, кто за свою короткую жизнь успел лишь на мгновение блеснуть красотой строчек, оставив о себе память на века. Янка Купала, Якуб Колас, Владимир Короткевич, Василь Быков, Кузьма Чёрный, Лариса Гениуш, Паулюк Трус, Наталья Арсеньева... и даже повешенный в 26 лет российскими колонизаторами Кастусь Калиновский, написавший лишь несколько десятков строк в своей «Мужицкой правде». Да разве всех, кто любил Беларусь и в итоге именно её восславил, перечислишь?

Однако я никак не сожалею, что отдался другому увлечению -- радиоэлектронике. Не один раз я приходил ко входной двери городской телефонной станции на улице Карла Маркса, чтобы ещё и ещё прочесть объявление, приглашающее на учёбу в Московский институт связи. Там была специальность телевидение – по моим понятиям 1951 года – вершина радиоэлектроники. И я поехал в Москву поступать в институт связи. На парадной двери института висела табличка, указывающая, что в связи с ремонтом вход в приёмную комиссию со двора. Через скрипящую шаткую дверь по обшарпанному коридору с неприглядным полом и дурным запахом я пробрался в зал приёмной комиссии. Вспомнил дни «открытых дверей» в Минске: в политехническом, в университете, в педагогическом. Там было всё торжественно, аккуратно, с главного входа. Моё желание поступать в этот институт мгновенно отпало, и я вернулся домой, в Минск, так и не подав документы.

В родном городе меня ожидали серьёзные испытания. Хотя казалось, студенческий билет уже в кармане – медалистов положено было зачислять без экзаменов. Но когда я отнёс документы на физико-математический факультет БГУ, началась целая эпопея.

Через два дня меня вызвали и заставили здесь же в помещении комиссии переписать автобиографию. У мамы был великий опыт жены «врага народа». Она заблаговременно предупредила, на чём могут поймать. Либо на каком-то мелком несовпадении данных в первом и втором варианте, либо на допущенных в спешке ошибках или описках – тогда скажут, какой же ты медалист!

Никуда не заглядывая, написал.

-- Вы, наверное, черновик в кармане носите, здесь же всё слово в слово.

-- Нет, у меня память такая.

Кадровик, муштровавший меня с бумагами, в конце концов, сказал прямо.

-- Фразу в автобиографии «отец с семьёй не живёт» нужно расшифровать!

Формулировку ту посоветовала мне мать. Она ожидала и такого поворота дела, поэтому я был готов к ответу и без замедления ответил, что, к сожалению, не могу больше ничего добавить к написанному. Позднее вплоть до хрущёвской оттепели мне пришлось не один раз приходилось заверять проверяющих в том, что больше об отце мне ничего не известно. Позднее, когда оказался в политике, мастера чёрного пиара перекрутили дело так, как будто «Шушкевич когда-то отказался от отца».

Ну а тогда, при поступлении в университет, мне пришлось пройти не один кабинет – от секретаря приёмной комиссии до самого ректора. Как заведённый я везде твердил одно и то же: вы не имеете права отказать мне в зачислении. Советские законы для всех одинаковы. Они вертелись как уж на сковороде, потому что никаких оснований для отказа не имели, но лезли из кожи вон, чтобы соблюсти негласную установку: на физику ненадёжных не брать!

Физика в 1951-м была в почёте. Советский Союз в глобальном противостоянии с Соединёнными Штатами как раз незадолго до этого испытал атомную бомбу и быстро создавал водородную. Разве можно было в сферу стратегически важную пускать сына врага народа?

С боем добился я зачисления, но клеймо оставалось. В 1952 году меня неожиданно отклонили от участия в широко разрекламированном мотопробеге Минск-Киев, хотя я был образцовым членом секции мотоспорта ДОСААФ, лучше других изучил гордость отечественного мотоциклостроения ИЖ-49, умел его ремонтировать, наконец, стал призёром отборочного кросса. Но ярлык неблагонадёжного заслонил все спортивные регалии. И ректор И. С. Чимбург мою фамилию из списка участников пробега вычеркнул. Не мог поступить иначе человек, вся научность которого состояла в редактировании книг типа «Ленин и Сталин организаторы Белорусской ССР» шефа белорусского КГБ Лаврентия Цанавы. Многие, правда, считали, что И. С. Чимбург был не только редактором, но и автором этой книги. Так тогда было принято.

В том же 1952 году вместо историка КПСС Ивана Саввича Чимбурга ректором назначили геолога Константина Игнатьевича Лукашова. Что касается уровня научной и педагогической квалификации, то он настолько контрастировал с предшественником, что я почувствовал настоящую гордость за университет и его руководство. С того времени я постоянно горжусь Белорусским государственным университетом, однако, гордость за его руководителей временами исчезает.

И всё же. Мои школьные учителя, кроме физика Баркана Финиаса Соломоновича, были убеждены в том, что я подамся в гуманитарии. А уже упоминавшаяся Мария Иосифовна Марцулянис

почти сознание потеряла, когда при случайной встрече в городе, я поведал ей, что поступил на физику.

-- Это ужасно! Зачем вам эта бездушная материя? Ведь вы вполне могли бы заняться субстанциями одухотворёнными. Вам бы пойти на филологию, историю, в конце концов. Ведь многие в состоянии понять Архимеда, Пифагора и даже Эвклида. А кто, скажите, из ваших сверстников понимает Гомера, Аристотеля, Платона? А ведь всем нам нужна мудрость древних, но почему-то люди, способные научиться понимать их, этих великих древних, идут в физики.

Печально, но неизбежно. Так много давшая мне и моим одноклассникам Мария Иосифовна Марцулянис ушла в мир иной, а мы её помним, благодарны ей и вспоминаем её добрым словом. Переживаем, что изводили её со всей нашей ученической безжалостностью. Я бы мог успокоить её сегодня тем, что не совсем оторвался от гуманитариев. Судьба свела меня с ними, а её похвалы придавали мне уверенность и силы, заставили думать, что я способен ладить и с ними. Правда, я вынужден был приобщиться к науке, которой в моё школьное и студенческое время здесь не было. Боюсь, что за эту науку – политологию – Мария Иосифовна осудила бы меня не менее страстно, чем за физику. Она считала, что в политике преуспевают только нахалы и лицемеры.

Студенчество

На первый курс отделения физики БГУ в 1951 году было зачислено 50 абитуриентов – две группы по 25 человек. В моей группе были только медалисты. Во второй группе было лишь несколько медалистов, но время доказало, что нет никаких оснований считать её более слабой. К финишу – окончанию университета -- пришли 46: несколько человек перевелись в другие вузы, двое перевелись к нам, один ушёл по собственному желанию, один умер. Поточные лекции по общественным наукам мы слушали вместе с математиками. Их поступило 25, окончили 20. Мы – физики -- гордо заявляли, что мы с ними одной крови, так как математика – язык физики. Они не возражали. По сей день, мы – выпускники 1956 года - ежегодно встречаемся вместе физики с математиками, только и наши и их ряды поредели.

Выпуск физиков оказался очень сильным. Он дал 14 кандидатов наук, из них: 9 стали докторами наук, трёх академиков, трёх членов-корреспондентов НАН РБ, девять профессоров. Но, пожалуй, главная особенность нашего курса – мы оказались на редкость сплочёнными. Не без исключений, конечно, но исключения были единичными. Мы и сейчас остаёмся дружным курсом.

Кроме желания знать, хорошо учиться нас заставляли правила получения стипендии. Она давалась только тем, кто занимался на

хорошо и отлично. Удовлетворительная оценка была на нашем курсе явлением редким, так как большинство однокурсников должны были бы при этом распрощаться с университетом. На первом-четвёртом курсах у ребят один из шести рабочих дней недели отнимала спецкафедра.

1955 год. Так выглядели мы после 4-го курса на военных сборах. Слева самый высокий во втором ряду – Нил Гилевич, впоследствии Народный поэт Беларуси, самый правый в последнем ряду - я.

Из нас готовили офицеров запаса – артиллеристов. Восемь часов в неделю, т. е. один полный рабочий день отнимали общественные науки – история КПСС, научный коммунизм, политэкономия. Так что для физики и связанных с ней дисциплин оставалось не так уж много учебного времени, особенно для ребят.

В годы моего студенчества 5 марта 1953 года умер Сталин. Несколько моих однокурсниц плакали по этому поводу. После кратковременного оштолбенения высшего руководства начались ощутимые нововведения. В недолгий период -- до середины лета 1953 года, когда у руководства страны находился Георгий Маленков были закрыты крупные уголовные дела («ленинградское» и «врачей»), произведена амнистия заключённых за незначительные преступления. С середины 1950-х годов началась хрущёвская оттепель, характеризовавшаяся весьма незначительной либерализацией, политического режима, относительной демократизацией общественной жизни, появлением некоторой свободы слова и творческой деятельности.

Через неделю после начала последнего в моей жизни студенческого семестра -- 14 февраля 1956 года открылся XX съезд КПСС. В своём отчётном докладе Хрущёв подтвердил осуществлённое в течение последних трёх лет изменение политического курса, разрыв со сталинскими традициями во внутренней и внешней политике, осудил преступления «клики Берия».

Самым неожиданным было заявление Хрущёва, которое отметало вдалбливаемое нам в головы преподавателями общественных наук положение о том, что пролетариат может придти к власти только революционным путём. Они, эти преподаватели, должны были теперь усвоить, что благодаря новому, благоприятному для социализма соотношению сил в мире *завоевание власти в “буржуазных странах” могло отныне происходить конституционным путем*. Им нужно было теперь проповедовать не неизбежность войны с капиталистическим миром, а «мирное сосуществование», не ругать по-сталински Югославию, а призывать к поиску путей сближения с ней.

Их «непоколебимые» марксистско-ленинские убеждения мгновенно изменились, и с прежним усердием они стали вдалбливать в наши головы новые, тоже, как оказалось, марксистско-ленинские.

Мы радовались ослаблению цензуры. На курсе образовалась очередь по передаче из рук в руки журнала «Новый мир» с повестью Александра Солженицына «Один день Ивана Денисовича», романа Владимира Дудинцева «Не хлебом единым», стихов Леонида Мартынова. Перестали быть малоизвестными Евгений Евтушенко, Андрей Вознесенский, Виктор Астафьев, Владимир Тендряков, Белла Ахмадулина. В СССР и странах социалистического лагеря были выпущены на свободу и реабилитированы многие политические заключённые. В их числе был и мой отец, который в 1956 году возвратился в Минск.

Таким образом, за время моего студенчества в стране и во всём социалистическом лагере произошли большие изменения, в том числе и в политической жизни. Следующий решительный поворот генеральной линии КПСС, названный концом оттепели, состоялся в 1964 году с приходом к руководству партией Брежнева.

Оттепель сказалась и на мне. Из сына врага народа я превратился в человека, отец которого был беспричинно репрессирован. Меня избрали комсоргом курса, я узнал, как партком запрещал моим однокурсникам сделать это ранее. Тот же партком весной 1954 года утвердил меня членом делегации университета на празднование 300-летия «воссоединения» Украины с Россией в Киеве. Я был на действительно великолепном празднике, подружился с киевлянами и студентами из других мест Украины. Небезынтересно заметить, что все делегаты от университета стали довольно известными людьми Беларуси. Юзик Ховратович – редактором энциклопедии, Римма Маленченко – заслуженной артисткой, Евгений Бабосов – академиком.

1954 год. Студенческая делегация БГУ на праздновании 300-летия «воссоединения» Украины с Россией. Ю. Ховратович, С. Шушкевич, Р. Маленченко, Е. Бабосов

Хрущёвская оттепель сделала меня ещё более советским, а возвратившийся из Сибири отец только усилил во мне чувство гордости за мою великую социалистическую родину. Отец, оказалось, оставался таким же романтиком, каким был в свои 17 лет, когда было напечатано его первое стихотворение:

«Скамячу, як снежку,
Радасць я сваю
І шпурну з усмешкай
Сённяшняму дню.
Радасць мая звоніць
Словам маладым
Ад сялянскіх гоняў,
Ад сялянскіх ніў,
Ад дубоў шумлівых,
Ад вясковых хат,
Дзе жыцця імклівы
Крочыць новы лад...»

Казалось бы, есть все основания возненавидеть этот «новый лад», умертвивший безо всякой вины десятки отцовских друзей, прогнавший самого отца через пытки и издевательства и загнавший его в глухомань, где он несколько раз оказывался на грани смерти...

Ан нет! Пройдя незаслуженные муки и испытания, отец считает коммунистическую идеологию правильной и до окончания хрущёвской оттепели вступает в 1964 году в КПСС. А мне говорит.

- Социализм – задумка прекрасная, но негодяи проникают в руководители и на корню губят благородное дело. Нужно, чтобы в

партию шли порядочные люди. С ними и социализм настоящий построим.

Находясь в ссылке, отец полюбил Сибирь, её величественную природу, но более всего – сибиряков. Когда вернулся в Минск, в его маленьком деревянном домике на Горном переулке постоянно были гости из Сибири, преимущественно те люди, с которыми он вместе работал в Кемеровской области как ссыльный. Меня удивляло, что обращался он к ним на белорусском языке. Они понимали практически всё и отвечали ему кто на русском, кто на украинском, а некоторые и на почти правильном белорусском. У них я узнал, что и в Сибири отец говорил по-белорусски, и это никого не удивляло и не смущало. Романтик, в мечтах и снах он всегда был в Беларуси и не пытался это скрывать.

В 1956 году, сразу же по возвращении на родину написал:

**«Зноў пабачыў цябе, Беларусь,
Непакорную,
родную,
шчырую,
блізкую.
Ты была мне заўсёды, ў любую пару,
І надзеяй, і марай, і шчасця калыскаю.»**

И, как будто не было 20 лет лагерей и ссылок! В 1957 году мой отец продолжал считать себя сыном обездоленного царизмом народа, который на дорогу к счастью и процветанию вывел октябрьский переворот 1917 года или в тогдашней терминологии Великий Октябрь.

**«-Хто ты такі? Адкуль? Ды з якога роду?
-Я з тых, што вякамі жылося гаротна,
Сын занядбанага адвечна народа...

Бачыш, Радзіма ідзе дарагая
Дарогай Вялікага Кастрычніка!
Зноў запытанні ляцяць неадвязна:
Хто ты? Адкуль? Ды з якога роду?
На ўвесь голас кажу, вымаўляю выразна:
Сын неўміручага беларускага народа!»**

Я нередко задумываюсь над потрясающей силой утопических лозунгов убеждать людей. Однако меня всегда мучает вопрос, верили ли в них те, кто эти лозунги породил. А если искренне верили, то почему как честные люди не отреклись от них, поняв их утопичность? Или же так, как и мой отец, продолжали оставаться в заблуждении, верили в нереализуемые идеалы и продолжали призывать людей в них верить. Из самых добрых побуждений звали в тупик типа казарменного коммунизма, из которого нет бескровного выхода?

Когда труд – удовольствие

Мне всегда нравилась работа, результаты которой можно увидеть самому и показать другим. В жизни же было много дел иного рода. Не скажу, что я испытывал удовольствие от учёбы. Радовался, когда познавал то, что хотел понять или освоить. Но нельзя, сдать экзамен, изучая только то, что интересно, поэтому с нетерпением ждал времени, когда можно будет заниматься только тем, чем хочешь. Быстро понял: такое время никогда не наступит, поэтому нужно его уметь урвать, найти, занимаясь тем, чем заниматься обязан. Прекрасным отдыхом от нелюбимой работы или учёбы считал и считаю труд физический, эффективность которого зависит не только от навыков и опыта, но и от сообразительности. Люблю строить, мастерить, накопил прекрасные инструменты и приспособления для дел строительных, столярных, слесарных. В прошлом любил ремонтировать радиоаппаратуру, приёмники, телевизоры, но сейчас мой опыт такого рода никому не нужен, в первую очередь мне самому.

Студенческую стипендию я целиком отдавал дома. Поступать иначе, видя как мать трудится на трёх работах – в дневной, вечерней и посменной школе, плюс ведёт домашнее хозяйство в доме, как мы сейчас называем, без удобств и водопровода, было бы сыновним преступлением. Поздними вечерами мама долгими часами проверяла ученические тетради. Классы были переполненные, и тетрадей была уйма. Маму одолевали головные боли -- давала знать себя серьёзная черепно-мозговая травма. Она неудачно поскользнулась во время зимнего полоскания белья на ледяной горке, образовавшейся возле водоразборной колонки и очень сильно разбила голову. Вызывали скорую помощь, две недели делались перевязки. Участковая врач рекомендовала покой, но мама считала, что её покой, т.е. уменьшенная учебная нагрузка, окончательно посадит семью на мель, оставит совсем без денег, которых и так было мало; и продолжала работать.

Все имевшиеся в доме деньги лежали в известном всем месте, но ни я, ни сестра, ни бабушка к ним никогда не прикоснулись. А было столько соблазнов, на которые так хотелось иметь деньги!

Ещё в школе летом, по окончании восьмого и девятого классов я с соседским Юрой научился зарабатывать кое-какие гроши, развозя на лошади воду для поливки в Ботаническом саду. Работа эта, хотя была и не из лёгких, мне нравилась. Труднее всего было черпать воду из пруда ведром и заливать в бочку на колёсах. А вмещала она литров триста. Зато, когда лошадь тащила телегу в назначенное место и потом, пока работницы сливали воду и производили поливку, можно было полчаса-час блаженствовать.

Любил и люблю косить, но высокая производительность такой моей работы в далёком прошлом.

После первого курса всё лето работал старшим пионервожатым в лагере фабрики Крупской, после третьего – аккордеонистом в лагере в Королёвом Стане, где старшим вожатым был мой одноклассник Альберт Алехнович, впоследствии ставший доцентом политехнического института.

Став студентом, я уже подрабатывал и «по специальности» лаборантом в физическом кабинете 12-й, а потом и моей родной 13-й школы. Начиная со второго курса, вёл в десятых классах 12-й школы уроки электротехники. Как раз тогда производилось преобразование мужских и женских школ в смешанные, т.е. в нормальные, и насаждалась политехнизация обучения. В большинстве школ уроки электротехники вели преподаватели физики, но обе «физички» 12-й школы от этих уроков отказались. Директор школы не смог найти преподавателя электротехники, а я, посмотрев программу, предложил ему свои услуги. Он вежливо попросил объяснить основные положения школьной программы электротехники упомянутым «физичкам», в физическом кабинете которых я на полставки работал лаборантом. После моего объяснения обе учительницы снова же не захотели преподавать электротехнику, но заявили, что я для этого подхожу. Директор растрогался и даже попросил завуча школы составить расписание занятий, которое бы лучше всего сочеталось с моими студенческими обязанностями.

Большинство моих школьных учителей, казалось бы, без великих усилий, умели добиться тишины и дисциплины с первого своего урока. Каждый делал это по-своему. Я хотел того же, но знал -- подражание и обезьянничание редко ведёт к успеху. Тем более, когда ученицы в

классе твоего же возраста, а среди ребят, переведённых из мужской школы, есть и постарше. Хотя директор пообещал помочь мне и заглянуть в класс, если шум в нём будет продолжаться долго, я попросил его ни в коем случае не вмешиваться.

Вошёл в класс. Поздоровался, представился, ответили... и каждый за своё. Мне казалось, что я смогу увлечь класс анекдотами о коротком замыкании, страшилками о трагическом использовании электрокипятильников, ленинским «советская власть плюс электрификация всей страны», эдисоновским размораживанием недоступных труб подземного водопровода с помощью электричества. Но не тут-то было, я даже не знаю, как продолжить! У каждого на парте разное -- открытая тетрадь, по которой скользит по строчкам карандаш, географическая карта, на которой что-то выискивается, наконец, ноты, над которыми руками делаются дирижёрские жесты.

-- Вы что, в дирижёры хотите податься?

-- Нет, я после занятий дирижирую нашим классным хором, а сейчас готовлюсь, -- отвечает ученица. Я понимаю, что врёт, но класс молчанием утверждает, что говорит правду.

-- А ноты зачем?

-- А как же без нот?

Осенило. Вижу, что девочка вряд ли разбирается в нотах, и начинаю громко, чтобы все слышали «резать правду-матку».

-- Я в школе так примитивно не вешал своим учителям лапшу на уши. Какие здесь цифры?

-- Три и четыре.

-- Правильно, три четверти, вальс. А при ваших помахиваниях хору придётся плясать «Лявонику». Кстати, простое электротехническое устройство может заменить такого пока ещё необученного дирижёра, как вы, и не делать ошибок. А теперь послушайте, что я хочу делать вместе с вами на уроках электротехники.

Предлагаемое пришло мне в голову буквально здесь на этом уроке. Ведь, строго говоря, электротехника – предмет для школьников не очень-то нужный. Дань моде – политехнизации обучения. Эврика! Знаю, как увлечь без анекдотов и плана ГОЭЛРО. И продолжил.

-- Я знаю, что оценка по электротехнике в аттестат не выставляется. Но выставляется оценка по физике, да и сдавать на вступительных экзаменах в вуз физику придётся многим. Предлагаю поиграть с вами в кошки-мышки. Раз уж не вполне удалось вам сегодня меня разыграть, попробуйте сделать это иным способом. Исходим из того, что раздел физики «электричество» -- основа электротехники. Давайте на моих уроках будем решать задачи по физике, по разделу электричество, а если кому-то очень захочется, то и по любому другому разделу физики. Вы предлагаете задачу из любого задачника или пособия для школы, я пытаюсь решить её на доске, вызвав кого-то из вас. Если даже с моими подсказками он не

решит, решу я. Остаются три просьбы. Первая, не пояснять всему свету по секрету наш с вами метод изучения электротехники. Вторая, не выискивать олимпиадных задач, потеряем на них много времени. Третья, прошу завести новую тонкую тетрадь, написать на её обложке крупными буквами «Электротехника», своё имя и фамилию.

-- А как с оценками?

-- Тем, кто хорошо проявит себя у доски – пять. У остальных и четвёрки могут случиться.

Думаю, что учителя и директор знали о моём методе преподавания электротехники. Но он всех устраивал. При встрече с директором был примерно такой разговор.

-- Рад, что вы нашли подход к этим непростым классам. Ведь ребят к нам перевели из бывшей мужской школы не лучших.

-- Спасибо за добрые слова, но я не думаю, что вы перевели в бывшую мужскую ваших лучших учениц. А учить надо всех.

* * *

В начале 2000-х годов я летел во Франкфурт. Рядом со мной сидела молодая женщина.

-- Простите, но я вас знаю и не только как первого главу независимой Беларуси, но и как учителя моей мамы, которая окончила 12-ю минскую школу. Она уже на пенсии, но хорошо помнит, как вы научили её класс решать самые трудные задачи по физике.

Мне приятно было такое слышать от случайной попутчицы через почти 50 лет после того, как я провёл в классе, где училась её мама, не более десяти уроков.

Распределение

Во втором семестре пятого курса не было обязательных для посещения занятий. Считалось, что я постоянно тружусь на радиозаводе (теперь «Горизонт») – делаю дипломную работу в Центральной заводской лаборатории -- ЦЗЛ. Однако кроме этого я ещё заменял преподавателя физики старших классов моей родной 13-й школы, ушедшую в отпуск, предоставляемый студентам-заочникам пединститута, заканчивающим вуз.

Директор моей родной школы – Николай Михайлович Струсевиц и завуч Евгения Семёновна Левина также были удовлетворены моей работой. Однако мои преподавательские достижения в обеих школах породили неожиданную для меня неприятность.

Настал день распределения на работу. По успеваемости – суммарному балу оценок за всё время обучения – я седьмой. С добавкой за студенческую научную работу – пятый. Из 46 распределяющихся это совсем неплохо. Иными словами, проблем нет, из Минска уезжать не надо, а в Минске места замечательные. Но не нравится мне насмешливый взгляд члена комиссии профессора Антона Никифоровича Севченко – директора Института физики и

математики Академии наук БССР. Фактически он решает все вопросы. Ко мне обращается то ли шутя, то ли с пренебрежением.

-- Скажи ты нам, Шушкевич, сколько твоих близких родственников работает в 12-й и 13-й школах, что они как под копирку написали в Комиссию по распределению трогательные письма с просьбой распределить тебя и в 13-ю и в 12-ю школу? Они, конечно не вправе обращаться непосредственно в комиссию, но у нас большая заявка Министерства просвещения и мы можем послать тебя в любую из этих школ.

Я понимаю, что профессор Севченко балагурит, но зная его непредсказуемый нрав, боюсь, что может случиться непоправимое. У него есть основания не очень-то меня любить. Я отказался пойти на его любимую специализацию «оптика» и не захотел пойти к нему в аспирантуру.

-- Антон Никифорович, нет у меня родственников ни в одной из школ, откуда поступили письма. Я просто работал и там, и там. Наверное, не совсем плохо работал, поэтому и прислали письма, о которых я ничего не знаю. Зачем же вы направили меня на собеседование с заведующим лабораторией вашего института академиком Михаилом Александровичем Ельяшевичем, который после разговора со мной согласился быть моим научным руководителем. Я тоже хочу быть его аспирантом.

А профессор продолжает балагурить.

-- Но письменной заявки академика Ельяшевича нет.

-- И не может быть, Антон Никифорович, потому что он как и школа не может обращаться непосредственно в комиссию, и хорошо знает об этом. Но есть места в аспирантуре Института физики и математики Академии наук, где вы – директор, а Михаил Александрович заведует лабораторией.

-- Ишь ты! Всё разнюхал и в школе, и в институте. Ладно, иди в аспирантуру. Ельяшевич Михаил Александрович, правда, чистый теоретик, тебе мало подходит, но все заслуживающие внимания физики-экспериментаторы в Союзе его знают, а он их и подавно.

Считай, с руководителем тебе повезло!

III. АКАДЕМИЯ–ЗАВОД-УНИВЕРСИТЕТ.

Аспирантские вояжи и будни

Среди легенд о величайшем физике XIX-XX веков Эрнесте Резерфорде есть и такая. Если он давал своему ученику задание, тот успешно его выполнял и приходил к учителю с вопросом, что делать дальше, Резерфорд его выгонял. Не знаю, этим ли руководствовался мой научный руководитель академик Михаил Александрович Ельяшевич, прекрасно знавший историю физики, или чем-то иным, но, сформулировав для всех сотрудников и аспирантов лаборатории проблему – освоить экспериментально регистрацию сигналов электронного, ядерного и квадрупольного резонансов – он никогда потом не интересовался у нас, как идут дела и что освоено. Считал, по-видимому, что это уже чисто наши проблемы. У нас же не было и намёка на мысль спросить, что делать дальше. С трудом справлялись с тем, чего нельзя было не делать.

В первый год аспирантуры в полном соответствии с советскими традициями в меня была заложена дефектность, от которой я так и не избавился. Мой руководитель, узнав, что в университете я изучал немецкий, велел обязательно освоить английский, так как вся научная периодика и новая литература по нашей проблеме – англоязычная. Сам он свободно владел французским, немецким и английским. Таким был результат его детского домашнего воспитания в дореволюционном Петербурге и в Мюнхене, где он родился. Мне же, уже взрослому, за девять месяцев нужно было освоить английский так, чтобы сдать экзамен кандидатского минимума. Экзамен я сдал, и язык освоил, но по-советски: довольно ловко перевожу научные статьи физического профиля. А воспринимаю английский ухом с уймой проблем. Должен представить себе, как это пишется.

Научно-техническая задача, поставленная шефом, была гигантской, под силу большому коллективу учёных и инженеров, имеющих хорошую производственную базу. Но это мы поняли позднее. Моей частью задания было построить прибор для измерения сигналов электронного спинового резонанса или, как тогда чаще всего называли, -- электронного парамагнитного резонанса, сокращённо -- ЭПР. Удалось разведать, где в Советском Союзе такие спектрометры есть. Оказалось, что самодельный -- только в Москве в Физическом институте Академии Наук СССР имени П. И. Лебедева (ФИАН) в отделе профессора А. М. Прохорова и спектрометр фирмы Вариан в Институте химической физики АН СССР (ИХФ) у академика Н. Н. Семёнова.

Я захотел съездить туда на несколько дней, чтобы разобраться, что это за спектрометры. Сотрудники лаборатории отнеслись к этому скептически, сказав, что отдел колебаний ФИАН, который возглавляет Александр Михайлович Прохоров, секретный, и туда нужен допуск. А в

ИХФ попасть ещё труднее. Обратился к Михаилу Александровичу. Он пообещал зайти к начальнику первого отдела, чтобы мне срочно сделали допуск, и от руки написал два коротких письма – Прохорову и Семёнову.

-- Езжайте вместе с Потаповичем Александром Константиновичем и не на день-два, а на недели три, изучите там установки по парамагнитному и по ядерному резонансу.

Вскоре я понял, что личное письмо моего шефа – пропуск в любую дверь любого научного учреждения СССР, и не упускал возможности этим воспользоваться. М. А. Ельяшевича -- автора монографии «Молекулярная спектроскопия» -- настольной книги каждого физика, соприкасающегося с спектроскопией, действительно, все знали и искренне уважали.

**1957 год. Мой научный
руководитель академик
М. А. Ельяшевич у СВЧ-
блока «моего»
спектрометра ЭПР –
первого в Беларуси.**

Так мы с редкостным «трудоголиком», Сашей Потаповичем, моим замечательным однокурсником, способным работать непрерывно многие дни и ночи подряд без перерыва, попали на почти месячную стажировку в ФИАН имени П. И. Лебедева в лабораторию колебаний, руководимую Прохоровым. Именно здесь и в Институте химической физики (ИХФ) мы соприкоснулись с физикой и физиками мирового уровня. По познавательности наш месяц в Москве стоил года в ординарной физической исследовательской лаборатории.

Первый день нашего пребывания в ФИАНе совпал со днём еженедельного обхода лаборатории Александром Михайловичем Прохоровым. Заметил он и нас. Подробно расспросил Потаповича и меня, с чем мы соприкасались в физическом эксперименте и что намерены делать, закрепил за каждым куратора из числа сотрудников.

По московским масштабам из ФИАНа до ИХФ -- рукой подать, и мы несколько раз побывали в Институте химической физики. Директора – академика, Лауреата Нобелевской премии 1956 года Николая Николаевича Семёнова нам увидеть не удалось, и я передал письмо М. А. Ельяшевича одному из его заместителей. И в таком варианте оно стало отмычкой к лаборатории, где был фирменный американский спектрометр ЭПР.

Тогда, в начале 1957 года, мы не знали, что в ФИАНе находимся в лаборатории будущего Лауреата Нобелевской премии, будущего академика АН СССР, одного из «отцов» квантовой электроники.

Легенда о том, как Прохоров стал академиком и лауреатом, такова. Он решил бросить занятие сверхвысокими частотами -- СВЧ и переключиться на лазеры. (А именно СВЧ мы у него и познавали!) Часть научного коллектива (того самого, в котором мы стажировались!) противостояла этому. Заведующему лабораторией пришлось вывести из строя или разломать приборы, обеспечивавшие работу по старой тематике. В результате – скандал, и половина сотрудников уволилась. Оставшиеся занялись новым делом. Итог – Нобелевская премия за лазеры.

Мы с Александром Потаповичем возвратились в Минск, сознавая, что наступать широким фронтом – бессмысленно и убедили нашего научного руководителя сконцентрировать силы на одном направлении – электронном парамагнитном резонансе. С этим все согласились, хотя и в шутку и в серьёз я не раз потом слышал.

-- Ты, Шушкевич, и здесь подмял всех под себя.

Я не оправдывался. Однако в статусе аспиранта, «подмять под себя» означало вынудить работать на мою диссертацию. Этого не было и в помине. Мы все работали много, как говорится, на износ, потому что это было захватывающе интересно. Брались решать сложные задачи, жаждали доказать, что способны их решать. В лаборатории была только здоровая состязательность.

1976 год. Как заведующий кафедрой ядерной физики горжусь, что мой бывший руководитель аспирантуры академик М.А.Ельяшевич читает лекции студентам «моей» кафедры.

Три года аспирантуры пролетели как одно мгновение. Диссертацию в аспирантуре я так и не подготовил. Не до неё было. В день, когда я стал аспирантом, оборудование двух небольших комнат нашей лаборатории составляли четыре подержанных стола

плюс пять-шесть не новых табуреток и стульев. Сотрудников и аспирантов было также четверо.

Через три года – в отобранном у хозяйственников складе, в который они в своё время превратили четвертую часть вестибюля главного корпуса Академии наук, стоят два пятитонных электромагнита, изготовленные для нас ленинградской

«Электросилой», собственной конструкции и собственного изготовления электроламповые стабилизаторы тока этих гигантов. Супергетеродинный спектрометр ЭПР, множество электронных устройств и приборов, обеспечивающих проведение физических исследований. Неплохо оснащённая лаборатория, хороший коллектив сотрудников!

1972 год. Лауреат Нобелевской премии, академик Александр Михайлович Прохоров в лаборатории кафедры ядерной физики. Крайний справа ректор профессор А. Н. Севченко, за ним президент АН БССР академик Н. А. Борисевич, доцент В. Л. Гурачевский, А. М. Прохоров и я.

Другая сторона медали – аспирантская стипендия 620 рублей в месяц, но для учащегося, для получающего образование это оправдано. А предстоящая после окончания аспирантуры зарплата младшего научного – 820 рублей... Слабовато. Мои существенно более хилые по успеваемости одноклассники уже получают по 1200, 1300 и даже по 1400. И прогрессивка у многих есть и премиальные. Прилично работающие на путных заводах мои сверстники через пяток лет и квартиры получают, а в Академии наук с этим вообще без учёной степени беспросветно...

И хотя распределился я после аспирантуры на должность младшего научного сотрудника с окладом 820 рублей в свой же Институт, который отделился от математиков и стал Институтом физики, но меня снова одолела лютая тоска. Младший научный – не аспирант. В рабочее время нужно быть на рабочем месте. Мой реальный доход сократился. Невозможно подрабатывать ни в вузе, ни даже в школе.

В это тоскливое время приходит ко мне Яков Аронович Слепян, у которого я проходил студенческую практику в возглавляемой им Центральной заводской лаборатории радиозавода. Рассказывает о том, что на радиозаводе образовано Специальное конструкторское

технологическое бюро (СКТБ) для разработки измерительных приборов и приборов для научных исследований. От имени начальника СКТБ приглашает на работу. Предлагаемый оклад в два раза больше моего, плюс прогрессивка 40%. Уверяет, что с моим характером я без прогрессивки не останусь.

-- Что предполагается разрабатывать в первую очередь?

-- То, что нужно во всех физических лабораториях и что не лучшим образом собирают в них радиолюбители -- низкошумящий селективный усилитель низких частот. Вы и сами не раз этим занимались. Плановый срок разработки год, если с вашим заданием сдать досрочно, можно получить увесистую премию министерства.

Таким образом, мне предлагалось заняться тем, что мне нравится, но за почти в три раза большую зарплату. Я согласился, и после трёх месяцев пребывания на должности младшего научного сотрудника с окладом 820 рублей стал старшим инженером с окладом 1600 рублей плюс 640 рублей прогрессивки, если план выполняется.

СКТБ радиозавода

История Минского радиозавода, который носил тогда имя «50-летия Октябрьской революции», а потом стал главным элементом объединения «Горизонт», связана и с моей родной Слепянской улицей. В строения лесопилки между ул. Советской, Бондаревской и Слепянской в 1939 году перевезли оборудование радиозавода из захваченного Красной армией Вильнюса. Вход в административный корпус со столовой на первом этаже был как раз с улицы Слепянской.

Трудно однозначно ответить, на каких условиях и под каким предлогом из того же Вильнюса в Минск переехали для работы на открывающемся предприятии специалисты по радиотехнике, из Вильнюса, преимущественно евреи. Так образовался минский радиозавод имени Молотова, выпускавший хорошего по советским меркам качества радиоприёмники и радиолы.

После войны завод довольно быстро восстановили, так как его не коснулся пожар. Возвратились и некоторые работники. Завод совершенствовался и начал производить приборы для применения в армии. По негласным советским порядкам на предприятиях, производящих что-то для оборонных целей, не допускалась высокая концентрация евреев. Поэтому почти всех их перевели в филиал завода на улице Красной, который быстро превратился в радиозавод с вполне приличной репутацией. выпускающий снова же по советским меркам вполне приличные приёмники и телевизоры. Старый радиозавод (бывший имени Молотова, о имени которого уже не надлежало вспоминать) стал головным предприятием объединения имени Ленина. Оно специализировалось на выпуске радиоизмерительной аппаратуры и радиоэлектронных устройств, в том числе и для военных целей.

В Специальном конструкторском технологическом бюро (СКТБ) будущего «Горизонта» сконцентрировалась радиотехническая элита предприятия. Начальник СКТБ – Вениамин Натанович Пумпянский получил высшее образование в Бордо. Естественно, он владел французским. Думаю, что неплохо знал английский, так как несколько раз посоветовал мне посмотреть относящиеся к моей работе статьи в американских журналах.

Полной неожиданностью для меня стало то, что научиться новому я смог в СКТБ преимущественно у ветеранов-самоучек, не имеющих высшего и даже среднего специального образования. Многие из них с нескрываемым пренебрежением относились к инженерам -- выпускникам радиотехнических вузов РСФСР и УССР, а также к выпускникам моего родного физфака БГУ, так как лучше их знали, что и как надо делать. Поначалу они и ко мне отнеслись таким же образом, а их неофициальный лидер Изя Каплан мимоходом заметил, что он уже сделал действующий макет прибора, на разработку которого взяли на работу и меня.

Изя был человек авторитетный и серьёзный. На десять лет меня старше, участник войны, имеющий награды, автор множества внедрённых в производство рационализаторских предложений. Слов на ветер он не бросал, поэтому я попросил у него схему макета и, буквально за пару часов, проверил характеристики изиного творения. Они оказались вполне приличными, и что греха таить, лучше тех, которых мы добивались в академической лаборатории. Изя, правда, располагал лучшими, чем мы, комплектующими деталями, но это не обесценивало его достижений, да и схемотехническое решение было у него иное.

Я целую ночь просидел над нехитрой схемой макета. Как бы построил её теоретическую модель. Получалось, что параметры устройства можно значительно улучшить. Утром у нас с Капланом состоялся примерно такой разговор.

-- Изя, позволь мне кое-что перепаять в твоём макете, и ты увидишь, что характеристики его улучшатся.

-- Все умники с высшим образованием, которые сидят с тобой в комнате, уже пытались это сделать. Не получилось.

-- Но у меня кроме высшего ещё и аспирантское.

-- Рассмешил. Ладно, попробуй.

Вечерняя речь моего утреннего спорщика уже не содержала язвительной иронии и носила чисто доброжелательный характер.

-- Ты, Станислав, первый знакомый мне человек, который с помощью авторучки и крючков смог улучшить схемное решение.

Признание Капланом обозначало признание ветеранами завода, а значит и остальными сотрудниками. А что касается руководства СКТБ и прочего начальства, то оно ко мне сразу отнеслось положительно. Однако моя работа на радиозаводе сделала меня известным не только в СССР, но и за границей, по причине, не

имеющей никакого отношения к радиотехнике, электронике и вообще к моим прямым служебным обязанностям.

**1960 год. На
первомайской
демонстрации во время
работы на радиозаводе**

Мой с Сашей ученик – Ли Харви Освальд

Чего только не написали обо мне любители сенсаций! Наиболее распространённая легенда, которую и сейчас временами кое-кто вспоминает. *Шушкевич – сексот. По заданию КГБ он покинул работу в Академии наук, где уже настучал на всех, на кого надо. Его специально устроили на радиозавод, чтобы сделать из бежавшего в СССР американского дезертира агента КГБ, который готов к выполнению любого задания советских спецслужб.*

В действительности события развивались так. Приходит к моему рабочему месту секретарь парткома экспериментального цеха Либезин. Заверяет, что не имеет ко мне претензий за то, что я отказался давать заключения на два рационализаторских предложения рабочих экспериментального цеха, хотя ранее бранил меня за это. А отказался я что-то писать потому, что рационализаторы вообще не понимали принципа работы схем, которые предлагали упростить. Поэтому я и сказал, что могу написать «предложена глупость». А это – унижение гегемона – рабочего класса, поэтому обратитесь за рецензией к кому-то другому.

-- У меня к вам совсем иное дело, -- продолжил Либезин, -- рассматривайте его как партийное поручение беспартийному, как вашу общественную работу. К вам все ходят разбираться со статьями на английском языке, потому что вы лучше других знаете английский. Раз так, то подучите, пожалуйста, русскому языку американца, который работает у нас в цеху. Он сам язык слегка знает, но нужно, чтобы знал лучше.

Внутренне я сразу же согласился с предложением. Для приличия высказал некоторые опасения, мол, с натуральным американцем никогда не встречался, да и с английским языком у меня туговато. Секретарь парткома успокоил.

-- Всё когда-то бывает впервые, а с языком вам поможет Александр Рубенчик. Вы его ещё по университету знаете, хороший работник, он тоже для других с английского переводит. Втроём, так сказать, всегда будете.

Что я могу сказать о «нашем ученике» Ли Харви Освальде доказательно? Ничего! Единственное могу утверждать, что он не мой и не Сашин, а наш с Сашей Рубенчиком ученик. Мы должны были работать с ним только вместе.

Нам с Александром Рубенчиком было категорически запрещено спрашивать кто он, откуда, где рос, учился, как попал в Минск. Сам Освальд не очень распространялся и о себе, о том, где и кем был. Темы занятий также не побуждали откровенничать: погода, город, страна, цех, завод, спорт, магазин, базар, театр, кино и т. п. Но десяток уроков общения и не совсем безмолвного создаёт о человеке какое-то впечатление. Более того, я чуть-чуть знал его и по цеху, где он числился слесарем. Больше всего боялся, чтобы его куратор – настоящий слесарь-профессионал, как и большинство рабочих в экспериментальном цеху -- не поручил ему делать детали по моему заказу. Испортит.

Так вот всё это не позволяет мне поверить заключению, комиссии во главе с председателем Верховного суда США Эрлом Уорреном. Она в течение десяти месяцев расследовала преступление и пришла к выводу что одиночка Ли Харви Освальд задумал и выстрелом из винтовки смертельно ранил 22 ноября 1963 года президента Соединённых Штатов Америки Джона Кеннеди, когда тот вместе со своей женой Жаклин ехал в кортеже по Элм-Стрит в Далласе. Я не одинок, более 70% американцев не верит в официальную версию убийства. Побывав в 2008 году в Далласе на месте преступления, я, как и большинство американцев, отвергаю официальную версию.

Возврат в альма-матер

О более увлекательной работе, чем в СКТБ радиозавода, казалось бы, нельзя и мечтать. Да и коллектив был прекрасный. Организация работ разумная: мы в лаборатории макетируем, нашему действующему макету конструкторы придают приличный вид на бумаге, экспериментальный цех делает образец... Но физики не зря придумали *«теоретическую мэрфологию»*, к которой и далее нам придётся обращаться. Закон Мэрфи *«Если какая-нибудь неприятность может произойти, она случается»* имеет ряд следствий. Одно из них: *«Если дела идут хорошо, что-то должно случиться в самом ближайшем будущем»*.

Дела шли хорошо. Мы сдали Госкомиссии низкочастотный селективный усилитель и синхронный детектор – приборы, которые были нужны буквально всем, кто занимается оптической спектроскопией и радиоспектроскопией. Приступили к выпуску небольшой партии таких приборов на нашем радиозаводе и передаче их производства на завод в Муроме. Я был уверен, что руководство нашего завода подаст заявку на разработку новой аппаратуры для

научных исследований. Союзное министерство подталкивало на такой шаг. Но умудрённое жизненным опытом руководство завода не хотело рисковать и вести новые разработки. Спокойнее было сопровождать производство давней продукции и улучшать её характеристики.

Меня мучил вопрос.

- Почему завод с таким рвением добивался получения новых серьёзных разработок ранее, и почему сейчас делает всё, чтобы таких заказов нам не дали?

Умудрённый опытом Изя Каплан искренне удивился, что я ещё не понял «мудрости» высшего руководства завода.

- Два года назад они поднарядились сделать новые разработки, чтобы открыть новое структурное подразделение – СКТБ, получить штаты, фонды, деньги на кастроительство. А сейчас: чем проще и чем меньше, тем лучше. Ты, Станислав, оказывается, совсем без понятия; думал, что мы будем здесь всё время разрабатывать новые приборы. Всё новое начальству до лампочки, им лишь бы не рисковать.

После этих слов Изи Каплана захотелось снова впасть в тоску, но я не успел это сделать.

А. Н. Писаревский

Мне позвонил Александр Николаевич Писаревский, сказал, что приехал в Минск из Ленинграда, работает в университете и хотел бы со мной встретиться. После работы я заехал к нему в университет. Узнал, что он приглашён создать на физическом факультете кафедру ядерной физики. Услышал от него несколько хвалебных слов в свой адрес. Понял, что кто-то из моих братьев по работе ему обо мне рассказал, и вдруг.

-- А вообще-то, вы занимаетесь чепухой. Ваша электроника – вчерашний день. Нужно в любых делах брать на вооружение цифровую.

Мне такой поворот разговора, да и сам Писаревский не понравились, и я попытался его слегка уесть.

-- Уважаемый Александр Николаевич. Я тоже читаю научно-популярные журналы и знаю, что у цифровой электроники прекрасное будущее. Более того, пять лет назад в моей курсовой работе были электронные цифровые элементы. Знаю ребят, которые создают в Институте физики ЭВМ «Луч», понимаю, какие проблемы они решают.

-- А разве его ещё не выбросили на свалку этот «Луч»? Я о другой цифровой, о той, которая сегодня называется ядерной электроникой, о самой высокоскоростной и интенсивно развивающейся. За нею будущее. Короче: я предлагаю вам заняться настоящим делом и постараюсь, чтобы вы зарабатывали примерно столько, сколько в СКТБ.

Кафедра ядерной физики и мирного использования атомной энергии

С чего начинается кафедра?

Граждане, ставшие во времена СССР взрослыми, не могли не усвоить, что театр начинается с вешалки. Об этом методически напоминали по радио и телевидению все участники передач, относящие себя к людям творческих профессий, хотя далеко не каждый из них знал где, когда, в каком контексте о театральной вешалке высказался Константин Сергеевич Станиславский. А уж о том, что он вообще не Станиславский, а Алексеев, и что главное, сделанное им для русской сцены – не забота о вешалке, а утверждение принципов режиссерского театра, вряд ли кто из наивных телезрителей и догадывался.

В отличие от театра, кафедра начинается с названия.

Полное название кафедры, сотрудником которой я стал, вынесено в заголовок этого параграфа. Нетрудно уловить, что это была университетская структура широкого профиля. Подобного подхода терпеть не могут специалисты узкого профиля, деятельность которых направлена на глубокое познание какой-то конкретной науки. Они знают буквально всё в очень узкой области конкретной науки. Впадающих в крайность прекрасно охарактеризовал Бертольд Брехт: *«знают всё ни о чём»*. Он же дал характеристику и альтернативному увлечению: *«знают ничего обо всём»*.

При названии кафедры, которое придумал А. Н. Писаревский, можно было оправдать многие виды работ и исследований, особенно, если учесть, что все виды энергии на нашей планете произошли от ядерной энергии, т. е. от Солнца, разогреваемого термоядерной реакцией, или же радиоактивного излучения Космоса и внутреннего разогрева самой планеты Земля.

Первое, сформулированное заведующим кафедрой Писаревским задание, я бы мог выполнить сегодня в течение нескольких часов с помощью скромного персонального компьютера и ординарного стандартного аналого-кодowego преобразователя. Но тогда... Я долго искал доступное сравнение пояснить возможности электронных приборов начала 1960-х и начала 2010-х годов. Не придумал ничего лучше следующего.

Мы располагали технологиями времён Колумба. Писаревский же требовал построить быстроходное судно, хотел, чтобы мы научились пересекать океан не за несколько месяцев, а за несколько дней. Наше первое аппаратное творение было копией того, что разработали в 1961 году в Ленинградском электротехническом институте имени Ульянова-Ленина (ЛЭТИ) под руководством Валериана Орестовича Вяземского. Амплитудный многоканальный анализатор (АМА) содержал 160 электронных ламп, память на потенциалоскопе, монитор на электронно-лучевой трубке и ленточный самописец. Весил

АМА более 150 килограммов. Было удовлетворено и наше себялюбие: в процессе воспроизводства разработки ЛЭТИ мы внесли довольно много усовершенствований, и сам Валериан Орестович Вяземский это признал.

Затем последовало множество приборов, разработанных непосредственно на кафедре. В основе большинства из них лежал простой принцип. На исследуемый объект направлялось ионизирующее излучение с вполне определёнными временными и энергетическими характеристиками. Отклик на такое воздействие фиксировали детекторы, сигналы которых автоматически обрабатывали наши электронные устройства.

1975 год. Преподаватели физики и радиоэлектроники вузов СССР в лаборатории кафедры ядерной физики.

У нас было осязаемое преимущество перед остальными. В то время мы создали совместно с учёными и инженерами московского Института прикладной физики (ИПФ) самые чувствительные в мире приёмники световых излучений — считали отдельные кванты! Когда в американском

журнале *Review of Scientific Instruments* появилась первая в зарубежной научной печати статья по счёту отдельных фотонов, то под её заглавием была ремарка: *«Когда настоящая статья была направлена в печать, авторы обнаружили в журнале «Приборы и техника эксперимента» публикацию, в которой реализован такой же метод»*. В такой форме появилось зарубежное признание нашего первенства.

Кафедра заняла престижное место в отчётах университета по, как тогда именовалось, внедрению научных достижений, она росла численно, так как имела большое количество заказчиков договорных работ. Богатых, по советским меркам, заказчиков, которые в целом ряде случаев ради срочного решения возникших у них проблем не просто платили деньги за выполнение исследований и разработку приборов, но и передавали фонды, в том числе и фонд заработной платы. Научный и педагогический потенциал кафедры позволил привлекать её сотрудников к работе на Факультете повышения квалификации преподавателей вузов СССР (ФПК) при БГУ. На ФПК обучались такие же преподаватели физики университетов, как и мы. Не было случая, чтобы кто-то из них сказал, что у нас нечему было научиться.

Кандидатская и её харьковский и сибирский триумф

В начале 1963 года заведующий кафедрой позвал меня к себе и, как обычно, начал в манере, только ему свойственной.

-- Ваш отчёт по работе для ВЧ (назвал № военной части) тянет на докторскую, а вы и кандидатскую не сделали. Пора этот вопрос закрыть. Так как дело секретное, писать придётся в первом отделе. Думаю, что с вашей прытью двух недель вам хватит.

-- Александр Николаевич, вы же знаете, что я ценю ваш юмор, а иногда и подражаю вам. Месяца два мне надо...

-- Сойдёмся на месяце, и точка!

Так и сошлись. За месяц я написал, а ещё через два месяца защитил кандидатскую диссертацию. После этого Писаревский практически ежедневно напоминал, что у меня хватает материала на докторскую и что я обязан её писать. Я не спорил и даже делал кое-какие наброски.

Тема моей кандидатской диссертации давно перестала быть секретной, поэтому нечего её скрывать. Она звучала так же, как и заказанная нам по договору работа *«Физические принципы обнаружения разведывательных приёмников»*. Да и сам метод обнаружения приёмника, хотя и в выключенном состоянии, но не дюже хитрый. Как в случае большинства приборов ядерной электроники, которые мы разрабатывали, посылался зондирующий сигнал, регистрировался и анализировался отклик на него. В данном конкретном случае зондирующим был радиочастотный сигнал в том диапазоне, для которого приёмник предназначен.

Почти все наши разработки были итогом коллективных усилий, если хотите, коллективного мозгового штурма, напоминающего телевизионную игру «Что, где, когда?». Только вопросы придумывали не умники, а ставили заказчики. Судьба работы с обнаружением приёмников -- иная, это тот случай, где именно меня осенило перед сном, и я утром бежал на работу, чтобы как можно быстрее проверить собственную идею на практике. Оказалось, я напрасно боялся, что кто-то другой успеет сделать что-то подобное раньше меня. То, что лежит на поверхности, замечают, оказывается, не сразу. Судьба моей находки 1962 года тому подтверждение. Американцы сообщили в журнале *Electronics* о сущности нового (для них!) принципа обнаружения радиоэлектронных устройств лишь в 1974 году.

Году в 1980 я приехал в Харьков в очень уважаемый институт к очень уважаемому академику. Не называю институт и имя учёного по той простой причине, что мои воспоминания о нём могут быть вырваны из текста и неуважительно по отношению к нему истолкованы. А он для меня был и остаётся непререкаемым авторитетом. Его ответ на мою просьбу поначалу меня смутил.

-- Вы зачем ко мне приехали, за отзывом?

-- Если вы сочтёте возможным его дать.

-- Да вы же отпетый мерзавец...

Здесь академик сделал паузу и смотрит на меня, но с усмешкой и явно дружелюбно. Значит шутит! А вдруг нет? Молчу. А он продолжил.

-- Да, да! Отпетый. Мы здесь заявили, что это невозможно, а вы сделали. Это первый случай в моей жизни, когда я признаю своё научно-техническое поражение. Всё-таки и от секретности бывает прок. Хорошо, что это не попало на страницы научных журналов. Отзыв я вам, конечно же, дам и сделаю это с удовольствием.

И здесь я понял, что академик знает мою давнюю работу и предложенный мною метод.

Но это не последняя деловая реакция на мою находку 1962 года. В 1997 году звонит мне ректор Томского университета систем управления и регулирования (ТУСУР) профессор Иван Николаевич Пустынский. Мы давно с ним сотрудничаем, сделали немало совместных работ, давно на «ты».

-- Станислав, я послал тебе приглашение на праздник 50-летия радиотехнического образования в Сибири. Билеты на самолёт к нам и обратно тебе тоже отправили. Ты наш желанный гость хотя бы потому, что мы до сих пор используем твой учебник, плюс здесь несколько здравствующих твоих кандидатов наук. Но не это главное. Обязательно приезжай. Будешь приятно удивлён. Я договорился о твоём визите на завод, который по сей день клепает твою разработку.

Я и понятия не имел, что кто-то может в 1997-м «клепать мою разработку», так как с 1991-го перестал профессионально заниматься и физикой и радиоэлектроникой. Но оказалось, что действительно клепают, т. е. производят на заводе и не разработку конца 80-х, а начала 60-х. На томском заводе я увидел симпатичный прибор -- конструкторское воплощение моего макета, детально описанного в отчёте 1962 года, предшествовавшем моей кандидатской диссертации. Узнал, что прибор давно используется в армии.

1997 год. Томск, у ректора ТУСУР
профессора И. Н. Пустынского

Лучшего момента, чтобы «тряхнуть стариной» и показать, что есть ещё порох в пороховницах, и я ещё не совсем потерял ориентацию в радиоэлектронике, придумать было нельзя. И я разразился речью, перешедшей в лекцию для профессионалов, с которыми мы на редкость

хорошо понимали друг друга.

-- Дорогие мои! Старая советская секретность не всегда и не во всём шла на пользу делу. Года через три после сдачи имеющегося у вас моего отчёта я, работая над докторской диссертацией, предложил иной способ обнаружения. Он более, чем на порядок, раз в 30-40,

чувствительнее метода нелинейного переизлучения, на котором базируется выпускаемый вами прибор. Если у вас есть желание и терпение, я за 10-15 минут расскажу вам его суть...

Были и желание, и терпение, и в сути метода разобрались мы достаточно быстро. Поругали существовавшие ранее порядки. Выразили опасение, что вряд ли что-нибудь изменилось в подобного рода делах в лучшую сторону в России и в теперь уже независимой Беларуси.

Лишь только я завершил выступление, меня попросили зайти в дирекцию к городскому телефону. Звонил ректор профессор Пустынский.

-- У проходной завода тебя ждёт автомобиль академика Месяца – шефа Института физики атмосферы. Он хочет показать тебе институт. Езжай к нему, скажу тебе честно, что мало кто был удостоен такого его приглашения. В институт этот вообще попасть весьма трудно.

-- Спасибо, я очень рад. Кое-что знаю о Геннадии Андреевиче, но боюсь, что очень мало. Не попасть бы впросак.

-- Не бойся, он мужик настоящий, сам увидишь. В 70-е годы он был профессором нашего института, тогда ТИАСУРа – Томского института автоматизированных систем управления и радиоэлектроники.

Ахиллесова пята сибирского академика

Не нахожу синонима слову легендарный.

Считаю, что я был удостоен великой чести – у входа в Институт физики атмосферы (ИФО) меня встретил **легендарный** академик Геннадий Андреевич Месяц. Это имя было известно всем в СССР, кто прямо или косвенно соприкасался с наносекундной импульсной техникой, хотя большинство работ академика были секретными. Сразу же при встрече я попытался сказать несколько добрых слов, показать, что знаком с достижениями академика, но, фактически, споткнулся.

-- Геннадий Андреевич, спасибо. Это для меня большая честь быть приглашённым в ИФО его создателем и директором.

-- Я уже не директор, а почётный директор. По нечётным, да и по чётным дням его возглавляет один из моих учеников.

Следующим, неправильно воспринятым мною фактором, был возраст академика. Я почему-то подумал, что он старше меня: худой, высокий, стройный, абсолютно седой и столь известный. Оказалось – моложе меня на год и два месяца.

А какая непростая биография. Сын репрессированного. Мать после ареста отца выселена из дома и вынуждена была ютиться с малыми детьми и свекровью у родственников. Школу Геннадий Месяц окончил с медалью, поступил на радиотехнический факультет Томского политехнического института, однако учиться на нём не смог

– факультет был режимным. С отличием окончил там же энергетический факультет. В тридцать лет получил учёную степень доктора наук... А далее – активнейший инициатор и участник создания могучайших научно-исследовательских центров в Сибири и на Урале. Профессор престижных вузов Москвы, Урала, Сибири. Среди его учеников – около 40 докторов наук, известнейшие академики и члены-корреспонденты Российской Академии Наук.

И вот этот легендарный академик приглашает меня пройти к нему в кабинет, а из кабинета в комнату отдыха при кабинете. Там стоял маленький типа журнального столик, покрытый белой скатертью, возле него – два удобных кресла.

-- Вы, я знаю, без обеда, давайте перекусим.

Я поблагодарил за приглашение, сказал, что можно и без этого обойтись, что меня одолевает любопытство взглянуть на Институт. Геннадий Андреевич тем временем сервировал столик, поставил на него из морозильника мгновенно запотевшую бутылку лучшей водки того времени -- «Столичной», столовые приборы, ёмкую чашку с красной икрой, хлебницу со свежайшим нарезанным батоном, маслёнку со сливочным маслом и салатницу с чем-то овощным.

-- Моя Нина Александровна (жена) заботится, чтобы у меня в холодильнике что-то было. Сами понимаете, не вино же пить в тридцатиградусный мороз, а сейчас около этого.

По-хозяйски налил в фужеры водку, одинаково обоим.

Известные мне академики такими дозами не пили, и я ожидал стандартного: пригубит и очень деликатно пожурит меня за то, что я тоже не больше, чем пригубил. Тем более, Томск – город, где 17 лет правил секретарь обкома Егор Кузьмич Лигачёв – инициатор начавшейся 7 мая 1985 года безалкогольной кампании в СССР.

Но Геннадий Андреевич спокойно выпил всё налитое в фужер, по моей оценке граммов так 120-130. Сказать, что я – непьющий, было поздно. Я тоже выпил до дна, и мы основательно закусили. После следующего наливания пустая бутылка была поставлена на пол. Процедура повторилась. Гостеприимный хозяин достал из морозилки холодильника вторую бутылку.

-- Уважаемый Геннадий Андреевич, не лишнее ли это для меня -- непрофессионала в таком деле?

-- По третьей – добрая российская традиция, здесь в Сибири – обязательный минимум.

Не подумайте, прочитав название этого раздела, что выпивка – ахиллесова пята академика. Было абсолютно ясно, что, как говорят, у него «ни в одном глазу». Я же, как не старался держаться трезвым, но ощущал, что полыхаю неюношеским румянцем. Поинтересовался, когда же можно будет посмотреть Институт?

-- А зачем? Вы же не дилетант. Увидите лидеры и коробки с электроникой. Лучше потратить то малое время, которое мы имеем, и продолжить начатый разговор здесь. Никто не войдёт и не помешает.

Я встречался с несколькими учёными соизмеримого ранга, но так просто «по-сибирски» -- ни с кем. Узнал в разговоре ряд интересных подробностей о российской постсоветской науке, об отъезде многих учёных работать за рубежом. Сын академика Вадим, хотя и физик, но больше известен как поэт и писатель, также переехал в США, внучка – в Новую Зеландию.

Была, однако, маленькая зацепка, которая частично могла объяснить интерес академика Геннадия Месяца ко мне, хотя по большому счёту и несоизмеримому по научным достижениям с ним, и к тому времени уже бывшему, но учёному-физику.

В 1989 году он жил и работал в Свердловске. КПСС теряла тогда свой престиж и власть. Для поддержки своей репутации партия выставляла авторитетных профессионалов в депутаты. По инициативе партийных органов академик Геннадий Андреевич Месяц был выдвинут кандидатом в Народные депутаты СССР. Казалось бы, ни у кого нет шансов победить этого известнейшего учёного и организатора науки, удостоенного несметного количества наград и премий. Но о должной предвыборной кампании академика никто не позаботился. Настоящий учёный не позволил себе стать популистом и проиграл выборы. Народным депутатом СССР от Свердловского национально-территориального округа избрали оппозиционного судьёю Леонида Сергеевича Кудрина.

Впоследствии, в конце прошлого и в новом тысячелетии, мне было приятно видеть и слышать, что мой великий собеседник в томском Институте Оптики Атмосферы стал Председателем Высшей Аттестационной комиссии России, директором Физического института имени П.Н. Лебедева РАН. Академик Месяц возглавил тот самый престижный физический институт, где я проходил стажировку у человека, которого Геннадий Андреевич считает одним из своих учителей, у Нобелевского лауреата академика А.М. Прохорова.

Дальнейшее моё пребывание в сибирском Томске шло по обычной для меня, отработанной к тому времени схеме. В переполненном актовом зале Томского университета систем управления и радиоэлектроники состоялась встреча с сотрудниками и студентами. Тема встречи, ставшая для меня привычной, – Беловежские соглашения и СНГ. Среди собравшихся в зале преподавателей и студентов почему-то не нашлось горячих сторонников возрождения СССР. Лейтмотивом выступлений было: как хорошо, что разошлись мирно и дай Бог Ельцину силы и разум справиться с руководством остающейся по-прежнему великой Россией.

* * *

Вспоминая дела кафедры ядерной физики от 60-х и до начала 80-х годов, должен заметить, что, фактически, мы переживали предсмертный всплеск радиоэлектронной схемотехники. Развиваясь, от ламп перешли к транзисторам, потом – на интегральные схемы.

Авторами новых кафедральных разработок стали молодые сотрудники, которые ещё вчера начинали с воспроизведения чужих разработок. Но кафедра вовремя учуяла, что с этим нужно кончать, что будущее за микропроцессорными решениями, воспроизведение мало чему учит, а временами и вредит делу. И мы своевременно перестроились. Не безболезненно, нет. В муках, но перестроились. Более правильно сказать, матёрых схемотехников, засидевшихся на совершенствовании «электронных велосипедов», начали легко обгонять молодые сотрудники, усвоившие, казалось бы только чисто теоретически, университетские курсы по микропроцессорам.

Новое поколение инженеров по радиоэлектронике смотрело на профессионалов схемотехников как на специалистов редко кому нужных, как строители автомобилей на мастеров каретных дел. Достигшее совершенства ремесло не открывало перспектив для творчества. Тем, кто считался специалистом по радиоэлектронике старой закалки, приходилось слышать обидный, но, к сожалению, справедливый упрёк: в электронике нет сложных вопросов, есть плохие контакты.

IV. МРТИ–ХОРОШО, БГУ–ЛУЧШЕ

Новое назначение

В самом начале 1966 года ректор БГУ академик А. Н. Севченко сказал мне.

-- Тебя завтра позовут в горком партии и чтобы ты там «не вздумал брыкаться». Я этот ход придумал и провёл большую подготовительную работу. Тебе предложат очень ответственную должность, и ты мгновенно получишь квартиру.

-- Какую должность?

-- Проректора по науке Минского радиотехнического института (МРТИ).

Честно говоря, я пошёл бы ради квартиры и на менее престижную должность, так как жить со всеми удобствами во дворе, бегать по утрам к водоразборной колонке и жарко топить печку, чтобы не простудить полуторалетнюю дочку, мне осточертело. Но для приличия я хотя и чуть-чуть, но поершился.

-- Антон Никифорович, а как же с докторской? По мнению моего заведующего кафедрой я близок к её завершению.

-- Ну и завершай на новом месте. Кто тебе мешает? Проректору выходить на защиту проще, чем старшему научному или доценту. Да и я тебя не собираюсь забывать, помогу.

На следующий день в горкоме КПСС было сказано, что мне оказывается большое доверие и меня направляют проректором по науке в престижнейший вуз – МРТИ. Разговор вёл секретарь горкома Василий Иванович Шарапов. Он произвёл на меня весьма благоприятное впечатление. Дал, понять, что в МРТИ очень опытный ректор, что он добился приглашения в институт многих специалистов со всего СССР, но пора серьёзно заняться укреплением института местными кадрами. Потом вызвал секретаря, попросил соединить его с ректором -- Иваном Сидоровичем Ковалёвым, не спешил поднимать телефонную трубку, когда секретарь сообщила, что ректор на связи. Выдержав паузу, душевно приветствовал по телефону ректора.

-- Итак, как мы договаривались, сейчас к вам подъедет Шушкевич.

Через два дня я приступил к новой работе.

Бюджетное финансирование МРТИ по статье научные исследования было весьма скромным, хотя в пересчёте на 1000 студентов более весомым, чем в других вузах. Горком и ректор были единого мнения: нужно как можно интенсивнее развивать прикладные исследования по договорам с предприятиями радиотехнического профиля БССР. Я тоже был сторонником такого подхода с одним маленьким уточнением: развивать работы по хозяйственным договорам с организациями, разрабатывающими и производящими

новое и *располагающими большими деньгами*. А они были в основном за пределами Беларуси.

На день моего прихода фонд заработной платы всего МРТИ по хоздоговорной тематике составлял третью часть фонда зарплаты одной только кафедры ядерной физики БГУ. Расширение связей с предприятиями республики, увы, не сулило серьёзных финансовых вливаний, поэтому я отправился в вояж к тем, у кого много денег: в Москву, Подмоскowie, Ленинград. Подталкивал на такого рода контакты сотрудников МРТИ, но очень скоро они меня стали подталкивать, так как дополнительный заработок – лучший стимул повышения деловой активности. Ректор относился ко мне подчёркнуто хорошо, но старался нагрузить меня всякой трудоёмкой работой, в том числе и далёкой от проректорской. В отдельных случаях я не мог с ним не согласиться, так как это означало бы, что я такую работу не способен делать.

-- Знаете, Станислав Станиславович, вы сделаете доброе дело, если прочтёте для студентов четвёртого курса «Квантовую электронику». У нас пока некому её читать, а она в числе обязательных курсов по программе Минвуза. Вы ведь стажировались у самого Прохорова – отца советской квантовой электроники.

Потом примерно таким же образом мне был навязан курс «физика вакуума», хотя ни у какого отца вакуумной техники я не стажировался, а только работал с вакуумными установками, как и любой физик-экспериментатор. Я оказался в скованном положении в отношении поездок – лекции нельзя было переносить или отменять. Чтение новых для меня курсов требовало немалого времени на подготовку, но ректор, по-видимому, считал, что у меня его избыток.

-- Станислав Станиславович, позвольте дать вам совет. Отчёт института по науке должны писать вы лично. Я говорю это вам, потому что был в вашей шкуре – работал проректором по науке.

Меня, как говорят, заело. И я решил расставить точки над «і» и ответить так, чтобы не получать банальных поучительных советов.

-- Уважаемый Иван Сидорович. Позвольте мне решать, кому что делать в подчинённой мне Научно-исследовательской части (НИЧ). Я подписываю отчёт и за него отвечаю, а, как и кем он пишется, вряд ли имеет принципиальное значение. Кроме того, главная моя задача, о которой вы говорите на всех ректоратах и собраниях, решительное увеличение объёма хоздоговорных работ. Я не так давно здесь работаю, а этот самый объём вырос почти на порядок. Знаю, у вас есть любимчики в НИЧе. Они, действительно, стонут от обилия отчётности. Я им сочувствую, но такую отчётность придумал не я, а министерство, и мы с вами не в состоянии что-то изменить.

От беспартийности к партийной интриге

После такого разговора ректор не давал мне попечительских советов, а отчёт института, как и прежде, вряд ли читал. Однако мне – беспартийному – стали поступать выписки из решений партбюро института с рекомендациями усилить, улучшить, принять к сведению, в такой-то срок информировать партбюро... А на заседания партбюро меня почему-то не приглашали. При какой-то случайной встрече я пожаловался на это секретарю горкома партии В. И. Шарапову.

Назавтра бледный, как незасвеченная киноплёнка, секретарь бюро прибежал ко мне сообщить, что благодаря его и ректора усилиям райком выделил место для приёма меня в партию. Я должен немедленно взять три рекомендации в университете, так как в МРТИ я работаю менее года и здешние рекомендации для приёма меня кандидатом в члены КПСС не годятся. Так в начале 1967 года я вступил в кандидаты, а в 1968 в члены КПСС.

Я хорошо понимал, что ректор видит во мне претендента на его ректорскую должность. Хотя абсолютно честно, положив руку на сердце, я мог сказать, что и не помышляю об этом, ректор бы мне не поверил. Его, буквально, бесило то, что я не выражал никакого восторга по поводу его личной научной деятельности. А этого в принципе не могло быть, так как я понимал, чем он занимается. Он выгодно отличался от корифеев МРТИ тем, что знал азы электродинамики и хорошо читал курс классической электродинамики для студентов. Все без исключения его за это хвалили. А вот его научная работа напоминала решение на практических занятиях задач, специально придуманных, для хорошего усвоения студентами лекционного курса. Но в том, что мы называем сейчас пиаром, он был непревзойдённым мастером жанра. Я никогда не намекнул и не сказал ни ему, ни кому-то из сотрудников МРТИ об этом, но, как человек умный и опытный, ректор не просто догадывался, он знал моё о нём как об учёном мнение.

Материал на докторскую диссертацию, с которым я пришёл в МРТИ начинал гнить, а у меня не было времени заняться докторской. Погубить задел означало отбросить себя в научном плане ещё на несколько лет назад. Толчком моей решительности послужило институтское партийное собрание, на котором избрали новое партбюро и нового секретаря бюро – заведующего кафедрой технической механики доцента Александра Альбертовича Шимковича. На следующий день после собрания я с ним разоткровенничался, выслушал его мнение по моим делам, после чего зашёл к ректору и попросил меня не перебивать.

-- Уважаемый Иван Сидорович. Ваше любимое изречение «два медведя в одной берлоге не уживаются», которое вы при каждом удобном и неудобном случае мне напоминаете, обязывает меня задуматься над своей судьбой. Вы решительно противодействуете

тому, чтобы я написал докторскую диссертацию, так как видите во мне этого второго медведя. Бессмысленно заверять, что я не буду вашим конкурентом и что я буду себя хорошо вести. Поэтому я предлагаю вам сделку. Вы даёте мне творческий отпуск на написание докторской. Все необходимые письма и документы по этому поводу я подготавливаю сегодня до конца дня. А я увольняюсь сразу же после отправки диссертации в совет по защите. Подать вам сегодня заявление о желании уволиться по собственному желанию, датированное днём окончания творческого отпуска, я не могу. Вы очень опытный человек и очень легко обыграете ситуацию таким образом, что я окажусь в крайне неприглядной роли. Поэтому я сегодня при вас готов подать такое заявление человеку, которому доверяете вы и я. Он его сохранит до согласованной даты.

Я не исключал, что Иван Сидорович выразит какие-нибудь сомнения, не согласится на мой вариант. Готов был даже сказать, что тогда мне придётся быть более откровенным во всех тех местах, где я высказываюсь и о нём, и о институте предельно положительно. Но ничего не понадобилось. Он даже похвалил меня.

-- Я временами подумывал, что у вас не хватает решительности. Однако ошибся. А кому же из тех, кому я доверяю, доверяете и вы? Не Тимофею ли Ерофеевичу, проректору по учебной работе?

Это было чистым подстрекательством, потому что я не сомневался, что не любит ректор проректора Солодкова и знает, что у меня с ним прекрасные отношения.

-- Тимофею Ерофеевичу я, конечно же, доверяю, но не напрягать же его хранить тайну почти полгода. Для преподавателя общественных наук это трудная задача. У меня есть иное предложение.

-- Кто?

-- Вновь избранный секретарь партбюро.

-- А он согласен?

И здесь, в полном соответствии с тем, как мы условились с новым шефом партбюро Александром Шимковичем, я приврал.

-- Давайте позовём его и спросим...

Когда мы троём – Иван Сидорович, Александр Альбертович и я в демонстративно прекрасном настроении выходили из кабинета ректора, вряд ли кто-то мог подумать, что мы сплели непростую интригу. В результате я получил творческий отпуск и не малый – шесть месяцев. Написал и успешно защитил 13 мая 1970 года в Москве во Всесоюзном научно-исследовательском институте оптико-физических измерений докторскую диссертацию. После защиты написал новое заявление с просьбой об увольнении, так как уложился в срок более короткий, чем предоставленный мне отпуск. Вернулся в родной Белорусский государственный университет на «свою» кафедру, по которой через год был утверждён в звании профессора.

После моего ухода «медведь» Ковалёв властвовал в своей «берлоге» всего семь месяцев. В газете на полный разворот появилась огромная статья «Ректор», в которой доказательно описывались многие его деяния, трудно совместимые с занимаемой должностью. Его «подсидели» те, в чьей преданности по отношению к себе он был абсолютно уверен. Я же счастлив, что не сделал ничего, способствующего его отставке.

Хождение в радиотехнический мне многое дало. Я понял, к примеру, сколь велик и прекрасен во всех отношениях по сравнению с МРТИ мой родной БГУ. Однако и на Солнце есть пятна, в чём вскоре пришлось убедиться.

Опять в альма-матер

Упрямая вещь эти крылатые фразы. Действительно, нельзя войти в одну и ту же воду дважды, нельзя вернуться в тот же университет, который ты покинул три года назад. Возвращение не породило для меня в БГУ никаких сложностей. Не возникли трудности ни с чтением лекций, ни с подключением к выполнению новых хоздоговорных работ, ни с коллективом кафедры, ни с деканатом, ни с ректоратом.

Однако...

Становилось всё более понятным, что мой заведующий кафедрой, теперь уже доктор наук, профессор, впал в немилость. Этого следовало ожидать, так как начальство обычно не любит ретивых и свободомыслящих. Но немилость немилостью, а дело делом. Учебный процесс на кафедре – на зависть остальным, студентов просится на специализацию гораздо больше, чем выделяется кафедре мест, всё нормально с наукой, хоздоговорами, с публикациями, с защитой диссертаций, наконец, даже с политико-воспитательной работой.

Едва я освоился на старом, но всё-таки новом месте, зовёт меня к себе дед. Так теперь уже все называли ректора Севченко, чему он не противился и даже временами радовался, считая эту кличку местным эквивалентом аксакала. Спрашивает меня, для формы, конечно, про жизнь-бытьё. Упрекает за то, что не сразился я открыто с ректором МРТИ Ковалёвым. И это для формы. Жду, когда к делу перейдёт. Наконец, начинает.

-- Разговор между нами. Плохого, как ты знаешь, я тебе никогда не советовал. И сейчас тоже не посоветую. Так вот, объявим мы скоро конкурс на должность заведующего кафедрой ядерной физики. Подавай документы. Тебя обязательно изберут.

-- Антон Никифорович, вы ведь в курсе дел, что я хорошо знаю правила избрания и переизбрания по конкурсу в вузах. Кафедрой сегодня заведует профессор Писаревский, кафедра приличная по всем показателям, поэтому сначала на Совете должен быть

рассмотрен вопрос о переизбрании. Мне почему-то кажется, что Писаревского переизберут.

-- Пусть тебе это перестанет казаться. Ректорат вправе объявить конкурс на избрание. Тайное голосование по переизбранию бывает в исключительных случаях. Открытый конкурс лучше, демократичнее. Пусть и Писаревский подаёт на конкурс. Совет тайным голосованием решит, засиделся он в заведующих или нет. Раз я тебе говорю, подавай заявление, значит он засиделся, и совет изберёт тебя.

-- Уважаемый Антон Никифорович, простите, я долбёжкой, вышибающей Писаревского, не буду. Я бываю у него дома, он не только профессор, но и мужик нормальный, водку с ним пью по праздникам. На предательство не пойду.

-- Причём здесь предательство? Открытый честный конкурс! Горько пожалеешь, если не подашь. Вспомнишь меня, но будет поздно.

Вскоре был объявлен конкурс, дед ещё раз посоветовал мне подать заявление. Я ещё раз отказался.

Антон Никифорович нашёл человека, который подал на конкурс на должность заведующего кафедрой ядерной физики и мирного использования атомной энергии, и обеспечил его избрание. Человек этот был неплохим физиком, положительно характеризовался, имел весьма влиятельного папу республиканской значимости и возглавлял в Академии наук микроскопическую лабораторию ядерной физики. Думаю, что он и понятия не имел во что ввязывается. По сравнению с его академической лабораторией кафедра была многофункциональным монстром, продолжающим развиваться. Да и служивые на ней были не лыком шиты.

С первых дней работы с новым заведующим преподаватели кафедры поняли, что он понятия не имеет об организации учебного процесса, да и лекции его не могли служить примером ни педагогического, ни смыслового совершенства. По моему мнению, новый зав предполагал, что коллектив кафедры воспримет его – сотрудника академического института - так, как преподаватели других кафедр принимали именитых академиков, давших согласие возглавить кафедры на физфаке университета. На физическом факультете восторженно приветствовали тех, кого можно было называть корифеями науки, -- академиков Михаила Александровича Ельяшевича, Алексея Васильевича Лыкова, Николая Николаевича Сироту, Рема Ивановича Солоухина, Бориса Ивановича Степанова, Фёдора Ивановича Фёдорова. Во всех этих случаях сотрудники кафедр с большим энтузиазмом брали на себя бюрократические, организационные и прочие ненаучные дела, зная, что высокая научная квалификация заведующего поможет им с лихвой покрыть всё вложенное ими в дело становления и развития кафедры.

С кафедрой ядерной физики дела обстояли иначе. Никто по своей инициативе не брался делать то, что обязан был по долгу

службы делать заведующий. А что касается науки, то на кафедре работали тогда преподаватели и сотрудники, у которых он сам мог бы многому поучиться. Правда, родители у них были неименитые. Когда же на четвёртом месяце правления новенького всем стало ясно, что некогда образцовая структура начинает разваливаться, заведующий ушёл от греха подальше -- уволился. Ректор сразу же приказом назначил меня исполняющим обязанности заведующего кафедрой, а через два месяца я был избран на эту должность по конкурсу и переизбирался на неё до 1991 года.

* * *

До сих пор я не могу дать вразумительный ответ на вопрос, почему ректор университета академик Антон Никифорович Севченко изгнал из университета, а тем самым и из Беларуси профессора Александра Николаевича Писаревского? Кстати, вместе с Писаревским уехала и его жена – Галина Ахатовна Шагисултанова – доктор химических наук, профессор, замечательный педагог и учёный. В Ленинграде, куда они возвратились, их приняли с распростёртыми объятиями. Престижность НИИ и вузов, которые предложили им работу, не вызывает сомнения. Должности, на которые их там избрали по конкурсу, – тоже.

С позиций сегодняшнего дня хорошо понимаю, что вопрос нужно было согласовать с партийными боссами и получить разрешение на изгнание специалиста, которого десять лет тому пригласили сюда наладить дело. Дело налажено и налажено весьма прилично. Есть кафедра, которая обеспечивает чтение общего для всех студентов-физиков курса «ядерная физика» и лабораторный практикум по этому курсу. Специализация студентов осуществляется по трём специальностям: ядерная физика, ядерная электроника и ядерные энергетические установки. Продолжается бурный рост кафедры. От неё отделилась и стала самостоятельной кафедра биофизики, выделились лаборатории и отделы, образовавшие НИИПФП – Научно-исследовательский институт прикладных физических проблем. Если искренне желаешь развития университета, науки, образования, то руководствуясь какими соображениями можно выгнать специалиста, затеявшего доброе дело и продолжающего успешно его развивать? Или же это решение более высокого начальства? Зарвался, мол, не прислушивается к мнению руководства?

Убедительного ответа на мои вопросы я не знаю. Многие отвечают – за то, что Писаревский -- еврей. А. Н. Севченко не был явным антисемитом, но болезнь эта не могла его не коснуться, так как он постоянно вращался в самых высоких партийных кругах. Если речь шла о приёме еврея на работу, дед мог спросить «не слишком ли у вас их много?», но я не знаю случая, когда кто-то из руководителей подразделений действительно желавших принять на работу в своё подразделение еврея, получили бы категорическое дедово «нет!». Более вероятным я считаю давление на Севченко со стороны

Академии наук. Злачное место президента в ней с 1969 по 1987 год занимал Николай Александрович Борисевич – учёный-физик, но более всего опытный коммунистический менеджер, сумевший подчинить себе в Академии всё и всех. Наш университетский ректор, стремившийся к такому же принципу правления, не мог стать университетским «мафиози». При всех прегрешениях его не покинули человечность, порядочность, совесть и чувство справедливости. Борисевич же не усложнял свою жизнь такими качествами.

За академические звания в советское время неплохо платили. Н. А. Борисевич сумел взять в свои руки управление избранием в академики и члены-корреспонденты и полностью контролировать этот процесс, причём научные достижения претендующих на избрание стали при нём учитываться в пренебрежительно меньшей мере, чем личная преданность президенту Академии. Естественно, для общественности всё подавалось в абсолютно ином благопристойнейшем свете.

В свою команду Борисевич вовлёк нескольких моих однокурсников. Двое из них мне откровенно признались, что как ни печально, но они вынуждены поступать не по убеждениям. Если на выборах членов-корреспондентов при тайном голосовании кто-то из них будет голосовать за меня, то это станет доподлинно известно президенту Академии наук Борисевичу, и голосовавшему не поздоровится. А что ещё важнее -- положение его сотрудников, будет ужасным. Предписания мафиози (так называли Борисевича в университете), как правило, выполнялись молча. Но молчание и напряжение временами дорого стоят. Двое только что упомянутых моих однокурсников рано ушли из жизни. Не исключая, что нахождение в команде мафиози и вынужденные действия не по совести этот уход ускорили. Не вынес несправедливости и, бесспорно, очень талантливый и очень многого достигший физик, член-корреспондент Валентин Дмитриевич Ткачёв, семь лет возглавлявший Белорусский политехнический институт. Сознывая, что Борисевич не допустит его избрания академиком, он 16 февраля 1985 года застрелился.

Что касается меня лично, то я был избран членом-корреспондентом Академии наук БССР после отставки Борисевича, когда президентом академии стал математик с мировым именем Владимир Петрович Платонов. Тем не менее, когда я стал Председателем Верховного Совета – высшим должностным лицом независимой Беларуси -- академик Николай Александрович Борисевич позвонил и попросил его принять. Если бы кто-нибудь был свидетелем нашей беседы, то он бы счёл, что большего друга, искренне меня поддерживающего, у меня не было и не могло быть. К слову, он прекрасно понимал все сложности переходного периода с наукой и учёными. Многие, сказанное тогда им по этому поводу, повлияло и на

мои последующие действия. Я искренне поблагодарил его за чрезвычайно полезную информацию. А в самом конце встречи.

-- Станислав Станиславович, вам надо баллотироваться на следующих выборах в академики. О вас, как об учёном, очень высокого мнения академики отделения физики и информатики.

-- Уважаемый Николай Александрович. Я очень благодарен вам за добрые слова в мой адрес. Но мой поезд ушёл. Я не могу сейчас посвятить физике ни минуты. Служебные обязанности отнимают у меня всё время, а они с физикой не связаны.

Очень хотелось мне упрекнуть академика в той несправедливости, которую в бытность президентом насаждал Николай Александрович, но это было бы местью, а мстительность – качество отвратительное. И мать, и отец учили меня не опускаться до уровня мстящего.

Помня рекомендации Резерфорда

Говорят, что Эрнест Резерфорд, один из величайших физиков мира, все научные работы которого посвящены вопросам атомного ядра, будучи назначенным руководителем Кавендишской лаборатории Кембриджского университета в Англии, сказал, что никогда не надо пытаться восстанавливать былое величие. Скорее всего, его слова -- дань уважения тем, кто занимал пост руководителя этой лаборатории ранее и прославил её своими научными достижениями. Имена предшественников Резерфорда известны физикам всего мира: Дж. К. Максвелл, Дж. У. Рэлей, Дж. Дж. Томсон. Имеет право на жизнь и другое понимание слов Резерфорда. Если вы берётесь за дело, которое пришло в упадок или ослабло, не нужно воскрешать все его старые составляющие.

Деяния великих физиков – пример для подражания. Однако нельзя обезьянничать. На первом заседании кафедры после моего избрания на Совете университета решили не возрождать былое величие, оно в масштабах нашего университета и так не совсем потеряно. Но чтобы успешно развиваться, нужно выработать критерии, позволяющие самим оценивать свои успехи. В плане учебной работы постановили руководствоваться оправдавшим себя единственным из арсенала старых подходом – чем больше студентов хотят специализироваться на кафедре, тем лучше. Из записавшихся на наши специализации студентов мы можем открыто отобрать лучших на выделенные нам плановые места.

С наукой сложнее. Бюджетное финансирование по науке никчемное. В его рамках можно в лучшем случае пытаться разбираться в чужих журнальных научных публикациях и проводить научные семинары, доказывающие, что мы способны в некоторых из этих публикаций разобраться. Это необходимо, важно, но этого явно недостаточно, чтобы считать кафедру университетской. Надо

интенсивнее искать благодатную договорную тематику и богатых заказчиков, желательно, по профилю кафедры. Не получится – хотя бы близких к её профилю.

В моём детстве мать только одной ей известным способом внедрила навечно в мою память изречения любимых ею поэтов, писателей, публицистов, критиков. Я вспоминаю их и сегодня в очень подходящее для осмысления сложившейся ситуации время. Обычно она несколькими штрихами поясняла, что за человек это написал, и приводила снова же надолго врезающиеся в память фрагменты его биографии. Мать очень любила русского критика и публициста Дмитрия Ивановича Писарева, утонувшего в 28 лет. Почти четыре года своей короткой жизни он провёл в одиночной камере Петропавловской крепости, где написал свои лучшие статьи, в одной из которых были слова: «Когда труд -- удовольствие, жизнь – радость».

По большому счёту следующие 14 лет моей работы на должности заведующего кафедрой ядерной физики и мирного использования атомной энергии в Белорусском государственном университете были годами относительно безоблачными и точно соответствовали упомянутым словам Писарева. Я старался, чтобы это время было таким же для сотрудников, аспирантов и студентов. Встряски, безусловно, случались, но они не вели к потрясениям. В 1986-м году многое изменила Чернобыльская катастрофа, но это – особая тема, и о ней позднее.

В 1972 году ректором университета стал доктор философских наук Всеволод Михайлович Сикорский. Как и большинство физиков, я не жаловал преподавателей истории КПСС, но профессор Сикорский был исключением. В моей памяти он остаётся честнейшим и достойнейшим интеллигентом, противником всяких интриг и закулисных действий с единственным серьёзным недостатком – слабым здоровьем. Сказывалось длительное время его пребывания в партизанском отряде, многократные переохлаждения, голодания. Тяжело ему было тянуть лямку ректора, но он тянул её добросовестно. Для меня он остаётся лучшим ректором моих малооблачных университетских лет.

Особый характер носила работа с иностранными студентами. В большинстве случаев она доставляла радость преподавателям и учебно-вспомогательному персоналу. Приятно было видеть, как вчерашние «несмышлёныши» и в языке и в физике «грызут науку», приходят в лаборатории к преподавателям и сотрудникам с вопросами от утра до поздней ночи. На студентов из Чехословакии, ГДР, Кубы было бы грешно жаловаться. Они ничем не отличались от лучших советских студентов, привлекались к исследовательской работе, отдельные из них уезжали соавторами научных публикаций совместно с сотрудниками и аспирантами кафедры.

1973 год. Философ и физики. Ректор БГУ Сикорский В.М., ректор МГУ Хохлов Р.В. и директор НИИФП при БГУ (бывший ректор БГУ) Севченко А.Н. на Кургане Славы под Минском.
Фото моё.

Трудолюбие вьетнамцев было поучительным для всех, и, как правило, они имели хорошую успеваемость. Редкое исключение являли вьетнамцы, направленные на учёбу в Советский Союз за военные заслуги. Они просто не имели тех пороговых знаний, без которых университетские курсы не могут быть поняты. Мы, как могли, выкладывались, чтобы они имели знания на крепкую тройку и меньше четвёрки за такое достижение не ставили.

Кубинцы, специализировавшиеся на кафедре, установили университетский рекорд, я уверен, на все времена. В 1982 году они получили 17 красных дипломов.

Но случалось, и не единожды, что обучая студентов-иностранцев, нужно было забыть о преподавательском долге, чести, достоинстве и угождать воинствующему невежеству. Пожаловаться было некому. От нас этого требовал деканат, от деканата – ректорат и партком, от ректората – министерство, от министерства – союзное министерство. Студента-иностранца нельзя было оставить на второй год или выгнать за неуспеваемость. Они это знали. Деканат был обязан давать им разрешение на пересдачу заваленного экзамена или зачёта сколько угодно раз. Дальше действовал лозунг: «нет плохих студентов, есть плохие преподаватели!»

Я попытался как-то заставить студента из Эфиопии хотя бы возыметь понятие о чём-то из читаемого мною спецкурса. На пятую пересдачу он пришёл ко мне в кабинет заведующего кафедрой с очередным разрешением заместителя декана. Взял билет и сел за столик готовиться к ответу. Я сказал, что уйду ненадолго, через 15 минут вернусь и выслушаю его. Когда я возвратился, а он начал отвечать, то почувствовал что-то неладное. Запах! Запах, который я не в состоянии переносить! Не знаю, какое это было африканское зелье, но я быстренько поставил ему тройку и спасся бегством в коридор. Моя секретарь – Елена Александровна Горбачёва – искренне удивилась, что я не знал такого, как оказалось, эритрейского приёма. После этого случая я стал серьёзнее заботиться о собственном здоровье и перестал принимать экзамены в своём кабинете и иных помещениях ограниченного объёма.

1982 год. Наши «рекордсмены»: на фотографии 5 преподавателей кафедры ядерной физики и 16 из 17 студентов-кубинцев, получивших диплом с отличием. 17-й опоздал и не попал на снимок.

Сложнее была ситуация со студентами из Ливии. К счастью, их было только четверо. У них не было никаких ощутимых исходных знаний, и не было желания чему-то научиться. Они получали повышенную советскую стипендию плюс 90 долларов США, как говорили они сами, «от Муаммара Каддафи». Чтобы представить, какую цену имели эти 90 долларов приведу лишь один пример: самое лучшее Борисовское пианино стоило тогда 120 долларов.

Высшие политические соображения, которыми были определены правила обучения некоторых иностранцев в СССР, не позволяющие преподавателям отрицательно оценивать их знания, унижали не только преподавателей, но и всю систему советского высшего образования. Но и в этом минорном тоне случались мажорные аккорды.

-- Ты что, не знаешь, зачем их к тебе прислал Каддафи? – Спрашивал и сам же отвечал на свой вопрос мой коллега профессор-математик.

-- Прислал, чтобы они научились делать атомную бомбу! А ты и твоя кафедра проводите миролюбивую политику. Учите их так, чтобы они никогда её не сделали.

Коса и камень

Назначенный в 1978 году новый ректор БГУ был человеком, с которым я познакомился шестью годами ранее. Тогда, как ректор Гомельского университета, он всеми правдами и неправдами хотел сделать в этом университете меня своим заместителем по науке, т. е. проректором. Не помню точно, под каким предлогом он вытащил меня в командировку в Гомель, где долго втолковывал мне, что именно за Гомельским университетом самое светлое в Беларуси научное будущее. Выслушав его внимательно, я твёрдо решил, что никогда, не при каких обстоятельствах не захочу у него работать, так как самым близким к нему литературным персонажем был тогда в моём воображении гоголевский Манилов. Позднее пришлось понять, почему руководство республики много раз назначало этого человека на разнородные высокие научные и ненаучные должности: его энергией можно было сравнять препятствующие прогрессу горы, если она имела правильную направленность.

Пути господни воистину неисповедимы. И вот иду я по телефонному звонку секретаря нового ректора -- академика Владимира Алексеевича Белого, того самого, который был когда-то ректором университета в Гомеле. Иду на первое заседание расширенного ректората.

В состав ректората я не входил и был приглашён на него, как и ещё несколько заведующих кафедрами, преимущественно общеуниверситетскими. Вижу иных приглашённых -- представителей парткома, месткома, комитета комсомола, общественности. Ректор произносит пламенную речь о том, чтобы многое улучшить, ускорить, иное -- категорически не позволять или, наоборот, всемерно поддерживать. Видевшие и не такое, бывалые университетчики умело скрывали ироническую улыбку. В тех местах, где это, по мнению выступающего, требовалось одобрительно кивали головой. Потом ректор начал раздавать конкретные поручения проректорам и деканам, а далее почему-то и мне. Не помню точно, как это поручение звучало, но я ни на секунду не сомневался тогда, что было оно мелким и абсолютно несовместимым с моим статусом профессора и заведующего кафедрой. Академик решил с первого дня подмять меня под себя при всех публично, не сомневаюсь -- за то, что я когда-то отказался от его предложения.

Встав, я очень спокойно, но так, чтобы все слышали, возразил.

-- Уважаемый Владимир Алексеевич, я не буду исполнять ваше поручение. Для таких дел у вас достаточно технического персонала.

-- Ну, дорогой мой, при таком отношении к делу мы с вами вряд ли сработаемся вообще.

-- Не сработаемся, так не сработаемся. Вы здесь человек новый, а я здесь -- со студенческих лет, и пока со всеми срабатывался. А

сейчас, простите, я покину вас с теми, среди которых вы, может быть, и найдёте более податливых.

И ушёл к себе на кафедру.

Через полчаса ко мне начали заходить присутствовавшие на ректорате. После моего ухода В. А. Белый выразил крайнее удивление тем, что есть, оказывается, сотрудники, которые с первого дня его ректорства хотят поставить себя в особое положение, но он не намерен это допускать. Всеобщего одобрения его слова не вызвали и ректорат закончился. Те, кто давно знал В. А. Белого, сказали, что поступил я правильно, что его любимый метод править – именно подмять, а потом грузить и требовать безоговорочного исполнения, не утруждая себя глубоким проникновением в суть проблем.

Прошло недели две. Опять звонит мне секретарь ректора, но не передаёт, как ранее, распоряжение.

-- Соединяю вас с Владимиром Алексеевичем.

-- Здравствуйте, Станислав Станиславович, это Владимир Алексеевич Белый. Надеюсь, не оторвал вас от дел очень срочных?

-- Здравствуйте, уважаемый Владимир Алексеевич. Нет, не оторвали. Я один в комнате и могу свободно говорить по телефону.

-- Вопрос не совсем телефонный.

-- С удовольствием зайду к вам в кабинет в назначенное вами время.

-- Заходите сейчас.

Открыл дверь кабинета и едва не ахнул. Новая мебель, новый селектор, в терминологии сегодняшнего дня -- современный дизайн. Ректор вышел из-за огромного нового стола и протянул руку как старому доброму знакомому.

-- Прошлый раз здесь мы оба погорячились. Давайте об этом забудем, как и о старой мебели.

-- Давайте забудем.

-- У меня к вам новое очень серьёзное дело. Я добился согласия Петра Мироновича Машерова посетить университет. Случится это не ранее, чем через месяц. Но, сами понимаете, готовиться нужно уже сегодня. Учебные и исследовательские лаборатории вашей кафедры будут обязательным элементом маршрута высокого гостя. Позаботьтесь, чтобы у него остались о них и о сотрудниках самые благоприятные воспоминания.

-- С удовольствием этим займусь. Только мебелишка у меня на кафедре с большим стажем. Хорошо бы, чтобы хозяйка мне в этом помогла хотя бы чуть-чуть.

Мне показалось, что ректор даже обрадовался моей просьбе. Нажал кнопку нового селектора и велел проректору по административно-хозяйственной части зайти ко мне и в рамках возможного помочь. С этого дня у меня установились с Владимиром Алексеевичем Белым не просто хорошие, но я бы даже позволил себе это слово – дружеские отношения. Они продолжались с ним за

пределами университета и после того, как на смену ему в 1983 году в университет пришёл новый ректор академик Леонид Иванович Киселевский. Пик нашего рационального взаимопонимания пришёлся на 1981 год, когда университет отмечал своё 60-летие. Тогда Владимир Алексеевич, помня мой строптивый характер, заблаговременно принёс мне множество извинений и попросил заняться, как он выразился, «непрофессорским делом» -- организовать в республиканском выставочном зале на улице Янки Купалы выставку «60 лет БГУ». Я согласился, а он после этого добавил: Тогда я обязательно добьюсь, чтобы вам присвоили звание заслуженного.

Я организовал юбилейную выставку, он добился того, что в 1982 году мне было присвоено звание «Заслуженный деятель науки и техники БССР».

Образцы из колоды карт, которой поздравила кафедра ядерной физики ректора академика Владимира Алексеевича Белого с юбилеем. Все тузы в колоде – Белые!

Доброе отношение ректора ко мне хорошо сказывалось и на кафедре. Нам хотелось небанальным образом поздравить его 8 июня 1982 года с 60-летним юбилеем, тем более, что незадолго до этого он подарил мне интересную колоду игровых карт для моей коллекции, в которой тогда было ещё довольно мало – менее 500 различных колод. Решили вышить клин клином – изготовить в единственном экземпляре колоду редко встречающихся круглых карт, в которой все тузы – с портретами В. А. Белого, а короли, дамы и валеты – университетская элита. Рубашка карт являла собой также портрет В. А. Белого, в обрамлении портретами его приближённых вокруг которых – сотрудники кафедры ядерной физики. Число всех лиц на рубашке карт – 60 символизировало юбилейную дату. Подарок юбиляру понравился, основания вспоминать непростые в прошлом отношении полностью отпали. .

Но вернёмся к визиту П. М. Машерова.

К Петру Мироновичу нельзя было относиться равнодушно. Он ни на кого не нагонял страх, умел всем понравиться. Его не боялись, а уважали. Уважали искренне. В лабораториях кафедры задавал серьёзные вопросы, чувствовалось, что армия, ранения, партизанский отряд, которым он командовал, комсомольская и партийная работа не стёрли в его памяти то, что дал ему физико-математический факультет Витебского пединститута. Внимательно выслушивал ответы, не перебивал, не останавливал отвечающего.

1978 год. Первый Секретарь ЦК КПБ П. М. Машеров на кафедре ядерной физики и мирного использования атомной энергии БГУ. Справа от него ректор академик В. А. Белый, проф. С. С. Шушкевич, проф. В. Г. Барышевский, проректор В. Г. Ивашин, слева – декан физфака доцент И. П. Зятков

И не было для сотрудников кафедры более мрачного и печального дня, чем 4 октября 1980 года, когда через год с небольшим после визита в БГУ Пётр Миронович Машеров погиб в автомобильной катастрофе. Сравнимых с ним руководителей Белорусской ССР ни до него, ни после него не было.

В новом тысячелетии в жёлтой и желтоватой прессе исключительную обаятельность Машерова начали связывать с тем, что его прапрадед был французом. В действительности так и было: солдат наполеоновской армии Машеро отстал из-за ранения от своей части и остался в Беларуси. Не думаю, чтобы одна шестнадцатая доля французской крови стала определяющей в сплошь белорусской Сенненщине, где Пётр Миронович родился и вырос.

Страсть к путешествиям

Мои университетские коллеги не упускали случая пошутить не только по поводу обучения студентов-ливийцев. Оснований для этого было более, чем достаточно. Да и кому же не понравится такое заявление на Совете физфака того же профессора-математика.

-- Ты меня прости, Шушкевич, но только на твою кафедру приобретаются в университете спальные мешки для научных исследований в области ядерной физики.

Ловкая шутка для ответа в голову не приходила, и нужно было отвечать серьёзно.

-- Да, уважаемые члены Совета, приобретаются и мешки, и палатки, и куртки, и энцефалитки, и спецобувь, и многое другое снаряжение для научных экспедиций и даже альпинистское снаряжение. Всё предусмотрено сметой договорных работ и оплачивается заказчиками. Меня вы можете упрекнуть только в том, что у заведующего учебной лабораторией кафедры ядерной физики Александра Ивановича Тузина доброе сердце и он одалживает кое-что из снаряжения представителям других подразделений и кафедр, у которых никаких экспедиций не предусмотрено.

Была и очень серьёзная подоплёка нашей тяги к работам, к сожалению, с малой долей «ядерной физичности». Удержать в качестве сотрудников кафедры молодых талантливых людей, не имеющих научной степени, было трудно. На производстве, куда их брали с большой охотой, они могли заработать больше. А нам без них было довольно рискованно браться за путную работу, т. е. такую, которую нужно делать быстро и на должном уровне. Самые рьяные исполнители таких работ – команда вчерашних выпускников с высокообразованным опытным научным руководителем во главе. Чаще всего такими руководителями были штатные преподаватели кафедры.

Чего мы только не придумывали, чтобы у нас работали молодые талантливые люди. Сознывая, что студенты -- могучая сила, если платить им полставки, мы делали договорные сметы на 70-80 процентов «полставочными». Временами отдача отдельных студентов была соизмеримой с отдачей штатного сотрудника на полной ставке. Искали хоздоговора, успешное выполнение которых сулило кому-то из исполнителей защиту кандидатской диссертации. Наконец, выполняли работы для очень далёких заказчиков – вулканологов Камчатки, организаций Владивостока, Душанбе, Тбилиси, Томска, Усолья Сибирского, Казани. Поездки на места для наладки разработанных нами исследовательских установок и аппаратуры были любимым делом всех, особенно молодых сотрудников, аспирантов и студентов.

1974 год. В экспедиции МГУ совместно с БГУ на дизель-электроходе «Советский Союз». Рейс Владивосток--Петропавловск-Камчатский

Много лет
кафедра
сотрудничала с
географическим
факультетом
Московского
государственного
университета,
посылая в
экспедиции МГУ в
Приморье
преподавателей,
сотрудников и
студентов. Не
обошлось и без

«потерь» -- пятеро участников таких экспедиций переехали на работу во Владивосток. Некоторые из них ходили позднее на исследовательских судах в экзотические экваториальные страны. Искали (и находили!) тропические растения и водоросли для фармакологии и многое другое.

Особую исключительно положительную роль во всех упомянутых кафедральных делах сыграл доцент Александр Михайлович Люцко или просто Саша, которого именно так называли между собой практически все преподаватели, более того, многие студенты.

Если Саша чем-то по-настоящему увлёкся, всё остальное для него могло померкнуть и не существовать. Как правило, каждое из его увлечений, в конечном счёте, наделяло его новыми достоинствами и качествами. А увлечений у него было немало. Некоторые из них благоприятно сказывались и на нём и на работе, иные порождали сложности и трудности, усложняли жизнь и самого Саши и его окружения. Когда работа в университете стала мешать его увлечению альпинизмом и экстремальным туризмом, он без тени сожаления преподавательскую работу бросил, переехал во Владивосток и преуспел там как научный сотрудник престижного ТИГа -- Тихоокеанского института географии, в котором сочетавшиеся в нём талант учёного и навыки альпинизма с экстремальным туризмом пришлись очень кстати.

За неполные 8 лет работы в ТИГе Александр опубликовал ряд научных статей, побывал во многих экваториальных морских и сухопутных экспедициях в интереснейших местах планеты. Но, в конце концов, вся южная экзотика отступила перед его очередным новым увлечением прикладной ядерной физикой.

**1974 год. Владивосток. Доцент
Александр Михайлович Люцко или
просто Саша.**

Александр Люцко решил освоить методику и построить установку для определения возраста органических веществ, измеряя содержание в них радиоактивного углерода. Понимая всю фантастическую сложность создания такой установки в наших условиях, я с радостью приветствовал и это его увлечение и сопряжённое с ним желание вернуться в

Минск на кафедру ядерной физики университета. Надо признаться, что все мы -- и преподаватели и студенты -- оказались в выигрыше от его возвращения.

Сахаровский колледж

Когда произошёл ядерный взрыв в Чернобыле, Александр Люцко оказался в числе наиболее востребованных специалистов, способных не рассуждать и призывать, как это делали чиновники и партийные функционеры, а измерять, предупреждать, рекомендовать и брать на себя ответственность.

Проблему Чернобыля он воспринимал комплексно и ранее кого бы то ни было убедил руководителей Беларуси предпринять меры по организации подготовки специалистов по вопросам радиационной безопасности. Кого только он не привлёк для доведения до сознания чиновников сущности проблемы и путей её решения. Среди них на первом этапе – жена, а после 14 декабря 1989 года – вдова академика Андрея Дмитриевича Сахарова Елена Боннэр, виднейшие советские и зарубежные специалисты. В их числе был и профессор Гарвардского университета Ричард Вильсон. Он возглавил Международный попечительский комитет, призвавший Правительство Беларуси создать в республике высшее учебное заведение для подготовки специалистов по радиационной безопасности. В итоге Постановлением Совета Министров Беларуси от 20 января 1992 года при Белорусском государственном университете был создан Международный колледж по радиоэкологии имени А.Д.Сахарова.

Впоследствии колледж стал самостоятельным высшим учебным заведением во главе с ректором Александром Михайловичем Люцко.

1989 год. Члены Попечительского совета Сахаровского колледжа с сотрудниками кафедры ядерной физики БГУ. Левый из сидящих – Александр Люцко. Во втором ряду между мной и профессором из Гарварда Ричардом Вилсоном – жена легендарного академика А. Д. Сахарова -- Елена Боннэр.

Таковыми были в советское время неисповедимые пути преподавателей, сотрудников и выпускников университета, специализировавшихся на кафедре ядерной физики. Во время постсоветское хороших выпускников кафедры потянуло в банки и финансовые корпорации, где они пришлись ко двору как «набившие руку» на решении конкретных прикладных задач программисты и электронщики.

**1973 год.
С Александром Михайловичем Люцко на пути к вулканологам Камчатки, использующим разработанную на кафедре ядерной физики БГУ аппаратуру**

Новый первый секретарь КПБ

На время ректорства академика Л. И. Киселевского (1983-1990) выпали немалые потрясения: общесоюзная антиалкогольная истерия, перестройка, гласность, Чернобыль, Первый съезд Народных депутатов СССР, ликвидация руководящей роли КПСС. Пришлось немало понервничать, когда университет решил посетить Первый секретарь Коммунистической партии Беларуси Николай Никитович Слюньков. Решил внезапно: вечером позвонил его помощник и сказал «завтра в 10-00 встречайте».

Я, как всегда, долго оставался в университете «после работы». В кавычках потому, что рабочий день профессора не нормирован и начинался он для меня в восемь утра, а заканчивался иногда и в 11 вечера. Звонит ректор, приглашает к себе в кабинет. Туда входят многие задержавшиеся, как и я на службе, и вызванные из дома. Маленький переполох... Убрать, подмести, подчистить – с этим просто. Дана команда проректору по хозяйству, вызываются все обязанные по долгу службы держать веник и швабру. Труднее – по существу университетских дел.

-- К вам на кафедру обязательно придём, подготовьтесь, пожалуйста, самым добросовестным образом, -- говорит ректор и отпускает меня с экстренного совещания сразу же после уборщиц и сантехников.

-- Не волнуйтесь, Леонид Иванович, всё обеспечу.

Сказать то я сказал, но хорошо понимал, что проблемы есть. Слюньков не просто высшего ранга партийный функционер и аппаратчик. Он прошёл путь от инженера до Генерального директора Минского тракторного завода. С моей точки зрения это более значимый фактор, чем все его цэковские, партийные, депутатские и госплановские регалии. Кроме того – Герой Социалистического Труда, Лауреат Государственной премии. Пользуясь кафедральной терминологией, лапшу ему на уши не навесишь! Вместе с тем, очень хотелось бы произвести хорошее впечатление и мимоходом добиться кое-чего для кафедры. Ведь он ранее работал заместителем Председателя Госплана СССР, хорошо знает, что такое и откуда берутся фонды на оборудование, а нам так не хватает строго фондируемых материалов и приборов!

Однако мечтам моим не суждено было сбыться и дело приобрело совсем иной оборот.

Николай Никитович был прекрасно подготовлен к визиту в университет, демонстрировал хорошее знание проблем высшего образования и проблем науки, задал тон беседы, задавал серьёзные вопросы и, практически, не оставил места для наших просьб, тем более о дополнительных фондах.

-- Вам и так многие завидуют, а оборудование кафедры доказывает, что и без меня вы умеете находить фонды. Продолжайте

добывать их у заказчиков ваших хоздоговорных научно-исследовательских работ.

Примерно так заявил Слюньков, когда я попытался заикнуться о фондах. Он сказал, что исследовательские и учебные кафедральные лаборатории ему понравились, но более всего его радует, что написанный сотрудниками кафедры учебник рекомендован Министерством высшего образования СССР для всех университетов страны. Не исключая, что именно это его заявление имело не последнее значения для Комитета по присуждению Государственных премий, который присудил авторам учебника – доценту М. К. Ефимчику и мне Госпремию БССР за 1986 год.

Был и другой, казалось бы, положительный для меня итог визита: после окончания визита меня пригласил ректор и сказал, что Н. Н. Слюньков рекомендовал ему назначить меня проректором университета по научной работе. Рекомендация Первого секретаря ЦК КПБ имела в то время силу приказа, и через несколько дней я приступил к проректорской работе.

Так почему же это решение Слюнькова я считаю «казалось бы положительным», то есть нежелательным для меня? Ведь Слюньков согласился и с тем, что даже кафедра будет сохранена за мной.

Будет-то будет, но я хорошо знал, что такое работа проректора по науке. Ведь я уже «ходил в проректоры» по науке Минского радиотехнического института и из-за этого года на три позднее защитил свою докторскую диссертацию. Но там была цель – быстро получить квартиру и перестать ежедневно топить печку, носить воду для стирки пелёнок из колонки на улице и пользоваться всеми удобствами во дворе. В то время квартира была для меня важнее докторской.

Теперь же я понимал, что университет – это глыба по сравнению с булыжничком – радиотехническим институтом. Добросовестная работа в таком гиганте на новой должности не оставит времени для чего-то иного, прежде всего для занятия наукой. Знал: всем сёстрам – администрированию, кафедре, науке по серьгам -- не получится. Успокаивало лишь то, что к этому времени у меня возмужали очень хорошие ученики, вполне готовые для роли преемников. Что касается науки, то они вполне состоялись и по многим направлениям ушли далеко вперёд. Вообще под моим руководством успешно защищены 33 кандидатские диссертации, в то время их было более 20 и уже тогда несколько «моих» кандидатов стали докторами наук.

Я, конечно же, приспособился бы к новой должности. Нашёл бы интересное и приятное в нелюбимом на первый взгляд администрировании, урывая у него время для работы научной и преподавательской. Но моё видение своих задач изменило несчастье, свалившееся на головы людей за многие сотни километров от Минска – ядерная катастрофа на Чернобыльской атомной станции.

Приоритеты пришлось перераспределить, главными на некоторый период стали внезапно появившиеся абсолютно новые проблемы.

1985 год. Первый Секретарь ЦК КПБ Н. Н. Слюньков в учебной лаборатории кафедры ядерной физики и мирного использования атомной энергии Белорусского государственного университета. У него в руках учебник «Основы радиоэлектроники», написанный мною совместно с доцентом М. Ефимчиком, за который в 1986 году авторы получили Государственную премию.

Сложившиеся обстоятельства заставили меня, пожалуй, впервые ясно понять, что в жизни прежде всего нужно делать то, **чего нельзя не делать**, отодвигая на второй план то, что делать необходимо. В Беларуси было слишком мало профессионалов, да и просто образованных людей, понимающих, что произошло и чем это грозит.

V. ЧЕРНОБЫЛЬ

Как в университете узнали о Чернобыле

Весть о серьёзной аварии на ядерном объекте пришла на кафедру ядерной физики и мирного использования атомной энергии физического факультета БГУ из скромной лаборатории студенческого практикума по ядерной физике. В таких лабораториях из соображений безопасности для здоровья студентов и преподавателей применяют очень слабые источники жёстких излучений, однако, правила обращения с ними навязываются такие же, как и при работе с источниками, дающими большой поток ионизирующих излучений. Это своего рода тренажёр, предназначенный для обучения навыкам постановки ядерно-физических экспериментов. Всё кроме источников излучения такое же, как и в исследовательской лаборатории: свинцовые кирпичи защиты, легко дезактивируемая мебель, а иногда и специальная одежда.

И вот студентка показывает преподавателю, который хорошо знает, какие цифры могут быть получены на данной установке, протокол с записью результатов. Преподаватель с улыбкой и даже издевкой замечает: «Вы, миленькая, ещё раз внимательно прочтите инструкцию. Вы просто уникам, такие результаты на данной установке удалось получить только вам. Устраните нелепости и убедитесь, что цифры будут отличаться в сотни раз от того, что вы намерили.»

Но, как говорится, и студентка имеет право голоса. Она и инструкцию прочла, и схему правильную выбрала, и калибровку прибора произвела. Она убедительно доказывает это преподавателю, обоснованно отвергая упреки в неграмотности подхода. И даже дерзить начинает.

-- Если я такая неразумная, а вы такая умная (преподавателем, ведущим практикум, была молодая женщина), то подойдите, пожалуйста, к прибору и убедитесь, что не во мне дело.

Через несколько минут и преподаватель, и лаборант, и другие студенты, находящиеся в лаборатории, убеждаются, что все чувствительные приборы практикума для измерения ионизирующих излучений регистрируют необычно большой радиоактивный фон.

Ситуация ясна. Где-то произошёл неконтролируемый выброс радиоактивных веществ. По тогдашним нашим убеждениям предположить, что выброс произошёл за сотни километров от Минска, было абсолютной нелепицей. Ветер южный. Значит серьёзная авария в Соснах, там исследовательский реактор. Звоним в Сосны. Отвечают, тоже регистрируем радиоактивность, но выброс не у нас, где-то южнее.

И в Институте ядерной энергетики (ИЯЭ) в Соснах и у нас в университете включаем все имеющиеся спектрометрические приборы. Выясняем: высокий уровень радиоактивности обусловлен в основном иодом-131 и цезием-137. Тем, кто ориентируется в азах ядерной энергетики, всё ясно: произошла разгерметизация ядерного реактора и частичный выброс содержащихся в нём веществ. Но ведь вблизи Минска нет ядерных реакторов. А ветер южный, и в том направлении, откуда он дует, только Чернобыльская АЭС.

Так до официального сообщения об аварии мы вычислили её место и сущность, поняли, что авария серьёзная, но, увы, не могли даже подумать, что это катастрофа глобального масштаба. Не утечка из реактора, а настоящий ядерный взрыв.

Полное название кафедры ядерной физики и мирного использования атомной энергии употреблялось редко, чаще говорилось кафедра ядерной физики или коротко КЯФ. Студенты специализировались по трём направлениям: «ядерная физика», «ядерная электроника» и «ядерные энергетические установки». Последняя специальность обеспечивалась в основном сотрудниками Института ядерной энергетики (ИЯЭ) АН БССР и на 4-5 курсах именно там, в Соснах в 14 километрах от Минска (в 7 км от кольцевой магистрали), они проводили большую часть учебного времени, работая в лабораториях Института и на ядерном реакторе.

В курсах лекций для них рассматривались вопросы обеспечения безопасности ядерных реакторов, подробно анализировались и изучались имевшие место аварии, например, авария на американской АЭС «Three Mile Island» в 1979 году.

Что следует делать, в случаях непредвиденных выбросов радиоактивности, было детальнейшим образом доведено не только до студентов-ядерщиков, сотрудников служб и лабораторий ядерного профиля, но и содержалось в инструкциях штабов гражданской обороны (ГО) на всей территории СССР. Но когда взорвался 4-й реактор Чернобыльской АЭС, инструкциями, хранившимися в подразделениях ГО, никто не руководствовался. Ждали указаний власти, то есть партии. Указаний долго не было, и все партийные и государственные органы руководствовались стандартным – никакой паники!

Не только взрослых, но и детей выводили на праздничные шествия и демонстрации. А ведь у детей щитовидная железа в десять раз меньше, чем у взрослых и именно в ней концентрируется радиоактивный иод, подвергая этот маленький и очень важный орган высокой радиационной нагрузке. При этом резко возрастает вероятность заболевания раком щитовидной железы, что абсолютно однозначно подтвердилось позднее.

Чернобыль и Горбачёв

Наконец последовали общесоюзные указания. По всесоюзному телевидению выступил Михаил Сергеевич Горбачёв. Его развёрнутое выступление опубликовано в газете «Правда» от 15 мая 1986 года.

До этого выступления он был моим кумиром. С 1984 года я боготворил его и как руководителя государства и как лидера партии. Он буквально потряс меня своим поведением на транслировавшейся по телевидению пресс-конференции с журналистами. За мою жизнь это был первый Генеральный секретарь КПСС, выступивший без написанного тщательно выверенного текста и отвечавший на вопросы даже иностранных(!) журналистов без бумажки. А ведь на всех уровнях политпросвещения нам безустанно твердили, что на высоком государственном и партийном уровне нужно читать именно по бумажке заранее написанный текст. Таково, мол, обязательное требование протокола!

И вот мой кумир – Михаил Сергеевич Горбачёв – выступает по телевидению в мае 1986 года

«Добрый вечер, товарищи! Все вы знаете, недавно нас постигла беда - авария на Чернобыльской атомной электростанции. Она больно затронула советских людей, взволновала международную общественность. Мы впервые реально столкнулись с такой грозной силой, какой является ядерная энергия, вышедшая из-под контроля».

Далее -- работа, по сути, ведется круглосуточно, задействованы буквально все партийные, советские и хозяйственные органы.

1993 год. С М. С. Горбачёвым на фирме Фольксваген.

«Что же произошло? Как докладывают специалисты, в период планового вывода из работы четвертого блока мощности реактора внезапно возросли. Значительное выделение пара и последовавшая затем реакция привели к образованию водорода, его взрыву, разрушению реактора и связанному с

этим радиоактивному выбросу.»

Это неправда, произошёл ядерный взрыв.

«Как только мы получили надёжную первоначальную информацию, она стала достоянием советских людей, была направлена по дипломатическим каналам правительствам зарубежных стран.»

И это неправда, истинная информация скрывалась и приукрашивалась.

Далее в выступлении говорилось о практической работе по ликвидации аварии, об обеспечении безопасности населения о помощи пострадавшим, о эвакуации, о погибших в момент аварии, о том, что 299 человек госпитализированы с диагнозом лучевой болезни, о том, что семеро из них скончались, о привлечении лучших научных и медицинских сил и современных средств медицины.

«От имени ЦК КПСС и Советского правительства выражаю глубокое сочувствие семьям, родственникам погибших, трудовым коллективам, всем, кто пострадал от этой беды, кого постигло личное горе. Советское правительство позаботится о семьях погибших и пострадавших».

Далее о многом, однако, ни слова о том, чего нельзя и что нужно делать людям. Но: *«с полным основанием могу сказать - при всей тяжести случившегося ущерб оказался ограниченным в решающей мере благодаря мужеству и мастерству наших людей».*

А дальше как в «12 стульях», Остапа понесло:

«Но нельзя оставить без внимания и политической оценки и то, как встретили событие в Чернобыле правительства, политические деятели, средства массовой информации некоторых стран НАТО, особенно США. Они развернули разнузданную антисоветскую кампанию. О чем только ни говорилось и ни писалось в эти дни... В общем, мы столкнулись с настоящим нагромождением лжи -- самой бессовестной и злопыхательской. И хотя неприятно упоминать обо всем этом, но надо. Надо, чтобы международная общественность знала, с чем нам пришлось столкнуться. Надо для того, чтобы ответить на, вопрос: чем же на самом деле была продиктована эта в высшей степени аморальная кампания? Ее организаторов, конечно же, не интересовали ни истинная информация об аварии, ни судьбы людей в Чернобыле, на Украине, в Белоруссии, в любом другом месте, любой другой стране. Им нужен был повод для того, чтобы, уцепившись за него, попытаться опорочить Советский Союз, его внешнюю политику, ослабить воздействие советских предложений по прекращению ядерных испытаний, по ликвидации ядерного оружия и одновременно смягчить растущую критику поведения США на международной арене, их милитаристского курса.»

Потом – ушат грязи на подлую «семёрку», собравшуюся в Токио.

«О чем поведали они миру, о каких опасностях предупредили человечество? О Ливии, бездоказательно обвиненной в терроризме, а еще о том, что Советский Союз, оказывается, "недодал" им информации об аварии в Чернобыле. И ни слова о самом главном: как прекратить гонку вооружений, как избавить мир от ядерной угрозы. Ни слова в ответ на советские инициативы, на

наши конкретные предложения о прекращении ядерных испытаний, избавлении человечества от ядерного и химического оружия, сокращении обычных вооружений.

Как все это понимать? Невольно складывается впечатление, что лидеры капиталистических держав, собравшиеся в Токио, хотели использовать Чернобыль как повод для того, чтобы отвлечь внимание мировой общественности от этих не удобных для них, но таких реальных и важных для всего мира проблем.

Авария на Чернобыльской станции, реакция на нее стали своего рода проверкой политической морали. Еще раз обнажились два разных подхода, две разные линии поведения.

Правящие круги США и их наиболее усердные союзники - среди них я бы особо отметил ФРГ - усмотрели в происшествии лишь очередную возможность поставить дополнительные преграды на пути развития и углубления и без того трудно идущего диалога между Востоком и Западом, оправдать гонку ядерных вооружений. Мало того, была сделана попытка вообще доказать миру, что переговоры, тем более соглашения с СССР невозможны, и дать тем самым "зеленый свет" дальнейшим военным приготовлениям...

1996 год. Сеул. Михаил Горбачёв, Эдвард Хит, Ирина Шушкевич, Станислав Шушкевич. Здесь Горбачёв говорил о Чернобыле совсем не то, что в мае 1986

Это еще больше укрепило нас в убеждении, что внешнеполитический курс, выработанный XXVII съездом КПСС, верен, что наши предложения о полной ликвидации ядерного оружия, прекращении ядерных взрывов, создании всеобъемлющей системы международной безопасности отвечают тем неумолимо строгим требованиям, которые предъявляет к

политическому руководству всех стран ядерный век».

Думаю, что сегодня это стыдно читать и самому Горбачёву, который стал великим борцом за человечность, гуманность и экологичность. Но тогда он был, прежде всего, коммунистом, а здоровье людей и детей, дышащих радиоактивным йодом, было менее важным, чем интересы КПСС, которая всегда права и не могла быть виновна ни в чём.

А ведь научные консультанты Горбачёва по ядерной проблеме – академики Анатолий Петрович Александров и Валерий Алексеевич Легасов! Они давно там, в Чернобыле. Ищут подходы к минимизации

последствий катастрофы. Они, истинные учёные мирового уровня, не могли советовать ему говорить такое. Значит и он не отличается в главном от своих предшественников на посту Генерального секретаря: Хрущёва, Брежнева, Андропова, Черненко. Все они, прежде всего коммунисты, для которых интересы партии в толковании, например, Суслова и ему подобных превыше всего. В любом событии они не пытаются отыскать всё возможное для человеческого блага, а изощряются в осуждении подлых акул капитализма США, НАТО, ФРГ, пропагандируя такими приёмами коммунистическую идеологию. Потом уже может проскользнуть и что-то человеческое: чувства, устремления, горе, потребности.

А может и не проскользнуть.

Суть выступления Горбачёва, текст которого вместе с его фотографией занял всю первую страницу «Правды», была подана в остальных газетах предельно кратко: *«Генеральный секретарь ЦК КПСС Михаил Горбачев выступил по телевидению с обращением к советскому народу. В развернутом выступлении он рассказал о последствиях катастрофы, заверив граждан, что ликвидация последствий аварии идет по плану»*. И всё!

Я, мои ближайшие друзья и многие родственники всегда недолюбливали членов Политбюро ЦК КПСС, особенно старцев, потерявших способность эффективно работать. В значительной степени подобного рода отношение распространялось и на партийных иерархов более низкого уровня. Но только в узком кругу рассказывались о них анекдоты и смешные истории, в которых все они слыли придурками. Излишняя болтливость вне этого своего узкого круга не допускалась, так как вела к необратимым печальным последствиям.

Были и исключения. Думаю, что большинство белорусов искренне уважали и даже любили Кирилла Трофимовича Мазурова и уже упоминавшегося выше Петра Мироновича Машерова, а белорусские интеллигенты – Тихона Яковлевича Киселёва. Первые умели себя хорошо подать, по современной терминологии знали толк в пиаре, последний был вдумчивым и даже мудрым трудоголиком, что не ускользнуло от внимания не только его ближайшего окружения. Из союзных лидеров очень многим нравился Председатель Совета Министров СССР Николай Иванович Рыжков. Тоже трудоголик, да ещё и бывший директор легендарного Уралмаша.

Но вернёмся к Чернобылю.

Виновники и без вины виноватые

К сожалению, и в дальнейшем никто не воспрепятствовал тому, чтобы виновными за чернобыльский взрыв считать учёных, а не коммунистические методы эксплуатации реактора, как это установили компетентнейшие эксперты.

А судьбы этих, хотя бы только упомянутых мною учёных – пример безнравственного отношения нашего остающегося во многих смыслах коммунистическим общества к заслуженным, безмерно талантливым высоконравственным людям, когда их детище стало источником зла, хотя и не по их вине.

Жертвами катастрофы стали и А. Александров, и В. Легасов.

В августе 1986 года на конференции экспертов МАГАТЭ в Вене Легасов представил доклад с анализом причин аварии на ЧАЭС и радиологическими последствиями катастрофы. Многие полагают -- он был настолько требователен к себе, что отыскал и свою долю вины в Чернобыльской катастрофе. 27 апреля 1988 года, во вторую годовщину аварии на ЧАЭС, Легасов был найден у себя в кабинете повешенным. Перед смертью он записал на диктофон рассказ о малоизвестных фактах, касающихся катастрофы. Предположительно, часть послания была кем-то умышленно стёрта.

А. П. Александров

В. А. Легасов

Президент Борис Ельцин. 20 сентября 1996 года присвоил Легасову посмертно звание Герой России за «отвагу и героизм, проявленные во время ликвидации Чернобыльской аварии».

Александров умер в 1994 году и похоронен в Москве. Он родился на хуторе Млынок у села Веприк на

Киевщине, но его столетний юбилей в 2003-м никто из старых и новых украинцев не заметил. О юбилее трижды Героя социалистического труда, Президента Академии наук СССР, награждённого шестью орденами Ленина, Лауреата Ленинской и четырёх Государственных премий, наконец, великого учёного – одного из основателей ядерной энергетики не вспомнили и в России.

Имя академика А. П. Александрова сделали в Украине синонимом бездушного и некомпетентного советского тоталитарного режима, а его самого -- главным виновником и ответственным за Чернобыльскую катастрофу. Новая Украина, фактически, отказалась от своего выдающегося сына, а на некоторое время и от его детища – атомной энергетики. Был наложен мораторий на достройку блоков на Ровенской и Хмельницкой АЭС, который длился почти 15 лет. Потом блоки достроили, но Украина потеряла на этом моратории не менее 2 млрд. долларов США.

А была ли в случившемся на ЧАЭС прямая вина академика А.П.Александрова? Компетентнейшие эксперты – авторы официального документа о причинах катастрофы -- так не считают.

Фукусима и Чернобыль

Последствия **сильнейшего в известной истории Японии** разрушительного землетрясения и цунами 11 марта 2011 года, ставшего причиной крупнейшей аварии на японской АЭС Фукусима, способствовали решительному усилению противостояния ядерной энергетике в мире. Появилось немало заявлений общественных организаций и влиятельных политических деятелей о том, что все без исключения атомные электростанции являются потенциальными источниками рукотворных катастроф и представляют опасность для всего человечества. В подтверждение вспомнили аварию 1979 года на американской АЭС Three Mile Island, когда для уменьшения риска последствий были эвакуированы 140 тысяч человек, проживающих на соседствующей с АЭС территории.

Авария на «Фукусиме», действительно, напоминает катастрофу на американской АЭС Three Mile Island в 1979 году. Ремонт аварийных насосов привёл там к остановке системы охлаждения реактора. Начался перегрев тепловыделяющих сборок, выделение радиоактивного пара и взрывоопасного водорода, но трагических последствий удалось избежать.

Серию взрывов и пожаров на АЭС «Фукусима-1» стали сравнивать с катастрофой 1986 года в Чернобыле. Противоречивые мнения о степени опасности произошедшего на «Фукусиме» начали выдавать за попытку снова скрыть от мирового сообщества пугающую правду.

Однако эксперты сразу же заявили: при самом неблагоприятном развитии событий повторения чернобыльского сценария в Японии удастся избежать. Что и подтвердилось. Подтвердилось и то, что частичное разрушение конструкций АЭС, выбросы радиоактивных веществ в атмосферу и повышение радиационного фона в пострадавшем от землетрясения районе несоизмеримо меньше в сравнении последствиями чернобыльской катастрофы. Ничем не

были обоснованы и не базировались на научных фактах заявления об угрозе на Фукусиме ядерного взрыва.

Что же общего и что категорически различно в Чернобыльской катастрофе и в серьезнейшей аварии на японской АЭС?

Обе электростанции относятся к одному и тому же поколению АЭС. Фукусима функционирует с 1971 года, ЧАЭС введена в строй в 1977 году. Электрическая мощность ЧАЭС 3800 МВт, мощность японского объекта – 9000 МВт, т.е. в 2,4 раза больше (на «Фукусима-1» и расположенной южнее на 11,5 км «Фукусима-2» вместе 10 энергоблоков). Советская станция проработала до катастрофы 9 лет. До момента аварии японская станция функционировала 40 лет.

Технологически станции имеют ряд принципиальных различий. На Фукусиме используются кипящие водные реакторы BWR (Boiling Water Reactor) производства General Electric. Ранее они никогда не становились причиной масштабных катастроф и относятся к числу самых безопасных в атомной энергетике. На ЧАЭС применены реакторы РБМК-1000. Известен ряд изъянов в их конструкции. Конструктивные недостатки сами по себе не стали причиной разрушительных последствий 26 апреля 1986 года. К взрыву привели грубейшие ошибки персонала. Тем не менее, в японской АЭС был предусмотрен дополнительный уровень защиты. Специальную герметичную защитную оболочку имеют не только тепловыделяющие элементы (ТВЭЛы) и корпус реактора, но и реакторный зал. Для замедления цепной ядерной реакции в Чернобыле использовался графит, в Фукусиме – обычная вода. Перегрев и испарение графитовых стержней на ЧАЭС привели к пожару в реакторе. «Водяная конструкция», используемая в Японии, также не идеальна, однако, исходящая от неё угроза в сотни раз меньше, чем от РБМК-1000.

Причины взрывов на АЭС разные. В Чернобыле ситуация вышла из-под контроля во время испытания дополнительной системы аварийного электроснабжения. С выявившимися при тестировании недостатками в конструкции реактора персонал станции справиться не смог. К взрыву в Японии привела стихия. Само землетрясение перевело «Фукусиму» в аварийный режим работы и не сулило ничего страшного. Однако последовавшее цунами – невиданной высоты волна – преодолела все защитные дамбы, затопила дизель-генераторы и вывела из строя аварийное энергоснабжение насосов, подающих воду в реактор. Система охлаждения была нарушена, топливные стержни стали перегреваться и плавиться. В конструкции BWR предусмотрено использование воды, насыщенной бором, которая полностью останавливает ядерную реакцию. Но её собственная независимая система энергоснабжения в результате затопления волной вышла и сделала ситуацию на станции напряженной. Охлаждающую жидкость на АЭС доставляли по

воздуху, однако, повышенный радиационный фон на «Фукусиме» не позволял полностью справиться с предотвращением взрывов.

Чернобыльские взрывы имели мало общего с японскими. Они раздались менее чем через минуту после сигнала тревоги. На «Фукусиме» же первый взрыв прогремел через сутки после перевода АЭС в аварийный режим. К этому времени реактор был отключен, а население эвакуировано из опасной зоны. Взрыв на ЧАЭС справедливо сравнивается со взрывом атомной бомбы — в атмосферу проникли тонны радиоактивных веществ. Японский инцидент привел к заражению, в тысячи раз меньшему.

Претензии к японским властям по поводу отсутствия необходимого объема доступной информации абсолютно несостоятельны в сравнении с попытками советского руководства умолчать правду о реальных масштабах чернобыльской катастрофы. Токио, безусловно, проводил политику умиротворения масс, политики и эксперты старались не драматизировать ситуацию и не нагнетать панические настроения среди населения. Однако в отличие от убаюкивавшего бдительность граждан СССР Михаила Горбачёва премьер-министр Наото Кан прямо заявил, что случившееся — самое страшное потрясение для страны с момента окончания Второй мировой войны. Эксплуатирующая АЭС Токийская энергетическая компания (ТЕРСО) также не скрывала правды.

Японцы своевременно эвакуировали население в радиусе 20 км вокруг «Фукусимы» и предупредили о повышении уровня радиации в стране. Для сравнения: власти СССР лишь на следующий после аварии день начали эвакуацию населения находящегося рядом с АЭС. Лишь через двое суток после аварии на ЧАЭС, когда ветер принёс радиацию в Скандинавию, началось дозированное раскрытие информации о катастрофе. Страна Советов традиционно не заботилась и о здоровье своих граждан: 1 мая жители украинских и белорусских городов вышли на праздничные демонстрации, не имея никакого предупреждения о возможной опасности.

Полгода специальная парламентская комиссия Японии выясняла причины катастрофы на АЭС «Фукусима-1» и 5 июля 2012 года опубликовала свой итоговый доклад. Основной причиной случившегося признан человеческий фактор. Обвинения коснулись правительства страны, органов, осуществляющих надзор над атомной энергетикой, а также компании-оператора станции ТЕРСО. По мнению составителей доклада, все они действовали безответственно, из-за чего «пострадали люди и общество».

Уместно заметить, что парламент Советского Союза — Верховный Совет СССР — парламентскую комиссию по расследованию причин катастрофы на ЧАЭС даже не создал.

VI. В МОСКВУ, К ВЛАСТЯМ

Мавзолей и Кремль

Совок, не стремящийся попасть в мавзолей, должен был, по меньшей мере, вызывать подозрение. Но к мавзолею меня не тянуло, а венки к нему возлагал; и к телу вождя по ступенькам мавзолея опускался, когда нас, проректоров по научной работе ведущих университетов СССР, ежегодно собирали в Москве, где мы получали наставления и инструкции как работать дальше. Первоначально ведущими называли университеты, в которых один преподаватель приходился менее, чем на 8 студентов, потом слово «ведущий» никаких преимуществ не давало и служило просто похвалой вуза со стороны министерства.

Важным элементом программы считалось коллективное посещение мавзолея. Увильнуть от этого почётного дела невозможно. Считалось, что нам оказывается великое уважение: не нужно было стоять в длиннющей общей очереди. Для коллективных посещений по заранее поданным заявкам была своя отдельная очередь.

1986 год. Проректоры по науке университетов СССР в очереди к мавзолею Ленина. Я тоже здесь – в берете предпоследний с левого края

Попасть в Кремль я хотел, но это было делом трудно реализуемым. И вот в мае 1987 года меня, как председателя минской городской организации, избрали делегатом IX съезда общества «Знание», и моё желание сбылось.

Быть председателем городской организации считалось почётным и не составляло большого труда. Общественная работа такого рода не требовала особых затрат времени. Почти все вопросы решались по

телефону. На углу улиц Комсомольской и Карла Маркса у меня был кабинет, приёмная и секретарь, но я там бывал очень редко и недолго – час-другой в неделю по расписанию приёма по личным вопросам. Всю работу вела моя заместитель, находившаяся на оплачиваемой должности, восседавшая в «моём» кабинете на «моём» кресле и командовавшая «моим» секретарём. Несколько членов правления собирались раз в три месяца и одобряли проделанную работу. Лишь несколько раз моя заместитель не могла выдержать атаку лекторов-марксистов, желавших увеличения квоты читаемых ими гонорарных лекций. Тогда она звонила мне и просила о помощи. Я поручал ей передать страждущим гонораров: жду их тогда-то, то есть в часы приёма. Когда приходили, объяснял, что знаю, насколько они хорошие лекторы, но, мол, трудно с деньгами, поэтому просил прочесть две-три

безгонорарные лекции, как это делают некоторые другие лекторы и я, после чего страсти угасали, и мы мирно расставались.

IX съезд общества «Знание» происходил в Грановитой палате Кремля. Кроме стандартных заклинаний даёшь перестройку, нести знания в массы, сконцентрировать усилия, улучшить, расширить, не допускать и всемерно поощрять я на нём ничего не услышал. Однако было много встреч с интересными людьми, мероприятий и событий, сопутствующих съезду. Делегаты были «удостоены чести» сделать общий снимок в обстановке кремлёвской роскоши. Я на этом снимке – крайний слева в предпоследнем ряду. Из тех, кто у нас в республике читал лекции по линии общества «Знание» кроме меня на съезде были лишь два человека – академик Хотылёва Любовь Владимировна и тогда ещё член-корреспондент (позднее – академик) Бабосов Евгений Михайлович (соответственно третья справа и третий слева в первом ряду). Остальные были партийными вдохновителями, иногда – организаторами лекторской работы с населением.

IX СЪЕЗД ВСЕСОЮЗНОГО ОБЩЕСТВА «ЗНАНИЕ»
Москва, Кремль, 27–28 июн 1987 года

Запомнился прощальный приём для делегатов на верхнем этаже Дворца съездов, на котором было множество для кого-то важных лиц. Его трудно забыть, потому что, во-первых, приём был абсолютно безалкогольным – на нём не было даже пива. Этакая крупномасштабная поедаловка вкусных, почти невиданных в обычной жизни, яств с долгими тостами в честь КПСС, её предводителей и союзных руководителей общества «Знание».

Чоканье фужерами с соком или лимонадом меня, конечно же, раздражало, но раздражение приходилось скрывать. Хорошо знал – выпусти его наружу, и в Кремль больше не попадёшь. Во-вторых, делегаты съезда составили никчемное меньшинство в толпе важных московских персон, приглашённых на приём. Среди них были ветераны с орденами и медалями, которые в отличие от делегатов довольно громко поносили безалкогольные порядки и их авторов – секретарей ЦК КПСС Лигачева и Горбачёва. Воспроизвести их совковские речи в точности не совсем удобно. При устранении нецензурщины они звучат примерно так.

-- Это же надо, до чего страну довели! Позор! Раньше, если на таком приёме я, как и любой другой присутствующий здесь человек, позволил бы себе напиться до невменяемости, то никаких бы дурных последствий из-за этого не произошло. Меня бы аккуратненько усадили в чёрную Волгу, привезли домой и ещё бы долго благодарили за то, что я удостоил их чести приём посетить. А теперь? Ни мне, ни всем остальным никакого удовольствия. Давись осетриной и закусывай апельсинами!

Со съезда общества «Знание» мы выходили через Спасские ворота Кремля и шли к в гостиницу «Россия», где нас поселили. Увидел на спуске от Красной площади к Москва-реке самолёт, похожий на наш АН-2, но поменьше размерами и красивее раскрашенный. Подошёл к группе зевак у самолёта и спросил у старшего по званию у находящихся возле самолёта милиционеров.

-- Не с неба ли он свалился?

-- Ну, сколько вам, граждане, объяснять, что реквизит это для съёмок приключенческого фильма. Перекур сейчас у киношников, они обедать уехали, а мы реквизит охраняем. Расходитесь, пожалуйста.

Я быстренько ушёл, чтобы меня не отнесли к числу недоверчивых примитивов. Назавтра узнал, что московская милиция – народ с хитрецей, квалифицированнее и деликатнее нашей минской, а недоверчивые зеваки – совсем не примитивы, а выдавшие виды москвичи, хорошо знающие милицейские уловки. На охранявшемся милицией самолёте в Москву, практически, на Красную площадь из ФРГ прилетел немецкий пилот-любитель Руст, после чего в нашей стране почти три десятка военных командиров -- профессионалов, имеющих отношение к ПВО, которым этот любитель «утёр нос», расстались со своими генеральскими должностями.

В холле гостиницы «Россия» была у меня и непростая личная встреча с белорусской детской поэтессой Эди Огнецвет, приехавшей на какое-то культурное мероприятие вместе с большой делегацией из БССР. Эдди, моя мать и мой отец были однокурсниками, окончившими в 1934 году литфак Высшего педагогического института в Минске. Моя мать неоднократно мне говорила, что Эди – единственная её подруга, которая осталась с мамой в самых дружеских отношениях после того, как осудили отца. Многие другие отвернулись от «жены врага народа» или же просто перестали узнавать. А вот Эди, не отвернулась: встречалась, приходила к нам, мама – к ней и т. д. Порядочный, достойнейший человек эта Эди, говаривала мама.

И вот вернулся отец и рассказал следующее. От него требовали в тюрьме, чтобы он написал доносы на нескольких человек, за что его обещали освободить. Отец категорически отказывался, тогда его начали убеждать, что все так делают. Это взаимовыгодный шаг, в итоге всех пожурят и отпускают на свободу. Отец не верил и продолжал отказываться. Тогда ему показали доносы на него, написанные рукой Эди Огнецвет (Каган) и Алесем Кучаром. Сказали:

напишешь на всех, соберётесь на воле вместе и вдоволь насмеётесь – всех отпустим и дело закроем, так как все осознали всё, что и требуется. Отец отказался.

Что мог сказать я Эди Семёновне в вестибюле гостиницы «Россия» на её слова: «ну что же это ваш папа такое обо мне говорит?» Сказал, что не могу быть судьёй, тем более, судьёй поступков своих родителей. Мама к этому времени умерла, и вспоминать, что она говорила об Эди Семёновне только хорошее, мне не хотелось. Я и мысли не допускал, что отец рассказал что-то не совсем точно. Такого с ним никогда не было.

Мои первые, но повторные в округе выборы

Через неполных два года после моего посещения Кремля в марте 1989 года избирались Народные депутаты СССР от территориальных и национально-территориальных округов. Несколько раз на собраниях вносились предложения включить меня в список кандидатов. Я всегда брал самоотвод, мотивируя это тем, что у меня есть серьёзная нравящаяся мне работа, и я хочу продолжать ею заниматься. Так выборы и закончились. Но в Московском территориальном округе города Минска, включающем Фрунзенский и Московский районы, на территории которого находились и университет и моя квартира, и где баллотировались только два кандидата, обоих с треском завалили. Оба вместе они набрали менее 15% голосов. Одного из них – первого секретаря горкома – завалили к моей великой радости, так как к этому времени я с ним основательно поругался после того, как он попытался меня отчитывать и требовал «понять, что нет оснований сеять панику из-за Чернобыля».

Ко времени начала выдвижения кандидатов на повторные выборы на кафедре произошло приятное событие – мы успешно завершили все формальности с военпредами по сдаче серьёзной хоздоговорной работы. Как всегда в таких случаях, без лишнего шума и огласки собрались у одного из сотрудников дома (в данном случае это был доцент Александр Люцко) отметить достижение. В это смутное безалкогольное время, когда не очень легко было купить бутылку вина, мы соприкасались со спиртным редко. Хорошее настроение от того минимума алкоголя, который у нас был, стало ещё лучшим. Мы развеселились и начались «приколы», но не без трезвых предложений.

-- Предлагаю тост за справедливость. Никто не возражает? Давайте действовать так, чтобы справедливость восторжествовала. Наш кафедральный питомец Дёма, точнее – Миша Демчук, вознёсшийся до заведующего отделом науки ЦК КПБ, избран Народным депутатом СССР от общества «Знание» как председатель республиканской организации общества, хотя по линии этого самого общества он никогда нигде не читал ни одной лекции. Шушкевич

возглавляет городскую организацию и таких лекций прочёл множество. Заметьте, все -- безгонорарные. Я предлагаю выдвинуть завтра нашего заведующего кафедрой и проректора кандидатом по этому нашему Московскому округу, где он живёт и мы сейчас находимся, и требую, чтобы он не взял самоотвод... Признавайся, будешь брать самоотвод? Если будешь, отказываемся с тобой пить сейчас и на все времена.

Если быть на 100% честным, то меня обрадовал такой поворот дел, но вида не подавал. Ведь соглашаться с тем, что кто-то случайный на собрании выдвигает тебя кандидатом в депутаты, означает обнажить своё тщеславие, поэтому самоотвод в некоторой степени украшает. Отпадает вариант провалиться. А здесь – друзья вынудили, в состоянии лёгкого подпития пообещал.... Ну чем не демонстрация верности слову скромного человека, не претендующего на славу. И я продолжив веселье, пообещал самоотвод не брать.

На университетском собрании по выдвижению в бюллетень для тайного голосования были внесены три кандидатуры. За меня проголосовало более 450 человек, за проректора Евгения Петряева порядка 70, а неизвестный мне дотоле Зенон Позняк, не присутствующий на собрании, но выдвинутый сотрудниками университета, получил примерно 50. Я к стыду своему настолько погряз в неполитических делах и заботах, что ничего не знал ни о Позняке, ни о БНФ – Белорусском народном фронте, что стало всем понятным после моего выступления и моих ответов на вопросы. На следующее утро понял, что члены БНФ есть и на моей кафедре. На моём столе в кабинете заведующего кафедрой появилась небольшая брошюра – «Программа БНФ».

Если бы не эта программа, то я, пожалуй, был бы более горячим сторонником БНФ. Всё, что касалось в ней возрождения белорусской культуры, белорусского языка, исторической правды мне сразу же понравилось и продолжает нравиться сегодня. Но предложения по реформированию высшего образования, с которым была связана вся моя жизнь, демонстрировали незнание авторами ни истинного положения дел, ни путей совершенствования и устранения недостатков. Вместе с тем было на редкость приятно сознавать, что в Беларуси есть истинные патриоты, борющиеся против реально имеющего место унижения национального достоинства белорусов методами, не направленными против людей других национальностей.

Избирательная агитационная кампания была непродолжительной, но очень интенсивной. Моими конкурентами были два достойнейших человека – православный священник, настоятель церкви на Военном кладбище, и ставленник обкома партии (!) директор «Амкадора» Василий Михайлович Шлындиков.

Был и форменный негодяй -- профессор, выпускник МГИМО. Фамилию я его забыл и вспоминать не хочу, но выступления и оскорбления в адрес оппонентов помню. Они напоминали взрыв бочки

с нечистотами, которые обрызгивали всех: и правых и виноватых. Плюс коронная фраза: «как вы смеете идти в депутаты, не зная в совершенстве ни одного иностранного языка?»

-- Зачем вы делаете такие заявления, ведь вы -- образованный человек? – Спросил его как-то я.

-- Ради самых простых людей, а их, таких избирателей, большинство. Они должны знать, что я не рафинированный чистюля, хотя и МГИМО кончал, а боец! Вот увидите, они меня выберут!

В итоге набрал, профессор, доли процента голосов.

Встречи кандидатов с избирателями можно было проводить где угодно и когда угодно. Организации, в распоряжении которых были зрительные залы, обязаны были предоставлять их кандидатам, если в желаемое время там не проводились какие-то плановые мероприятия. О встрече, например, в зале театра музкомедии, в клубе Киселёва, в зале газовиков на улице Гурского члены «моей команды» надёжно договаривались по телефону.

Было немало забавных инцидентов. В зале на Гурского кто-то наделил буквально всех участников листовкой, в которой я представлялся личностью настолько отвратной, что никакой уважающий себя человек за меня голосовать не должен.

Зал переполнен. Я выступил, ответил на вопросы. Выступили и другие кандидаты. Встаёт рабочего вида человек и обращается к президиуму.

-- Откуда в зале эта неприличная листовка?

Президиум молчит. Вопрос повторяется.

-- Откуда в зале эта листовка и ещё пачки таких же листовок в коридоре, чтобы мы их разнесли по всему округу? Ответьте кто-нибудь из организаторов встречи.

Встаёт представитель райкома партии – третий секретарь.

-- Товарищи, вы же знаете, у нас теперь свобода слова, свобода высказывания мнений. По-видимому, кто-то решил таким образом довести до вас своё мнение. Организаторы встречи к этой листовке никакого отношения не имеют.

К трибуне из зала с решительным видом рвётся женщина. Её пропускают. Она употребляет до сих пор непонятное для меня слово «лапидус», но я хорошо его запомнил и с того случая временами употребляю сам.

-- Ах ты, лапидус проклятый. Я же вот этими руками по твоему приказу печатала эти листовки, как ты пояснял, для того чтобы негодяи к власти не прорывались. А негодяй-то оказывается ты...

Что здесь началось, словами передать трудно.

В конце концов, я был избран, но оформление документов несколько затянулось, и я прилетел в Москву, хотя и до начала съезда, но позднее других депутатов. Меня «подбросили» правительственным самолётом вместе с премьером Вячеславом Кебичем. Он объяснял своё опоздание большой занятостью.

Первый съезд

Первый съезд Народных депутатов СССР открылся 25 мая 1989 года. Он состоял из 2250 депутатов: 750 -- от территориальных округов, 750 -- от национально-территориальных, 750 -- от общественных организаций. По замыслу он как бы воплощал идею соборности -- представительство всех слоёв населения, но по существу, КПСС держала в своих руках контрольный пакет акций. Со временем пакет становился более скудным, а на третьем съезде уже не позволил сохранить руководящую роль КПСС.

Полномочия съезда были широчайшими, он мог рассмотреть любой вопрос, касающийся СССР, и принять по нему окончательное решение. Заседания транслировались по телевидению в прямом эфире. Съездом руководил Председатель Верховного Совета СССР. В первый же день работы съезда Михаил Горбачёв был на эту должность избран. Предполагалось собирать съезд раз в год и решать на нём наиболее важные вопросы внутренней и внешней политики СССР. Законодательные, распорядительные и контрольные функции возлагались на формируемый Съездом относительно небольшой по численности Верховный Совет СССР.

Депутат Юрий Дмитриевич Черниченко, выступая на Съезде, назвал сторонников М.С. Горбачева «агрессивно-послушным большинством», а Гавриил Харитонович Попов открыто заявил об оппозиции этому большинству и призвал к формированию межрегиональной депутатской группы -- МДГ. 7 июня прошло первое собрание МДГ. 29-30 июля состоялась первая конференция МДГ, на которой был избран Координационный совет (КС), 5 сопредседателей и приняты «Тезисы к программе практической деятельности по реализации перестройки». Сопредседателями КС стали Б.Н. Ельцин, Ю.Н. Афанасьев, Г.Х. Попов, В.А. Пальм, А.Д. Сахаров, секретарём А.Н. Мурашов. В конференции участвовало 268 членов МДГ, в том числе из БССР -- А.М. Адамович, В.В. Быков, А.О. Добровольский, С.С. Шушкевич, кроме них никто из Народных депутатов СССР из Беларуси не решился тогда войти в МДГ.

1989, июнь. Кремлёвский дворец съездов. В первом ряду -- депутаты из БССР

На второй конференции МДГ в сентябре 1989 года была принята Платформа МДГ, включавшая такие пункты, как отмена 6-й статьи Конституции о руководящей роли КПСС, демократизация избирательной системы, демократический закон о печати, законы о земле и собственности, о новом Союзном договоре. Многие

пункты Платформы были приняты III и IV съездами Народных депутатов СССР. На III съезде в марте 1990 года была отменена статья 6 Конституции СССР. Ряд членов МДГ стали видными политиками и государственными деятелями. Среди них, кроме упомянутых выше, -- А.А. Акаев, Г.Э. Бурбулис, А.И. Казанник, К. Прунскене, А.А. Собчак, С.Б. Станкевич, Г.В. Старовойтова, В.А. Яворивский.

Июнь 1989. Народные депутаты СССР из БССР В.И. Стельмашонок, В.В. Быков, С.С. Шушкевич в Кремлёвском дворце съездов.

За мной на заседаниях съездов было закреплено место в проходе между рядами, с которого было довольно просто подойти к микрофону для «голоса из зала», что позволяло мне чаще других подавать голос.

В свою очередь телекамера фиксировала ораторов у микрофона крупным планом, поэтому и в Москве и в Минске я буквально двадцати шагов не мог сделать, чтобы кто-то не

крикнул: смотри вон «депутатик» пошёл. Почему «депутатик», не понимаю до сих пор.

Вроде не маленький.

Что имели, умели и могли Народные депутаты СССР

Народные депутаты СССР располагали довольно обширными правами и возможностями. Скажу прямо, большинство из них не умели, а порой и не хотели ими пользоваться. То и другое было хлопотно. Для депутатов со стажем, то есть для тех, кто был депутатом в старое советское время, главным было ожидание партийных указаний и их беспрекословное выполнение. А к депутатскому довольствию и депутатским привилегиям они давно привыкли.

До начала первого заседания съезда первый секретарь ЦК КПБ Народный депутат Ефрем Евсеевич Соколов попытался собрать всех «белорусских депутатов», информировать их об общих целях и задачах. Адамовича и Быкова на встречу не приглашали, остальные собрались. Добровольский, Воронежцев, Корниенко, Игнатович, ещё несколько депутатов и, естественно, я, сказали, что избраны не от партии и не благодаря помощи партии, а скорее, наоборот, вопреки желанию её республиканского руководства. Поэтому, заявив, что будем выполнять указы избирателей, а не руководствоваться

пожеланиями партийных руководителей, мы собрание покинули. Произошёл раскол почти так на так. «Протестная» группа оказалась чуть меньшей, но, увы, далекой от сплоченности, а отдельные её представители сначала нередко оказывались в лагере старых партийцев. Ситуация серьёзно изменилась в пользу депутатов, настроенных на перемены, лишь к третьему съезду в марте 1990 года.

Каждый Народный депутат был личностью неприкосновенной, имел помощника, получающего заработную плату, имел «ковёр-самолёт» -- право бесплатного проезда пассажирским водным транспортом, поездом, самолётом, общественным транспортом на всей территории Советского Союза, мгновенно получал дипломатический паспорт при направлении его в зарубежную поездку, в дни съездов ему выдавались суточные, которые и в обычных условиях можно было считать внушительными, а в кремлёвском буфете и подавно. На депутатский запрос в течение десяти дней должна была ответить любая инстанция, в которую депутат обратился, Генеральная прокуратура СССР должна была ответить на запрос депутата в течение 30 дней.

Я разбил ставку помощника депутата на две полставки и зачислил на них двоих студентов юридического факультета БГУ -- «патологическую отличницу» и «афганца» -- немало повидавшего парня, прошедшего Афганистан. О таких помощниках можно было только мечтать. Отличница подготовила ряд писем на основе обращений ко мне избирателей, причём пять из них -- в Генеральную прокуратуру СССР. По четырём из этих писем протест прокуратуры был направлен в суд! Пересмотр дел привёл к освобождению невинно осуждённых. Успех невиданный, обычно Генпрокуратура положительно реагирует на (0,5--1)% поступающих заявлений.

Впоследствии моя замечательная помощница -- Наталья Козыренко -- уехала в Нью-Йорк в Колумбийский университет для совершенствования образования. Я был почти уверен, что она не вернётся в Беларусь, и не ошибся. В Беларуси, как в стране, где господствуют указания, а не закон, высококвалифицированным юристам делать нечего. Недавно я узнал, что «мою отличницу» нарасхват приглашали престижные фирмы и сейчас она возглавляет британскую юридическую фирму в Москве.

Студент-афганец был хорош по-своему при контактах с органами правопорядка и вообще с теми правдолюбцами, которые изображали из себя «крутых». В целом же народным депутатам СССР были даны права и возможности решать по справедливости жизненно важные вопросы избирателей любого ранга. Мы этим широко пользовались.

VII. ДОРОГА К ВИСКУЛЯМ

Проблемы в «созвездии равных»

Дорога в Беловежскую пущу, в Вискули к Содружеству Независимых Государств вымощена декларациями союзных республик о государственном суверенитете. Декларации стали ответом на осознание истинного состояния межнациональных отношений в Советском Союзе широкими кругами их национальной элиты. Заверениям коммунистической пропаганды о непоколебимой дружбе народов СССР и братской заботе об этих народах великого русского народа мало кто верил и до перестройки. Но даже с далёкой от правды гласностью, всё труднее было скрыть от граждан информацию о реальном состоянии дел в национальном вопросе. Стало ясно, что большевистское название царской России -- тюрьма народов - ничуть не хуже применимо и к Советскому Союзу.

Для широкого круга граждан раскрылись конкретные акции усмирения, подавления, экстрадиции, оккупации и преследования по национальному признаку. Появились сведения о фактах жестокого угнетения, притеснения, о репрессиях в отношении отдельных наций. В республиках всё популярнее становился тезис: избавьте нас от великого друга, а от врагов мы сами избавимся. У республиканских элит стала уменьшаться боязнь использовать «ленинское» право наций на определение вплоть до отделения. Наконец, эти самые республиканские элиты, хотя и робко, но набрались смелости заявить о желании жить в своих национальных государствах и определять в них порядки.

Раньше других и наиболее решительно пожелали избавиться от забот старшего брата республики Прибалтики. У них для этого было значительно больше юридических оснований. Во-первых, страны Запада и США никогда не признавали Литву, Латвию и Эстонию частью СССР, а считали их земли территорией, оккупированной Советским Союзом. Во-вторых, у населения этих стран свежа была память о статусе этих государств как независимых до 1939 года. В-третьих, как ни упирался Горбачёв рассекретить пакт Риббентроп-Молотов, его сущность стала известна Съезду Народных Депутатов. Договор разделял мир на зоны интересов коммунистов и фашистов и согласно ему, а не «добровольному желанию народов», прибалты были насильственно включены в состав СССР.

Постепенно широкие слои населения страны узнали, что и другие субъекты СССР вошли в Союз совсем не добровольно. Это нашло отражение в декларациях о суверенитете, принятых всеми без исключениями республиками, входящими в Советский Союз. В них прямо или косвенно они обвиняли в своих страшных бедах Россию.

В Российской Федерации преимущественно среди русских и окончательно обрусевших инородцев, которые по Ленину стали более

рьяными великодержавными шовинистами, чем русские, господствовало противоположное мнение: хватит кормить и обеспечивать граждан других республик СССР. Мы должны, наконец, позаботиться и о себе.

Всё это вместе предопределило настроения, названные Западом сепаратистскими. Принятие деклараций о государственной независимости Запад назвал парадом суверенитетов и надеялся, что декларации так и останутся наборами заклинаний.

Бывало и лучше

Не знаю, служила ли Декларация независимости США наставлением или же руководством для написания Деклараций о суверенитете иных союзных республик, но лично я сожалею, что не имел её перед глазами, работая над текстом Декларации о суверенитете Республики Беларусь.

13 североамериканских колоний провозгласили в 1776 году отделение от Великобритании и заявили, что они полностью освобождаются от верности британской короне и по праву должны быть свободными и независимыми. .

14 союзных республик также заявили в 1988-1990 годах, что они освобождаются от опеки старшего брата – Российской Федерации и по праву должны быть свободными и независимыми.

Декларация независимости США объясняла причины, заставившие отделиться от метрополии, впервые в мире провозгласила принцип суверенитета как основы государственного устройства. За народом признавалось право на восстание и свержение деспотического правительства. Провозглашались основные идеи демократии: равенство людей, право на жизнь, свободу и на стремление к счастью.

Через 212-214 лет Декларации о суверенитете союзных республик оказались менее решительными и менее выразительными. Декларация независимости США стала признанным памятником американской литературы. Принципы и идеи выражены в ней великолепным языком в краткой и доступной форме. Время покажет, есть ли в Декларациях союзных и автономных республик СССР то, что можно отнести к литературным, правовым или публицистическим шедеврам, но пока в поддержку такого мнения никто не высказался.

Познакомимся с Декларациями союзных республик в хронологической последовательности. Сконцентрируем внимание, на официальных мотивациях потребности в суверенитете, высказанных политическими элитами субъектов СССР.

Эстония, 16 ноября 1988 года (1)

В этот день - 16 ноября 1988 года – Верховный Совет Эстонской ССР принял 4 документа. Важнейший из них – Декларация Верховного Совета Эстонской Советской Социалистической Республики **«О суверенитете Эстонской ССР»**. В нём сказано:

«Эстонский народ на берегах Балтийского моря обрабатывает землю и развивает свою культуру уже более пяти тысяч лет. В 1940 году гомогенное в национальном отношении, суверенное Эстонское государство стало составной частью Советского Союза, при этом было предусмотрено сохранение гарантий суверенитета и расцвет нации. Однако внутренняя политика сталинизма и периода застоя игнорировала эти гарантии и принципы. В результате этого на эстонской земле для эстонцев как коренной национальности сложилась неблагоприятная демографическая ситуация, природная среда во многих регионах республики оказалась в катастрофическом положении, продолжающаяся дестабилизация экономики отрицательно сказывается на жизненном уровне всего населения республики.

Верховный Совет Эстонской ССР видит лишь один выход из трудного положения — дальнейшее развитие Эстонии должно происходить в условиях суверенитета. Суверенитет Эстонской ССР означает, что ей в лице ее высших органов власти, управления и судебных органов принадлежит высшая власть на своей территории. Суверенитет Эстонской ССР един и неделим. В соответствии с этим дальнейший статус республики в составе СССР должен быть определен Союзным договором».

Далее в Декларации и в остальных, принятых в этот день документах говорилось о несогласии с предлагаемыми поправками в Конституцию СССР, которые *«исключают конституционное право Эстонской ССР на самоопределение»*, и о наделении Президиума Верховного Совета Эстонской ССР правом представлять интересы республики при подготовке текста Союзного договора.

На десятый день после принятия упомянутых документов – 26 ноября 1988 года Председатель Президиума Верховного Совета СССР М. С. Горбачёв подписал многостраничный Указ «О несоответствии закона Эстонской ССР «О внесении изменений и дополнений в Конституцию Эстонской ССР» и Декларации Верховного Совета Эстонской ССР о суверенитете Эстонской ССР Конституции СССР и Законам СССР»

Указ был подготовлен Вениамином Фёдоровичем Яковлевым на основе Конституции СССР. Естественно, что профессиональный юрист увидел в действиях эстонских законодателей первую попытку расколоть, если хотите, - начать разрушение СССР.

Указ поучал эстонских товарищей очень многому. Главное - не считать землю, недра, леса и жилищный фонд Эстонии

собственностью ЭССР. По Конституции СССР – это достояние всего советского народа. Он же поругивал их за введение понятия частная собственность: мол, статьи 10 и 13 Конституции СССР такой собственности не предусматривают.

Литва, 18 мая 1989 года (2)

Принятию Декларации о суверенитете в Литве предшествовали шаги по прекращению насильственной русификации. Указом ВС ЛССР от 25 января 1989 года литовский язык был признан основным средством общения населения республики, на нём обязаны стали вести делопроизводство все высшие органы государственной власти. Им должны были владеть все без исключения руководители и руководящие работники.

18 мая 1989 года Верховный Совет Литовской ССР, действуя по примеру своего северного соседа, принял Декларацию о государственном суверенитете Литвы, в которой более резко, чем эстонцы осудил действия СССР, советско-германский пакт 1939 года, пренебрежение Договором Литвы с Советской Россией 1920 года, игнорирование стремления Литвы «даже к экономической самостоятельности».

«Литовский народ веками жил здесь, на побережье Балтийского моря. В XIII веке он создал свое государство, столетиями защищал свою свободу и независимость. В 1918 году он возродил свою государственность, которая была признана многими государствами мира... В 1939 году, суверенное Литовское государство было насильственно и незаконно присоединено к Советскому Союзу, утратив тем самым политическую, экономическую и культурную самостоятельность...»

Верховный Совет Литовской ССР видит выход из существующего положения только в восстановлении государственного суверенитета, который уже сегодня находит свое выражение в стремлениях литовского народа, является неотъемлемым правом народов и может быть осуществлен лишь в условиях свободного самоопределения. Верховный Совет Литовской ССР провозглашает, что отныне в Литовской ССР, с принятием поправки к статье 70 Конституции Литовской ССР, имеют силу только принятые или ратифицированные Верховным Советом законы. В будущем отношения с СССР и другими государствами должны устанавливаться только на основе межгосударственных договоров. Эти чаяния людей Литвы не направлены против прав и законных интересов народов».

Здесь уже нет ни слова о Союзном договоре, и, как и в случае с Эстонией, открытое действие по разрушению СССР.

Латвия, 28 июля 1989 года (3)

В Декларации «О государственном суверенитете Латвии», фактически, отсутствовали какие-нибудь заигрывания с руководством и законодательством СССР, и вряд ли уместен какой-то комментарий к приводимому ниже её полному тексту:

«На протяжении семи столетий латыши подвергались безжалостному национальному и социальному угнетению, грубо попирались права латышского народа на самобытное развитие и национальное самоопределение. Латышский народ все-таки выжил, выстоял, сохранив свою самобытность, свой язык и национальную культуру. Борьба трудящихся Латвии за социальное освобождение, национальное равноправие и самоопределение в 1917— 1920-х годах позволила создать советскую национальную государственность, а также независимую демократическую республику, которую признала руководимая Лениным Советская Россия и другие государства мира.

В 1940 году на основе дополнительного тайного протокола к Пакту о ненападении от 23 августа 1939 года, подписанного Германией и Советским Союзом, в результате преступной сталинской внешней политики, Латвийская Республика утратила свой государственный суверенитет, Латвийская Республика была включена в состав СССР.

Сталинизм и последовавший за ним административно-командный тоталитаризм привели к упадку экономики и культуры Латвии, а также экологическому кризису, деформировали национальные отношения и девальвировали общечеловеческие ценности.

Верховный Совет Латвийской ССР, основываясь на том,

- что непризнание политической, экономической и культурной самостоятельности привело к созданию неблагоприятных условий для дальнейшего существования латышской нации,

- что все люди и народы имеют неотъемлемые права, к числу которых относится право на жизнь, на свободу и стремление к счастью, социальному прогрессу и улучшению условий жизни,

- что согласно нормам современного международного права, признанным юридически обязательными и Союзом ССР, все народы имеют право на самоопределение и в силу этого права они свободно устанавливают свой политический статус и свободно обеспечивают свое экономическое, социальное и культурное развитие,

- что все народы для достижения этих целей могут свободно распоряжаться своими природными богатствами и ресурсами и ни один народ не может быть лишен принадлежащих ему средств существования,

- что выход из сложившейся неблагоприятной

демографической, экологической и экономической ситуации для Латвийской ССР возможен только в восстановлении реального государственного суверенитета республики,

выполняя волю народа Латвии, провозглашает:

1.Отныне, с принятием данной Декларации, развитие Латвийской ССР происходит в условиях реального государственного суверенитета в его государственно-правовом и международно-правовом понимании.

2.Суверенитет Латвийской ССР един и неделим. Народ Латвии на своей территории самостоятельно осуществляет законодательную, исполнительную и судебную власть, гарантирующую расцвет как латышской нации, так и всех национальных и этнических групп, населяющих территорию Латвии.

3.Земля, ее недра, леса, воды и другие природные ресурсы являются национальным богатством республики, принадлежащим народу Латвии.

4.Государственный статус Латвийской ССР в составе Союза Советских Социалистических Республик определяется договорными отношениями; новый правовой статус Латвийской ССР необходимо законодательным путем закрепить в Конституции СССР и Конституции Латвийской ССР, в новых законах СССР и законах Латвийской ССР (о гражданстве, о республиканской собственности и др.), в изменениях и дополнениях советского законодательства.

5.На территории Латвийской ССР признается верховенство законов Латвийской ССР. Законы СССР на территории Латвии вступают в силу только после их ратификации высшим органом государственной власти Латвийкой ССР.

6.Отношения Латвийской ССР с другими государствами устанавливаются на основе договора.

Верховный Совет Латвийской ССР призывает народ Латвии объединиться на основе данной Декларации во имя превращения нашей республики в подлинно суверенное и правовое государство».

Азербайджан, 23 сентября 1989 года (4)

Принципиальное отличие принятой в Баку Декларации от трёх предыдущих состоит в том, что Конституционный закон Азербайджанской ССР от 23 сентября 1989 года объявляет Азербайджанскую ССР суверенным социалистическим государством **в составе СССР**. Приводимые далее извлечения из Конституционного закона поясняют его отличие от Деклараций о суверенитете прибалтийских республик:

«Суверенитет Азербайджанской ССР выражается в самостоятельном осуществлении Азербайджанской ССР на всей

своей территории высшей законодательной, исполнительной и судебной власти... Охрана суверенных прав Азербайджанской ССР осуществляется Азербайджанской ССР и Союзом ССР.

Азербайджанская ССР самостоятельно решает все вопросы, связанные с политическим, экономическим, социально-культурным строительством в республике, ее административно-территориальным устройством. Всякое вмешательство в решение вопросов, составляющих неотъемлемое право Азербайджанской ССР, должно расцениваться как попрание ее суверенных прав.

Компетенция Азербайджанской ССР ограничена лишь по вопросам, добровольно делегированным республикой Союзу ССР...

Взаимоотношения между Азербайджанской ССР и Союзом ССР строятся на договорной основе, исходя из суверенитета СССР и суверенитета Азербайджанской ССР.

Взаимоотношения Азербайджанской ССР с союзными республиками строятся на принципах их равноправия, сотрудничества, взаимного уважения суверенных прав и невмешательства во внутренние дела друг друга.

Суверенитет Азербайджанской ССР распространяется на всю территорию республики, включающую Нахичеванскую АССР и Нагорно-Карабахскую автономную область, являющиеся неотъемлемой частью Азербайджана.

Территория Азербайджанской ССР неотчуждаема и не может быть изменена без ее согласия, выраженного народным голосованием (референдумом), проводимым по решению Верховного Совета Азербайджанской ССР среди всего населения республики.

Азербайджанская ССР имеет право свободного выхода из СССР. Это право осуществляется путем народного голосования (референдума)...

Азербайджанская ССР участвует в решении вопросов, отнесенных к ведению Союза ССР в высших органах государственной власти и управления СССР и других органах Союза ССР. Это право гарантируется путем обеспечения представительства Азербайджанской ССР в органах государственной власти и управления Союза на равных основаниях с другими союзными республиками.

Земля, ее недра, леса, воды и другие природные ресурсы Азербайджанской ССР являются национальным богатством, государственной собственностью республики и принадлежат народу Азербайджана.

Народ Азербайджанской ССР в лице его высших органов государственной власти и управления обладает неотъемлемым правом распоряжаться природными и материально-техническими ресурсами республики.

Азербайджанская ССР осуществляет меры по обеспечению экономической самостоятельности республики.

Азербайджанская ССР обеспечивает комплексное экономическое, социальное и культурное развитие на своей территории, осуществляет контроль за деятельностью всех предприятий, учреждений и организаций, расположенных на территории республики».

Кратко: цитируемый Конституционный Закон существенно расширяет права республики в рамках СССР, но не ставит вопрос об истинном суверенитете. Очевидно, что более радикальному подходу препятствовала в то время ситуация в Нахичеванской АССР и Нагорно-Карабахской автономной области.

Грузия, 9 марта 1990 года (5)

Извлечение из Постановления Верховного Совета Грузинской ССР от 9 марта 1990 г. «О гарантиях защиты государственного суверенитета Грузии»:

«Верховный Совет Грузинской ССР, подтверждая заключение Комиссии Верховного Совета Грузинской ССР по вопросам политической и правовой оценки нарушения договора, заключенного между Грузией и Советской Россией 7 мая 1920 года, признает, что ввод войск Советской России в Грузию в феврале 1921 года и занятие всей ее территории являлись с правовой точки зрения военным вмешательством (интервенцией) и оккупацией с целью свержения существующего политического строя, а с политической точки зрения — фактической аннексией;

осуждая оккупацию и фактическую аннексию Грузии Советской Россией как международное преступление, стремится к аннулированию последствий нарушения Договора от 7 мая 1920 года для Грузии и к восстановлению прав Грузии, признанных Советской Россией этим договором.

Верховный Совет Грузинской ССР объявляет незаконными и недействительными Союзный рабоче-крестьянский договор между ГССР и РСФСР от 21 мая 1921 года и Союзный договор об образовании Федеративного Союза Социалистических Советских Республик Закавказья от 12 марта 1922 года и постановляет:

Начать переговоры о восстановлении независимого Грузинского государства, поскольку Договор об образовании Союза Советских Социалистических Республик от 30 декабря 1922 года является в отношении Грузии незаконным».

РСФСР, 12 июня 1990 года (6)

Декларация Съезда Народных депутатов РСФСР от 12 июня 1990 г. О государственном суверенитете Российской Советской Федеративной Социалистической Республики:

«Первый Съезд народных депутатов РСФСР, сознавая историческую ответственность за судьбу России, свидетельствуя уважение к суверенным правам всех народов, входящих в Союз Советских Социалистических Республик, выражая волю народов РСФСР, торжественно провозглашает государственный суверенитет РСФСР на всей ее территории и заявляет о решимости создать демократическое правовое государство в составе обновленного СССР.

1. Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика есть суверенное государство, созданное исторически объединившимися в нем народами.

2. Суверенитет РСФСР — естественное и необходимое условие существования государственности России, имеющей многовековую историю, культуру и сложившиеся традиции.

3. Носителем суверенитета и источником государственной власти в РСФСР является ее многонациональный народ. Народ осуществляет государственную власть непосредственно и через представительные органы на основе Конституции РСФСР.

4. Государственный суверенитет РСФСР провозглашается во имя высших целей — обеспечения каждому человеку неотъемлемого права на достойную жизнь, свободное развитие и пользование родным языком, а каждому народу — на самоопределение в избранных им национально-государственных и национально-культурных формах.

5. Для обеспечения политических, экономических и правовых гарантий суверенитета РСФСР устанавливается:

6. полнота власти РСФСР при решении всех вопросов государственной и общественной жизни, за исключением тех, которые ею добровольно передаются в ведение Союза ССР;

7. верховенство Конституции РСФСР и законов РСФСР на всей территории РСФСР; действие актов Союза ССР, вступающих в противоречие с суверенными правами РСФСР, приостанавливается Республикой на своей территории. Разногласия между Республикой и Союзом разрешаются в порядке, устанавливаемом Союзным договором;

исключительное право народа на владение, пользование и распоряжение национальным богатством России;

полномочное представительство РСФСР в других союзных республиках и зарубежных странах;

право Республики участвовать в осуществлении полномочий, переданных ею Союзу ССР.

6.Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика объединяется с другими республиками в Союз на основе Договора. РСФСР признает и уважает суверенные права союзных республик и Союза ССР.

7.РСФСР сохраняет за собой право свободного выхода из СССР в порядке, устанавливаемом Союзным договором и основанным на нем законодательством.

8.Территория РСФСР не может быть изменена без волеизъявления народа, выраженного путем референдума.

9. Съезд народных депутатов РСФСР подтверждает необходимость существенного расширения прав автономных республик, автономных областей, автономных округов, равно как краев и областей РСФСР...

10. Всем гражданам и лицам без гражданства, проживающим на территории РСФСР, гарантируются права и свободы, предусмотренные Конституцией РСФСР, Конституцией СССР и общепризнанными нормами международного права.

Представителям наций и народностей, проживающим в РСФСР за пределами своих национально-государственных образований или не имеющим их на территории РСФСР, обеспечиваются их законные политические, экономические, этнические и культурные права.

Граждане РСФСР за пределами Республики находятся под защитой и покровительством РСФСР.

11.На всей территории РСФСР устанавливается республиканское гражданство РСФСР. За каждым гражданином РСФСР сохраняется гражданство СССР.

РСФСР гарантирует всем гражданам, политическим партиям, общественным организациям, массовым движениям и религиозным организациям, действующим в рамках Конституции РСФСР, равные правовые возможности участвовать в управлении государственными и общественными делами.

12.Разделение законодательной, исполнительной и судебной властей является важнейшим принципом функционирования РСФСР как правового Государства.

13.РСФСР заявляет о своей приверженности общепризнанным принципам международного права и готовности жить со всеми странами и народами в мире и согласии, принимать все меры к недопущению конфронтации в международных, межреспубликанских и межнациональных отношениях, отстаивая при этом интересы народов России.

15. Настоящая Декларация является основой для разработки новой Конституции РСФСР, заключения Союзного договора и совершенствования республиканского законодательства.

Председатель Верховного Совета РСФСР Б.Н. Ельцин».

Узбекистан, 20 июня 1990 года. (7)

Декларация «О суверенитете»:

«Верховный Совет Узбекской Советской Социалистической Республики,

исходя из исторического опыта государственного строительства и сложившихся традиций узбекского народа, обеспечения каждой нации права на самоопределение, во имя высшей цели обеспечения каждому человеку права на достойную жизнь,

глубоко осознавая историческую ответственность за судьбу народов Узбекистана,

исходя из международно-правовых норм, общечеловеческих ценностей и принципов демократии,

провозглашает государственный суверенитет Узбекской Советской Социалистической Республики.

1. Государственный суверенитет Узбекской ССР есть верховенство демократического государства Узбекской ССР на всех составных частях своей территории и во всех внешних сношениях.

2. Государственная территория, граница Узбекской ССР неприкосновенны, неделимы и не могут быть изменены без волеизъявления народа.

3. Государственная власть Узбекской ССР осуществляется над всеми частями ее территории и распространяется на все население, проживающее на ней.

4. Решения, принимаемые Верховным Советом СССР, приобретают силу на территории Узбекской ССР только после их утверждения Верховным Советом Узбекской ССР в соответствии с Конституцией Узбекской ССР.

5. В ведение государственной власти Узбекской ССР входят все вопросы внутренней и внешней политики.

6. Узбекская ССР признает и уважает основные принципы международного права.

7. Узбекская ССР определяет принципы и осуществляет политические, экономические, культурные и иные отношения с союзными республиками и другими государствами на основе договоров.

8. Узбекская ССР определяет свой путь развития, свое название, учреждает свою государственную символику: герб, флаг, гимн.

9. Суверенитет Каракалпакской Автономной Советской Социалистической Республики обеспечивается Конституцией автономной республики, Узбекская ССР защищает интересы Каракалпакской АССР в соответствии с ее Основным Законом и Конституцией Узбекской ССР.

10.Законодательная власть Узбекской ССР разрабатывает законы и законоположения, необходимые для реализации государственного суверенитета Узбекской ССР, определяет состав и структуру политической и экономической системы Узбекской ССР.

11.Верховный Совет Узбекской ССР заявляет о решимости создать демократическое правовое государство, определяемое всенародным референдумом, гарантирует представителям всех наций и народностей, проживающих в Узбекской ССР, их законные политические, экономические, этнические, культурные права и развитие родного языка.

12.Настоящая декларация является основой для разработки новой Конституции Узбекской ССР и нового Союзного договора».

Принята на второй сессии Верховного Совета Узбекской ССР 20 июня 1990 г.

Молдова, 23 июня 1990 года (8)

В Декларации Верховного Совета ССР Молдова от 23 июня 1990 **«О суверенитете Советской Социалистической Республики Молдова»** говорится:

«признавая истину, что все люди равны и имеют неотъемлемое право на жизнь, свободу и благополучие,

сознавая свою историческую ответственность за судьбу Молдовы, имеющей свою историю, культуру, традиции, которые исчисляются тысячелетиями,

уважая право на суверенность всех народов, в целях установления права, защиты законности и социальной стабильности, выражая волю народа, торжественно заявляет:

1.Советская Социалистическая Республика Молдова есть суверенное государство. Суверенитет ССР Молдова — естественное и необходимое условие существования государственности Молдовы».

В 12 следующих статьях содержатся заявления о том, что носителем и источником суверенитета является народ, что ССР Молдова - единое и неделимое государство, что земля, ее недра, и другие природные ресурсы на территории ССР Молдова являются исключительной собственностью ССР Молдова... Верховный Совет ССР Молдова устанавливает полноту власти Республики Молдова при решении всех вопросов государственной и общественной жизни, верховенство Конституции и законов ССР Молдова на всей территории ССР Молдова. Законы и другие нормативные акты Союза ССР действуют в Молдове лишь после их ратификации Верховным Советом Республики. Действие ранее принятых актов, которые противоречат суверенитету Молдовы, приостанавливается.

«Советская Социалистическая Республика Молдова в

качестве равноправного субъекта международных отношений объявляет себя демилитаризованной зоной, активно способствует укреплению мира и безопасности, непосредственно участвует в европейском процессе сотрудничества и безопасности и в европейских структурах... Настоящая Декларация является основой для разработки новой Конституции ССР Молдова..., позицией ССР Молдова при подготовке и заключении Союзного Договора в рамках сообщества суверенных государств».

Украина, 16 июля 1990 года (9)

Декларация «О государственном суверенитете Украины» от 16 июля 1990 года, фактически, является программой преобразования Украины в независимое государство. Она состоит из преамбулы и десяти разделов:

- I. Самоопределение украинской нации;
- II. Народовластие;
- III. Государственная власть;
- IV. Гражданство Украинской ССР;
- V. Территориальное верховенство;
- VI. Экономическая самостоятельность;
- VII. Экологическая безопасность;
- VIII. Культурное развитие;
- IX. Внешняя и внутренняя безопасность;
- X. Международные отношения.

Государственный суверенитет Украины провозглашён как верховенство, самостоятельность, полнота и неделимость власти Республики в пределах ее территории и независимость и равноправие во внешних сношениях.

Приводимые ниже фрагменты Декларации показывают, что Украина намерена строить суверенное, правовое демократическое государство, которое находится в составе СССР, претендует при выходе из СССР на собственность как на территории самой Украины, так и за её пределами, признает преимущество общечеловеческих ценностей над классовыми, приоритет общепризнанных норм международного права перед нормами внутригосударственного права.

Отношения с другими советскими республиками строятся на основе договоров, заключенных на принципах равноправия, взаимоуважения и невмешательства во внутренние дела.

Декларация определяет позиции Республики при заключении международных соглашений. Принципы Декларации о суверенитете Украины используются для заключения союзного договора.

«Украинская ССР как суверенное национальное государство развивается в существующих границах на основе осуществления украинской нацией своего неотъемлемого права на самоопределение.

Украинская ССР осуществляет защиту и охрану национальной государственности украинского народа»...

«Граждане Республики всех национальностей составляют народ Украины. Народ Украины является единственным источником государственной власти в Республике.»

«От имени всего народа может выступать исключительно Верховный Совет Украинской ССР».

«Украинская ССР осуществляет верховенство на всей своей территории... Территория Украинской ССР в существующих границах является неприкосновенной... Украинская ССР самостоятельно определяет административно-территориальное устройство Республики и порядок образования национально-административных единиц.»

«Украинская ССР самостоятельно определяет свой экономический статус и закрепляет его в законах. Народ Украины имеет исключительное право на владение, пользование и распоряжение национальным богатством Украины.»

«Украинская ССР имеет право на свою долю в общесоюзном богатстве, в частности в общесоюзных алмазном и валютном фондах, золотом запасе, которые созданы благодаря усилиям народа Республики.»

«Украинская ССР самостоятельно создает банковскую (включая внешнеэкономический банк), ценовую, финансовую, таможенную, налоговую системы, формирует государственный бюджет, а при необходимости вводит свою денежную единицу...

Украинская ССР обеспечивает защиту всех форм собственности.

Украинская ССР имеет право на возмещение ущерба, нанесенного экологии Украины действиями союзных органов...

Украинская ССР имеет право на возвращение в собственность народа Украины национальных, культурных и исторических ценностей, находящихся за пределами Украинской ССР...

Украинская ССР имеет право на собственные Вооруженные Силы...

Украинская ССР как субъект международного права осуществляет непосредственные сношения с другими государствами, заключает с ними договоры, обменивается дипломатическими, консульскими, торговыми представительствами...»

Беларусь, 27 июля 1990 года (10)

В приводимый далее текст Декларации внесены изменения согласно Закону БССР «О названии БССР и внесении изменений в Декларацию ВС БССР о государственном суверенитете БССР и Конституцию БССР» от 19 сентября 1991 года.

Декларация Верховного Совета Республики Беларусь от 27 июля 1990 г. № 193-ХІ.

«О государственном суверенитете Республики Беларусь».

Верховный Совет Республики Беларусь, выражая волю народа Республики Беларусь, осознавая ответственность за судьбу белорусской нации, подтверждая уважение достоинства и прав людей всех национальностей, проживающих в Республике Беларусь, свидетельствуя уважение к суверенным правам всех народов Союза ССР и мира, считая республику полноправным и независимым членом мирового сообщества, действуя в соответствии с принципами Всеобщей Декларации прав человека и другими общепризнанными международно-правовыми актами, торжественно провозглашает полный государственный суверенитет Республики Беларусь как верховенство, самостоятельность и полноту государственной власти республики в границах ее территории, правомочность ее законов, независимость республики во внешних отношениях и заявляет о решительности создать правовое государство.

Статья 1.

Республика Беларусь — суверенное государство, утвердившееся на основе осуществления белорусской нацией ее неотъемлемого права на самоопределение, государственности белорусского языка, верховенства народа в определении своей судьбы.

Неотъемлемые права Республики Беларусь как суверенного государства реализуются в соответствии с общепризнанными нормами международного права. Республика Беларусь охраняет и защищает национальную государственность белорусского народа. Республика Беларусь имеет свой герб, флаг и гимн. Любые насильственные действия против национальной государственности Республики Беларусь со стороны политических партий, общественных объединений или лиц преследуются по закону.

Статья 2

Граждане Республики Беларусь всех национальностей составляют белорусский народ, являющийся носителем суверенитета и единственным источником государственной власти в республике. Его полномочия реализуются непосредственно и через представительные органы

государственной власти. Право выступать от имени всего народа республики принадлежит исключительно Верховному Совету Республики Беларусь.

Статья 3

Государственный суверенитет Республики Беларусь утверждается во имя высшей цели — свободного развития и благополучия, достойной жизни каждого гражданина республики на основе обеспечения прав личности в соответствии с Конституцией Республики Беларусь и ее международными обязательствами.

Статья 4

Гражданство Республики Беларусь является неотъемлемой частью ее суверенитета. Республика охраняет честь, здоровье, права и законные интересы своих граждан, обеспечивает их социальную защищенность. Они находятся под ее защитой, пребывая за пределами Республики Беларусь. Республика принимает в гражданство и решает вопросы о выходе из гражданства.

Статья 5

Земля, ее недра, другие природные ресурсы на территории Республики Беларусь, воздушное пространство являются собственностью белорусского народа, которому принадлежат исключительные права по их владению, пользованию и распоряжению. Определение правового режима всех видов имущества относится к исключительной компетенции Республики Беларусь. Республика Беларусь имеет право на свою долю в общесоюзном имуществе соответственно вкладу белорусского народа и как республика — основательница Советского Союза, которая была его праводеятельным субъектом, имеет право на свою долю от алмазного, валютного фондов и золотого запаса СССР. Республика Беларусь создает Национальный банк, подчиненный Верховному Совету республики, создает свою финансово-кредитную систему, подтверждает право собственности на специализированные банки, находящиеся на ее территории, на момент принятия этой Декларации, организует собственные налоговую и таможенную службы, имеет право на создание собственной денежной системы.

Статья 6

Территория Республики Беларусь является неделимой и неприкосновенной и не может быть изменена или использована без согласия Республики Беларусь.

Все вопросы о границах решаются только на основе взаимного согласия между Республикой Беларусь и смежными суверенными государствами путем заключения соответствующих договоров,

которые подлежат ратификации Верховным Советом Республики Беларусь.

Статья 7

На территории Республики Беларусь устанавливается верховенство Конституции Республики Беларусь и законов Республики Беларусь.

Все граждане и лица без гражданства, государственные органы, предприятия, учреждения и организации, находящиеся или действующие на территории Республики Беларусь, обязаны исполнять законодательство Республики Беларусь.

Разграничение законодательной, исполнительной и судебной власти является важнейшим принципом существования Республики Беларусь как правового государства.

Высший надзор за точным и единообразным исполнением законов Республики Беларусь осуществляется Генеральным прокурором Республики Беларусь, который назначается Верховным Советом Республики Беларусь.

Статья 8

Республика Беларусь самостоятельно устанавливает порядок организации на территории республики охраны природы, использования природных ресурсов и обеспечивает народу республики экологическую безопасность.

Республика Беларусь имеет право на возмещение ущерба, нанесенного ей действиями союзных органов, союзных республик и других государств.

Республика Беларусь требует от Правительства СССР безусловной и срочной компенсации ущерба, связанного с преодолением последствий Чернобыльской катастрофы.

Свою свободу и суверенитет Республика Беларусь в первую очередь использует на спасение народа Республики Беларусь от последствий Чернобыльской катастрофы.

Статья 9

Республика Беларусь самостоятельна в решении вопросов культурного и духовного развития белорусской нации, других национальных общностей республики, в создании собственной системы информации, образования и воспитания.

Республика Беларусь обеспечивает функционирование белорусского языка во всех сферах общественной жизни, сохранение национальных традиций и исторической символики. Национальные, культурные и исторические ценности на территории Республики Беларусь являются исключительно собственностью республики и ее граждан.

Статья 10

Республика Беларусь имеет право на собственные Вооруженные Силы, внутренние войска, органы государственной и общественной безопасности, подконтрольные Верховному Совету Республики Беларусь.

Республика Беларусь имеет суверенное право определять порядок и условия прохождения ее гражданами воинской службы, службы в органах государственной и общественной безопасности, решать вопросы размещения войск и вооружения на своей территории.

Никакие воинские формирования других стран, их военные базы и сооружения не могут быть размещены на территории Республики Беларусь без согласия ее Верховного Совета. **Республика Беларусь ставит целью сделать свою территорию безъядерной зоной, а республику — нейтральным государством.**

Статья 11

Республика Беларусь самостоятельно осуществляет права на добровольные союзы с другими государствами и свободный выход из этих союзов.

Республика Беларусь предлагает безотлагательно приступить к разработке Договора о союзе суверенных социалистических государств.

Статья 12

Положения настоящей Декларации реализуются Верховным Советом Республики Беларусь путем принятия новой Конституции (Основного Закона) Республики Беларусь.

Туркменистан. 22 августа 1990 года (11)

Декларация Верховного Совета Туркменской ССР от 22 августа 1990 г.

«О государственном суверенитете Туркменской Советской Социалистической Республики» (извлечения):

«Верховный Совет Туркменской ССР... провозглашает государственный суверенитет Туркменской Советской Социалистической Республики как верховенство, самостоятельность, полноту и неделимость власти республики на всей ее территории, независимость и равноправие во внешних сношениях.

1. Туркменская ССР — суверенное национальное государство, осуществляющее всю полноту власти на всей своей территории.

Туркменская ССР обеспечивает защиту и охрану национальной государственности туркменского народа.

2. Туркменская ССР заявляет о стремлении создать гуманное демократическое общество, в котором верховенство принадлежит закону.

Носителем суверенитета и источником государственной власти в Туркменской ССР является ее народ...

3. Государственный суверенитет Туркменской ССР реализуется во имя высших целей — обеспечения каждому человеку прав и свобод, провозглашаемых Всеобщей декларацией прав человека, Конституцией Туркменской ССР, Конституцией СССР и нормами международного права.

4. Туркменская Советская Социалистическая Республика добровольно объединяется с другими республиками в Союз на основе Договора. Республика сохраняет за собой право свободного выхода из Союза ССР и правомочность самой устанавливать политический и экономический строй. Туркменская ССР подтверждает свое право в осуществлении полномочий, добровольно переданных ею в ведение Союза.

5. На всей территории Туркменской ССР устанавливается верховенство Конституции и законов Туркменской ССР. Действие актов Союза ССР, противоречащих суверенным правам Туркменской ССР, приостанавливается высшими органами государственной власти и управления республики на всей своей территории.

Государственная власть в Туркменской ССР осуществляется по принципу ее разделения на законодательную, исполнительную и судебную...

6. Территория Туркменской ССР в существующих границах является неприкосновенной, не может быть изменена или использована в той или иной форме без волеизъявления туркменского народа.

7. На территории Туркменской ССР устанавливается республиканское гражданство с сохранением гражданства Союза ССР. Туркменская ССР обеспечивает равенство перед законом всех граждан республики независимо от происхождения, социального и имущественного положения, расовой и национальной принадлежности, пола, образования, языка, политических взглядов, религиозных убеждений, рода и характера занятий, места жительства и других обстоятельств.

Граждане Туркменской ССР за пределами республики находятся под защитой и покровительством Туркменской ССР, органы власти республики создают условия для удовлетворения их культурных и языковых потребностей.

Гражданам других союзных республик и иностранных государств, лицам без гражданства на территории Туркменской ССР гарантируются права и свободы, предусмотренные

Конституцией Туркменской ССР, Конституцией СССР и нормами международного права.

8. Туркменская ССР самостоятельно решает все вопросы внутренней и внешней безопасности республики. Республика определяет порядок прохождения воинской службы гражданами Туркменской ССР, контролирует обеспечение их прав и условий службы, использование в военных целях.

Туркменская ССР ставит своей целью сделать территорию республики зоной, свободной от ядерного, химического, бактериологического и других видов оружия массового поражения.

9. Туркменская ССР осуществляет непосредственные сношения с другими государствами...

10. Земля, ее недра, воздушное пространство, водные и другие природные ресурсы, находящиеся в пределах территории Туркменской ССР и морской экономической зоны, являются национальным достоянием и собственностью туркменского народа и служат материальной основой суверенитета республики. Народ Туркменистана имеет исключительное право на владение, пользование и распоряжение этим богатством, а также всем созданным на территории республики экономическим и научно-техническим потенциалом.

12... Туркменская ССР самостоятельно устанавливает объемы добычи и условия поставок (вывоза) полезных ископаемых и сырья, осуществляет регулирование (лицензирование, квотирование) внешнеэкономической деятельности, управляет таможенной службой на территории республики. Туркменская ССР имеет право на свою долю в общесоюзной собственности, алмазном, валютном фондах и золотом запасе СССР.

14. Туркменская ССР образует Национальный банк...

15. Туркменская ССР обеспечивает... функционирование туркменского языка как государственного языка.

16. Национальные, культурные и исторические ценности на территории Туркменской ССР являются исключительно собственностью республики и ее народа. Туркменская ССР имеет право на возвращение в собственность народа Туркменистана национальных, культурных и исторических ценностей, находящихся за пределами республики...

Декларация является основой для разработки новой Конституции Туркменской ССР, заключения Союзного договора, совершенствования республиканского законодательства».

Армения 23 августа 1990 года. (12)

Декларация Верховного Совета Армянской ССР

О независимости Армении

«Верховный Совет Армянской ССР, выражая единую волю народа Армении, сознавая свою ответственность за судьбу армянского народа в осуществлении чаяний всех армян и восстановлении исторической справедливости, исходя из принципов Всеобщей декларации прав человека и общепризнанных норм международного права, претворяя в жизнь право наций на свободное самоопределение, основываясь на совместном Постановлении Верховного Совета Армянской ССР и Национального Совета Нагорного Карабаха от 1 декабря 1989 года «О воссоединении Армянской ССР и Нагорного Карабаха», развивая демократические традиции образованной 28 мая 1918 года независимой Республики Армения, имея целью создание демократического, правового общества,

ПРОВОЗГЛАШАЕТ

начало процесса утверждения независимой государственности.

1. Армянская ССР переименовывается в Республику Армения, сокращенно — Армения.

Республика Армения имеет свой флаг, герб и гимн.

2. Республика Армения — суверенное государство, наделенное верховенством государственной власти, независимостью, полноправием.

На всей территории Республики Армения действуют только Конституция и законы Республики Армения.

3. Носителем армянской государственности является народ Республики Армения, который осуществляет свою власть непосредственно и через представительные органы — на основе Конституции и законов Республики Армения.

Право выступать от имени народа республики принадлежит исключительно Верховному Совету Республики Армения.

4. Для всех граждан, проживающих на территории Республики Армения, устанавливается гражданство Республики Армения.

Армяне, проживающие за пределами Республики Армения, имеют право на гражданство Республики Армения.

Граждане Республики Армения находятся под ее защитой и покровительством.

Республика Армения обеспечивает свободное и равноправное развитие своих граждан независимо от национальности, расовой принадлежности и вероисповедания.

5. В целях обеспечения своей безопасности и неприкосновенности границ Республика Армения создает подчиняющиеся Верховному Совету собственные Вооруженные

Силы, внутренние войска, органы государственной и общественной безопасности.

Республика Армения имеет право на свою долю в вооружениях СССР.

Республика Армения самостоятельно определяет порядок прохождения воинской службы своих граждан.

Войсковые соединения других стран, их военные базы и сооружения могут размещаться на территории Республики Армения только по решению ее Верховного Совета.

Вооруженные Силы Республики Армения могут быть использованы только по решению ее Верховного Совета.

6. Республика Армения как субъект международного права проводит независимую внешнюю политику, устанавливает прямые отношения с другими государствами, национально-государственными образованиями СССР, участвует в деятельности международных организаций.

7. Национальное богатство Республики Армения — земля, недра, воздушное пространство, водные и другие природные ресурсы, экономический, интеллектуальный, культурный потенциал — собственность ее народа. Порядок владения, пользования и распоряжения ими определяется законами Республики Армения.

Республика Армения имеет право на свою долю национального богатства СССР, в том числе золотого запаса, алмазного и валютного фондов.

8. Республика Армения на основе многообразия видов собственности определяет принципы и порядок своей экономической деятельности, учреждает собственные денежные знаки, национальный банк, финансово-кредитную систему, налоговую и таможенную службы.

9. На своей территории Республика Армения обеспечивает: свободу слова, печати, совести;

разграничение законодательной, исполнительной и судебной властей; многопартийность, равноправие партий, деполитизацию правоохранительных органов и Вооруженных Сил.

10. Республика Армения обеспечивает функционирование армянского языка как государственного языка во всех сферах жизни республики, создает собственную систему образования, науки и культуры.

11. Республика Армения выступает за международное признание геноцида армян 1915 года в Османской Турции и Западной Армении.

12. Настоящая Декларация служит основой для разработки Конституции Республики Армения, внесения изменений и дополнений в действующую Конституцию, деятельности государственных органов, разработки нового законодательства Республики».

Таджикистан, 24 августа 1990 года (13)

Декларация Верховного Совета Таджикской ССР от 24 августа 1990 г. **О государственном суверенитете Таджикской ССР.**

«Верховный Совет Таджикской Советской Социалистической Республики торжественно провозглашает суверенитет Таджикской Советской Социалистической Республики и заявляет о решимости создать демократическое правовое государство.

1. Таджикская Советская Социалистическая Республика есть суверенное многонациональное государство.

Государственный суверенитет Таджикской ССР выражается в единстве и верховенстве государственной власти на всей территории Таджикской ССР и независимости во внешних сношениях.

2. Граждане Таджикской ССР, независимо от национальности, составляют народ Таджикской ССР, являющийся носителем суверенитета и единственным источником государственной власти в республике. Народ осуществляет государственную власть как непосредственно, так и через представительные органы на основе Конституции Таджикской ССР.

Ни одна политическая партия, общественная, религиозная организация, массовое движение, группа людей или отдельное лицо не могут выступать от имени народа Таджикской ССР. Это право принадлежит только Верховному Совету Таджикской ССР.

3. Государственная власть в Таджикской ССР осуществляется по принципу разделения на законодательную, исполнительную и судебную.

4. Таджикская ССР на своей территории самостоятельно решает все вопросы, связанные с политическим, экономическим, социально-культурным строительством, за исключением тех, которые ею добровольно будут переданы Союзу ССР.

5. На территории республики устанавливается верховенство Конституции Таджикской ССР и законов Таджикской ССР; действие актов Союза ССР, вступающих в противоречие с суверенными правами Таджикской ССР, приостанавливается Верховным Советом Таджикской ССР. Разногласия между Таджикской ССР и Союзом ССР по поводу законности актов разрешаются в установленном порядке.

Все граждане Таджикской ССР, лица без гражданства, государственные, общественные и религиозные организации осуществляют свою деятельность в соответствии с Конституцией Таджикской ССР и законами Таджикской ССР и находятся под защитой закона.

Высший надзор за точным и единообразным исполнением законов на территории республики осуществляет прокурор Таджикской ССР, назначаемый Верховным Советом Таджикской

ССР. Прокурор Таджикской ССР ответственен и подотчетен Верховному Совету Таджикской ССР.

6.Таджикская ССР признает и уважает суверенные права Союза ССР и союзных республик, строит свои взаимоотношения с ними на основе договоров, соглашений, может иметь своих полномочных представителей в других союзных республиках.

7.Таджикская ССР сохраняет за собой право свободного выхода из Союза ССР в порядке, устанавливаемом Союзным договором и основанном на нем законодательстве.

8.В Таджикской ССР все политические партии, общественные организации, массовые движения, действующие в рамках Конституции Таджикской ССР, являются равноправными, им создаются условия для участия в управлении государственными и общественными делами.

9. На территории Таджикской ССР устанавливается республиканское гражданство. Каждый гражданин Таджикской ССР одновременно является гражданином СССР.

10. Таджикская ССР гарантирует всем гражданам и лицам без гражданства, проживающим на территории республики, независимо от их происхождения, социального и имущественного положения, расовой и национальной принадлежности, языка, пола, политических взглядов, религиозных убеждений, рода и характера занятий, места жительства и других обстоятельств, всю полноту прав и свобод, предусмотренных Конституцией Таджикской ССР, Конституцией СССР и общепризнанными нормами международного права.

Таджикская ССР проявляет заботу и принимает меры по охране и защите интересов граждан Таджикской ССР, находящихся за пределами республики.

11.Территория Таджикской ССР является неприкосновенной и не может быть изменена без согласия ее народа.

12.Таджикская ССР имеет исключительное право на владение, пользование и распоряжение национальным богатством республики. Земля, недра, другие природные ресурсы на территории республики являются исключительной собственностью Таджикской ССР.

13.Таджикская ССР образует специализированные банки, самостоятельно определяет финансовую, кредитную и ценовую политику.

14.Таджикская ССР обеспечивает национально-культурное возрождение таджикского народа, его добрые исторические обычаи и традиции, а также гарантирует всем национальностям, проживающим на территории республики, гражданские, политические, экономические права и их свободное национально-культурное развитие.

15.Таджикская ССР осуществляет непосредственные сношения с иностранными государствами, заключает с ними договоры экономического, культурного и научно-технического

характера, обменивается дипломатическими, консульскими, торговыми представительствами, в случае необходимости принимает участие в деятельности международных организаций.

16.Таджикская ССР является сторонником общепризнанных принципов и норм международного права, решения всех разногласий политическими средствами, уважает права, свободы и суверенитет всех народов и стран, стремится к дружбе, братству и дальнейшему прогрессу во всем мире.

17.Ежегодно отмечать 14 октября как день образования Таджикской Советской Социалистической Республики, объявив его выходным днем.

18.Символы государственного суверенитета Таджикской ССР (герб, флаг, гимн) являются священными, их неприкосновенность охраняется законом.

19.Настоящая Декларация является основой для разработки новой Конституции Таджикской ССР, заключения Союзного договора».

Казахстан, 25 октября 1990 года (14)

Декларация Верховного Совета Казахской ССР

от 25 октября 1990 г. № 1700

«О государственном суверенитете Казахской Советской Социалистической Республики» (с сокращениями).

«Верховный Совет Казахской Советской Социалистической Республики, выражая волю народа Казахстана... провозглашает государственный суверенитет Казахской Советской Социалистической Республики и принимает настоящую Декларацию.

1. Казахская Советская Социалистическая Республика есть суверенное государство, которое добровольно объединяется с другими республиками в Союз суверенных республик и строит взаимоотношения с ними на договорной основе.

Казахская ССР сохраняет за собой право свободного выхода из Союза.

2. Казахская ССР принимает меры по охране, защите и укреплению национальной государственности...

3. Территория Казахской ССР в существующих границах является неделимой и неприкосновенной и не может быть использована без ее согласия...

4. Граждане Республики всех национальностей составляют народ Казахстана, и он является единственным носителем суверенитета и источником государственной власти в Казахской ССР, осуществляет государственную власть как непосредственно, так и через представительные органы на основе Конституции Казахской ССР...

5. Казахская ССР имеет свое гражданство и гарантирует каждому гражданину право на сохранение гражданства СССР.

Гражданам, проживающим на территории Республики, гарантируются все права и свободы, предусмотренные Конституцией СССР и Конституцией Казахской ССР, безотносительно к их национальной и партийной принадлежности, происхождению, социальному и имущественному положению, полу, вероисповеданию, роду занятий, месту жительства. Посягательство на гражданское и национальное равноправие карается по закону.

Казахская ССР гарантирует общественным, политическим и религиозным организациям, массовым движениям, действующим в рамках Конституции Казахской ССР, равные правовые возможности участвовать в государственной и общественной жизни...

6. Государственная власть Казахской ССР обладает верховенством, самостоятельностью, полнотой внутри Республики, а также во внешних сношениях в рамках, определенных Союзным договором.

Казахская ССР самостоятельно решает все вопросы, связанные с политическим, экономическим, социальным и национально-культурным строительством в Республике, ее административно-территориальным устройством, определяет структуру и компетенцию органов государственной власти и управления, а также символы Республики.

7. Государственная власть в Республике осуществляется по принципу ее разделения на законодательную, исполнительную и судебную... Казахская ССР вправе приостанавливать на своей территории действие законов и других актов высших органов Союза, нарушающих суверенные права и Конституцию Республики.

8. В исключительной собственности Республики, составляя основу ее суверенитета, находятся земля и ее недра, воды, воздушное пространство, растительный и животный мир..,

В Казахской ССР обеспечивается многообразие и равенство форм собственности и гарантируется их защита...

9. Казахская ССР вправе образовать Государственный национальный банк, подчиненный Верховному Совету Республики, свою финансово-кредитную систему, самостоятельно формирует государственный бюджет, организует налоговую и союзно-республиканскую таможенную системы. Казахская ССР имеет право на свою долю в общесоюзном имуществе.

10. Казахская ССР самостоятельно устанавливает порядок, организацию охраны экологической среды Республики, использования природных ресурсов, обеспечивает народу экологическую безопасность и имеет право запретить строительство и прекратить функционирование на своей

территории любых предприятий, учреждений, организаций, других объектов, являющихся источником экологической опасности.

На территории Республики запрещаются испытание ядерного оружия, строительство и функционирование испытательных полигонов для иных видов оружия массового уничтожения (химического, бактериологического, биологического и других).

Казахская ССР имеет право на возмещение ущерба, причиненного здоровью населения, природной среде и экономике Республики действиями союзных органов, союзных республик и иных государств, а также деятельностью на ее территории ядерных и других полигонов, объектов военно-промышленного комплекса.

11. Представителям наций и народностей, проживающим в Казахской ССР за пределами своих национально-государственных и автономных образований или не имеющим их на территории Союза, гарантируются правовое равенство и равные возможности во всех сферах общественной жизни.

Казахская ССР проявляет заботу об удовлетворении национально-культурных, духовных и языковых потребностей казахов, проживающих за пределами Республики.

12. Казахская ССР обладает правом на собственные внутренние войска, органы государственной безопасности и внутренних дел, подчиненные и подконтрольные Верховному Совету Казахской ССР и Президенту Казахской ССР.

Республика имеет право... определять порядок и условия прохождения ее гражданами воинской службы, решать вопросы размещения войск и вооружений на своей территории.

13. Казахская ССР обладает правом выступать самостоятельным субъектом международных отношений, определять внешнюю политику в своих интересах, обмениваться дипломатическими и консульскими представительствами, участвовать в деятельности международных организаций, в том числе ООН и ее специализированных учреждений.

Республика строит экономические и торговые связи с зарубежными государствами на основе взаимовыгодных договоров с соблюдением принципов добровольности и равноправия, самостоятельно решает вопросы внешнеэкономической деятельности.

14. Охрана суверенных прав Республики осуществляется Казахской ССР и Союзом...

15. Символы государственного суверенитета Казахской ССР — герб, флаг, гимн — являются священными, и всякое надругательство над ними наказуемо законом.

16. Декларация является основой для заключения Союзного договора, разработки новой Конституции Казахской ССР, законодательных актов, реализующих статус Республики как суверенного государства».

Кыргызстан, 15 декабря 1990 года (15)

Декларация Верховного Совета Республики Кыргызстан от 15.12.1990

О государственном суверенитете Республики Кыргызстан

(извлечения)

«Верховный Совет Республики Кыргызстан...

ТОРЖЕСТВЕННО ПРОВОЗГЛАШАЕТ

государственный суверенитет Республики Кыргызстан, означающий верховенство государственной власти Республики на всей территории и независимость во внешних сношениях.

Статья 1. *Республика Кыргызстан — суверенное государство, утвердившееся и развивающееся на основе осуществления кыргызской нацией своего неотъемлемого права на самоопределение, свободного выбора всеми народами Кыргызстана общественного и государственного строя, выражающее и защищающее интересы граждан Республики всех национальностей.*

Статья 2. *Граждане Республики всех национальностей составляют народ Республики Кыргызстан, который является единственным источником государственной власти в Республике...*

Статья 3. *Кыргызская нация, давшая название Республике, имеющая древнюю историю, самобытную культуру, свой язык, обычаи, традиции, заботится о сохранении целостности своего генофонда, этноса, ее национальной государственности, культурного и языкового наследия на основе государственной политики интернационализма, сотрудничества и взаимоуважения граждан всех национальностей...*

Статья 4. *Народ Кыргызстана осуществляет верховную власть непосредственно и через представительные органы...*

Статья 5. *Государственный суверенитет Республики Кыргызстан обеспечивается:*

полнотой государственной власти Республики во всех сферах общественной жизни..., правом добровольного вхождения в Союз суверенных республик на основе договора, правом свободного выхода из Союза суверенных республик, наличием своего государственного языка, герба, флага, гимна и столицы.

Статья 6. *Государственная власть в Республике осуществляется на основе ее разделения на законодательную, исполнительную и судебную...*

Статья 7. *Республика Кыргызстан имеет свое гражданство... Всем гражданам и лицам без гражданства, проживающим на территории Республики, гарантируются права и свободы, предусмотренные Всеобщей Декларацией прав человека и законами Республики. Они не могут подвергаться дискриминации в политическом, экономическом, социальном отношениях по мотивам происхождения, имущественного положения, расовой и национальной принадлежности, цвета кожи, пола, образования,*

языка, рода и характера занятий, места жительства, отношения к религии, политических и иных убеждений, принадлежности к партиям или иным действующим в соответствии с Конституцией общественно-политическим организациям.

Статья 8. Политическая жизнь в Республике осуществляется на основе принципа плюрализма.

Все политические партии, общественно-политические организации, народно-демократические и другие массовые движения работают в рамках Конституции Республики Кыргызстан. Создание новых организаций осуществляется в соответствии с Конституцией и законами Республики. Политические и другие общественно-политические движения, имеющие антиконституционные и антиобщественные цели, запрещаются...

Статья 9. Территория Республики Кыргызстан в существующих границах является неприкосновенной и не может быть изменена и использована без ее согласия.

Статья 10. Республика Кыргызстан самостоятельно организует свою экономическую жизнь.

В Республике функционируют разнообразные формы собственности, обладающие равным правовым статусом, которые являются основой формирования и развития рыночных отношений и направлены на удовлетворение прежде всего интересов граждан Республики, в рамках не запрещенной законом трудовой деятельности доходы граждан не ограничиваются, и наряду с этим осуществляется система социальной защищенности населения.

В Республике Кыргызстан земля, ее недра, воздушное пространство, леса, воды, растительный и животный мир — все природные ресурсы, культурные и исторические ценности, а также весь экономический и научно-технический потенциал, созданный народом Республики, являются его национальным достоянием, исключительной собственностью...

Республика Кыргызстан имеет право на свою долю в общесоюзном богатстве соответственно вкладу народа Республики, в том числе в алмазном, золотом и валютном фондах.

Республика Кыргызстан самостоятельно создает банковскую, ценовую, финансовую, налоговую систему, формирует государственный бюджет, при необходимости вводит свою денежную единицу. Высшим кредитным учреждением Республики является Национальный банк Кыргызстана.

Статья 11. Республика Кыргызстан обеспечивает на своей территории охрану природы, рациональное использование природных ресурсов...

Статья 12. Республика Кыргызстан охраняет и защищает свои государственные интересы, имеет органы внутренних дел и государственной безопасности, вправе создавать внутренние войска.

Республика Кыргызстан определяет порядок и условия прохождения ее гражданами воинской службы, решает вопросы размещения войск и вооружения на своей территории в рамках Союзного договора.

Производство и испытание на ее территории ядерного, химического или иного вида оружия массового уничтожения, а также хранение отходов ядерной энергетики не допускается.

Статья 13. *Республика Кыргызстан является равноправным участником международного общения, активно способствует укреплению мира и международной безопасности. Как субъект международного права Республика осуществляет непосредственные сношения с другими государствами, заключает с ними договоры, обменивается дипломатическими консульскими, торговыми представительствами, принимает участие в деятельности международных организаций...*

Статья 15. *Настоящая Декларация является основой для разработки и принятия новой Конституции Республики Кыргызстан, законов Республики и определяет позиции Республики при заключении нового Союзного договора и международных соглашений».*

Резюме

Все республики СССР приняли декларации о суверенитете до конца 1990 года, многие из них противоречили Конституции СССР и были открыто противопоставлены целостности СССР, так как считали свою конституцию первичной, а Конституцию СССР, фактически, отвергали. Центр указами, подписанными М. Горбачёвым, постоянно им об этом напоминал и призывал исправить республиканские акты, нарушающие союзную конституцию. Декларации о независимости и документы Центра, уличающие республиканских законодателей в нарушении святой святых – Конституции СССР стали фактором, определившим позицию ведущих политиков Запада по отношению к событиям происходящим на территории СССР. Они решительно заявили, что не приемлют распад СССР, что являются противниками сепаратизма. Из глав государств после Миттерана и Коля наиболее определённо высказался президент США Буш в Киеве, призывая УССР подписать союзный договор. Однако процесс, направленный на разделение остановить было уже невозможно. Не сулили успеха и ссылки на мартовский референдум о сохранении единой страны. Все давно осознали лицемерие вынесенного на референдум вопроса, сформулированного всё теми же коммунистическими идеологами. В то, что можно создать единый СССР с человеческим лицом, в котором все будут счастливы, никто не верил. Нужно было кончать с лицемерием и искать иное решение проблемы, сохраняя контроль над процессом неизбежной трансформации империи – Союза Советских Социалистических Республик.

VIII. НАРОДЫ МАЛОЧИСЛЕННЫЕ И К НИМ ПРИРАВНЕННЫЕ

Декларации автономий

Декларативная волна не ограничилась республиками СССР, а покатила и по автономным республикам и даже по автономным областям. Все они также пожелали стать суверенными национальными государствами, правда, в большинстве случаев - в составе обновлённых СССР и РСФСР.

Первой автономной ССР, представительная власть которой официально заявила о своём государственном суверенитете была **Северо-Осетинская АССР**, входящая в состав РСФСР. Принятая её Верховным Советом **«Декларация от 20 июля 1990 года»** по содержанию очень похожа на декларации союзных республик. СО АССР провозгласила себя суверенным государством в составе РСФСР и СССР, созданным народом Северной Осетии, *«во имя высших целей - обеспечения каждому человеку неотъемлемого права на достойную жизнь, свободное развитие, уважения национального достоинства и пользования родным языком»*.

Декларация утверждала гражданство СО АССР, герб, флаг, гимн и столицу, государственными языками русский и осетинский, равные права граждан различной национальности, верховенство законов СО АССР над российскими и союзными, разделение властей, уважение прав человека, иных демократических принципов и объявлялась основой для разработки новой Конституции, совершенствования республиканского законодательства, заключения договоров о вхождении в СССР и в РСФСР.

* * *

Сущность Декларации Верховного Совета Карелии **«О государственном суверенитете Карельской Автономной Советской Социалистической Республики»** от 9 августа 1990 года мало отличается от только что рассмотренной Декларации СО АССР. Дополнительно к предшественнице в ней обращено внимание на необходимость совершенствования местного самоуправления и на возможность изменения *«государственно-правового статуса в порядке, определяемом Федеративным и Союзным договором»*.

* * *

25 августа 1990 г. Декларацию **«О государственном суверенитете»** принял Верховный Совет Абхазской Советской Социалистической Республики. Согласно ей Абхазская Советская Социалистическая республика — суверенное социалистическое государство, созданное на основе осуществления абхазской нацией ее неотъемлемого права на самоопределение. АССР обладает всей полнотой государственной власти на своей территории вне пределов

прав, добровольно переданных ею Союзу ССР и Грузинской ССР на основании заключенных с ними Договоров. Абхазская ССР имеет свой герб, флаг и гимн. Граждане Республики всех национальностей составляют народ Абхазии – носитель суверенитета и источник государственной власти в Абхазской ССР.

В Декларации констатируется разделения законодательной, исполнительной и судебной властей, принадлежность всей полноты государственной власти на территории Абхазской ССР Верховному Совету АССР. Законы Абхазской ССР обладают верховенством на всей территории Абхазской ССР. Действия актов Союза ССР и Грузинской ССР, нарушающих суверенитет Абхазской ССР и вступающих в противоречие с ее правами, приостанавливаются высшими органами законодательной и исполнительной власти Абхазской ССР. Территория Абхазской ССР не может быть изменена без ее согласия, устанавливается гражданство Абхазской ССР, каждому гражданину гарантируется право на сохранение гражданства СССР.

Народ Абхазии имеет исключительное право на владение, пользование и распоряжение национальным богатством Абхазии. Земля, ее недра, воздушное пространство, водные и другие природные ресурсы, находящиеся в пределах территории Абхазской ССР, природные ресурсы ее континентального шельфа, весь экономический и научно-технический потенциал, созданный на территории Абхазии, являются собственностью ее народа, материальной основой суверенитета Республики и используются с целью обеспечения материальных и духовных потребностей ее граждан. АССР самостоятельно создает банковскую, ценовую, финансовую, таможенную и налоговую системы, формирует государственный бюджет и валютный фонд республики, образует национальный банк.

Абхазская ССР подтверждает право и обеспечивает условия для возвращения на историческую Родину депортированной части абхазского народа. На территории Абхазской ССР государственным языком является абхазский язык, официальными языками — абхазский, грузинский, русский.

Декларация является основой для новой Конституции Абхазской ССР и определяет позицию Республики при заключении Союзного договора и договора с Грузинской ССР.

* * *

29 августа 1990 года был провозглашён **государственный суверенитет Коми ССР**. В Декларации говорилось: *«Верховный Совет Коми Советской Социалистической Республики, выражая волю многонационального народа, проживающего на территории Коми ССР, в целях обеспечения его политических, экономических, правовых гарантий, а также необходимости сохранения и развития*

многовековой культуры, языка, традиций и быта народа Коми, заявляет:

1. Коми ССР является суверенным национальным государством, добровольно входящим в состав РСФСР и Союза ССР на основании заключенных договоров, гарантирующим юридическое и экономическое равноправие всех его граждан, независимо от национальности».

В остальных пунктах Декларации: утверждения о источнике государственной власти – народе (граждане всех национальностей Коми ССР); о праве расторгнуть соглашения и договоры с РСФСР и Союзом ССР и выходе из состава РСФСР и СССР путем референдума; о земле, недрах, воздушном пространстве, других природных богатствах как собственности народа; о верховенстве Конституции и законов Коми ССР над законодательными актами РСФСР и СССР. В Коми ССР признавались равноправно функционирующими два государственных языка — коми и русский, наличие своего герба, флага и гимна.

* * *

Государственный суверенитет **Татарской Советской Социалистической Республики** был провозглашён 30 августа 1990 года Верховным Советом Татарской Автономной Советской Социалистической Республики.

Мотивация: *«сознавая историческую ответственность за судьбу многонационального народа республики; свидетельствуя уважение к суверенным правам всех народов, населяющих Российскую Федерацию и Союз Советских Социалистических Республик; отмечая несоответствие статуса автономной республики интересам дальнейшего политического, экономического, социального и духовного развития ее многонационального народа ...»*

Констатировалось преобразование Татарской **АССР** в **Татарскую Советскую Социалистическую Республику Татарстан**.

Дальнейшие положения Декларации:

Земля, ее недра, природные богатства и другие ресурсы на территории Татарской ССР являются исключительной собственностью ее народа.

Татарская ССР гарантирует всем проживающим на ее территории гражданам независимо от их национальности, социального происхождения, вероисповедания, политических убеждений, других различий равные права и свободы человека. В Татарской ССР гарантируется равноправное функционирование татарского и русского языков в качестве государственных, сохранение и развитие языков других национальностей.

Впредь в качестве официального наименования государства в Конституции, других правовых нормативных актах, в государственной жизни употреблять «Татарская Советская Социалистическая Республика»

Высший орган государственной власти республики именовать «Верховный Совет Татарской Советской Социалистической Республики», а принимаемые им акты — актами Верховного Совета Татарской Советской Социалистической Республики.

Настоящая Декларация является основой для разработки Конституции Татарской ССР, развития законодательства Татарской ССР, участия Татарской ССР в подготовке и заключении Союзного договора, договоров с РСФСР и другими республиками, вынесения наиболее важных вопросов государственного строительства Татарской ССР и ее отношений с Союзом ССР, РСФСР и другими республиками на обсуждение ее народа.

Конституция и законы Татарской ССР обладают верховенством на всей территории Татарской ССР.

До принятия новой Конституции, других законов и нормативных актов Татарской ССР на территории Татарской ССР продолжают действовать законы и подзаконные акты Татарской ССР, РСФСР и Союза ССР, не противоречащие Декларации о государственном суверенитете Татарской ССР.

Татарская декларация — одна из самых коротких. Явно просматривается стремление республики стать полноправной (не просто автономной) республикой в составе СССР и получить таким образом право выхода из СССР.

* * *

20 сентября 1990 года Верховный Совет Удмуртской АССР принял Декларацию **«О государственном суверенитете Удмуртской Республики»**. Главное в мотивации: разделяя провозглашенный Декларацией о государственном суверенитете РСФСР принцип обеспечения каждому народу его неотъемлемого права на самоопределение; считая существующий правовой статус автономной республики противоречащим понятию о подлинном суверенитете; руководствуясь интересами многонационального народа республики и принимая на себя ответственность за его дальнейшее политическое, экономическое, социальное и духовное развитие.

Объявлялся государственный суверенитет Удмуртии как самостоятельность и полнота государственной власти республики в границах ее территории. Удмуртская Автономная Советская Социалистическая Республика преобразовывалась в Удмуртскую Республику. Одновременно заявлялось о решимости создать демократическое правовое государство в составе обновленной Российской Советской Федеративной Социалистической Республики.

Отношения Удмуртской Республики с РСФСР, Союзом ССР и другими республиками должны определяться Федеративным договором, а также соответствующими межреспубликанскими договорами и соглашениями.

Договоры и соглашения РСФСР, затрагивающие интересы Удмуртской Республики, заключаются с ее участием и с ее согласия.

Для обеспечения политических, экономических и правовых гарантий суверенитета Удмуртской Республики устанавливались 1) полнота власти Удмуртской Республики при решении всех вопросов государственной, экономической и общественной жизни, за исключением тех, которые ею добровольно передаются в ведение РСФСР и СССР; 2) верховенство Конституции и законов Удмуртской Республики на всей ее территории; 3) принцип верховенства законов РСФСР и СССР, принимаемых в пределах полномочий, добровольно передаваемых республикой РСФСР и СССР, на основе Федеративного и Союзного договоров.

Декларирована полная атрибутика суверенного государства: право на владение, пользование и распоряжение землей, недрами, водами, лесами и другими природными ресурсами; самостоятельная финансовая, кредитная и инвестиционная политика, формирование своего государственного бюджета...; обеспечение равной защиты всех форм собственности. Гарантируется равноправное функционирование русского и удмуртского языков в качестве государственных, право на сохранение и развитие языков других национальностей. Русский язык - язык межнационального общения.

* * *

Декларация Верховного Совета Якутской АССР от 27 сентября 1990 года **«О государственном суверенитете Якутской-Саха Советской Социалистической Республики»** по содержанию близка к декларациям автономий, рассмотренных выше. Свою специфику имеют лишь некоторые мотивационные положения.

Верховный Совет ЯАССР, отмечая, что статус автономной республики ограничивает ее суверенные права, не соответствует основополагающим принципам правового государства, стал тормозом социально-экономического развития республики, считая республику равноправным субъектом РСФСР и Союза ССР..., действуя в соответствии с принципами Всеобщей декларации прав человека и общепризнанными международными правовыми актами..., провозглашает государственный суверенитет Якутии и преобразует ее в Якутскую-Саха Советскую Социалистическую Республику.

Якутская-Саха Советская Социалистическая Республика есть суверенное социалистическое государство в составе обновленной РСФСР, образованное ходом исторического развития народов, проживающих на ее территории в экстремальных климатических условиях Крайнего Севера, и действующее в соответствии с принципом самоопределения на основе свободного волеизъявления ее граждан. Носителем суверенитета и источником государственной власти в Якутской-Саха ССР является ее народ, состоящий из граждан республики всех национальностей. Полновластие народа реализуется

на основе Конституции Якутской-Саха ССР как непосредственно, так и через представительные органы — Советы народных депутатов. От имени народа выступает исключительно Верховный Совет Якутской-Саха ССР. Ни одна политическая партия, общественная организация, другие группировки или отдельное лицо не вправе выступать от имени народа.

Якутская-Саха ССР заключает с другими равноправными субъектами Федеративный договор и вместе с другими республиками участвует в Союзном договоре. Якутская-Саха ССР обладает всей полнотой государственной власти на своей территории, за исключением тех полномочий, которые ею добровольно, на основе договора, передаются в ведение РСФСР и Союза ССР и осуществляются с ее участием.

Как и во всех рассмотренных декларациях автономий далее провозглашаются все составляющие суверенного государства в составе РСФСР и СССР. Специфика декларации обусловлена климатом Крайнего Севера и наличием малочисленных народов.

«Якутская-Саха ССР обеспечивает малочисленным народам Севера Якутии сохранение их исконной среды обитания, самоуправление, политическое и правовое равенство путем формирования национально-территориальных образований, создает им условия для национального, экономического, культурного и языкового возрождения. Признает языки малочисленных народов Севера официальными в местах их проживания. Основу экономической системы Якутской-Саха ССР составляют многообразные формы собственности, включая частную и интеллектуальную собственность... Внешнеэкономическая деятельность всех предприятий и организаций, находящихся на территории республики, основанная на использовании ее собственности и природных богатств, регулируется независимо от их подчиненности законами Якутской-Саха ССР... Якутская-Саха ССР имеет право на самоопределение своего национально-государственного устройства на основе волеизъявления граждан Якутии, сама решает вопросы своего административно-территориального деления..., выступает за обновление и постоянное совершенствование советской федерации как союза суверенных социалистических государств... Декларация является основой для разработки новой Конституции Якутской-Саха ССР, заключения договора с РСФСР, участия в заключении Союзного договора, совершенствования республиканского законодательства».

* * *

Декларация Верховного Совета Бурятской ССР от 8 октября 1990 года **«О государственном суверенитете Республики**

Бурятия» (извлечения в редакции Закона Бурятской ССР от 27 марта 1992 г. № 213-ХН):

«Верховный Совет Республики Бурятия, выражая волю и интересы многонационального народа Бурятии, стремясь создать демократическое общество и построить правовое государство, сознавая ответственность за судьбу будущих поколений, свидетельствуя уважение к национальным правам всех народов, развивая и расширяя интернационализм, направляя воспитание граждан в духе доверия, дружбы и братства, выступая за целостность РСФСР, **признавая, что в настоящее время правовой статус автономной республики сдерживает развитие экономического, политического, социально-культурного потенциала Бурятии,** считая Республику равноправным субъектом Федеративного и нового Союзного договоров, действуя в соответствии с принципами Всеобщей декларации прав человека и другими общепризнанными международно-правовыми актами, во имя высших целей: обеспечения каждому человеку неотъемлемого права на достойную жизнь, свободное развитие и пользование родным языком, а каждому народу — на самоопределение в избранных им национально-государственных и национально-культурных формах,

объявляет отказ от статуса автономной республики и **провозглашает государственный суверенитет Республики Бурятия** как верховенство, самостоятельность и полноту государственной власти Республики на своей территории, независимость ее во внешних сношениях (за исключением полномочий, добровольно делегируемых в ведение РСФСР и СССР на основе Федеративного и Союзного договоров).»

В приводимых далее извлечениях из Деклараций автономий включены только мотивационные и специфические для данной конкретной АССР части.

* * *

Декларация Верховного Совета Башкирской АССР от 11 октября 1990 г. **«О государственном суверенитете Башкирской Советской Социалистической Республики».**

«Верховный Совет Башкирской Автономной Советской Социалистической Республики, сознавая историческую ответственность за судьбы многонационального народа республики, признавая приоритет общечеловеческих ценностей, природной и социальной среды, прав и свобод, закрепленных во Всеобщей декларации прав человека, других международно-правовых актах, уважая суверенные права всех народов, заботясь об экономическом, социальном, политическом, духовном развитии народов, проживающих на территории республики, считая республику субъектом Союза ССР и обновленной Российской Федерации, принимая во внимание, что Башкирская республика была образована в 1919 году в составе РСФСР на основе соглашения с центральной

Советской властью, **находя, что статус автономной республики ныне не обеспечивает всестороннего социально-экономического развития Башкирии...**,

провозглашает государственный суверенитет Башкирии на всей ее территории в пределах существующих границ и преобразует Башкирскую Автономную Советскую Социалистическую Республику в Башкирскую Советскую Социалистическую Республику (Башкирская ССР) — Башкортостан.

Впредь в Конституции, других правовых актах республики, в государственной и общественной жизни данное название республики использовать в качестве ее официального наименования».

* * *

Декларация Верховного Совета Калмыцкой АССР от 18 октября 1990 г. «О государственном суверенитете Калмыцкой **Советской Социалистической Республики**».

«Верховный Совет Калмыцкой АССР, считая республику субъектом РСФСР, Союза ССР и **признавая современный государственный статус автономной республики ограничивающим полноценную реализацию ее прав и полномочий**; исходя из права калмыцкого народа на свободное самоопределение и учитывая стремление народа Калмыкии к социально-экономическому прогрессу, культурному возрождению и кардинальному повышению уровня жизни; выражая волю народа республики на проведение самостоятельной экономической и социальной политики в сочетании с интересами РСФСР и СССР;

Объявляет Калмыцкую Автономную Советскую Социалистическую Республику — **Калмыцкой Советской Социалистической Республикой в составе РСФСР**;

Торжественно провозглашает государственный суверенитет Калмыцкой ССР на всей ее территории и заявляет о решимости создать демократическое правовое государство...

Калмыцкая ССР заявляет о своем праве на изменение государственно-правового статуса в порядке, устанавливаемом Федеративным и Союзным договорами, основанном на них законодательством и с учетом мнения народа Калмыкии..., устанавливается верховенство Конституции Калмыцкой ССР и законов Калмыцкой ССР. Законы РСФСР и СССР принятые в соответствии с полномочиями, добровольно переданными республикой в ведение органов власти РСФСР и СССР, имеют высшую юридическую силу на ее территории.

* * *

Зекларация Верховного Совета Марийской АССР от 22 октября 1990 г. «О государственном суверенитете **Марийской Советской Социалистической Республики**»

«Верховный Совет Марийской Автономной Советской Социалистической Республики,
сознавая историческую ответственность за судьбу
многонационального народа республики;
свидетельствуя уважение к суверенным правам всех народов,
находящихся РСФСР и Союз ССР;
отмечая несоответствие статуса автономной республики
интересам дальнейшего политического, экономического, социального и
духовного развития ее многонационального народа;
реализуя неотъемлемое право марийской нации, всего народа
республики на самоопределение;
стремясь создать демократическое правовое государство,

ПРОВОЗГЛАШАЕТ государственный суверенитет республики и
ПРЕОБРАЗУЕТ ее в Марийскую Советскую Социалистическую
Республику — Республику Марий Эл.

Марийская Советская Социалистическая Республика есть
суверенное советское социалистическое государство, созданное на
основе осуществления марийской нацией своего неотъемлемого
права на самоопределение.

**Государственный суверенитет Марийской ССР
провозглашается во имя высших целей — обеспечения каждому
человеку неотъемлемого права на достойную жизнь, свободное
развитие и пользование родным языком, каждому народу — на
самоопределение в избранных им национально-культурных
формах...**

В Марийской ССР равноправно функционируют марийский,
луговой, горный и русский языки в качестве государственных языков и
обеспечивается сохранение и развитие языков других
национальностей, проживающих на ее территории...

Марийская ССР сохраняет за собой право на самоопределение
и изменение своего государственно-правового статуса.

В Марийской ССР устанавливается верховенство Конституции и
законов Марийской ССР над законами РСФСР и СССР, за
исключением тех, которые приняты в соответствии с полномочиями,
добровольно переданными республикой в ведение РСФСР и Союза
ССР.

Земля, ее недра, воды, воздушное пространство, растительный
и животный мир и другие природные ресурсы на территории
Марийской ССР являются достоянием народа Марийской ССР и
объявляются собственностью Марийской ССР, которой принадлежит
право по их владению, пользованию и распоряжению.

Марийская ССР имеет право на возмещение ущерба,
нанесенного ей действиями союзных и республиканских органов.
Марийская ССР заявляет о своей приверженности к общепризнанным
принципам международного права и готовности жить со всеми

народами, населяющими РСФСР, СССР, в мире и согласии..., , отстаивая при этом интересы народа Марийской ССР.

Настоящая Декларация является основой для разработки Конституции и развития законодательства Марийской ССР...

До принятия новой Конституции, других законов и нормативных актов Марийской ССР на территории Марийской ССР продолжают действовать законы и подзаконные акты Марийской ССР, РСФСР и Союза ССР, а также Марийской АССР, не противоречащие Декларации о государственном суверенитете Марийской ССР.»

* * *

Декларация Верховного Совета Чувашской АССР от 24 октября 1990 г. **«О государственном суверенитете Чувашской Советской Социалистической Республики».**

Верховный Совет Чувашской Автономной Советской Социалистической Республики, выражая волю и интересы народа республики, состоящего из ее граждан всех национальностей, следуя принципам Всеобщей Декларации прав человека, уважая суверенные права всех народов РСФСР и Союза ССР, принимая ответственность за судьбу чувашской нации и всего народа республики, **исходя из необходимости сохранения и развития культуры, языка, традиций и быта чувашской нации, сознавая неотложность расширения правого статуса республики для дальнейшего политического, экономического, социального и духовного развития ее многонационального народа,** стремясь создать демократическое правое государство,

провозглашает государственный суверенитет Чувашской Советской Социалистической Республики как верховенство, самостоятельность и независимость государственной власти республики на всей ее территории.

Чувашская Советская Социалистическая Республика есть суверенное государство, единственное национально-государственное образование чувашской нации. Чувашская ССР — субъект РСФСР и Союза ССР на основе осуществления чувашской нацией ее неотъемлемого права на самоопределение.

На территории республики устанавливается верховенство Конституции Чувашской ССР и законов Чувашской ССР. Законы Союза ССР и РСФСР действуют на территории Чувашской ССР, если они не противоречат Конституции Чувашской ССР, союзному и федеративному договору.

Государственными языками на территории Чувашской ССР устанавливаются чувашский и русский. Гарантируется свободное развитие языков других национальностей, проживающих на территории республики.

Чувашская ССР обеспечивает свободное культурное развитие чувашской нации, других национальностей, содействует

национально-культурному развитию лиц чувашской национальности, проживающих за пределами Чувашской ССР.

Земля, ее недра, воды, леса, растительный и животный мир, другие природные ресурсы являются собственностью Чувашской ССР. Республика осуществляет рациональное природопользование на своей территории, заботится об экологической безопасности населения.

Чувашская ССР ведет внешнеэкономическую деятельность, устанавливает прямые экономические и культурные связи с зарубежными государствами и формирует собственный валютный фонд.»

* * *

Декларация Верховного Совета Чечено-Ингушской Республики от 27 ноября 1990 года **«О государственном суверенитете Чечено – Ингушской Республики».**

Верховный Совет Чечено-Ингушской Республики, выражая волю народа Чечено-Ингушетии, сознавая историческую ответственность за судьбу чеченского и ингушского народов и их национальной государственности, уважая права и интересы представителей всех национальностей, проживающих в Чечено-Ингушетии, в целях создания условий для полноценного политического, экономического, социального и культурного развития народа, торжественно провозглашает государственный суверенитет Чечено-Ингушской Республики на всей ее территории и заявляет о решимости создать демократическое правовое государство.

СТАТЬЯ 1. Чечено-Ингушская Республика есть суверенное государство, созданное в результате самоопределения чеченского и ингушского народов. Суверенитет Чечено-Ингушской Республики естественное и необходимое существование государственности Чечено-Ингушетии.

СТАТЬЯ 2. Государственный суверенитет Чечено-Ингушской Республики провозглашается во имя высших целей обеспечения каждому человеку неотъемлемого права на достойную жизнь и свободное развитие.

СТАТЬЯ 3. Носителем суверенитета и источником государственной власти в Чечено-Ингушской Республике является ее многонациональный народ, который осуществляет государственную власть непосредственно и через представительные органы на основе Конституции Чечено-Ингушской Республики.

СТАТЬЯ 4. Все граждане республики независимо от их происхождения, социального и имущественного положения, религиозных убеждений, расовой и национальной принадлежности,

пола, образования, политических взглядов, рода и характера занятий равны перед Законом Чечено-Ингушской Республики.

СТАТЬЯ 5. Гражданам Чечено-Ингушской Республики и лицам без гражданства, проживающим на территории Чечено-Ингушетии, гарантируются права и свободы, предусмотренные Конституцией Чечено-Ингушской Республики и общепризнанными нормами международного права.

Представителям всех народов, проживающим в Чечено-Ингушской Республике за пределами своих национально-государственных образований, обеспечиваются их законные политические, экономические, этнические и культурные права. Чечено-Ингушская Республика проявляет заботу и принимает меры по охране и защите законных интересов граждан Чечено-Ингушской Республики, представителей чеченского и ингушского народов, находящихся за пределами республики.

СТАТЬЯ 6. Чечено-Ингушская Республика гарантирует всем гражданам, политическим партиям, общественным и религиозным организациям, массовым движениям, действующим в рамках Конституции Чечено-Ингушской Республики, равные права.

СТАТЬЯ 7. Ни одна политическая партия, общественная организация, а также группы или отдельные лица не могут выступать от имени народа Чечено-Ингушской Республики. Исключительное право выступать от имени народа Чечено-Ингушетии имеет только Верховный Совет высший орган власти Чечено-Ингушской Республики.

Верховный Совет может принять к своему рассмотрению любой вопрос государственной и общественной жизни республики.

СТАТЬЯ 8. Разделение законодательной, исполнительной и судебной властей является важнейшим принципом существования Чечено-Ингушской Республики как правового государства.

СТАТЬЯ 9. Чечено-Ингушская Республика заявляет о своей приверженности общепризнанными принципами международного права и готовности жить в мире и согласии со всеми народами, принимать меры к недопущению конфронтации в международных, межреспубликанских и межнациональных отношениях, отстаивая при этом интересы народа Чечено-Ингушетии.

СТАТЬЯ 10. Чечено-Ингушская Республика считает недопустимым проявление в какой бы то ни было форме дискриминации личности и актов геноцида по отношению к любому народу. Осуждая проявленный в прошлом акт геноцида в отношении чеченцев и ингушей и других народов СССР, Чечено-Ингушская Республика оставляет за собой право на возмещение морального и материального ущерба, причиненного республике и ее народу в 1944-1957 годах.

СТАТЬЯ 11. Земля, ее недра, воздушное пространство, водные и другие природные ресурсы на территории Чечено-Ингушской Республики являются исключительной собственностью народа Чечено-Ингушетии, который обладает неотъемлемым и безраздельным правом на владение, пользование и распоряжение ими. Весь экономический и научно-технический потенциал, созданный на территории республики, является национальным достоянием и составляет экономическую основу ее государственного суверенитета.

СТАТЬЯ 12. Чечено-Ингушская Республика решает вопросы охраны окружающей среды, использования природных ресурсов и обеспечения экономической безопасности и оставляет за собой право на возмещение ущерба, нанесенного республике добычей и переработкой нефти.

Предприятия, учреждения, организации, независимо от их ведомственной принадлежности, а также лица, независимо от их гражданства, за нарушения установленного порядка природопользования несут ответственность в соответствии с законом.

СТАТЬЯ 13. На территории Чечено-Ингушской Республики допускаются свободное предпринимательство, различные формы хозяйствования на земле, иная деятельность, не запрещенная законом, приносящие пользу народу Чечено-Ингушетии, удовлетворяющие его материальные и духовные потребности.

СТАТЬЯ 14. В целях строительства демократического общества, успешного функционирования народнохозяйственного комплекса, обеспечения безопасности, обороны, проявляя уважение к суверенным правам всех народов, придерживаясь принципов самоопределения наций, добровольности и равноправия. Чечено-Ингушская Республика, вступая в договорные отношения с другими республиками, государствами и союзом государств, сохраняет всю полноту власти на своей территории.

Вопросы, отнесенные к современному ведению субъектами договоров, решаются на основе равноправия.

Договоры о содружестве, сотрудничестве с суверенными республиками, государствами, союзом государств Чечено-Ингушская Республика будет заключать только на основе интересов народа Чечено-Ингушетии.

СТАТЬЯ 15. Для обеспечения политических, экономических и правовых гарантий суверенитета Чечено-Ингушской Республики устанавливается верховенство Конституции и законов Чечено-Ингушской Республики на всей ее территории.

СТАТЬЯ 16. Любые попытки неконституционным путем изменить государственный строй в Чечено-Ингушской Республике являются тяжчайшим преступлением против ее народа.

СТАТЬЯ 17. Территория Чечено-Ингушской Республики не может быть изменена и использована без ее согласия.

Чечено-Ингушская Республика подтверждает справедливое требование ингушского народа о восстановлении национальной государственности и необходимость решения вопроса возврата территорий, принадлежащих ему и отторгнутых в результате сталинских репрессий Пригородного района и части территории Малгобекского района в пределах их бывших границ, а также правобережной части г. Орджоникидзе (Владикавказа). Союзный договор будет подписан Чечено-Ингушской Республикой после решения вопроса возврата отторгнутых территорий Ингушетии. Территориальные споры Чечено-Ингушской Республики с другими республиками решаются только путем переговоров. Чечено-Ингушская Республика самостоятельно определяет свое административно-территориальные и национально-территориальное деление.

СТАТЬЯ 18. Чечено-Ингушская Республика имеет атрибуты суверенного государства: гражданство, герб, флаг, гимн и столицу.

СТАТЬЯ 19. Настоящая Декларация является основой для разработки новой Конституции Чечено-Ингушской Республики и вступает в силу с момента ее принятия.

Декларация принята на внеочередной четвертой сессии Верховного Совета Чечено-Ингушской Республики 27 ноября 1990 года.

О желании стать суверенными государствами или же повысить свой статус до уровня Союзной Республики заявили 26 автономных образований СССР:

Северная Осетия	20 июля 1990 года;
Карелия -	9 августа 1990 года;
Гагузия	19 августа 1990 года,
Абхазия -	25 августа 1990 года;
Республика Коми -	29 августа 1990 года;
Татария -	30 августа 1990 года.
Приднестровье	2 сентября 1990 года,
Удмуртия -	20 сентября 1990 года.
Южная Осетия	20 сентября 1990 года,
Якутия-Саха -	27 сентября 1990 года.
Чукотский автономный округ	29 сентября 1990 года,
Адыгея	7 октября 1990 года,
Бурятия -	8 октября 1990 года
Башкирия -	11 октября 1990 года
Коми-Пермяцкий авт. Округ	11 октября 1990 года,
Ямало-Ненецкий авт. Округ	17 октября 1990 года,
Калмыкия -	18 октября 1990 года.
Марийская АССР -	22 октября 1990 года

Чувашия -	24 октября 1990 года.
Горно-Алтайский авт. Округ	25 октября 1990 года,
Карачаево-Черкесия	16 ноября 1990 года,
Чечено-Ингушская АССР	27 ноября 1990 года,
Тува	12 декабря 1990 года,
Кабардино-Балкария	30 января 1991 года,
Дагестан	17 мая 1991 года,
Еврейская Автономная Область	17 мая 1991 года.

Чечено-ингушская декларация отличается от всех иных тем, что в ней нет какого бы то ни было упоминания о возможности вхождении в состав РСФСР или СССР.

* * *

Резюме

Навсегда ли забыто о принятых декларациях в Автономных республиках, областях и округах или о них ещё могут вспомнить? Поддерживая и даже признав государственность автономных образований в других бывших республиках СССР, России труднее отвергать претензии на государственную независимость ряда входящих в РСФСР автономий.

Нужно помнить и, наконец, назвать своим именем политическую обстановку в России и на постсоветском пространстве вообще. Разгром августовского путча 1991 года был победой той же буржуазной революции, как и февраль 1917 года. Позднее в 1917 победил октябрьский путч, так как для подавляющего большинства населения России – крестьян и по-крестьянски мыслящих горожан - не были привлекательными буржуазные ценности. Августовский разгром ГКЧП, был осуществлён сторонниками буржуазных ценностей, теми, кого влекло к рыночной экономике, к возможности справедливого и маскируемого справедливыми лозунгами обогащения. Это была победа олигархов и тех, кого мы называем сейчас средним классом, а Ленин бы по-прежнему называл буржуазией. Что же касается большинства населения России и таких республик, как Беларусь, то это большинство не жаждет и сегодня свободы предпринимательской деятельности, так как знает, что здешние доморощенные политики вряд ли готовы создать и обязать выполнять законы, делающие предпринимательскую деятельность и обогащение предпринимателей полезным прежде всего для государства и общества.

Рост популярности буржуазных ценностей неизбежен, и когда их возжаждет большинство населения российских автономий, тяга к независимости будет во многих из них не меньшей, чем была в годы принятия Деклараций о независимости в бывших республиках бывшего Советского Союза.

IX. ЕСЛИ Б ЗНАЛ Я, С КЕМ ЕДУ, С КЕМ ВОДКУ ПЬЮ...

Трогательное послание

Летом 2010 года я получил письмо с предложением быть одним из авторов сборника о создании и деятельности СНГ. Мотивация предложения была весьма убедительной: быть соавтором издания, чьи *«свидетельства могут стать бесценным источником правдивой, объективной информации, будут способствовать разъяснению истинной сущности тех проблем, которые существуют в Содружестве в настоящее время»*. Письмо было подписано главой Белорусского торгово-финансового союза (БТФС) Вячеславом Францевичем Кебичем.

Я и мысли не допускал, что предложение довести до людей *правдивую объективную информацию* может исходить от человека, который в 2008 году в своей книжке «Искушение властью» наплакал огромную лужу слёз по поводу кончины КПБ-КПСС, без излишней скромности представил себя политиком, известным всему миру, с которым с советских времён считаются руководители крупнейших стран, обвинил меня во всех смертных грехах, манипулируя клеветой, подготовленной его избирательным штабом в 1994 году.

После беглого пролистывания «Искушения властью» желание читать книгу у меня исчезло, я понял для чего она предназначена. Критиковать автора за желание продемонстрировать преданность нелегитимному правителю Беларуси лишь способствовало бы достижению им поставленной неблагоприятной цели, и на вопросы журналистов по этому поводу я отвечал примерно так.

- Хорошо, что Вячеслав Францевич хотя и с опозданием но понял и показал в книге, что его друзьями-соратниками были люди абсолютно недостойные – В. Заметалин, П. Кравченко, И. Антонович и М. Мясникович.

Полученное от Кебича обращение ко мне, как к *«бесценному источнику правдивой объективной информации»*, заставило сделать над собой усилие и книгу прочесть. Стало ясно, что настанет время, когда мне не избежать детального пояснения, почему я решительно изменил отношение к человеку, которого уважал и с которым, как мне казалось, мы сделали доброе дело, известное всему миру.

И вот случай настал, не объяснить нельзя.

Знакомство

Я познакомился с Кебичем в год Чернобыльской катастрофы. Он произвёл хорошее впечатление и как человек, и как зам. председателя Совмина БССР – Председатель Госплана БССР. В отличие от других заместителей тогдашнего премьера Михаила Васильевича Ковалёва у него было мало снобизма, хотя хватало оснований для того, чтобы быть заносчивым. Его послужной список впечатлял: инженер, главный инженер, директор станкостроительного завода, ставшего образцово-показательным в производственном и социальном плане, пять лет партийной работы в горкоме, обкоме и ЦК КПБ. На всех инженерно-менеджерских должностях он преуспел. Лучше иных разобрался, что такое Чернобыль и не предлагал никаких партийных наскоков для уменьшения его пагубных последствий. С 1989 года был Народным депутатом СССР, находил способы не демонстрировать публично в Кремле, во Дворце съездов партийного единства с чисто партийными депутатами от БССР типа Е. Е. Соколова, В. В. Григорьева, В. М. Семёнова, А. А. Малофеева, Н. С. Игрунова, А. И. Дубко, Н. И. Дементя, В. И. Гончарика, В. И. Бурского, В. Л. Бедули.

Через несколько лет понял, что он обладал незаурядным даром быть своим среди партноменклатуры, так и в среде демократично настроенных депутатов, не зашоренных догмами КПСС. Я не раз был свидетелем его перевоплощения, но никогда не осуждал его, думая, что иначе для пользы дела поступать нельзя. Не единожды он заглядывал ко мне в кабинет в мою бытность Первым заместителем Председателя ВС. Когда я ему говорил, что поднимаемый им вопрос не ко мне, а к Председателю Верховного Совета Н. И. Дементю, он меня останавливал: «я знаю, к кому пришёл». У меня оставался единственный выход – подтвердить, что пришёл он к тому, к кому надо, и, не ссылаясь на Кебича, искать способ решить с Председателем Верховного Совета поднятый премьером вопрос.

В начале сентября 1991 года Н. И. Дементей вынужден был уйти в отставку, так как, хотя и вяло, но вполне определённо солидаризовался с ГКЧП. Встал вопрос о выборе нового Председателя Верховного Совета БССР. Выборы состоялись 9 сентября. Кебич и я были выдвинуты кандидатами на эту должность и вышли во второй тур голосования. За меня проголосовало больше депутатов, чем за Кебича, но менее половины от полного списочного состава депутатов ВС БССР. Должно было состояться повторное голосование. Если бы при повторном голосовании ни Кебич, ни я не набрали требуемого для избрания количества голосов, то мы оба теряли право баллотироваться далее. В создавшейся ситуации я и сам, несмотря на имеющееся у меня преимущество по голосам, подумывал, не снять ли мне свою кандидатуру, чтобы ВС не избрал председателем кого-то совсем неподходящего. Кебича я считал тогда

лучшим из всех остальных возможных претендентов на эту должность. Однако Кебич меня опередил, свою кандидатуру снял, фактически, предпочтя меня другим возможным претендентам. Я счёл его поступок благородным, поблагодарил и выразил надежду на плодотворное сотрудничество парламента и правительства, которое он возглавляет. После избрания меня Председателем, очень долго был убеждён в том, что мы добросовестно сотрудничаем, простите за пафос, на благо Беларуси.

Немало депутатов, сотрудников Верховного Совета и Совета Министров, находившихся в доверительных со мной отношениях, предупреждали меня о двойной игре Кебича, о его страстном желании меня «подсидеть», иными словами - скомпрометировать. Их аргументы не казались мне убедительными. Ссылки были, преимущественно, на откровения премьера в нетрезвом виде. Никак на это не реагируя, я сожалел лишь о множестве подхалимов в окружении Вячеслава Францевича, не устающих наливать ему рюмку за рюмкой, что временами приводило к окончанию рабочего дня главы правительства в полдень. Но один разговор мне запомнился.

- Держитесь от Кебича подальше, он сам ещё более-менее, но ближайшие подчинённые такие, что ради завоевания расположения шефа могут раздавить, оклеветать, разжевать и выплюнуть кого угодно. Когда они становятся членами его команды, приносят клятву на верность шефу. Он, в свою очередь, клятвенно обещает защищать их при любых неблагоприятных поворотах судьбы.

Так счёл своим долгом сказать мне уходящий на пенсию сотрудник Совмина, с которым я был знаком задолго до того, как оказался в депутатах. Зная, что мафиозный принцип господствовал в Академии наук и ряде вузов, я не замечал сходства Кебича с тамошними «мафиози», и продолжал считать его лучшим из представителей исполнительной власти.

Прозрение наступило позднее. К сожалению, я не раз ошибался в людях. К счастью, сначала всегда думал о тех, в ком ошибся, лучше. И снова же, к счастью, заблуждения не были долговременными. Одно из самых долгих – Кебич, которому я верил и с которым, как мне казалось, мы вместе стали причастны к важнейшему событию конца второго тысячелетия, собрав здесь в Беларуси глав РСФСР, УССР и БССР и подписав в Беловежской пуще Соглашение о создании Содружества Независимых Государств.

Будь Кебич таким, каким он мне казался, с ним вместе можно было бы сделать очень многое для Беларуси. Я отождествлял его скак лучшими обитателями моей родной Слепянской улицы, видел схожесть их с теми, откуда он родом, так как не раз убеждался, что вокруг Воложина, Ивенца, Першая, Ракова, Налибок живут такие же люди, как на моей родной Комаровке – уважающие друг друга добросовестные трудяги. Но, приписывая добросовестность всем, я ошибся.

Ансамбль лжецов

Логично предположить, что книги пишут авторы, чье имена напечатаны на обложке. Согласно такому подходу книгу «Искушение властью» написал Вячеслав Францевич Кебич. Нередко люди, занимающее высокое положение в обществе, нанимают для написания своих книг литераторов, записывают желаемое на диктофон, получают от нанятого распечатку, доводят её до приемлемого для себя вида.

У меня есть знакомые, которые писали для кого-то книги, т. е. выполняли литературный заказ. Знаю также и тех, для которых писали книги. Я не отвергаю такой метод написания, хотя все без исключения мои личные попытки воспользоваться помощью профессионала провалились, и ни в одной моей публикации нет ни одной строчки, написанной для меня кем-то. Как бы то ни было, при любом способе создания публикации за написанное несёт ответственность автор, т. е. тот, чье имя на обложке, в титрах или рядом с заголовком публикации.

Сначала я не мог понять, во-первых, почему в книге грубейшим образом извращена информация о событиях, непосредственным участником которых был сам Вячеслав Францевич? Во-вторых, откуда взялись нелепые многострочные повторения с различным толкованием их сущности? В-третьих, откуда в книге столь опытного бюрократа имеется гора технических противоречий (сравните, например, стр. 313 и 316) и неточностей, включая приписываемые мне участия в мероприятиях и выступления в местах, от которых я был за тысячу километров?

Всё становится на своё место, если предположить, что книгу «Искушение властью» писал для Кебича не один человек и что официальный автор не начитывал всё на диктофон, просто формулировал пишущим задания на кого искать только компромат, на кого только позитив, не заботясь о чистоте источников информации и о её правдивости.

И, наконец, самое главное. Не может человек, который обвинил меня в своей книге в публичной наглой лжи, в отречении от отца и прочих смертных грехах обращаться ко мне с официальным письмом как к человеку, чьи *«свидетельства могут стать бесценным источником правдивой, объективной информации, будут способствовать разъяснению истинной сущности тех проблем, которые существуют... в настоящее время»*. Значит Кебич либо подписал письмо, не читая, но это маловероятно – письмо короткое, всего десяток строк, либо не читал внимательно книги, автором которой он числится.

Ну зачем, казалось бы, непосредственному участнику писать в книжке неправду о том, что было в Беловежской пуще 7-8 декабря 1991 года? Не привирать, украшая повествование шутками-прибаутками и забавными хитросплетениями, не являть

интеллектуала, как это делается в книге, сравнивая запрет КПБ-КПСС с деянием Герострата, а лгать.

Понятно, когда умеренно, а иногда и не совсем, лгут выдумщики, заботящиеся о сенсационности публикаций в своей родной жёлтой прессе. Иное дело – бывший первый премьер-министр независимой Беларуси. Гордо заявить в своём трактате: я оправдываю ложь только во спасение (стр. 216), и здесь же пояснить, когда оправдана ложь жене, ребёнку, больному, при «соображении на троих», т. е. присвоить себе право быть высшим судьёй и право решать, когда можно врать.

Лгать ради спасения жизни – понять можно. И я привожу в этой книге примеры сознательной лжи достойнейших людей, оказавшихся в силу чудовищности государственной машины, которая нас перемалывала, в условиях выбора «ложь или смерть близких». Но ложь ради сохранения места у кормушки, ради должности, приносящей приличный доход, или незаконно присвоенного имущества -- преступление такое же, как грабить или воровать. Лгать, чтобы явить преданность, хотя и презираемому, хотя и нелегитимному предводителю, ради личной выгоды, тоже плохо. Однако врать для личного благополучия, *безосновательно пороча тех, с кем вроде бы и дела неплохие удалось сделать* – несовместимо со статусом приличного человека.

Борзописцам, нанятым Кебичем, удалось доходчиво угодить нашему нелегитимному предводителю на посту президента. Тот ещё раз убедился, что правильно осчастливил числящегося в авторах Вячеслава Францевича, назначив его палаточным депутатом и одарив высокой пенсией. Та мудрость, которая без лишней скромности приписывается в книжке числящемуся автором, не украшает сдержанного на самовосхваление человека, потому что мудрость эта не подтверждается разумными поступками «автора», а достигается попытками унижить и оскорбить других.

Тем не менее, в книге убедительно показано, что руководители избирательного штаба кандидата в президенты на выборах 1994 года Вячеслава Кебича -- Пётр Кравченко, Михаил Мясникович, Иван Антонович и Владимир Заметалин - полностью лишены таких человеческих достоинств, как честь и совесть. Наш «всенародно избранный» результатами кебичевского обследования должен быть удовлетворён и может совершенно спокойно брать любого из представителей четвёрки в свою команду – в высшем эшелоне нужны именно такие. Назначай на любую должность – не ошибёшься: будет действовать не по закону, а по указанию. Так со всеми четырьмя и произошло.

Следует признать -- все эти «звёзды», кроме Заметалина, люди талантливые, образованные и умеющие хорошо работать. Они готовы на всё, но... ради достижения личных целей, ради личной выгоды. А что касается Заметалина, то личной корысти ради он, при наличии «крыши», и на криминал ходил! Замечу ещё раз, характеристики

субъектов четвёрки – не мои, это представленные в сжатом виде умозаключения самого Вячеслава Францевича из его книги «Искушение властью».

Возникает законный вопрос, почему же, Вячеслав Францевич, вся эта по характеристикам и определениям, данным в вашей книге -- нечисть -- возглавила ваш избирательный штаб, и вы это приветствовали? Почему, наконец, и до выборов вы опирались на этих людей и видели в них своих соратников и сподвижников? Ведь вы располагали широчайшими возможностями, и у вас был выбор.

Не пояснили ведь, что именно такие деятели и нужны были вам. И, снова же, вы хорошо и давно знали, что они именно такие: отпетые мошенники, провокаторы, лжецы, позёры без чести и остатков совести. В глаза, правда, никому из них смотреть нельзя, ведь не скрыть, что лживые. Но зачем такая сентиментальность – в глаза смотреть?

А задания какие вы им дали! Армейскому политработнику Заметалину, специалисту по клеветнической пропаганде с целью дезориентации военнослужащих противника -- статью написать по-ленински изобличающую, но обязательно с пятью процентами правды и убийственной тщательно придуманной ложью, да такой, которая бы обнулила шансы конкурента.

Заметалин вам в ответ.

-- Компромат то я придумаю и в печать протолкну под видом перевода из зарубежной газеты так, что комар носа не подточит. Никто подлей меня этого сделать не сможет, всю жизнь этим занимаюсь. Но статей писать не умею. Для этого мне штат сотрудников нужен, какой у меня раньше был.

-- Никаких сотрудников, не то время. Незамедлительно профессионал, мастер убийственно яркого подлого слова нужен. Да чтобы искренней правдой казалось и за сердце брало!

-- Знаю такого, но сдержёт страшно много!

-- Ничего, раскошелимся, если действительно мастер. А зовут-то его как?

-- Сашкой зовут, Прохановым.

-- Российский писатель-коммунист Александр Проханов?

-- Да!

-- Этот сдержёт!

И поручили заказать Проханову, и заказали, и заплатили, и напечатали в «Советской Б.», и перепечатать приказали во всех газетах более мелкой значимости. А получился пшик. Пшик, так как примитивный солдафон ваш Заметалин, хотя и полковник запаса, но «поселкового уровня» провокатор, не дорос до махинаций республиканского масштаба, а на интернациональную замахнулся.

После этого вы расплакались в книге, что не знаете, кому он – Заметалин -- нанёс больший вред – мне – Станиславу Шушкевичу, как задумывалось, или вам – Вячеславу Кебичу, как по недомыслию

получилось. Не будьте лицемерно плачущим большевиком. Статья-утка не причинила вам вреда, тем более, на электоральном поле. Она вам помогла, но окончательно разоблачила вас в глазах тех, для кого вы долго удачно прикидывались высокоморальным человеком.

Министр иностранных дел Пётр Кравченко получил от Вас иное задание.

-- Езжай, Петя, в США, -- сказали вы ему -- проникни на все самые высокие уровни Госдепартамента, скажи, что случайно оказавшийся на высшей государственной должности Шушкевич категорически отказывается ехать в Штаты с визитом и вообще не понимает, что такое государственная служба, а тем более, -- официальный визит. Поэтому пусть пригласят меня -- премьера, в руках которого вся реальная власть.

Поехал, проник, сказал, как велели. Но поставленной задачи не решил. Вас не пригласили даже просто так, не то что с официальным визитом. И не потому, что Пётр Кузьмич не старался, а потому что это для вас он был профессионалом-министром, а клерки Госдепартамента на мелких вралях-непрофессионалах зубы съели и воспринимали его не иначе как самобытного функционера коммунистического разлива, убеждённого в своей респектабельности, но не разбирающегося даже в азах дипломатического протокола.

Для реализации желаемой Вами задумки нужно было начинать с Полномочного и Чрезвычайного посла Соединённых Штатов Америки в Республике Беларусь Дэвида Суорца. Но вы оставались по-советски мудрым хозяйственником, не политиком. Были убеждены, что если договориться с верхами, то низы подчинятся. Посол был для вас персоной малой значимости. Вы даже имя его перепутали в своей книжке, назвали Майклом. А он Дэвид, Дэвид Суорц -- первый посол Соединённых Штатов Америки в независимой Республике Беларусь.

В непристойном окружении окончательно теряются остатки собственной пристойности. Вы стали врать. Не ошибаться, такое с каждым случается, а врать. И не во спасение жизни или чего-то достойного, как в книжке пишете, а во имя собственной выгоды и собственного благополучия.

Бледнеют перед вами те фантазёры-журналисты, которые были далеко от места, где создавалось и подписывалось Беловежское соглашение. Они с уверенностью очевидцев твердили, что никого в компании подписантов трезвого не было, что все были мертвецки пьяны. Их понять можно, они работали на своих, падких на сенсации, издателей. Вы же сначала не допускали никаких неточностей, освещая произошедшее в Вискулях. Потом заметили, что правда лично вам не на пользу. Во-первых, здешний предводитель все свои неудачи и нелепости начал оправдывать развалом Союза. Во-вторых, и Ельцин, начиная с 1996 года, под давлением усилившихся российских почитателей империи стал публично делать вид, что сожалеет о распаде Союза, а значит и о Вискулях. Не уловили вы, что

это был тактический предвыборный ход Ельцина. Ваш друг Черномырдин, воссевший в кресло премьера (в значительной мере, благодаря Вискулям) тоже всплакнул по поводу распада...

А вы перестроились и завели новую песню почти как Высоцкий о Черчилле: это всё придумал Шушкевич в 1991 году. Вам выгодно было так петь, и вы запели и продолжаете петь с упоением.

Выбор лодки

Внутренний фактор был определяющим. Вы стали во всём, в чём только было можно, угождать диктатору, которого и человеком приличным никогда не считали. Но ситуация «стабилизировалась» под него. Жестоко, подло, даже кроваво, но под него. И вы под эту ситуацию подстроились. Всё, связанное с дебатами до Беловежской пуши и в самих Вискулях, процедуру подписания Соглашения и оповещения об этом извратили настолько, что опровергать вас, означает впасть в полный маразм. Я делать этого не намерен, просто довожу до читателя правду здесь в этой книге. Благо живых свидетелей всех этих событий достаточно. При сомнениях, есть у кого уточнить. Кстати, всех нас, здравствующих подписантов Соглашения о создании СНГ, собрала в середине февраля 2011 года в Киеве на приёме, организованном российским посольством в Украине, вдова Бориса Николаевича Ельцина Наина Иосифовна. Почему она Вас не пригласила – не знаю. Может книжку Вашу пролистала или рассказали ей, что за небылицы в этой книжке наворочены?

Так вот на этом приёме Леонид Макарович Кравчук, Геннадий Эдуардович Бурбулис, Витольд Павлович Фокин и, естественно, я совсем иное, чем Вы, о Вискулях рассказывали и друг другу ничуть не противоречили. Таким «бесценным источником» можете быть и вы, Вячеслав Францевич, если, простите за повторение грубости, перестанете целеустремлённо угоднически врать.

Приблизьтесь к тому благородству, каким вы наделили себя в книжке! Ведь в моём понимании вы по-прежнему талантливый трудолюбивый человек, как говорят, сам себя сделавший. Вы шли от сохи, от производства к партийной работе, но не задержались на ней. Вернулись к хозяйственной, и на вас взвалили сначала Госплан, а потом и Совмин. Тянуть такие институты тяжело, и чистые партийцы, т. е. работники идеологического фронта, никогда на такое не пойдут. По их терминологии -- до такого не опустятся. А вы впряглись и тянули. Тянули неплохо на всех тех должностях, которые ведут порядочного совестливого человека к ранним инфарктам и инсультам.

Из таких, как вы, получаются лидеры национального масштаба, если они вместе с соратниками из людей порядочных и честных вооружают нацию добротной идеей и ведут её за собой. Вы же стремились стать лидером нации весьма изворотливым образом. С одной стороны, опираясь на коммунистическую идею. Вместе с тем,

вы хотели стереть в порошок всех остальных, кто ею же руководствуется, а заодно и тех, кто стремится увлечь массы иной идеей. Для этого вы и собрали в своём штабе тех, у кого нет ничего святого, кто готов действовать по вашему указанию, а не руководствуясь какой-то идеологией.

Я бы мог долго повествовать о том, что искренне уважал вас не только из-за происхождения, но и как матёрого советского хозяйственника, сделавшего в советских условиях из ординарного станкостроительного завода имени Кирова «куколку». Правда, и вы не устояли после этого перед соблазном стать партийным босом. Вы -- абсолютно не стойкий, вы срыгаетесь. Часто совсем непозволительным для мужественного человека образом.

С первого знакомства, понимая, кем является Пётр Кравченко, вы решили, что именно такой человек вам нужен для личного продвижения или, как сейчас говорят для собственных промоций. Избавиться от него, решили вы, не составит большого труда при тех властных полномочиях, которыми реально располагали. Он же с истинным рвением выполнял только те ваши поручения, которые ему лично нравились и ему лично были выгодны. Когда я попросил своего секретаря выдворить его из моего кабинета за наглость, облечённую в форму заманчивого для меня предложения, он успел выкрикнуть, что сотрёт меня в порошок, опираясь на тот факт, что вы -- премьер-министр -- меня также люто ненавидите, как и он. Иными словами, он в эмоциональном порыве не просто выдал вас, а предал.

У вас не получилось, и не могло получиться, Вячеслав Францевич, стоять двумя ногами в двух разных лодках. В итоге вы предпочли старую, обжитую, хорошо вам известную лодку партийной номенклатуры, перекрашенную после запрета КПСС-КПБ в лукашенковский цвет. Абсолютная власть в ней принадлежит кормчему. Вы шли на всё, чтобы стать таким кормчим в итоге избирательной кампании 1994 года. Согласились применять любые средства для достижения желаемого. Именно вы предприняли и превентивные меры задолго до избирательной кампании, хорошо понимая, что без них я буду на выборах достаточно серьёзным вашим конкурентом.

Методы, которыми действовали вы, мне всегда были чужды, поэтому ваши превентивные шаги дали вам некоторое преимущество. Но нашёлся тот, для кого даже такие приёмы -- цветочки, а ягодки -- провокации типа самопокушений, исчезновения людей, расстрела воздухоплатователей и им подобные -- стандартные методы получения желаемого результата. Ему вы проиграли лишь потому, что его бесчестие превосходит ваше.

Сага о гвоздях

Начало было таким: вы, Вячеслав Францевич, изъявили крайнее изумление, узнав, что по выходным дням я продолжаю собственными руками строить что-то, отдалённо напоминающее дачу на одной из 190 делянок, выделенных в 1986 году садово-огородническому кооперативу университета в 55 километрах от Минска. Моим коллегам по университету и мне не удалось в то время преодолеть стойкое противостояние горячо любимого вами злейшего врага капитализма Анатолия Малофеева, возглавлявшего тогда Минскую область, и получить участки площадью 8 соток, как это было до него. Все мы получили по четыре с половиной сотки. Как было принято в обществе развитого социализма, за счёт сужения проездов и сдвига общих границ довели мы свои делянки до пяти с половиной соток на семью. И я действительно строил домик, обходя запреты того же Малофеева и иже с ним, не площадью 24 квадратных метра, а 36 кв. м, выдавая лишние 12 метров за будущую открытую веранду. Также поступали и все остальные.

Загородные строения «университетчиков», авиаторов, заводчан и прочего советского люда никак не напоминали дачи обкомовцев, горкомовцев, высших партийных и правительственных чиновников. В книге вы предлагаете побывать у этих скромников, включая Анатолия Малофеева, дома и убедиться в их свехскромности и скудной обеспеченности. Не лукавьте, бывал я у многих дома, включая вас, и признаков аскетичности не заметил. Когда же Малофеев приехал ко мне на «дачу», с обкомовской «заимки» возле Негорелого, то долго не мог понять, почему мы не идём в дом, не допуская и мысли, что строение, в котором мы находились – электрифицированный сарайчик, вплотную примыкающий к лесу, -- и есть мой дом. Проводя в жизнь линию партии по декапитализации садово-огородных кооперативов, он представления не имел, против чего выступает. А боролся с минимальным уютом, который хотели своими усилиями создать в своих домиках кооперативщики. Стыдно вспомнить, как он направлял комиссии, которые запрещали в дачных сарайчиках «возводить печки» -- чтобы согреться в ненастье и высушить одежду. Но даже строения, похожие на увеличенные раз в десять традиционные деревенские собачьи будки, обкомовские, райкомовские и прочие комиссии обязывали укладывать в прокрустово ложе сформулированных Малофеевым и горячо любимой им и вами партией норм и правил. Превышение площади 24 кв. м. и предельно допустимой высоты «конька» в 5,5 м, угрожало нарушителям карами, вплоть до лишения партбилета. Но «капитализм», молча узаконенный для партийно-правительственных активистов, прорастал и на незлитных садово-огородных участках вопреки желаниям Малофеева и ему подобных.

Вы, именно вы, Вячеслав Францевич, посоветовали мне уменьшить затраты моего драгоценного, как вы изволили заметить, времени на воскресные и праздничные упражнения с топором и бетономешалкой. Предложили воспользоваться правом заказать кое-какие работы в СКБ «с опытным производством» при возглавляемом вами Совмине. Это, мол, делают все руководящие и некоторые другие сотрудники, причём всё сугубо законно, официально, по утверждённому прејскуранту и т. д. и т. п.

Я соблазнился и действительно сделал заказ. По нему для меня действительно были выполнены кое-какие работы. В частности, сложена кирпичная печка, запрет на которую к тому времени все забыли, так как исчезла КПБ, его навязывавшая. Печку вскоре пришлось разобрать, так как она дымила и не грела. Другое дело – был очень качественно оштукатурен и покрашен построенный моими руками домик. И сегодня, приезжая на «дачу», всегда добрым словом вспоминаю штукатура Лёню. Он мастерски устранил и скрыл все сделанные моими руками аглопоритобетонные огрехи.

Выполненные по заказу работы были полностью оплачены наличными по выставленным счетам без всякого промедления.

У меня и в мыслях не было, что вы, Вячеслав Францевич, смотрите далеко в будущее и ищите человека, который смог бы представить сделанные для меня работы как использование моего служебного положения в корыстных личных целях. Вынуждает, видите ли, Шушкевич исполнителей оценить эти работы ниже реальной стоимости. Наживается за государственный счёт... Ведь для этого нужно было найти либо абсолютного невежду, либо стопроцентного негодяя. И вы нашли человека, в котором эти качества на редкость удачно сочетались, точнее – вычислили его, опираясь на свой многолетний опыт контактов с людьми подобного рода.

-- Дорогой Александр Григорьевич, -- сказали вы руководителю коррупционной комиссии Лукашенко, кстати, в присутствии нескольких депутатов, -- советую вам внимательно посмотреть все документы о финансовых расчётах за выполнение заказов в СКБ при Совмине депутатов и руководителей Верховного Совета. Вы обязательно найдёте там, что ищите.

И он нашёл сногсшибательный и так милый вашему сердцу компромат! На заказы Шушкевича списано восемь килограммов гвоздей, хотя в совхозе, которым правил Лукашенко, на это ушло бы не более пяти. Это же пример сногсшибательной коррупции!

-- Спасибо, уважаемый Александр Григорьевич, вы очень нам помогли, -- воскликнули вы, пожимая руку председателю коррупционной комиссии после выступления и, снова же, в присутствии многих депутатов. Простой люд, полагали вы, т. е. бедный избиратель, отвернётся после такого разоблачения от жирующего за государственный счёт Шушкевича и проголосует за Кебича.

Утка для «интеллектуалов»

Для более-менее просвещённого по вашему, Вячеслав Францевич, мнению электората и интеллигенции нужна была иная провокация, и вы пригласили, как я уже заметил выше, профессионала-клеветника Владимира Заметалина, щедро вознаградили большевистского трибуна Александра Проханова за его снова же, по Вашему мнению, разгромную статью в мой адрес от имени несуществующего журналиста в несуществующей голландской газете... Вы не только не воспрепятствовали преступной аванюре Заметалина вручить эту статью под видом специального послания ИТАР-ТАСС редактору «Советской Белоруссии» Игорю Осинскому для срочного напечатания, но наоборот, поощрили товарища Заметалина за находчивость. А после всего этого всплакнули в своей книге, что были настолько честным и правдивым, что даже не мобилизовали административный ресурс и поэтому не выиграли президентские выборы 1994 года.

Вы, кое-кем ещё уважаемый и сейчас, Вячеслав Францевич, хотели, чтобы все эти мясниковичи-кравченки-антоновичи-заметалины и им подобные явили достоинство и благородство, вас поддерживая.

Святая наивность!

Административный ресурс ради победы на выборах вы не мобилизовали не потому, что считали это бесчестьем, как следует из вашей книги, а потому что вся ваша команда, более правильно – шайка братанов, которую вы публично изобличили при помощи талантливых литераторов только в 2007 году в своей книге, этим не занималась. Её члены обворовывали вас морально и материально, а при вашем попустительстве и государство, но не ради вашей победы на выборах, а ради своей ненасытной корысти. Они по секрету всему свету представляли вас серьёзно злоупотребляющим алкоголем, и совершенно напрасно в вашем «Искушении властью» вы утверждаете, что не пили с горя. Пили! И спасало вас только то, что вы не подвержены алкогольной зависимости, чего бы так хотели ваши «доброжелатели», чтобы, в конце концов, порвать отношения с вами под благовидным предлогом -- как с неадекватным, а по-простому -- окончательно спившимся человеком.

И не кажется ли вам, Вячеслав Францевич, что вы окончательно уподобились тем, кого так красочно осудили и разоблачили. Ведь надо же! Целая глава книги с ненавязчивым названием «мне понятна твоя вековая печаль, Беловежская пуца», а материал в ней - слепок подхода к вашему желанию получить пропуск в администрацию президента (стр. 30 вашей книги) всё от того же Мясниковича. Пропуск он пообещал, а сотрудникам приказал -- чтобы и ноги Кебича там не было!

Вот и вы поплакались перед диктофоном и попросили Осинского Игоря Николаевича, одного из сочинителей вашей книги, наполнить трагизмом и переживаниями вашу причастность к Соглашению о создании СНГ. Он как талантливый литератор, взял и наполнил: привлёк греческую и древнеримскую мифологию, обыграл промашку Ельцина в Верховном Совете Беларуси, патриотические фрагменты белорусской истории, но даты и действующих лиц оставил в том виде, в каком Вы ему сообщили.

А память у вас, оказывается, сбоит. В лучшем для вашего здоровья случае это не сбой, а тщательно продуманная небрежность, способ привлечь внимание. Но, если это так, зачем называть посла США Майклом, когда он был и остаётся Дэвидом Суорцем? Зачем писать, что 25 ноября 1991 года у Горбачёва в Ново-Огарёво собрались главы семи республик, в том числе руководители России, Беларуси, Украины и Казахстана? Более чем за месяц до этого, 20 октября 1991 года в том самом Ново-Огарёво руководители, в том числе и я, без громогласных заявлений условились не встречаться с Горбачёвым без крайней надобности. Если кто-нибудь и нарушил эту договорённость, то только не я. Вы же приписываете мне сакраментальные заявления на встрече, которой не было и не могло быть.

Игорь Николаевич Осинский, числящийся в титрах вашей книги редактором, добросовестно писал её вам. Нашёл в Интернете (или в библиотеке) публикации о том, как готовилась встреча в Ново-Огарёво 25 ноября 1991 года, кто на неё приглашён..., но не мог найти и поэтому не нашёл информации о том, что главы республик тайно условились на неё не ехать. Большинство из них, в том числе и я, поступили в соответствии с договорённостью. Об этом вы, Вячеслав Францевич знали, и такой подход приветствовали.

Не я, как написано в книге, поддержал Ельцина 25 ноября в Ново-Огарёво, меня там в этот день просто не было. Уж если быть точным, Ельцин поддержал меня, потому что он выступил вторым на Госсовете 20 октября 1991-го (а не 25 ноября, как написано в книжке). Именно там, в Ново-Огарёво 20 октября я, наконец, смог выполнить вашу слёзную просьбу – пригласить Президента России в Беловежскую пушу на охоту, чтобы вместе с вами уговорить его помочь Беларуси с нефтью и газом в предстоящую нелёгкую зиму.

И с Кравчуком ваши писаки напутали: именно Вы попросили пригласить Леонида Макаровича в пушу, ведь у нас с Украиной общая проблема, говорили вы, – топливо на зиму, вместе с Украиной лучше отстаивать общие интересы. Более того, не встречался я с Кравчуком после 8 декабря 1991 года ни в Вискулях, ни в пуще, как написано в вашей книге. Сорвалась встреча. Ельцин не смог приехать, да и я прилетел в Минск из Франкфурта с неожиданно большим опозданием. Кравчук к этому времени из Вискулей уехал.

Если же совсем откровенно, то я бы очень хотел, чтобы многое выдуманное вашим писательским консилиумом и написанное в «Искушении властью» обо мне было бы правдой. Какая высочайшая оценка эффективности моего политического интриганства, причём даже не на уровне Остапа Бендера, а по меньшей мере на уровне Макиавелли и Ришелье.

Это же надо, как подан Шушкевич в вашей книжке!

Задумал констатировать в официальных документах факт прекращения существования СССР как геополитической реальности и как субъекта международного права. Околпачил величайшего сторонника сохранения Союза зачинщика перестройки – президента СССР Михаила Горбачёва. Пригласил не ожидавших такой наглости президентов России и Украины как бы на охоту. Использовал страстное желание первого стать полноправным хозяином России и желание второго подтвердить верность результатам украинского референдума о независимости. Собрал всех в Беловежской пуще и решил одним махом вопрос о признании независимости Беларуси Россией, которая с 1794 года безо всяких ограничений владела белорусской территорией и топила в крови всех, порывавшихся независимость Беларуси отстоять. Нашёл, так сказать, способ утешить всех белорусских патриотов бескровным завоеванием независимости.

Кроме того, всё предельно легитимно. Все субъекты создания СССР в наличии. Закавказская Федерация исчезла, не оставив наследника. В наличии и полномочные представители тройки, наделённые своими Конституциями правом подписывать международные договора от имени своих государств.

А с ратификацией как схитрил. На вопрос депутатов, как идёт процесс ратификации в России, соврал, что россияне уже ратифицировали, только поэтому и Верховный Совет Беларуси ратифицировал вопреки мнению 200-миллионного народа великой страны...

Полно врать, Вячеслав Францевич, на вопрос я ответил чуть-чуть иначе, а именно так, как сказал мне Бурбулис, которому я позвонил: все комитеты российского парламента, представившие заключения спикеру, рекомендуют ратифицировать. И к тому же, где было ваше мнение? Чего ради сидели и молчали, как мышь под веником.

А теперь посмотрите, к чему привело Беловежское соглашение через 20 лет и чего оно позволило избежать сразу же после подписания?

На вторую часть вопроса лучше всего отвечают документы, решение об обнародовании которых получил от риксдага министр иностранных дел Швеции Карл Билдт. Дипломатические документы, посланные шведскими посольствами в МИД Швеции до декабря 1991

года, полны обеспокоенности об угрозе широкомасштабной гражданской войны на территории Советского Союза.

Мы же с вами, Вячеслав Францевич, составляем одну третью часть тех сил, которые нашли способ и распад СССР констатировать, и войну предотвратить, не позволив событиям развиваться по югославскому варианту. Остальные две трети – это Ельцин, Бурбулис, Кравчук и Фокин, по 1/6 на каждого. Не отдавайте мне свою долю, свою одну шестую. Мне не нужна 1/3, мне своей 1/6 достаточно...

А причина, по которой вы её мне отдаёте, банальная. Вы, к сожалению, заразились ложью от своего насквозь лживого окружения и, мягко говоря, вещаете неправду, чтобы не выглядеть причастным к тому, чем можете гордиться больше, чем от всего иного, сделанного вами за всю жизнь. Спасаете не кого-то, не жизнь человека, а свою долю у кормушки государственной, которой заведует ваш давно переставший быть легитимным правитель. Заигрываете с ним, поддакиваете ему. Его удовольствия ради восхваляете коммунистические порядки и замшелых мракобесов типа Малофеева. Оправдываете примитива, давившего всякое начало человеческого подхода и даже мужественным поступок его называете по отстаиванию с пеной у рта на трибуне парламента права на существование партии и идеологии, покрывшей трупам невинных людей пространство от Бреста до Чукотки, изгнавшей целые народы со своих земель и узаконившей колхозное крепостное право в середине 20 века на всей территории Советского Союза.

Ведь так, по вашему мнению, везло Беларуси на коммунистических руководителей, одним из которых были и вы! Такой мудрый Понамаренко, тот самый который давил, душил, репрессировал невинных. Хорошо, что хоть о Цанаве не вспомнили, как о борце с придуманными контрреволюционерами.

Зато воспели почти всех высших коммунистических функционеров, которые о людях заботились! Не обо всех, правда, но о руководящих уж точно заботились, но прежде всего – о себе. А их культурный уровень какой высокий, хотя и чисто коммунистический, но высокий. Как противостояли запрету деятельности КПБ на Верховном Совете. Ну просто интеллектуалы и вместе с тем – секретари ЦК КПБ Михаил Лагир, Николай Дементей, Анатолий Малофеев; на лица посмотрите, речи послушайте – не оторвётесь. Нельзя забыть и Николая Игрунова. Специальную подготовку человек прошёл, чтобы всякого рода национальные проявления в корне душить. А вот Егоров Владимир Демьянович согласно книжке человек очень плохой, с «двойным дном».

Для вас, Вячеслав Францевич, плохой, так как действительно, как и вы – с двойным дном, но вы, скорее, с тройным! Но его и даже вас я за это не упрекаю: не могло быть в советское время ни премьера, ни министра-силовика без двойного дна. Но не любите вы

Егорова за то, что он -- интеллеktуал и нередко имел прекрасно обоснованное весомое собственное мнение, отличное от вашего.

Выгодную позицию ищите и легко находите, хорошо понимая умственный примитивизм правителя. Гордо отвергаете концепцию Беловежского соглашения, под которой поставили свою подпись. Соблюдаете обязательную для советской, гебельсовской и сегодняшней белорусской государственной пропаганды пятипроцентную норму правды и 95% брехни в угоду властвующему правителю.

С кем вы одной крови?

Замахиваться на память предков, Вячеслав Францевич, не позволяли себе даже ваши собраты по коммунистическому подходу к действительности, по единопартийному разуму. Утверждать, что я – Шушкевич Станислав Станиславович – вынужден был ради своего спасения публично отказаться от своего отца – подлое враньё, на которое оказались способными пойти только вы. Напомню: это аргумент из голландской утки, спроектированной профессионалом-клеветником Заметалиным. Но его фамилии под статьёй нет, а ваша – на обложке книги. По меркам интеллигентного человека вещать такое – поступок кощунственный. Для настоящего советского коммуниста, а вся ваша книга – подтверждение тому, что вы им были и остаётесь – дело обычное.

У меня всегда были и есть причины гордиться своим отцом, а не только сочувствовать его тяжкой доле. Вам, Вячеслав Францевич, проще с основаниями отказаться от отца, который по вашим же словам в книге служил в польской армии не то рядовым, не то лошадью. Моего же и голову склонить перед властным невежеством никто не смог заставить, а вашего... В весёлом состоянии жена капитана велела вашему папе становиться на четвереньки и возить её на себе.

Но я не призываю вас стать Павликом Морозовым, хотя по отношению к своей родине и своему языку вы им давно стали. И стали не ради спасения чьей-то жизни, а из-за неуёмного желания оставаться у кормушки. Желание не покинуло вас и после проигранных президентских выборов. Но приближение к кормушке обязывало льстить новому предводителю с таким усердием, что о совести нужно было забыть. И вы забыли.

Моего отца и пытками не вынудили написать «закладную» на сотрудников, друзей и просто знакомых, за которую обещали освобождение из тюрьмы тогдашнего КГБ. Мои предки никогда не теряли человеческое достоинство. Мне не нужно рыться для этого в архивах, как вы обязали рыться главного архивариуса страны, желая найти что-то, подтверждающее ваше фамильное благородство. Не нашёл архивариус, а если и нашёл, то не то, что вам хотелось получить, поэтому как вежливый человек сказал, что не нашёл.

Перечисляя в книге свои достоинства, вы так увлеклись, что не оставили места для самокритики, как это у настоящих коммунистов принято. Поэтому позволю себе вас дополнить.

Ещё во время вашего премьерства звонит мне незнакомый человек. Вряд ли я наврежу ему, раскрыв через 18 лет суть его поступка.

- Не могли бы вы, Станислав Станиславович, ко мне подъехать?

Подъехал, встретились, познакомились. Не можем, говорит, мы выполнить приказ нашего шефа уничтожить весь не направленный в продажу тираж книжки о вас А. и Л. Класковских «Пуцявіна лёсу». Ему же приказал это сделать сам Вячеслав Францевич Кебич. Так вот мы подготовили акт, что книги пущены под нож из-за того, что их не покупают, а сами книги хотим подарить вам. Они, пожалуй, вам пригодятся и в ваши «Жигули» поместятся.

Так я стал собственником 1500 экземпляров книжечек, которые не один год дарил тем, кто интересовался моей биографией.

Долго я не мог понять, почему вы так искажаете свершившееся в Беловежской пуще. С одной стороны благодарить бы вас надо за то, что мне одному вы приписываете и идею там собраться и идею Союз развалить. Спасибо, но мне и того, что удалось сделать лично мне и принадлежит именно мне, достаточно, чтобы гордиться содеянным всю жизнь. Да и потомкам есть, что для гордости оставить.

**Премьер-министры: России – Виктор Черномырдин и Беларуси – Вячеслав Кебич. Вряд ли кто-то иной проявил такое рвение угождать российской власти.
Фото Сергея Грица**

Вы же – прагматик, заботящийся, прежде всего, о своём сегодняшнем благополучии. Мягко, но убедительно восхваляете Лукашенко, хорошо зная его сущность, которую когда-то откровенно и правильно поносили. Хвалите всех руководителей-коммунистов, забывая, что из-за них и таких, как они, миллионы людей

были репрессированы, уничтожены, расстреляны безо всякой вины. Восхваляете строй, при котором нужно было всю жизнь стоять в очереди на жильё и не иметь надежды на какое-то светлое будущее, в то время как более половины промышленности республики работало

не на благо своих граждан, а на неизбежную кровавую войну с капиталистическим окружением.

Опомнитесь, детям и внукам вашим будет за вас стыдно!

Говорят, что вам пишут новую книжку. Не доверяйте такую работу кому-то, как в случае с «Искушением властью», возьмите авторучку, лист бумаги или же садитесь за компьютер и покайтесь, то есть напишите правду и спите спокойно, не мучаясь угрызениями совести. Если же вы уже совсем привыкли к удобной и выгодной лично для вас версии, то почивайте далее, не возвращайтесь к истине. Пригласите членов вашего президентского избирательного штаба, коих справедливо осуждаете в книжке как мошенников, позёров, лжецов и т. п., предложите тост и начните его так.

-- Мы с вами, коллеги, одной крови!

Х. БЕЛОВЕЖСКАЯ ПУЩА, ВИСКУЛИ, 7-8 ДЕКАБРЯ 1991 ГОДА

Одним из проявлений гениальности Владимира Высоцкого было умение кратко и образно, а поэтому предельно доходчиво, сказать очень многое. Когда вспоминаю, кто из наших белорусов оказался вместе со мной в Беловежской пуще, то так и хочется ещё раз воскликнуть: **«если б знал я, с кем еду, с кем водку пью...»** Хотя водки в Вискулях я не попробовал. Не по протоколу это, и даже не по нормам разговора при встречах без галстуков, но, правда. Главный герой предшествующей главы и главный тогдашний, как казалось, мой единомышленник в вискулёвском деле оказался настолько многолик, что и сегодня с радостью пришёл бы мне 58 статью и был бы рад, что нет никаких оснований добавить по Высоцкому **«ничего, вы так молоды!»**

Упрекать тех, кто ранее и теперь придерживался и придерживается иного подхода, чем утверждённый в Вискулях, безнравственно. Каждый человек имеет право на собственное мнение, имеет право его отстаивать и право его изменить, объяснив, почему это произошло. Но иначе, чем кощунством я не могу назвать деяния тех политиков высокого ранга, кто принятию вискулёвского решения способствовал, горячо его приветствовал, а потом, боясь потерять мелкие, по большому счёту, блага, изменил своё мнение на противоположное, раболепствуя перед властвующим правителем.

Приглашение

Наиболее деловым и преданным делу человеком в нашем правительстве я считал тогда премьер-министра Вячеслава Францевича Кебича. Нам чаще случалось говорить по телефону, чем встречаться, и мы имели по заверению связистов КГБ два вида неподслушиваемой телефонной связи – секретную «тройку» с трёхзначными номерами и «вертушку» с номерами четырёхзначными. Тем не менее, решили установить ещё и прямую связь, безномерную: подымаю трубку я, срабатывает вызов у премьера и наоборот. Эксплуатируя нашу индивидуальную, снова же неподслушиваемую по заявлению КГБ связь, мы с Вячеславом Францевичем убедились, что одинаково обеспокоены предстоящей зимой 1991-92 гг.

-- Вы в очень хороших отношениях с Борисом Николаевичем Ельциным, -- не раз говаривал мне Кебич, -- это нельзя не использовать для обогрева наших граждан. Пригласите его на охоту в пущу, примем, как подобает принять президента России, и, не сомневаюсь, уговорим его нам помочь с нефтью и газом.

Я всегда подтверждал, что хочу именно так поступить, но не сложилась ещё такая ситуация, чтобы удобно было это сделать.

Вячеслав Францевич, в свою очередь, регулярно напоминал: время не ждёт, торопитесь.

И вот подвернулся случай. 20 октября 1991 года Горбачёв собрал в Ново-Огарёво Госсовет и раздал всем его членам – главам республик – новый проект союзного договора. Все долго проект листали, но никто не торопился выступать. Меня же, как говорят, заело, и я выступил. Сказал, примерно следующее.

-- Уважаемый Михаил Сергеевич. У меня странные чувства. Договор предусматривает объединение республик в Конфедерацию. Но мне неудобно будет докладывать Верховному Совету документ, в котором не соблюдаются ординарные словарные определения. Наши депутаты – люди грамотные, они осудят меня за некорректности во вносимом на их утверждение документе. Конфедерацией в проекте называется почти унитарное государство. Президент в нём наделён очень большой властью. Иными словами, получается новый Советский Союз, в котором вместо Политбюро ЦК КПСС – президент.

Все затихли, молчит и Горбачёв. После небольшой паузы встаёт Ельцин. Его речь была существенно менее сдержанной по сравнению со мной. Он решительно осудил проект. Опять молчание.

Горбачёв встаёт и уходит. Председательское место остаётся пустым. Через минуту-полторы, не вставая, молчание нарушает Ислам Каримов.

-- Вы, Станислав Станиславович, и вы, Борис Николаевич, поссорили нас с Михаилом Сергеевичем. Находите его и возвращайте в председательское кресло.

Все члены Госсовета закивали головами в знак согласия с Президентом Узбекистана, а Борис Николаевич и я отправились искать Президента СССР. Случай для реализации нашей с Кебичем задумки оказался более, чем подходящим. Следуя в направлении удаления Горбачёва вместе с Президентом России, я и пригласил Бориса Николаевича на охоту в Беловежскую пуцу.

Он охотно согласился.

А Горбачёв?

Нашли и Горбачёва. Это для меня ново-огарёвские коридоры, залы и балюстрады – лабиринт. Для Ельцина – родная стихия. Михаил Сергеевич даже минимального недовольствия не выразил, когда мы обнаружили его возле вазы с фруктами. Достал бутылку коньяка – отборного армянского, налил всем по рюмке, выпили. И, как будто ничего не случилось, вернулись на заседание Госсовета.

Мне хотелось быстрее сообщить премьеру Вячеславу Кебичу, что Борис Николаевич согласился приехать в пуцу, однако, звонить из Москвы и доводить до него радостное, по моему убеждению, известие я не решился. Было достаточно тех, кто мог помешать встрече. Только в Минске мы подробно проанализировали сложившуюся ситуацию, Кебич ещё раз заверил меня, что пуца к приёму готова.

Оговорили и происходящее в России. Понимали: президент Ельцин, как говорят, на коне. Для завоевания его расположения нужно при встрече ненавязчиво отметить, что мы радуемся его успехам и что наши слова – не просто долг вежливости, а осознание его личных достижений, его изобретательности, уместного и своевременного проявления воли и находчивости на посту столь высоком. Что касается меня лично, я действительно был им восхищён, но никак не хотел выглядеть простым почитателем величия первого Президента России, тем более. угождать.

Скажу сразу, не глядя на теоретическую готовность, воспеть наше восторженное отношение к российскому президенту так и не удалось никому из нас и в пуще и до пущи. Все разговоры с Ельциным были исключительно деловыми. Обстановка в России и в мире складывалась благоприятным для Беларуси образом.

Действительно: Россия 12 июня 1991 года впервые в своей истории всем народом избрала президента. Ельцин победил в первом туре, никто не был соизмерим с ним по популярности. В своём выступлении на Торжестве по поводу вступления в должность первый Президент России сделал заявления, принципиально отличающиеся от тех, с которыми выступали все высшие иерархи КПСС и СССР, завоевав руководящий пост. *«Веками государственный интерес, как правило, ставился выше человека, его нужд и устремлений. Мы, к сожалению, позже, чем другие цивилизованные народы, осознали, что государство сильно благополучием своих граждан... В основе возрождения нашего государства – духовное раскрепощение человека, подлинная свобода совести и полный отказ от любого идеологического диктата».*

«Расширение» приглашения

С Борисом Николаевичем мы договорились, что дату встречи в пуще согласуют наши службы. Помощники Ельцина и мои сразу же начали изыскивать взаимоприемлемый вариант, но Вячеслав Кебич предложил пригласить ещё и Леонида Макаровича Кравчука, если, конечно, Борис Николаевич не будет возражать.

Я позвонил Ельцину. Он не возражал, скорее, обрадовался. Приглашение Кравчука породило задержку, так как 1 декабря в Украине должны были состояться президентские выборы, и кандидат в президенты Л. М. Кравчук не мог отлучиться из страны во время избирательной кампании. Решили встречаться сразу же после украинских выборов.

Зачем был нужен Кравчук? Были факторы за и против. Против, так как трёхсторонние договорённости достигаются значительно сложнее двухсторонних. За, потому что у нас одинаковая главная проблема – потребность в энергоносителях на зиму – и нелепо устроить нездоровую конкуренцию по вопросу, кто сумеет лучше

угодить России, чтобы их получить. А вместе, всё честно, взаимопрозрачно, понятно.

Вторая причина расширения состава участников встречи была обусловлена тем, что многие отрасли промышленности, особенно крупные энергопотребители, должны были ясно представлять, что их ждёт в плане энергообеспечения в ближайшей перспективе. Поэтому делегации на вискулёвскую встречу укомплектовывались руководителями и представителями заинтересованных министерств и ведомств.

Таким образом, упомянутые и другие менее значимые факторы обусловили приезд в Беловежскую пушу представительных делегаций России, Украины и Беларуси, способных быстро принимать решение на высшем государственном уровне трёх стран.

Что оставалось в сознании людей

В декабре 1991 года Советский Союз продолжал по инерции оставаться страной, где большинство продолжало думать одно, говорить другое, а делать третье. Откровенничали больше, чем в хрущёвские, брежневские или андроповские времена, но на самое «святое» -- на страну -- не замахивались. Принятая в октябре 1961 года XXII съездом КПСС Программа Коммунистической партии Советского Союза, обязывающая строить коммунизм, была отвергнута два года назад Съездом Народных депутатов СССР вместе с руководящей ролью КПСС. Но она не выветрилась из сознания наивных сторонников самого справедливого общества, а их были миллионы. Да как можно было сразу отвергнуть мечту -- *«бесклассовый общественный строй с единой общенародной собственностью на средства производства, полным социальным равенством всех членов общества, где вместе с всесторонним развитием людей вырастут и производительные силы на основе постоянно развивающейся науки и техники, все источники общественного богатства польются полным потоком и осуществится великий принцип «от каждого — по способностям, каждому — по потребностям».* Коммунизм — это высокоорганизованное общество свободных и сознательных тружеников, в котором утвердятся общественное самоуправление, труд на благо общества станет для всех первой жизненной потребностью, осознанной необходимостью, способности каждого будут применяться с наибольшей пользой для народа».

Как можно было мгновенно, резко отказаться от восславленного в Программе КПСС рая на земле, причём рая для всех!

«Высокая коммунистическая сознательность, трудолюбие и дисциплина, преданность общественным интересам — неотъемлемые качества человека коммунистического общества.

Коммунизм обеспечивает непрерывное развитие общественного производства и повышение производительности труда на основе быстрого научно-технического прогресса, вооружает человека самой совершенной и могущественной техникой, поднимает на огромную высоту господство людей над природой, дает возможность все больше и полнее управлять ее стихийными силами. Достигается высшая ступень планомерной организации всего общественного хозяйства, обеспечивается наиболее эффективное и разумное использование материальных богатств и трудовых ресурсов для удовлетворения растущих потребностей членов общества.

При коммунизме не будет классов, исчезнут социально-экономические и культурно-бытовые различия между городом и деревней; по уровню развития производительных сил и характеру труда, формам производственных отношений, бытовым условиям, степени благосостояния населения деревня поднимется до уровня города. С победой коммунизма произойдет органическое соединение умственного и физического труда в производственной деятельности людей. Интеллигенция перестанет быть особым социальным слоем, работники физического труда по своему культурно-техническому уровню поднимутся до уровня людей умственного труда. Таким образом, коммунизм покончит с делением общества на классы и социальные слои, в то время как вся история человечества, за исключением первобытных времен, была историей классового общества. Деление на противоположные классы вело к эксплуатации человека человеком, классовой борьбе и антагонизму между нациями и государствами. При коммунизме все люди будут иметь равное положение в обществе, одинаковое отношение к средствам производства, равные условия труда и распределения и активно участвовать в управлении общественными делами. Утвердятся гармонические отношения между личностью и обществом на основе единства общественных и личных интересов. Запросы людей при всем их громадном разнообразии будут выражать здоровые, разумные потребности всесторонне развитого человека».

Заканчивалась более, чем 200-страничная Программа словами.: «Нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме!».

Программу обязаны были изучить все граждане СССР, а финальные слова и определение коммунизма требовалось знать наизусть школьникам, студентам высших и средних специальных учебных заведений и многим другим категориям граждан.

Как ни парадоксально, но многие люди всему этому привыкли верить, а некоторые продолжают и сейчас верить в коммунизм и в то, что его помешали построить жадные до наживы капиталисты и неспособные постичь коммунистическое учение демократы.

Солидарность VIP-персон мирового уровня

На день встречи в пуще не все мы чётко представляли политическую обстановку в мире. Многие стало известно позднее. Но то, что виднейшие политики мирового уровня президент США Буш, канцлер Германии Коль, президент Франции Миттеран и отошедшая от рычагов управления Британией, но по-прежнему знаменитая, Маргрет Тэтчер – решительные противники так называемого сепаратизма, т. е. разделения СССР на независимые государства, знало большинство приехавших в Вискули. Все эти главы и экс-главы ведущих капиталистических стран считали, что им очень выгодно иметь дело с одним Горбачёвым, а не с множеством малопредсказуемых новых лидеров.

Не все приехавшие в Вискули сознавали, почему руководители крупнейших государств выступали против деления СССР на составляющие его части. Ведь распад уже, фактически, произошёл в августе 1991 года после разгрома ГКЧП. Но распад грозил быть неконтролируемым. Президент Франции Франсуа Миттеран предрекал.

-- Возможность говорить о Советском Союзе в прошедшем времени поставила на повестку дня сакраментальный вопрос: «Что дальше?». Дезинтеграция государства, кризис власти, потеря веры, сопровождающиеся экономическим спадом, -- всё это способно привести к вспышке гнева населения, которое сделает практически невозможным управление страной, впадающей в анархию.

Формально всё оставалось на своих местах. Запад, как и в послевоенное сталинское время, продолжал бояться русских. Европа искала пути и формы объединения. Главная политическая цель объединения была располагать силой, чтобы противостоять русским. Она следовала из коронной фразы в лекции Уинстона Черчилля 19 сентября 1946 года в Цюрихском университете. **«Было бы страшной катастрофой, если бы русское варварство подавило культуру и независимость древних государств Европы».**

А эти «русские», т. е. граждане СССР, порываются разделиться на множество государств, четверо из которых – с ядерным оружием. При их природной дикости они будут колошматить друг друга и, более того, могут втянуть в ядерный конфликт и наши благополучные страны. Запад не верил, что войну при распаде СССР на части можно предотвратить, поэтому все компетентнейшие политики настойчиво противостояли распаду СССР. Не будет распада -- не будет войны.

Непримиримая к разделу СССР политика стран Запада была в значительной мере обусловлена и их хорошим пониманием, что такое политики Советского Союза. Познав Горбачёва, они понимали, что воспитывать в западном духе нескольких Горбачёвых будет очень

сложно. А с этим одним будет проще, он уже кое-чему научен. С иными сложнее, они с настоящим догматическим марксистско-ленинским упрямством, а не из преуспевших на партработе помощников комбайнеров. Истинные партократы убеждены, что СССР -- великая держава, ядерная супердержава, что весь мир против них, что если враг не сдаётся, его уничтожают, что все богатства нажиты нечестным путём, что деньги – не главное...

В 2011 году Министр иностранных дел Швеции Карл Билдт добился решения парламента разрешить опубликовать на сайте МИД Швеции дипломатические документы, посланные шведскими посольствами до 1991 года. По существующим в Швеции правилам гриф секретности снимается с таких документов через 50 лет, Билдт попросил снять через 20. Самое важное «открытие», которое можно сделать на основе анализа опубликованной переписки -- чудовищная боязнь гражданской войны на территории Советского Союза, которая способна затронуть и иные страны.

Что касается внутренней жизни всё ещё формально существующего Советского Союза, то Центр терял последние остатки власти. На проведённом совместно с выборами президента Украины референдуме 1 декабря 1991 года за независимость Украины высказались 90,32% участников голосования. Не трудно было догадаться, что доля желающих независимости граждан в других республиках не меньше.

Прилёт-приезд

Самолёт с Президентом России Ельциным и сопровождавшими его лицами прилетел в Минск утром 7 декабря. Российскую делегацию повезли сначала в Заславль, где все могли отдохнуть и подготовиться к кратковременному перелёту на авиабазу в Пружаны, а оттуда автотранспортом приехать в пуцу.

Планировалось и выступление Бориса Николаевича в Верховном Совете. Депутаты надеялись из уст главного россиянина услышать основные положения российской концепции отношений с республиками СССР, принявшими декларации о государственном суверенитете.

При реализации этого пункта программы Ельцина постигла неудача. Ему пришлось оправдываться за грубую оплошность тех, кто подготовил для него старинную грамоту, которую он хотел передать в качестве подарка Верховному Совету Беларуси. Древняя грамота оказалась документом, подтверждающим имперский характер её составителей, что моментально уловили высокообразованные депутаты – профессионалы-историки. Они громко объявили об этом, после чего раздались довольно дружные крики осуждения. Зал стал неуправляемым, и хотя Ельцин достаточно быстро из зала удалился, рёв и гам преследовали его и в коридоре.

7 декабря 1991 года. «Злополучное» выступление Бориса Ельцина в Верховном Совете Беларуси. Во втором ряду: В. Кебич, В. Шалодонов, С. Шушкевич, Г. Бурбулис, Е. Гайдар.

Меня случившееся не обрадовало. Происходящее было фактором, усложняющим реализацию задуманного. Но у меня не было морального права защищать Бориса Николаевича. Его политическая ошибка была очевидной, и не только депутаты от БНФ меня бы обоснованно освистали. Я сожалел о случившемся, так как начиналось всё совсем не так, как хотелось, но сгладить ситуацию был не в состоянии. По свежим следам в перерыве сессии я не смог переговорить с Ельциным, так как он уже уехал, наверное, в Заславль.

Я поехал в аэропорт. Успел к моменту прилёта президента Украины Кравчука. Встретил Леонида Макаровича, поздравил с победой на президентских выборах и должен был на своём ЯК-27 лететь вместе с нашей делегацией за ним на авиабазу Пружаны, но решил, что можно легко найти дополнительное время для общения с президентом Украины и напросился к нему в самолёт. Однако наш разговор в самолёте не стал источником дополнительных сведений о позиции украинской стороны.

В итоге все самолёты прилетели на авиабазу, где блеснул своим радушием и гостеприимством глава Брестской области Виктор Иванович Бурский, а все участники без приключений приехали в бывшую базу отдыха ЦК КПСС, перешедшую в ведение правительства БССР. Не возникло никаких проблем и с размещением гостей, хотя такого массового наплыва приезжих в Вискули никогда до этого дня не было.

Вискули, день первый

В главном здании бывшей резиденции ЦК КПСС находились апартаменты для самых важных гостей. С позиций моей требовательности три комплекта номеров высшего качества были примерно одинаковой степени комфортности, одинакового уровня дизайна и почти не отличались по площади. Два из них были предоставлены соответственно Ельцину и Кравчуку. Я воздержался, чтобы занимать третий, не исключал, что всякое может случиться, и поселился в двухэтажном коттедже, который мне не меньше нравился. Там же поселились два моих охранника.

В этом здании велось обсуждение и были подписаны беловежские документы: Соглашение и Заявление.

Вечером 7 декабря собрались в апартаментах Ельцина. Кроме глав делегаций от России присутствовали Геннадий Бурбулис, Егор Гайдар, Андрей Козырев, Сергей Шахрай; от Украины Витолд Фокин и три депутата Рады; от Беларуси Вячеслав Кебич, Михаил Мясникович, Пётр Кравченко.

Говорили о нефти, газе, многом ином, но неумолимо вставал вопрос, ставший волею судьбы главным, что делать в реально имеющей место ситуации, когда ни Горбачёв, ни какой-нибудь властный орган не управляет Союзом ССР.

Всё дальнейшее я запомнил с подробностями по той простой причине, что не очень жаловал Геннадия Бурбулиса, как и всех иных философов-марксистов. Ни разу ни от одного советского философа я не услышал чего-то такого, что не было бы озвучено в очередных призывах ЦК КПСС и Совмина СССР,

напечатано в «Кратком курсе истории КПСС» или в университетских пособиях, толкующих этот «краткий курс». А слово взял именно философ первый (и, по-видимому, последний) Госсекретарь Российской Федерации Геннадий Эдуардович Бурбулис.

-- Господа, а не согласитесь ли вы поставить свою подпись под таким предложением: *СССР как геополитическая реальность и субъект международного права, прекращает своё существование?*

Суть предложения Бурбулиса я понял мгновенно и, не скрою, оно мне сразу понравилось. Почувствовал себя неуютно за то, что не лучшим образом к нему до этого относился. Поэтому я не стал ожидать, пока кто-то выскажется, и сказал сухо.

-- Я подпишу.

А ведь мог и похвалить философа, так как, не стесняюсь это признать, даже позавидовал ему. Потом все присутствующие подтвердили, что готовы подписаться под словами Госсекретаря Российской Федерации Бурбулиса. Таким образом философ, «марксист-ленинец» -- именно такие слова всегда ставились в СССР перед словом «философ», когда речь шла о университетском преподавателе или о научном сотруднике, фактически, определил, чем мы будем заниматься в Вискулях всё остальное время. Это, вдруг, начали пояснять друг другу все собравшиеся в резиденции президента России Бориса Ельцина. Здесь же прозвучало тогда и часто повторяемое впоследствии о Беловежском соглашении «мы обязаны делать то, что нельзя не делать»!

Галдёж прервало многократное ельцинское «понимаешь!»

-- Кость, понимаешь, имеем, хорошую кость. Нужно нанизать на неё мясо. Но нельзя ничего упустить, оставить неупомянутым. Ничто не должно повиснуть в воздухе. Иначе нас добрым словом никто не вспомнит. Прежде всего, никто не должен испугаться того, о чём мы заявим нашим гражданам и всему миру. На первом месте должно быть созидание, а не разрушение. Мы должны показать, понимаешь, что существует способ остаться единением без лицемерия и попрания прав и свобод граждан по национальному и любому иному признаку. И хватит этих «СС», понимаешь: СССР, КПСС, а теперь ещё ССГ – Содружество Суверенных Государств. Независимых, понимаешь! Содружество Независимых Государств!

Я радовался за Бориса Николаевича. Утреннее выступление в Верховном Совете забыто, значит исходная цель встречи -- шанс договориться о нефти и газе не уменьшен. И хотя Ельцин не говорил ничего того, что не прозвучало бы в той части нашего общего разговора, которую я назвал «галдёж», но он великолепно всё обобщил. Не нужно было давать дополнительные пояснения тем, кто вошёл в группу подготовки проекта соглашения. Здесь же согласовали и отводимый на подготовку проекта срок: полная готовность – к завтрашнему раннему утру.

Задумались: что творим?

Сформированная группа разработчиков проекта ушла заниматься порученным делом. На некоторое время отлучился и Кебич, проверить нормально ли всё обеспечено и нет ли проблем у каких-то служб. Чуть позднее и он присоединился к разговору оставшихся – Ельцина, Кравчука, Бурбулиса, Фокина и меня.

Что получалось? Мы решили денонсировать Договор 1922 года о создании СССР. В этой части предполагаемого соглашения всё правильно, всё легитимно. По должности Ельцин, Кравчук и я наделены Конституциями РФ, Украины и РБ правом подписывать

международные договоры от имени наших государств. Подписанные договоры сразу же приобретают законную силу, но наша обязанность незамедлительно представить их на ратификацию парламентами. Если парламенты ратифицируют, действие договора продолжается. Если нет – останавливается.

СССР создали в 1922 году Российская Федерация, Украинская и Белорусская ССР, а также Закавказская Федерация. Но последняя ликвидирована и не имеет правопреемника. Значит, все без исключения существующие создатели СССР принимают решение о денонсации. И здесь всё легитимно.

Но появляются все основания считать, что мы создаём новый «СС», точнее ССР – Союз Славянских Республик. Однако есть возможность ситуацию подправить. Знаем, в Москву летит Назарбаев. Не позвать ли его к нам? Решили – позвать! И, ясное дело, лучше всего это сделать Борису Николаевичу.

Фото: Юрий Лизунов / ИТАР-ТАСС

Связались с самолётом Назарбаева. С нашей стороны связь была громкоговорящая. Ельцин информировал о том, что мы собрались, президента Казахстана и пригласил его прилететь. Встреча, мол, станет гораздо веселее. Как то ни странно, Нурсултан Абишевич самым вежливым образом поблагодарил за

приглашение, сразу же с ним согласился и обещал прилететь после дозаправки самолёта в Москве. Наши белорусские службы засуетились, отыскивали флаг Казахстана, закрепили его с моего согласия на «мой» «членовоз» ЗИЛ-117 и готовы были встретить высокого гостя на авиабазе возле Пружан.

Тогда я и подумать не мог, что Назарбаев может иметь решительно иное мнение по решаемому нами вопросу. Но он впоследствии неоднократно заявлял, что ни за что не подписал бы Беловежское соглашение. Вот свалился бы на наши головы! Как я понял позже - к счастью, связь с самолётом больше установить не удалось. Но по какой-то иной связи было сообщено, что самолёт Назарбаева не может вылететь из Москвы по техническим причинам. Каждый шаг Назарбаева был иллюстрацией к расхожим словам «Восток -- дело тонкое». И до и после Вискулей. Трудно понять, когда он говорил правду. Когда заявлял, что никогда бы не поставил подпись под Беловежским соглашением или когда в Алма-Аты с большим энтузиазмом это соглашение подписал и добился того, чтобы не относить его самого и Казахстан к присоединившимся, а

считать одним из творцов Соглашения о создании СНГ. Неужели признак восточной тонкости состоит в том, что следует по разному относиться к одному и тому же понятию в Беларуси, России и Казахстане?

Уже в третьем тысячелетии Горбачёв рассказал в телепередаче, почему Назарбаев не полетел в пуцу. Президент СССР Горбачёв пообещал ему должность председателя Верховного Совета в обновлённом СССР.

Поздний вечер 7 декабря, баня

Премьер-министр Вячеслав Францевич Кебич, на котором кроме официального представительства лежал весь груз хозяйственно-технического обеспечения встречи, действовал по-советски. Пишущую машинку он не предусмотрел, обычно на советских партийных встречах в таких устройствах потребности не было, того, кто бы мог быстро на ней печатать тоже. Но баню предусмотрел, без бани встреч на высшем уровне не бывает. И не просто баню. Любителей сауны и тех, кто парком с веничком баловался, ожидал фирменный кебичевский сюрприз – команда массажистов во главе с без пяти минут доктором медицинских (массажных!) наук. По мнению задумщика, эти внушительного вида ребята способны были снять любой стресс. Фактор для саммита немаловажный. Так и заменили господствовавший в резиденции со дня её основания «цэковский» подход на массажный, безалкогольный, но не отдающий идиотизмом горбачёвско-лигачёвского сокрушения виноделия и виноградарства.

8 декабря

Утро 8 декабря 1991 года не было ни туманным, ни седым. Было ясным. На предложенную всем охоту отправились только Кравчук и Фокин. Охотничье счастье улыбнулось премьеру Украины, президент нашей синеокой южной соседки стрельнул и... промазал. Но не расстроился, скорее, наоборот, весь день действовал энергично и целеустремлённо.

Я никогда не охотился. В студенческие годы, взяв у своего коллеги—завязтого охотника, сидевшего со мной в лодке, посмотреть ружьё, выстрелил и попал во взлетевшую утку. Мелкую погубленную птичку мне до сих пор жаль. Однако имею, значит, какой-то охотничий опыт. Спрашиваю у егерей, готовивших охоту.

-- Как же так, один из лучших охотников Украины ничего не подстрелил?

-- Да мы и тому и другому на длинную верёвку кабанчиков привязали, но первый верёвку выстрелом перебил, а второй в кабанчика попал.

Так и не знаю до сих пор, егерская это шутка, или правда.

На завтраке большинство высоких гостей присутствовало степенно от начала до конца, разработчики и эксперты - челночно или с опозданием. Кравчук и Фокин опоздали основательно. Так или иначе, все хорошо позавтракали и вдоволь наговорились.

Пришло время рассматривать проект. Шесть человек – первые и вторые лица стран-участниц -- соблюдали последовательность от заглавия до последней строчки. 18 статей, предложенных разработчиками превратились в 14. Что-то объединили, что-то разнесли в иные статьи. Каждую статью дорабатывали до тех пор, пока ни у кого не оставалось никаких замечаний, никаких сомнений. Эксперты-разработчики основательно замаялись, выслушивая пожелания и советы о том, что не совсем понятно, что нужно добавить, что убрать или смягчить, как усилить акценты. Безропотно убегали дорабатывать и исправлять.

В этой, с точки зрения неискущённого наблюдателя, суете, в моём сознании вертелся анекдот о своенравии Горбачёва, который вдруг захотел сесть за руль своего служебного ЗИЛа и въезжает в Кремль. На вопрос начальника, «Кто там поехал?», милиционер отвечает: «Не знаю кто, но за рулём у него был сам Горбачёв!»

Так и у нас. На посылках был Егор Гайдар. Он был лучшим из тех, кто находил формулировки, снимающие всякие сомнения. За ним с малым отставанием следовал Сергей Шахрай. Да и все остальные работали прекрасно с максимальной отдачей.

В итоге постатейно и в целом к часам 14 – 15 был единогласно принят текст соглашения, подлежащего подписанию в официальной обстановке.

Кто, когда, кому звонил?

Михаил Сергеевич Горбачёв не устаёт повторять, что ему – Президенту СССР - о Беловежском соглашении позвонили позднее, чем президенту Соединённых Штатов Америки Джорджу Бушу.

Это неправда.

Я позвонил ему первому, как мы втроём – Ельцин, Кравчук и я договорились. Позвонил гораздо раньше, чем Ельцин Бушу, по «тройке», по телефону, который находился у него под рукой. Но сначала трубку снял не он, а кто-то иной. Начал спрашивать, кто звонит, откуда? Я представился. Последовал ответ: передаю трубку президенту. Горбачёв важничал, держал паузу. Потом взял трубку. Я стал ему детально объяснять сущность подготовленного для подписания документа и очень удивился, что он обращается ко мне на «вы». До этого было только «ты».

8 декабря 1991 года, Вискули, подписание Соглашения о создании Содружества Независимых Государств. За столом Фокин, Кравчук, Шушкевич, Кебич, Ельцин, Бурбулис.

Видя, что я говорю по телефону и, естественно, не прислушиваясь к моему разговору, Ельцин начал звонить Бушу. А говорил я ещё только с помощником. Ельцина соединили сразу же. Переводил разговор Андрей Козырев, переводил во всеуслышание громко, приложив к уху трубку параллельного с ельцинским аппарата. Буш сориентировался мгновенно. Михаил Сергеевич, как у него было принято, начал менторским тоном меня поучать и сказал, растягивая слова, примерно следующее.

-- А не задумались ли вы над тем, как воспримет ваши деяния международная общественность?

-- Уважаемый Михаил Сергеевич, в этом отношении всё в порядке. Вот Борис Николаевич говорит о предстоящем подписании с Бушем, и тот нормально на всё реагирует.

Далее в трубке было молчание до сигнала «отбой».

Около 16 часов соглашение было подписано в торжественной обстановке перед журналистами и телекамерами.

Подписание Беловежского соглашения я считаю вторым по значимости важным событием и для Беларуси, и в моей жизни. Привожу далее его полный текст, привожу потому, что десятки раз те, кто меня за подпись под ним упрекал, его не читали и не знали, но по инерции, как было принято в Советском Союзе, упрекали. А упрекать не за что. Документ признан серьёзными аналитиками **«шедевром легитимной дипломатии конца второго тысячелетия»**.

СОГЛАШЕНИЕ

о создании Содружества Независимых Государств

Мы, Республика Беларусь, Российская Федерация (РСФСР), Украина как государства-учредители Союза ССР, подписавшие Союзный Договор 1922 года, далее именуемые Высокими Договаривающимися Сторонами, констатируем, что Союз ССР как субъект международного права и геополитическая реальность, прекращает свое существование.

Основываясь на исторической общности наших народов и сложившихся между ними связях, учитывая двусторонние договоры, заключенные между Высокими Договаривающимися Сторонами,

стремясь построить демократические правовые государства, намереваясь развивать свои отношения на основе взаимного признания и уважения государственного суверенитета, неотъемлемого права на самоопределение, принципов равноправия и невмешательства во внутренние дела, отказа от применения силы, экономических или любых других методов давления, урегулирования спорных проблем согласительными средствами, других общепризнанных принципов и норм международного права,

считая, что дальнейшее развитие и укрепление отношений дружбы, добрососедства и взаимовыгодного сотрудничества между нашими государствами отвечают коренным национальным интересам их народов и служат делу мира и безопасности,

подтверждая свою приверженность целям и принципам Устава Организации Объединенных Наций, Хельсинского Заключительного акта и других документов Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе,

обязуясь соблюдать общепризнанные международные нормы о правах человека и народов,

договорились о ниже следующем:

Статья 1. Высокие Договаривающиеся Стороны образуют Содружество Независимых Государств.

Статья 2. Высокие Договаривающиеся Стороны гарантируют своим гражданам независимо от их национальности или иных различий равные права и свободы. Каждая из Высоких Договаривающихся Сторон гарантирует гражданам других Сторон, а также лицам без гражданства, проживающим на ее территории, независимо от их национальной принадлежности или иных различий гражданские, политические, социальные, экономические и культурные права и свободы в соответствии с общепризнанными международными нормами о правах человека.

В марте 1993 года в белорусском сатирическом журнале «Вожык» появилась эта карикатура. Оправились от страха после августовского путча 1991 года коммунисты всеми своими коммунистическими силами трактовали Соглашение о создании СНГ как пьяный сговор в дремучем лесу. Однако мне этот рисунок нравится.

Статья 3. Высокие Договаривающиеся Стороны, желая способствовать выражению, сохранению и развитию этнической, культурной, языковой и религиозной самобытности населяющих их территории национальных меньшинств и сложившихся уникальных этнокультурных регионов, берут их под свою защиту.

Статья 4. Высокие Договаривающиеся Стороны будут развивать равноправное и взаимовыгодное сотрудничество своих народов и государств в области политики, экономики, культуры, образования, здравоохранения, охраны окружающей среды, науки, торговли, в гуманитарной и иных областях, содействовать широкому информационному обмену, добросовестно и неукоснительно соблюдать взаимные обязательства.

Стороны считают необходимым заключить соглашения о сотрудничестве в указанных областях.

Статья 5. Высокие Договаривающиеся Стороны признают и уважают территориальную целостность друг друга и неприкосновенность существующих границ в рамках содружества.

Они гарантируют открытость границ, свободу передвижения граждан и передачи информации в рамках Содружества.

Статья 6. Государства-члены Содружества будут сотрудничать в обеспечении международного мира и безопасности, осуществлении эффективных мер сокращения вооружений и военных расходов. Они стремятся к ликвидации всех ядерных вооружений, всеобщему и полному разоружению под строгим международным контролем.

Стороны будут уважать стремление друг друга к достижению статуса безъядерной зоны и нейтрального государства.

Государства-члены Содружества будут сохранять и поддерживать под объединенным командованием общее военно-стратегическое пространство, включая единый контроль над ядерным оружием, порядок осуществления которого регулируется специальным соглашением.

Они также совместно гарантируют необходимые условия размещения, функционирования, материального и социального обеспечения стратегических вооруженных сил. Стороны обязуются проводить согласованную политику по вопросам социальной защиты и пенсионного обеспечения военнослужащих и их семей.

Статья 7. Высокие Договаривающиеся Стороны признают, что к сфере их совместной деятельности, реализуемой на равноправной основе через общие координирующие институты Содружества, относятся:

- координация внешнеполитической деятельности;
- сотрудничество в формировании и развитии общего экономического пространства, общеевропейского и евразийского рынков, в области таможенной политики;
- сотрудничество в развитии систем транспорта и связи;
- сотрудничество в области охраны окружающей среды, участие в создании всеобъемлющей международной системы экологической безопасности;
- вопросы миграционной политики;
- борьба с организованной преступностью.

Статья 8. Стороны осознают планетарный характер Чернобыльской катастрофы и обязуются объединять и координировать свои усилия по минимизации и преодолению ее последствий.

Они договорились заключить в этих целях специальное соглашение, учитывающее тяжесть последствий катастрофы.

Статья 9. Споры относительно толкования и применения норм настоящего Соглашения подлежат разрешению путем переговоров между соответствующими органами, а при необходимости — на уровне глав Правительств и Государств.

Статья 10. Каждая из Высоких Договаривающихся Сторон оставляет за собой право приостановить действия настоящего

Соглашения или отдельных его статей, уведомив об этом участников Соглашения за год.

Положения настоящего Соглашения могут быть дополнены или изменены по взаимному согласию Высоких Договаривающихся Сторон.

Статья 11. С момента подписания настоящего Соглашения на территориях, подписавших его государств не допускается применение норм третьих государств, в том числе бывшего Союза ССР.

Статья 12. Высокие Договаривающиеся Стороны гарантируют выполнение международных обязательств, вытекающих для них из договоров и соглашений бывшего Союза ССР.

Статья 13. Настоящее Соглашение не затрагивает обязательств Высоких Договаривающихся Сторон в отношении третьих государств.

Настоящее соглашение открыто для присоединения всех государств членов бывшего Союза ССР, а также для иных государств, разделяющих цели и принципы настоящего Соглашения.

Статья 14. Официальным место пребывания координирующих органов содружества является город Минск.

Деятельность органов бывшего Союза ССР на территориях государств — членов Содружества прекращается.

Совершено в городе Минске 8 декабря 1991 года в трех экземплярах каждый на белорусском, русском и украинском языках, причем три текста имеют одинаковую силу.

За Республику Беларусь
С. Шушкевич
В. Кебич

За РСФСР
Б. Ельцин
Г. Бурбулис

За Украину
Л. Кравчук
В. Фокин

Напрасные сомнения, ратификация

Я решил возвратиться в Минск автомобилем.

«Мой» служебный ЗИЛ-117 был на редкость прожорливым и съедал 25 литров бензина на 100 километров пробега.. Я предпочитал на нём не ездить, так как неплохо чувствовал себя в служебной «Волге» и помнил, что мои личные «Жигули» потребляли в самом худшем случае 10-11 литров на сто километров. Однако ЗИЛ пришлось погнать в Вискули для представительного приёма высоких гостей. И вот теперь, когда его следует отогнать обратно, я впервые решил попробовать, сколь приятна езда в лимузине, созданном специально для членов Политбюро КПСС и названного в простонародье «членовозом». Рядом с водителем сидел мой охранник, метрах в 50 впереди двигались милицейские «Жигули» с «мигалкой». Их тоже пригоняли в пушу для сопровождения гостей.

Я нажал кнопку подъёма стекла, отделяющего салон от водителя и охранника и включил радиоприёмник. Эфир был заполнен

методически повторяющимися сообщениями о коллапсе СССР. На различных частотах и языках звучали фамилии Кравчука, Ельцина и моя со специфическим искажением на каждом из языков. Невольно подумал: «какой я стал важный!», но спесь быстро прошла, когда вспомнил, что еду в свою профессорскую двухкомнатную квартиру на тогдашней окраине города. Мысленно посочувствовал милиционерам, которые, сменяясь каждые 12 часов, постоянно дежурят на лестничной площадке моего подъезда. Опять заважничал, потому что на мой вопрос, зачем это надо, получил ответ руководителя секретариата Верховного Совета: положено охранять жилище первого лица государства. Однако было никак не положено и, строго говоря, было невозможно создать этому дежурному, осуществляющему мою охрану, хотя бы минимальные удобства, и моя жена вынесла на лестничную площадку кухонную табуретку.

Засыпая в роскошном салоне ЗИЛа, начал волноваться: как отнесутся депутаты к ратификации Соглашения? Ведь коммунистов в Верховном Совете 82%, и, хотя многие «легли на дно», но могут и всплыть.

На следующий день, на фоне заклинаний Горбачёва созвать съезд Народных депутатов СССР для обсуждения вопроса об образовании СНГ, передаю текст соглашения в комиссии Верховного Совета для подготовки к ратификации и включаю вопрос о ратификации в повестку дня сессии ВС РБ. Все СМИ заполнены сообщениями о событиях в Вискулях, но пресс-служба ВС доводит заявление Горбачёва: «Судьба многонационального государства не может быть определена волей руководителей трёх республик». Жив, оказывается, курилка. Только три месяца тому прикрыл съезд, чтобы не мешал ему править, а сейчас хватается за него как за спасательный круг.

Но караван идёт! 10 декабря на сессии Верховного Совета только восторженные выступления в поддержку Соглашения, за его ратификацию. Наиболее сдержанные выступления – депутатов от БНФ, совсем сдержанное и, как всегда, поучающее -- лидера БНФ Зенона Позняка, но тоже в поддержку ратификации. И одно выступление – осуждение подписания. Это выступление Валерия Гурьевича Тихини, моего давнего знакомого, уважаемого профессора университета, поднявшегося по ступеням партийной иерархии до должности второго секретаря ЦК КПБ. В итоге при голосовании: против ратификации – один, за ратификацию – все остальные.

В тот же день – 10 декабря -- Беловежское соглашение ратифицирует Рада Украины, 12 декабря решение о ратификации принимает Верховный Совет РСФСР («за» -- 188, «против» -- 6, воздержались – 7).

Значит, действовали мы правильно!

Запад же продолжал бояться, что Соглашение, подписанное в Беловежской пуще, сработает как детонатор и породит волнения и

серьёзные вооружённые конфликты на территории бывшего СССР. Официальная констатация прекращения существования Советского Союза должна была, по их мнению, незамедлительно объединить просоветские силы – партноменклатуру, спецслужбы, генералитет армии на сотворение нового ГКЧП. Одно из ярких тому подтверждений прозвучало во время визита госсекретаря Российской Федерации Геннадия Бурбулиса во Францию в качестве специального посланника президента России 12 декабря 1991 года. Президент Франции Миттеран сказал ему, что он с нескрываемым волнением ожидал великих потрясений на советской территории. Но вот прошло уже четыре дня (!)..., и всё спокойно.

Послесловие

Прошло 20 лет, а о самом важном значении для Республики Беларусь Соглашения о создании Содружества Независимых Государств мы вспоминаем редко. Наша сегодняшняя антибелорусская по своей природе власть приложила немало усилий, чтобы эту значимость унизить. Если называть вещи своими именами, то, подписав рукою Президента России и ратифицировав российским парламентом Беловежское соглашение, Россия впервые с 1794 года официально признала независимость своей граничащей с ней колонии -- Беларуси.

Признание Россией независимости Беларуси и Украины никак не могут пережить российские политики имперского толка. Не умея должным образом руководить и планировать развитие государства ради благополучия своих граждан и испытывая давний комплекс своей государственной неполноценности, который впервые осознали их предки, позвав княжить варягов, они на самом высоком государственном уровне произносят заклинания, не проявляя способностей объединиться и работать на благо россиян. Так 15 марта 1996 года Госдума Российской Федерации признаёт утратившим силу Постановление Верховного Совета РСФСР «О денонсации Договора об образовании СССР», т. е., фактически, отменяет ратификацию Беловежского Соглашения. Однако российское законодательство не упорядочивается в соответствии с этим решением Думы, т. е. решение остаётся ничем иным, как очередным сотрясением воздуха – новым заклинанием, а не законом, что, кстати, не к лицу высшему законодательному органу страны.

Время от времени о подобного рода решениях вспоминают клоуны от политики типа Жириновского и делают новые заклинания. Так в середине декабря 2011 года депутаты от ЛДПР вносят на рассмотрение Госдумы проект «Об оценке последствий развала СССР» и предлагают «привлечь к уголовной ответственности лиц, виновных в распаде Союза». Естественно, делать подобного рода заклинания, ради того, чтобы привлечь к себе внимание

обездоленного электората не сложно. Труднее думским депутатам работать, например, над законами, которые позволят сократить число россиян, находящихся на уровне бедности. Ещё труднее создавать законодательство, позволяющее полученные Россией нефтедоллары инвестировать на благополучие российских граждан, а не на рост роскоши для паразитирующих на теле страны олигархов.

С заклинаниями и в Беларуси дела обстоят лучше, чем с работой над законодательством по государственному строительству. Даже отдельные нерядовые представители Белорусского Народного Фронта не упустили возможности заявить, что независимость нам абсолютно неожиданно преподнесли на блюде. Не по «ихнему», видите ли, получилось, без крови, без страданий, поэтому это не чьё-то достижение и вообще никакая не независимость. Даже Зенон Позняк, хотя и деликатно, но нашёл способ бросить тень на Беловежское соглашение. Очень, мол, оно напоминает новый союзный договор.

А уйма доморощенных политологов – преимущественно вчерашних преподавателей истории КПСС, марксистско-ленинской философии, научного коммунизма и прочих им подобных дисциплин, надрываясь, твердят, что независимость свалилась на голову Беларуси неожиданно, как на голову снег.

Уймитесь, господа! То, что вы или вашего склада ума предшественники не приложили к этому руку, не означает, что это произошло само по себе. За независимость сложили головы достойнейшие сыны Беларуси.

Но мало получить независимость де-юре, её нужно сделать фактом. Независимое государство нужно научиться строить терпеливо и последовательно. Этапы этого строительства не обходятся и у нас без крови, без исчезновения людей. Непросто устранять вбитую в сознание миллионов граждан рабскую подчинённость тому, что было грубым антибелорусским, облачённым в одежды добрейших старших братьев. Нужно научиться уметь самим строить, а не давать советы иным, как это делать. Прежде всего, нужно собрать остатки белорусской интеллигенции и их наследников, которые выжили в условиях жутких антибелорусских репрессий. Совет с ними держать надо: что делать, чтобы Беларусь стала белорусской? Как принято сейчас говорить, дорожную карту совместными усилиями разработать надо.

Все государства Европы – национальные, построенные на национальной идее. Долг белорусской национальной интеллигенции – сделать современную белорусскую национальную идею привлекательной для всех граждан Беларуси.

Конечная цель – белорусская Беларусь.

Сознаю, что и я в определённой мере встал на путь заклинаний. Но в моём положении и в положении тех, кто в результате преступного государственного переворота, оказался отстранённым от

государственного строительства, не глядя на то, что был наделён депутатскими правами избирателями на свободных выборах, вряд ли можно сделать что-то иное, чем предлагать программу, схему и принципы прогрессивного реформирования белорусской государственности.

20 декабря 2011 года в Москве прошёл юбилейный саммит СНГ, приуроченный к 21 декабря - дате присоединения на встрече в Алма-Аты к Соглашению о создании СНГ, подписанному в Вискулях, ещё восьми республик СССР. Тогда, как и сейчас, себялюбие Назарбаева не позволяло ему считать себя к чему-нибудь присоединившимся, и он настоял на том, чтобы договор назывался не о присоединении к СНГ, а о создании СНГ, с чем подписанты Беловежского соглашения спорить не стали. Во всём мире датой подписания договора о констатации прекращения существования СССР «де-юре» считается 8 декабря 1991 года, а странами-подписантами Беларусь, Россия и Украина. Назарбаев же везде называет иную дату и иной состав подписавших. Что ж, как говорят, пусть радуется, что имеет для этого все юридические основания, ведь именно так - о создании СНГ заявлено и в подписанном им в Алма-Аты документе.

Мирное исчезновение СССР и последовавшее за ним мирное завершение холодной войны рассматривается сегодня видными политологами как «шедевр легитимной дипломатии XX века». Действительно, деколонизация бывших советских республик была мирной по сравнению с распадом Российской, Османской, Португальской и иных империй. За прошедшее время на постсоветском пространстве определились межгосударственные границы, появились новые политические системы. В их конституциях декларируются принципы правового государства, демократия и права человека. В действительности же эти системы далеки от принятых в современном цивилизованном мире стандартов демократии и прав человека.

Поначалу казалось, что складывается иная конфигурация, не связанная с однозначным доминированием России среди заново образованных государств. Это соответствовало духу и букве Беловежского Соглашения, но постепенно, особенно после завершения президентства Бориса Ельцина, Россия стала возвращать себе все старые управленческие и командные позиции, используя в качестве привлекательного хода поддержку авторитарных правителей. На декабрьском саммите 2011 года в Москве также открыто прозвучали верноподданнические речи Ислама Каримова и Алзамбека Атамбаева, которым никто не возразил, о том, что именно Россия – по-прежнему, центр постсоветского пространства и что в зоне её покровительства логично оставаться всем остальным. О том, что это покровительство навязывает государствам-сателлитам порядки и принципы не лучшего толка, укоренившиеся в России со старых времён, никто на саммите не упомянул.

России своих богатств мало. Она хочет распоряжаться всем потенциалом СНГ, а он огромен: 16,4 % мировой территории и только 4,4 % населения планеты, 20% мировых запасов нефти, 40% - природного газа, 25% - угля, 10% - производства электроэнергии, 25% мировых запасов леса, почти 11% - мировых возобновляемых водных ресурсов и 13% пахотных земель. Прошедшие годы подталкивали Россию к поиску таких форматов интеграции, которые утверждали бы её главенство, но одновременно побуждали бы страны СНГ вступать в предлагаемые ею объединения. Достигается это и гарантиями сохранения у власти в странах СНГ пророссийских правителей авторитарного толка, с которыми проще договариваться, чем с демократическими режимами. Такова одна из причин превращения Содружества Независимых Государств в содружество государств с авторитарными правителями (почти в Содружество Диктатур).

Множество договоров России и Беларуси, включая договор о союзном государстве, соглашения об ОДКБ, ЕврАзЭС и Таможенный союз тому подтверждение. Президент РФ Дмитрий Медведев заявил на декабрьском саммите: «не существует никакой альтернативы СНГ в качестве существующей единственной платформы для обеспечения сотрудничества заинтересованных государств во всех возможных сферах взаимодействия, и хочу вас заверить, уважаемые коллеги, что для России эта позиция будет неизменной».

Сохранение роли России как системообразующего элемента СНГ могло бы идти по пути модернизации политических систем самой России и стран СНГ, а государственного управления объединений любого рода - по принципу Евросоюза. При имперских устремлениях правителей России такое маловероятно. Альтернатива - экономический диктат России, сохраняющей экономическую мощь, благодаря нефтедолларам. Пока провозглашён лишь лозунг «создание Евразийского экономического союза - главная цель российской внешней политики». Официально не определены ни его политические, ни территориальные рамки, но то, к чему российская власть стремится, очевидно – СНГ целиком, а далее, как минимум, все те, кто когда-нибудь был в сфере российского влияния.

Страны, вошедшие в Организацию договора о коллективной безопасности (ОДКБ) – Армения, Беларусь, Казахстан, Россия, Таджикистан – представляют собой государства с авторитарным правлением и свойственными им непреодолимыми пороками – коррупцией, телефонным правом, необязательностью соблюдения законодательства и т. п. В Беларуси усилиями России закреплён режим диктатуры, Казахстан возымел вождя - пожизненного лидера нации типа старых советских членов политбюро. Кыргызстан пытается идти к демократии, но, судя по выступлению на декабрьском 2011 года саммите Алзамбека Атамбаева, на первом плане там верноподданничество России, и вряд ли это не помеха демократизации. Невооружённым взглядом видна авторитарность и в

не входящих в ОДКБ Азербайджане и Таджикистане. В ближайшем будущем остаётся надеяться, что с пути бывших субъектов СССР, возродивших свои национальные демократические государства – Латвии, Литвы, Эстонии, не свернут Молдова, Украина и вышедшая из состава СНГ Грузия.

Политически активная по личным убеждениям молодёжь являет примеры поиска более плотного и более широкого объединения, чем СНГ. Содружество имеет немалый потенциал общественной поддержки. Ещё в 1994 году в Минске 21 июня прошёл съезд Партии поддержки СНГ, созданной инициативной группой студентов и выпускников отделения философии исторического факультета Белорусского университета, координатором которой был Сергей Шилов. Цель - содействие геополитическому развитию Содружества на основе принципов европейского либерального федерализма, на опыте Британского Содружества Наций и Европейского Союза, а также становлению Консультационного центра СНГ в Минске усилиями, прежде всего, негосударственных организаций. Партию не зарегистрировал Минюст Беларуси, а жалобу учредителей отклонил Верховный суд Беларуси, угождая Лукашенко. В марте 1995 года представитель оргкомитета партии С.Н. Носов участвовал в Форуме неправительственных общественных организаций «За социальное развитие» в Копенгагене. Активисты партии занялись практической работой по развитию Консультационного центра СНГ. Был создан и успешно работал Консультационный центр Британского Открытого Университета в Республике Беларусь. После разгона этого негосударственного образовательного Центра властями РБ в 1996 году С.Шилов эмигрировал в Россию, где стал помощником Государственного Секретаря РФ Г. Бурбулиса.

ХІ. БЕЛАРУСЬ – СОЕДИНЁННЫЕ ШТАТЫ¹

Первый визит в США

“На военной базе Эндрюс в Вашингтоне, где 21 июля утром сделал посадку самолёт с официальной делегацией Республики Беларусь, в терминале на глобусе такое государство отсутствует. На его месте обозначено иное – Белорусская советская республика” *”.(БелаПАН специально для газеты “Свобода”, №8, июль, 1993).*

Официальный визит в США очень хотел совершить премьер-министр Вячеслав Францевич Кебич. Для этого он мобилизовал все подчинённые ему службы и всех, зависящих от него сослуживцев. Министр иностранных дел Кравченко, а по его наставлению и другие высокие чиновники МИДа, доверительно говорили послу США в Беларуси Дэвиду Суорцу, что Шушкевич не хочет наносить визит в США, а если и нанесёт, то это будет пустой тратой времени, так как у него нулевой опыт налаживания международных отношений. Кравченко специально слетал в США и совместно с послом Беларуси в США Мартыновым постарался проникнуть во все щели Госдепартамента, убеждая американскую сторону пригласить премьера, и был абсолютно убеждён, что достиг своей цели.

В это время посол Суорц попросил его принять по совсем иному вопросу. Завершая нашу беседу, он спросил.

¹ Благодарю Александра Стариковича за подборку материалов из СМИ для этой главы. С.Ш.

-- Почему вы категорически отказываетесь от визита в Соединённые Штаты?

-- Впервые об этом слышу.

Честно говоря, я соврал. Незадолго до этого наш представитель при ООН Геннадий Буравкин нашёл способ поставить меня в известность об интригах Петра Кравченко, но я решил не вспоминать об этом в разговоре с Суорцем. Посол продолжил.

-- Мой служебный долго сообщить вам, что именно так информирует наше посольство ваш министр иностранных дел и ваш посол в Вашингтоне Мартынов. Но я бы просил вас...

Здесь я позволил себе бестактность и перебил посла.

-- Не беспокойтесь, я не буду никому об этом говорить и не стану никого в этом упрекать. Помогите, пожалуйста, моему советнику академику Анатолию Михайлову, который днями летит в Вашингтон, встретиться в Госдепартаменте с теми, кто занимается Беларусью.

Михайлов, в котором мне, к сожалению, пришлось разочароваться позднее, представлялся тогда мне человеком высшей гуманитарной образованности, свободно владеющим английским, немецким и французским языками. Семь лет он работал в ООН и прекрасно знал, что такое американская бюрократия. Мы неплохо сотрудничали с ним в Белорусском государственном университете, где он согласился возглавить кафедру «марксистской этики и эстетики» при условии, что в её названии останутся два последних слова. Мне такой подход понравился. Но через много лет я узнал, что это был ординарный пиар.

Михайлов слетал в Вашингтон в качестве моего официального представителя, без лишнего шума дезавуировал бредни Петра Кравченко там, где это нужно было сделать. Через десяток дней посол США информировал меня, что Госдепартамент США направил в наше Министерство иностранных дел ноту -- приглашение на моё имя посетить Соединённые Штаты Америки с официальным визитом.

Но и при таком повороте дел Кравченко разыграл роль несправедливо обиженного, заявил, что не представляет себе, как может сопровождать меня, если подготовка визита шла без его -- министра иностранных дел -- ведома.

Пришлось объяснить министру, что в соответствии с Конституцией Республики Беларусь внешнюю политику определяет Верховный Совет, а Министерство иностранных дел обязано делать всё возможное, чтобы её осуществить. Если же он не знает, как меня сопровождать, то это означает только одно, что он не имеет соответствующей квалификации и осведомлённости в иностранных делах. При тех интригах, которые он плёл, я не считал себя обязанным пояснять ему что-то деликатно.

-- Вам необходимо посоветоваться с профессионалами -- дипломатами, протоколистами и прочими, что делать и как делать, -- сказал я ему, сознавая, что его гипертрофированное себялюбие

сделает его ещё большим моим врагом. Кравченко заявил, что не может нести ответственность за визит при таком моём к нему отношении и поэтому не может ехать.

Он был убеждён, что держит в руках все рычаги, чтобы понизить ранг визита, потому что в таких условиях я буду вынужден пригласить в делегацию одного из его заместителей. Забыл бывший секретарь минского горкома КПСС по идеологической работе, что можно пригласить и его начальника.

Так функции министра иностранных дел во время визита легли на плечи вице-премьера Михаила Мясникова. Я объяснил ему, что поскольку у нас с Кравченко есть определённые недопонимания, то пусть тот сидит дома, а мы поедём и всё необходимое сделаем. Мясникович, как мне показалось, был очень доволен таким поворотом событий. Не знаю, чему он больше радовался, тому, что не едет Кравченко или тому, что едет сам.

Кстати, как мне рассказал позднее наш представитель в ООН Геннадий Буравкин, Кравченко во время своего нахождения в Нью-Йорке заставил сотрудника представительства Беларуси при ООН отправить от имени представительства факс о том, что я отказываюсь быть с визитом в Соединённых Штатах.

Небезынтересна и чуть иная, отличающаяся от моей версия произошедшего. Она содержится в интервью Геннадия Буравкина журналисту Александру Старикевичу (здесь и далее перевод с белорусского мой – С. Шушкевич):

“Я отлично помню, как готовился визит нашей делегации в Америку. Дело в том, что в то время белорусского посольства в США, фактически, не было, и подготовкой визита занимались мы.

В чём был наш козырь? Беларусь отказалась от ядерного оружия без всяких предварительных условий. Об этом в декабре 1991 года в Вискулях и в Алмааты заявил Шушкевич. Это был просто гениальный дипломатический ход, хотя Шушкевич объяснял его как физик: ради обеспечения безопасности населения Беларуси.

Именно благодаря этой позиции вызрела идея пригласить Шушкевича как руководителя белорусского государства с официальным визитом в Америку. Однако была одна загвоздка: по формальному статусу Шушкевич не являлся президентом, а президент имеет право официально пригласить только президента.

С другой стороны, Шушкевич был первым лицом в государстве. Приглашать нужно, но как это сделать? В итоге с Госдепартаментом мы разработали механизм, согласно которому Шушкевичу направляют приглашение руководители определённых комиссий. Договорились уточнить детали. И вдруг приезжает Кравченко...

Между прочим, Кравченко был просто уникальным министром иностранных дел. Если приезжали министры иностранных дел иных

государств, они были в США не более недели: день-два до выступления, потом – выступление и через день-два едут домой.

Кравченко же у нас жил по три месяца! Все удивлялись: в чём дело? Говорили, что в Беларуси “над ним что-то висело”, и он просто прятался. Хотя, нужно сказать, при моём критическом отношении к Кравченко, его энергия временами была на пользу Беларуси. Однако не всегда.

Тем не менее, по сей день считаю, что это была найгрубейшая ошибка Стаса (значит меня – С.Ш.), что вместо Кравченко он взял тогда в Штаты Мясниковича. Нельзя пренебрегать такими вещами, как международная практика. Ну, если тебя не удовлетворяет министр, ты должен снимать его с должности, а если не снимаешь – так работай.

Но что делает Кравченко, приехав в США: он подговаривает моего заместителя Сергея Мартынова (сегодняшний министр иностранных дел) и тот звонит в Госдепартамент и сообщает, что нужно приглашать не Шушкевича, а Кебича. Всё это делается за моей спиной. Это грубейшее нарушение! Я имел тогда полное право в 24 часа отправить Мартынова в Минск.

Вечером того же дня моя секретарь сообщает, что со мной хотят поговорить представители госдепа. Я беру трубку и слышу по голосу, что люди просто в растерянности: такого в международной практике ещё не было. Говорят: нам позвонили и сказали, что нужно переписать приглашение Шушкевича на Кебича. Это же всё меняет! Кебич же -- Председатель Совета Министров, это же иной уровень! Нужно целиком менять программу.

Я пытаюсь выяснить, что и как. Я тоже оказался в неудобном положении. Не говорить же мне им, что наш министр – идиот? Я начинаю хитрить: мол нужно уточнить, подождите, ничего пока не делайте.

Кладу трубку и начинаю “наводить шмон”: кто мог такое сделать? Выясняется – Мартынов, мой заместитель. Вызываю его: “Что, загрузили по дому, скучно быть моим заместителем? Как вы могли, вы же профессионал”. Тот искренне признался, что всё было сделано по прямому приказанию Кравченко.

Всю эту информацию я после передал Стасу.

Когда следующий раз нам позвонили из госдепа, я сообщил, что мы отзываем эти неподписанные мною документы. Так Стас приехал в США”.

Возможно, многим сегодня непонятно, почему при наличии подтверждённых фактов о злоупотреблениях Кравченко я не проявил инициативы, чтобы поставить вопрос о его отстранении от должности перед Верховным Советом? К сожалению, даже при страстном моём желании отправить его в отставку я не мог. Более того, я уверен, что Кравченко, по договорённости с Кебичем, провоцировал меня своим поведением на постановку мною перед парламентом вопроса о его

отставке. Подавляющая часть депутатов Верховного Совета могла бы поверить версии, что это месть за неподдержку министром моих личных инициатив по моим зарубежным поездкам.

Я шёл иным путём, так как давно знал Кравченко и его сообщников. Знал его ко мне отношение. Знал о его кульбитах в отношении к белорусской культуре и белорусскому языку. В 1986-87 годах на созываемых горкомом совещаниях, на которые оказывался приглашённым и я как проректор университета, он предупреждал, что “националисты штурмуют наши советские устои”. Когда же почуял, что ветер может изменить направление, стал горячим сторонником белорускости и даже язык белорусский не то восстановил в памяти, не то выучил. Человек ведь талантливый, не отымешь.

Американская интрига была не единственной непристойной выходкой Кравченко на должности министра. Позднее я понял, какими бы ни были его действия, направленные против меня, его всегда поддержит премьер-министр Кебич.

Когда 22 октября 1993 года к нам ехал госсекретарь Уоррен Кристофер, снова возникли споры, как его принимать. Было решено, что он приезжает ко мне, как к первому лицу, а потом встречается с Кебичем. Кравченко обиделся. “Как это, он – Госсекретарь и я, фактически, госсекретарь, а он не встречается со мной!” И не поехал в аэропорт встретить Кристофера.

Согласно протоколу это выражение неуважения.

Мне звонят по спецсвязи, спрашивают: что делать? Для протоколистов это небывалое событие, они не знают, как поступать, а мне посоветоваться не с кем. Приказываю: “Езжайте ко мне!”

Как говаривал когда-то мой дед, заковыристые вопросы нужно решать просто, по-крестьянски, руководствуясь здравым смыслом. Раз мы на более низком, чем подобает по рангу уровне, встретили одно из высших лиц великой державы, в знак компенсации повышу-ка я уровень его приёма мною – высшим должностным лицом Республики Беларусь.

Вместо того, чтобы ждать, как это подобает по протоколу, Госсекретаря в своём кабинете, я выхожу из здания Верховного Совета и встречаю Кристофера при выходе из автомобиля.

-- Извините, -- говорю, произошло досадное недоразумение, наш министр иностранных дел не смог встретить вас по техническим причинам. Ещё раз приношу вам наши извинения и приглашаю ко мне.

Разговор у нас получился хороший, но установлению доброжелательных, почти дружеских отношений помогло ещё одно обстоятельство. Именно в этот день 22 октября у Госсекретаря Кристофера был день рождения, и я об этом знал. Закончив деловую часть, я сказал.

Январь 1994 года. Уоррен Кристофер, Хилари Клинтон, Ирина Шушкевич и Дэвид Суорц в Минске

-- Господин
Госсекретарь
Соединённых Штатов
Америки Уоррен Майнор
Кристофер, я чуть-чуть
знаком с американскими
традициями. У вас
принято отмечать
именины. Но вы
находитесь на
белорусской земле. У нас
принято отмечать дни
рождения. Поздравляю
вас с вашим днём

рождения, желаю здоровья, благополучия, успехов. Позвольте, как у нас принято, вручить вам эти розы и пригласить вас и всех сопровождающих вас господ на небольшое угощение в мою комнату отдыха.

Кристофер явно обрадовался, поблагодарил, сказал, что ему нравятся белорусские традиции, удивился нашей осведомлённости, прошёл в комнату отдыха. За ним – все его сопровождавшие.. Он не прикоснулся ни к одному напитку, ни к одному блюду, но его команда не оставила никакого сомнения в том, что ей по вкусу и белорусская кухня и белорусские напитки.

Но вернёмся к моему визиту в США.

Делегация наша была более, чем представительной: президент Академии наук академик Леонид Сущеня, Народный поэт Беларуси профессор Нил Гилевич, представители правительства во главе с Михаилом Мясниковичем, Председатель Национального банка Станислав Богданкевич, представитель предпринимателей Леонид Козик. Тогда он числился в первых рядах тех, кто “активно” преобразует возглавляемые ими предприятия в рыночные. Я формировал тогда делегацию так, чтобы её члены были способны активно вести переговоры, а не кивать головой в знак согласия с руководителем делегации.

“Соединённые Штаты официальными визитами не удивишь – большая могучая держава видела их на своём веку достаточно. Видит и сейчас: гостевая резиденция президента работает – Блэйр Хауз – «работает» почти непрерывно».

Три дня у неё на прошлой неделе, как известно, были белорусскими. Американская столица принимала первую официальную делегацию независимой Беларуси во главе с Председателем Верховного Совета Станиславом Шушкевичем».

(“Народная газета”, июль 1993)

Приём осуществлялся по самой высокой категории. Для меня это было полной неожиданностью: парад в мундирах гражданской войны,

21 выстрел из старинной пушки, К нам относились как к равным, хотя сравнить страну с 300-миллионным населением и самой мощной экономикой в мире с нашей маленькой страной просто язык не поворачивается. Тем не менее корректность была проявлена чрезвычайная.

Из воспоминаний Юлии Буравкиной:

“Не могу передать, с какой радостью мы ждали приезда нашей делегации. Для нас здесь в США это было чрезвычайное событие. Это же наши! И не просто наши, а руководители независимого государства!

Ещё тогда, когда Беларусь стала суверенным государством, подписав Декларацию о независимости, мы не находили себе места от счастья. Кем мы были до этого там, в Америке? Фактически, никем. А теперь – представители независимого государства! Мы хотели чем быстрее вывесить наш флаг, чтобы все видели, что мы – независимая страна, но даже не знали, как он должен выглядеть. Ясно бело-красно-белый, но в каких пропорциях, какой оттенок красного?

Что вы думаете, пришлось обращаться за помощью к нашей диаспоре. Наконец, мы заказали этот флаг. После его собственноручно гладили. Для нас всё это было чрезвычайно важно, поэтому и ждали приезда нашей делегации с особыми чувствами.

Самолёт должен был прилететь в одиннадцать вечера. Мы заблаговременно приехали в аэропорт. Сидим, ждём. Одиннадцать – нет, два часа ночи – нет. Три... Наконец в четыре сообщают, что самолёт приземлился.

Мы -- невыспавшиеся, голодные – стремимся как-то выглядеть. Это же государственный уровень! Развернули плечи, поправили бобочки. Выходим встречать на лётное поле. Выстроились все за Геннадием (Буравкиным – С.Ш.), как должно быть по протоколу. В груди бьётся: “Наши! Наши прилетели!

И вот открывается дверь самолёта. И что вы думаете? Иного слова я не могу подобрать – вываливаются наши. Они не брились двое суток, лица опухшие. А штаны какие! Неглаженные, обвисшие.

Позднее американцы удивлялись: “А что это у ваших ребят штаны на туфли нависают, что их три раза закатать можно? Ничего не скажу Стас с женой были в абсолютно приличном виде. Но как посыпались депутаты – одним словом, ужас!

Американцам, а там был и Тэлбот и ещё несколько официальных лиц,, от этого зрелища сделадось, повидимому, не по себе. Тэлбот даже переспросил у Геннадия: “Это что, всё политические деятели?” А они себе высыплются и лезут целоваться. Помню, меня Герасименко так поцеловал, что я не знала, что потом будет с моими щёками. Ну и мы, конечно, бросились к ним. Это же свои!”

Пенсильвания авеню: Блэйр-Хауз – Капитолий

Большая часть делегации была размещена в Блэйр-Хаузе – гостевом доме президента напротив Белого дома на Пенсильвания авеню. Всё здание было отдано в наше распоряжение. К нам в Блэйр-Хауз приезжали руководители всех министерств. Сами мы “ездили”, точнее – перешли на другую сторону улицы – к президенту и в Федеральную резервную службу. В нашей терминологии это Национальный банк США, независимый от правительства и это всегда подчёркивается.

1993 год. С. Шушкевич и Строб Тэлбот

На приём в нашем посольстве в Вашингтоне, прибыли высокие гости, среди них – советник Президента США по вопросам стран СНГ Строб Тэлбот. Месяцем раньше он подарил мне во время встречи в Москве книгу, написанную им совместно с Майклом Бесчлоссом “At the highest levels” (На высших уровнях) с собственноручной

подписью “Президенту Шушкевичу с большим уважением и надеждой на самое успешное будущее, от автора” и, по-видимому, был убеждён, что я не буду её читать, так как там на странице 450 написано, что мне, как второразрядному участнику тройки подписантов Беловежского соглашения Ельцин и Кравчук преднамеренно поручили звонить из пуцци Горбачёву и сообщить о сущности произошедшего. Я и впрямь целиком книжку не прочёл, так как не на таком уровне владею английским, чтобы это сделать, но, найдя в её глоссарии своё имя, хотя и заглядывая в словарь тщательно изучил всё, относящееся в ней ко мне лично.

Когда мы с Тэлботом поприветствовали друг друга, как старые знакомые, я поблагодарил его за то, что он нашёл время заглянуть к нам в посольство на торжество. После чего спрашиваю.

-- Вы и впрямь, как написали в вашей книге, считаете меня второразрядным политиком по сравнению с остальными участниками встречи в Вискулях?

-- Я никогда так не считал и не считаю, но, проработав много лет корреспондентом газеты “Таймс” в Советском Союзе, привык к советским штампам типа перворазрядные политики -- это секретари ЦК КПСС и компартий союзных республик, все остальные – второразрядные.

-- Тогда спасибо, что вы не зачислили меня в кагорту секретарей ЦК, кое-где и такое случалось,

Приятнейшей неожиданностью был приезд на приём Эла Гора. Обычно вице-президент такие приёмы не посещает, хотя, само собой разумеется, приглашение ему направляется. Когда Гор подъехал и кто-то громко об этом сказал, посол России в США Владимир Петрович Лукин – дипломат высшей осведомлённости и опыта – еще громче воскликнул.

-- Гор? Ошибаетесь, такого не бывает!

К счастью, ошибся Лукин, а у меня нашёлся для Гора подарок – слущкий пояс ручной работы, естественно, современного изготовления, но со строгим соблюдением наших традиций. Подарок Гору понравился и он не снимал его до конца своего присутствия на приёме.

1993 год. Альберт Гор на приёме в посольстве Республики Беларусь в США

Кстати про Президента и вице-президента США говорили тогда так: Клинтон выступает, чтобы всем понравиться; Гор – чтобы последовательно и точно довести суть дела до всех, кто его слушает. И это было правдой.

Я хорошо помню разговор с Гором в нашем посольстве.

Соединённые Штаты видят, -- сказал он – ваша страна – Беларусь идёт по пути демократизации, уважения прав человека, верховенства закона.

Такие слова сегодня часто повторяются, но тогда услышать такое от вице-президента США было чрезвычайно важно. Гор заметил далее, что Соединённые Штаты приветствуют такой подход и будут стремиться помогать в этом деле. Но всё в Беларуси обязаны сделать мы сами, ещё раз подчеркнул он.

Когда разговор коснулся Беловежской пуци, Гор спросил.

-- А вы не боялись, что вас могут орестовать?.

По поводу чего стоявший рядом Председатель Комитета Государственной Безопасности Республики Беларусь Эдуард Иванович Ширковский обоснованно заметил.

-- Мы бы этого не допустили. Контроль был в наших руках.

Хотя через некоторое время, переехав в Москву, Ширковский говорил совсем иное и даже в одном из интервью сожалел, что не арестовал нас в Беловежской пуще. Но там, в США, председатель КГБ

вёл себя так, как подобает вести человеку, занимающемуся безопасностью суверенной Беларуси. Он ведь действительно был первым белорусом на посту председателя КГБ сначала БССР, а потом и Республики Беларусь.

1993 год. С сенаторами Лугаром и Наном

“Итоги визита – действительно беспрецедентные для молодого белорусского государства. 59 миллионов долларов в качестве невозвратной американской помощи в рамках закона Лугара-Нана намного превышают рублёвый кредит, выпрошенный недавно Кебичем у Москвы.

Разговор о серьёзных гарантиях безопасности со стороны США, который вёлся на самом высоком уровне, снова же сильно ударяет по позиции присоединения нашей республики к Договору о коллективной безопасности. Американская сторона приняла к изучению ряд программ, разработанных в Министерстве обороны Беларуси, для выделения в следующем финансовом году 500 миллионов долларов США.

2003 год, Сеул. Сенатор Лугар по-прежнему считает белорусскую безъядерность важнейшим элементом общеевропейской безопасности.

Руководство Соединённых Штатов заверило, что учтёт заинтересованность Беларуси в получении своей справедливой части от продажи Россией Соединённым Штатам Америки высокообогащённого урана. Общая выручка от его продажи составит около 10 миллиардов долларов. Сколько из них будет передано Беларуси, пока не конкретизируется.

Наконец, достигнута договорённость о американских поставках в Беларусь в 1993-94 гг. Около 150 тысяч соевых бобов (третья часть – бесплатно, остальные – по низким ценам). Судьба их, нет никаких сомнений, не будет похожа на судьбу широко

разрекламированного прошлым летом казахстанского зерна, оплоченного белорусскими тракторами и рабочей силой, но до сих пор так и не поставленного в пролном объёме”.

(БелаПАН, специально для Свободы, №8, июль 1993)

Переговоры были о том, чтобы иметь определённую экономическую поддержку. Тогда полученные в результате переговоров 59 миллионов были большими деньгами. Мне же очень понравился разговор о ядерном разоружении. Я и тогда и сегодня придерживаюсь той точки зрения, что

вывод ядерного оружия из Беларуси – важнейшее дело прежде всего для населения самой Беларуси. Если не хочешь погубить свій народ, не держи ядерного оружия на своей территории, особенно на территории такой небольшой страны, как Беларусь.

С сенаторами Лугаром и Наном я встречался и ранее. Они были в Беларуси вместе с большой группой своих советников. Я им сказал.

-- Уважаемые сенаторы, авторы всемирно известного закона Лугара-Нана. Конгресс принял предложенный вами законопроект о помощи тем, кто содействует ядерному разоружению. Но ни я, ни мои коллеги не видим, как в соответствии с вашим законом можно помочь Беларуси хотя бы одним миллионом долларов, хотя именно Беларусь взяла на себя обязательство полностью вывести со своей территории как стратегическое, так и тактическое ядерное вооружение без всяких предусловий и компенсации.

При всей его внешней медлительности сенатор Лугар демолнстративно посмотрел на часы и прореагировал мгновенно.

-- Господин президент. Перед вами команды наших с сенатором Наном советников – разработчиков этого закона. Мы с сенатором Наном даём им 24 часа, чтобы они определили, как помочь Беларуси по придуманному ими закону.

Советники справились с полученным заданием. Первоначальная помощь составила 4,5 миллиона долларов, тесно с ним связанная последующая – 59 миллионов.

На Верховном Совете я не единожды говорил: никакой компенсации мы не должны требовать, потому что большей опасности для людей Беларуси, чем ядерное оружие на её территории, быть не может. Верховный Совет меня поддержал. Тактическое оружие было

Пентагон, подписание договора о военном сотрудничестве министрами обороны Павлом Козловским и Лесом Эспином

выведено довольно быстро. Стратегическое планировалось вывести до начала 1996 года.

Михаил Николаевич Чигирь – первый премьер-министр после избрания Лукашенко президентом в 1994 году – поведал мне, что Лукашенко, заняв высшую должность в государстве, начал рьяно сопротивляться выводу стратегического ядерного оружия. Тогда в Минск приехал премьер-министр России Виктор Степанович Черномырдин и решительно потребовал от Лукашенко выполнять договорённости.

-- Ты чего хочешь, великих потрясений? Всё подписано, всё ратифицировано парламентами, поэтому ничего не может быть изменено.

И всё было вывезено.

Во время визита в США были переговоры с федеральной резервной службой, встречи с бизнесменами. Командующий штабами Пауэл (впоследствии – Госсекретарь США) подписал с министром обороны Павлом Козловским предварительно парафированное соглашение о достойном взаимодействии между США и Беларусью. Мы шутили: Пауэл с Павлом пришли к взаимопониманию.

Блэйр-Хауз. Встреча с бизнесменами.

Я всё время стремился, чтобы переговоры не сводились только к приятным разговорам и чтобы члены делегации были не их свидетелями, а их участниками. Обычно разговор начинался со мной, а я переводил его на вопросы к иным. Науку – на

Л. Суцению, Национальный банк – на С. Богданкевича, культуру – на Н. Гилевича, экономику – на М. Мясниковича, бизнес – на Л. Козика, муниципальные вопросы -- на А. Герасименко. Команда работала неплохо.

Интересный случай произошёл в Капитолии во время официального завтрака с сенаторами и конгрессменами. По существующей в США традиции меня попросили сделать пятиминутное выступление, и минут 12-15 я отвечал на вопросы. Когда же начались разговоры в кулуарах, ко мне подошёл очень представительный конгрессмен.

-- Знаете ли, вы прекрасно выступили и ответили на вопросы. Я давно интересуюсь вашей страной и слежу за событиями в Беларуси.

Мне ваша страна очень нравится. А когда вы покончили с вашим Чаушеску, я полюбил её ещё больше.

Мой переводчик смутился и попробовал исправить ситуацию “скользким” переводом, но я напомнил ему о его обязанностях и он исправился, перевёл, так как конгрессменом было сказано.

Что оставалось делать мне?

Поблагодарил конгрессмена за доброе отношение к Беларуси, пожелал здоровья и долголетия.

Впоследствии я не раз сталкивался с тем, что помощники, советники, секретари сенаторов и конгрессменов – те, кого мы называем чиновниками, очень просвещённые люди, каждый в своей отрасли: юристы, финансисты, экономисты, международники... А что касается самих сенаторов и конгрессменов, то курьёзы с ними – не редкость.

Relax

На третий день нашего пребывания в Блэйр-Хаузе к нам заглянула наша хозяйка – красивая, безупречно одетая, очень вежливая женщина.

-- Извините, что я к вам обращаюсь, но президент Клинтон приказал нам исполнять все ваши пожелания, а вы до сих пор ничего не пожелали.

Рядом со мной, в отведённых нам с Ириной апартаментах, находились в это время два академика – президент Академии наук Леонид Петрович Суцня и Анатолий Арсеньевич Михайлов. Мы закончили все переговоры и хотели начинать готовиться к отлёту. Я решил сделать процесс подготовки более приятным.

-- Знаете, мы давно хотим что-то выпить, что-то серьёзное. Если это в рамках ваших возможностей, будем очень рады.

-- Все понятно, -- говорит хозяйка и исчезает. .

Через пять-семь минут входит снова же очень красивая молоденькая девушка в сияющих белизной переднике и чепчике с подносом, на котором 24 больших фужера с виски. Однако... в каждом – не более глотка, ну и “закуска” в виде орешков, чипсов и прочей мелочи в изящных серебряных посудицах.

Когда мы слили содержимое 24 фужеров вместе, получились три неполных. Выпили. Молчание прервал Леонид Петрович.

-- Скажу прямо, американский бурбон выше всякой похвалы. Только американцы умеют делать из кукурузы действительно превосходный виски. Но, ребята, грустно на такой ноте завершать визит. Я ехал в эту поездку, как в командировку, и, конечно же, кое-что у меня с собой есть, из Минска.

Ушёл, мгновенно вернулся с бутылкой шотландского виски “из Минска”. Так всё стало на свои места.

* * *

У моей жены, как у первой леди, была особая, женская программа визита. В первый день ей предстояло встретиться с Хиллари Клинтон. Но случилось несчастье, и Хиллари вместе с президентом Клинтоном уехали на похороны близкого им человека. Её советница – сотрудница избирательного штаба Била Клинтона – сообщила об этом моей Ирине.

Из воспоминаний моей жены.

«Мне предложили отдельную женскую программу. Согласовали со мной, что именно я хотела бы увидеть. Естественно, мне хотелось увидеть как можно больше. «А вы не устанете?» — беспокоились они. «Да что там уставать – всего два-три дня. Главное — больше покажите!».

2000 год, Вашингтон. Ирина Шушкевич у музея американской истории

И вот я практически с раннего утра до позднего вечера ездила и ходила по Вашингтону. Было очень интересно. Посетили Белый дом, ряд музеев, художественную галерею и даже дельфинарий.

На второй день нашего визита среди вариантов проведения досуга мне предложили сделать

прическу у парикмахера-стилиста, который обслуживает и Хиллари Клинтон. Отказаться от такого заманчивого соблазна было сложно. Стилист оказался очень интересным человеком. Кроме того, что он сделал великолепную стрижку, мы отлично поговорили. Он показал альбом с фотографиями моделей свитеров для мужчин, которые вяжет сам. Чувствовалось, что у человека прекрасное художественное воображение.

Что же касается прически, то он сделал все в таком же стиле, как у меня и было. Но сделал очень качественно. Корректность была проявлена исключительная. У них же принято продумывать имидж первых лиц государства. Очевидно, он тоже посчитал, что мой стиль продуманный и не решился что-нибудь изменить. Подарок был действительно приятный.

Все остальное время мы подробно изучали Вашингтон».

Впоследствии, когда я говорил о предполагаемом визите к нам кого-то из руководителей зарубежных стран, моя жена обязательно спрашивала, тщательно ли мы продумали культурную программу для жены высокого гостя.

2007 год, Вашингтон, музей астронавтики
у спутникового телескопа Хаббла

Долго-долго после этого жена обвиняла меня в недостаточном понимании значимости Вашингтона и его окрестностей как культурного и исторического центра США. Позднее во время работы в центре Вудро Вильсона и во многочисленных поездках в американские университеты мне удалось своё отставание от неё уменьшить. Но меня тянуло больше в музеи типа космического и американского

«краеведческого», который казался мне увеличенным вариантом Политехнического музея в Москве, с чисто американскими экспонатами моторов, электровозов, автоматических линий, галерей изобретений Томаса Алва Эдисона.

Встреча с Клинтоном

«В четверг в Белом доме произошла встреча президента США Билла Клинтона с Председателем Верховного Совета Беларуси Станиславом Шушкевичем, который находится здесь с официальным визитом. Я хотел бы публично поблагодарить руководителя Беларуси за поддержку его страной нераспространения оружия, Договора СНВ-1, заявил президент США перед началом разговора. «У нас будет хорошее партнёрство. Я ожидаю, что оно будет развиваться», -- сказал президент.

(ИТАР-ТАСС, Народная газета)

Все документы для подписания с президентом Клинтоном были заблаговременно старательно подготовлены, согласованы со всеми государственными американскими и белорусскими службами. Ставя на них свои подписи, мы только подтверждали, что все они приобретают юридическую силу.

После их подписания и обмена папками все направились для разговора в Овальный зал. Согласно протоколу знак уважения может быть высказан подарком, соответствующим вкусам обычаям президента. Когда мы собирались в Соединённые Штаты, долго думали, что привезти. Известный белорусский художник Михаил Андреевич Савицкий обещал написать картину. Точной договорённости о том, что это будет за картина, не было. Намётки были: ожидали, что это будет портрет Хилари Клинтон. Естественно, картина художника такого уровня была бы хорошим подарком, нотворческие люди не всегда соблюдают договорённости, потому что

в отведённое по уговору время их просто может не посетить Муза. Так было и в этом случае. В последний момент Савицкий сказал, что картину не создаст.

Пришлось ломать голову. Задумались, чем славится Беларусь? Вот в Швейцарии три позиции: сыр, шоколад и часы. А у нас в Беларуси? Мне говорят: картошка и стекло.

-- Так что, драники и фужеры повезём? А вдруг президент не пьющий?

-- И тогда мастера в Борисове сделали стеклянный кабинетный набор для письменного стола. Должен сказать, получился он очень красивым. Сочетание красного с прозрачным делало его символом нашего государственного бело-красно-белого флага. И до того и после того я ничего подобного нигде не видел. Подарки были выставлены на столе у входа в Овальный зал. Я на них посмотрел раньше, поэтому внимательно смотрел на президента Клинтона. Он неторопливо всё осмотрел. Замер, лицо преобразилось, как будто стоит перед восьмым чудом света.

-- Это великолепно, -- говорит -- какие у вас замечательные мастера. Набор делает захватывающее впечатление и будет прекрасно сочетаться с условиями нашей работы.

Затем был содержательный совместный разговор в Овальном зале о ситуации в Беларуси, о том, к чему Беларусь стремится и какие у нас сложности. Нам обещали помощь по проблемам, по которым мы испытываем трудности. Всё записывалось и позднее все обещания американской стороны были выполнены полностью.

Какое впечатление производил Клинтон? Всё укладывается в определение, которое я приводил выше. Он вёл себя так, что нравился всем без исключения: красивый человек, который очень спокойно, вдумчиво немногословно говорит о любых проблемах и любых вещах. Даже в обмене папками он неподражаем. Это я вышел из среды, где, ну получил ты диплом профессора или Государственную премию, поблагодарил вручившего, положил в карман, и всё! А там – нет. Нужно публично рассмотреть, обратить внимание на особенности, остановиться на отдельных деталях, разъяснить, показать.

История, которая позднее “выползла” с Моникой Левински, была для меня неприятной и абсолютно непонятной. Эта сторона американской действительности мне не нравится. Чтобы высшего ранга прокурор затратил на такого толка “расследование” 30 миллионов долларов – сумасшествие. На делах государственных это вряд ли скажется.

“Возвращаясь в Минск, Станислав Шушкевич и иные высокопоставленные лица из белорусской делегации не прятали своей

удовлетворённости результатами визита и оказанным им в Вашингтоне приёмом. Американцы и впрямь проявили неожиданные для нас доброжелательность и уважение. Встреча Председателя Верховного Совета Беларуси с Президентом США не просто состоялась, не глядя на то, что как раз в этот час покончил собой друг детства и сотрудник администрации Била Клинтона, но и продолжилась дольше

запланированного программой визита времени. А это, говорят, исключение из строгих правил Белого дома.

Встреча в Пентагоне по словам одного из белорусских визитёров «имела ошеломляющий характер». И наконец, что стало уже вообще неожиданным для белорусской делегации: на приём, организованный посольством Беларуси в Вашингтоне прибыли советник Президента США по вопросам стран СНГ Тэлбот и вице-президент Соединённых Штатов Гор.

Если же откровенно, по большому счёту удивительным здесь является только то, что высокопоставленные белорусы считали такое отношение к себе удивительным. Повидимому, нам ещё привыкать и привыкать к цивилизованному обхождению...

(БелаПАН специально для Свободы, №8, июль, 1993)

Мы, действительно, ожидали меньшего. Я вообще всегда готовлюсь к худшему. Думал, как себя вести, если будут говорить, что вы такие бедные, вы такие слабые – а мы в действительности такими и были – и как здесь сдержаться, как не вспылить? Но такое не случилось.

Что не получилось? Повидимому, можно было сделать визит ещё более содержательным. Прав Генадь Буравкин, логично было бы, чтобы присутствовал министр иностранных дел -- так принято, чтобы МИД детально подготовил проекты предложений, чтобы вместе с иными государственными институтами были сделаны определённые расчёты. Но министр Кравченко не видел в таком подходе собственной выгоды, а не нагружать же себя работой только для страны. В разговорах с членами Белорусского Народного Фронта и белорусской интеллигенцией, особенно с представителями белорусской диаспоры за рубежом, он мог напомнить и из Ларисы Гениуш: «як жыць, дык жыць для Беларусі...»; хотя истинное его жизненное кредо иное: ничего не упускать и брать от жизни для себя всё, что сможешь, иначе иные возьмут и возрадуются».

Главный итог поездки – о Беларуси узнал мир. О нас до этого очень мало знали. Куда не ткнёшься, где эта Беларусь? Не Болгария? А то и на азиатские просторы перебросят: не Бангладеш?

Начало на высшем уровне было положено, нужно было идти дальше, работать на всех направлениях и на всех уровнях, использовать установившиеся тогда отношения взаимодоверия действительного сотрудничества с Соединёнными Штатами. Все наши представители – министерства иностранных дел, финансисты, экономисты, бизнесмены – тот же Козик и Мясникович – были на уровне задач, которые нужно было решать Беларуси. Казалось, они понимают, куда надо идти. Казалось! Но далеко не всё свершилось.

А сегодня?

Позор, когда президент относится к великой стране как невежественный председатель к бригадиру запущенного колхоза. Если вы считаете политику неправильной, то всегда имеются подходы

это выразить, не выходя за рамки общепризнанной этики международных отношений. К сожалению, сегодняшняя власть способна нагло господствовать, нагоняя страх, ссылаясь на наличие множества врагов – внешних и внутренних. Она не управляет, руководствуясь хотя бы той противоречивой конституцией, которую сама восхваляет и теми драконовскими античеловеческими декретами и законами, которые проштамповывают её институты.

А тогда мы с достоинством показали, что Беларусь – европейское государство. И нас приняли как европейскую страну, которая становится на ноги, но находится в нелёгком экономическом состоянии. Короче: мы вышли в мир, и хотя это был дебют, он состоялся, дал результаты. Оказался результативным, потому что во всей делегации не было лицемерия.

А что касается внешнего вида отдельных членов нашей делегации, о чём, к сожалению, искренне и правдиво высказалась в приведенном выше интервью Юлия Буравкина, то я также искренне возражу.

Дорогая Юлия!

В то время Вы слегка оторвались от белорусских реалий. Оно и понятно: довольно долго жили за рубежом и достойно представляли Беларусь. Красоты Вам не занимать, и, как подобает жене дипломата, не раз были с Геннадием Николаевичем на дипломатических приёмах и иных мероприятиях – в среде, где приняты строгие нормы дипломатического этикета. Вы, простите, к ним привыкли.

А мы? Мы в лучшем случае соответствовали уровню средне-статистического белорусского чиновника. Большинство прилетевших вообще никогда не было за границей. Не могла не отразиться на нас бессонная ночь, длившаяся из-за смены часового пояса на семь часов больше обыкновенной и далеко не идеальные условия полёта, ночная посадка в аэропорту Рейкьявика. Более того, что для Вашингтона в то время было нормой, для нас по инерции считалось недопустимым и непристойным.

И простите за совсем личное. Когда я сегодня смотрю на снимок 1992 года моей жены с женой президента Германии Рихарда фон Вайцзеккера, то хорошо понимаю, что костюмчик моей Ирины за 100% моего тогдашнего месячного заработка и платье госпожи Вайцзеккер за единицы процентов месячного заработка её мужа категорически отличаются в пользу первой леди Германии.

А вот по компетентности делегатов, прилетавших в США, упреков не было и нет.

Президент Клинтон в Беларуси

Если откровенно – официальный визит Президента Соединённых Штатов Америки Била Клинтона в Беларусь в январе 1994 года – результат моего сговора с Чрезвычайным и Полномочным Послом США в Республике Беларусь Дэвидом Суорцем.

Я пригласил Клинтона посетить Беларусь с официальным визитом во время моего официального визита в Вашингтон. Он обещал приехать, и готов был сдержать слово. Труднее было мне остаться полномочным приглашающим до момента визита. Понимая, что прилёт может состояться только тогда, когда посол Суорц официально информирует Вашингтон о наличии должных условий для приёма президента и сопровождающих его лиц, я постарался убедить посла в том, что такие условия у нас есть для любого варианта визита: многодневного, многочасового, предельно короткого.

В соответствии с порядком обеспечения руководителей Верховного Совета и правительства мне была выделена большая резиденция в Дроздах – бывший дом Первого секретаря ЦК КПБ Машерова. Но я туда не переехал. Считал неприемлемым занимать 560 квадратных метров семьёй из трёх человек. Когда я был избран на высшую государственную должность Председателя Верховного Совета 9 сентября 1991 года, мы жили в двухкомнатке на улице Одоевского. Свою сегодняшнюю квартиру я получил в декабре 1992 года. А здесь предлагалось прыгнуть с 37 квадратных метров полезной площади – на 560!

Когда мы с женой пришли первый раз в отведённую мне резиденцию, сын, ему было семь лет, начал носиться по этажам и комнатам, мы его едва отыскивали. Жена заупрямилась.

-- Я сюда не перееду, что ты со мной не делай. Будем лучше ездить на нашу дачу, там все соседи -- наши знакомые, университетчики, без комплексов.

Так мы и сделали. Я даже обрадовался предложению Ирины, так как была и принципиальная причина моего нежелания занять резиденцию в Дроздах, о которой я и жене не сказал. Резиденцию нужно обслуживать: убирать, подметать, чистить. Жена бы с этим не справилась. Нанять кого-то при зарплате Председателя не очень просто. Все высокопоставленные обитатели Дроздов шли на уловку и рекомендовали мне сделать то же самое: зачисляли на какую-то терпимо оплачиваемую должность человека (а то и двоих) в правительственной или же в иной государственной структуре. Там эта особа получала зарплату, а реально была прислугой у какого-то начальника. Согласись с таким подходом, и попробуй после этого остаться принцип~~и~~альным, если сам такой!

Но мне показалось, что я нашёл выход, придумал, как с пользой для дела использовать бывшую машеровскую резиденцию, где, к слову, есть и бассейн и сауна. Время от времени мы стали проводить

там заседания Президиума Верховного Совета, который состоял из 23 депутатов. Хватало там места и для самого заседания, для разговоров (и сговоров) по интересам и склонностям, для снятия стресса в сауне и бассейне.

Я подумал, что дом этот прекрасно бы подошёл в качестве гостевого при визите американского президента с семьёй, охраной и сопровождающими лицами. Такой, знаете ли, белорусский “блэйр-хаузик”. Пригласил Дэвида Суорца, походили по комнатам, попарились в бане, поплавали в бассейне. Поделился с ним своими планами, обсудили детали возможного визита. Реакция посла была положительной.

-- При наличии такой резиденции может быть реализован любой вариант визита нашего президента. Я сообщу об этом в Госдепартамент.

* * *

А надо мной сгущались грозовые тучи.

Летом 1993 года наши “молодые волки” – депутаты Дмитрий Булахов, Виктор Гончар, Анатолий Лебедько, Геннадий Карпенко, разыгрывающий роль их единомышленника Леонид Синицын – повсеместно утверждали, что я провожу весьма нерешительную политику. Каждый из них был уверен, что имеет больше оснований занимать должность Председателя, чем я. Старая умудрённая опытом номенклатурная братия решила поставить на моё место Дмитрия Арцименя и поддерживала “молодых волков”, чтобы они помогли лишь место расчистить.

Если говорить прямо, то прямо на трибуне Верховного Совета в это тяжёлое время меня неожиданно предал член Президиума, председатель комиссии по национальной безопасности Мечислав Гриб. Он перестал быть сторонником записанного в Конституции стремления Беларуси к нейтральности и присоединился к тем, кто ратовал за вступление нашей страны в Договор о коллективной безопасности СНГ.

Мне же противостоять таким “объединённым силам” было непросто.

Следует признать также, что Дмитрий Константинович Арцименя был сильным хозяйственником, разумным опытейшим руководителем. Он подтвердил качества руководителя большого масштаба, возглавляя Гродненщину. Из закалённых номенклатурщиков он, бесспорно, был наиболее подходящей кандидатурой на моё место. Но его застрелил в Гродно убийца, нанятый теми, кому Арцименя мешал развернуть свой преступный бизнес. Весьма вероятно, что Дмитрий Константинович сам имел отношение к не вполне законному бизнесу и поддерживал предпринимательский клан, конкурирующий с кланом, пославшим к нему киллера. Найденная при вскрытии служебного сейфа Арцимени долларовая наличность была настолько внушительной, что повергла,

к примеру, меня в состояние шока. Она никак не могла быть заработана им на государственной службе.

Убийство произошло 20 сентября 1993 года в 21-30. О трагедии сообщил мне председатель КГБ Эдуард Ширковский по новому средству связи, появившемуся в этот день в моём служебном автомобиле -- мобильному телефону. После этого меня долго пугал вызов мобильного.

Убийца был идентифицирован белорусскими следователями, но успел сбежать в Россию, совершить там новое преступление и сесть в российскую тюрьму. Все наши усилия экстрадировать и судить его в Беларуси, включая мои звонки Ельцину и российскому генеральному прокурору, результата не дали.

Трагедия породила задержку с моим смещением. Старая партийная номенклатура, располагая совместно с "молодыми волками" убедительным большинством в Верховном Совете, должна была найти новую кандидатуру на должность председателя, которую бы это большинство поддержало. А вообще, окончательно оправившиеся от страха после подавления августовского путча 1991 года коммунистическое большинство продолжало жёстко пресекать мои инициативы и в Верховном Совете и в Президиуме. Были отвергнуты шесть, предложенных мною кандидатур на должность первого заместителя, кандидатуры председателя Комитета государственного контроля, кандидатуры заведующих отделами Секретариата ВС. Для хотя бы временного урезонивания президиума я вынужден был предложить на должность первого заместителя моего политического противника Вячеслава Кузнецова, прекрасно зная, что это за человек. Я не мог пригласить на работу в секретариат Президиума соответствующего уровня специалистов, требовалось согласие президиума, а оно не давалось.

С другой стороны группа депутатов от Белорусского Народного Фронта с маниакальным упорством требовала, чтобы, пользуясь статусом председателя, я внёс в повестку дня вопрос о самороспуске Верховного Совета и назначении досрочных выборов. Все обычные депутатские инициативы по этому вопросу Верховный Совет отвергал, а депутаты от БНФ и, в первую очередь Зенон Позняк, толи никак не хотели понимать, толи, не оглашая, желали того, чтобы использование моего особого права привело к немедленной моей отставке.

Ещё в июне 1993 года Верховный Совет включил в повестку дня вопрос о недоверии Председателю. Желающие меня сместить располагали необходимым количеством голосов для моей отставки. Однако на съезде Народных депутатов СССР я кое-чему научился у Лукьянова, который чаще других вёл сессии. Я не имел права исключить из повестки дня вопрос о вынесении мне недоверия, но мог поставить его на голосование в удобный момент времени. И такой момент наступил. Заседание давно началось, кворум был, а

некоторые рьяные мои противники задержались в буфете, праздную мою политическую кончину. Проголосовали. Для отставки не хватило шести голосов, и я распустил парламент на летние каникулы. Так остался я на своей должности, сознавая, что следующий раз вопрос о недоверии в парламенте пройдёт.

Напряжение возросло до предела в конце 1993 года. Как раз тогда предстоял самит в Ашхабаде. Я не сомневался, что если поеду туда и оставлю здесь Кузнецова, то он провернёт всё, чтобы меня сбросить и сорвать визит Клинтона.

Я даже заболел и лёг в больницу. По моим меркам в таком и даже более плохом состоянии я никогда в больницу не ложился, а лечился на рабочем месте работой от утра до вечера. Но в этот раз, так как все основания для больницы – температура, давление, результаты анализов – были в наличии, я в больницу лёг, предварительно подписав распоряжение о назначении Кузнецова руководителем делегации в Ашхабаде. В этой ситуации он не мог туда не поехать, а в его отсутствие преодолеть препятствия на пути визита Клинтона в Беларусь было легче.

Но и без него противостояние было фантастическое. Председатель КГБ Эдуард Ширковский перешёл от предупредительных советов к официальным шагам. КГБ присылает мне письмо: в сложившихся условиях Комитет не может гарантировать полную безопасность прибытия и нахождения Клинтона в Беларуси. Я срочно приглашаю посла США Дэвида Суорца.

-- Как быть?

Обещает быстро прояснить ситуацию. Просит принять его через два часа.

Возвращается и, улыбаясь, прямо от входной двери кабинета.

-- Не могут они, обеспечим мы!

КГБ меняет пластинку, присылает новое письмо: нельзя Клинтону ехать в Куропаты. По дороге могут быть снайперы. У Комитета нет необходимого количества сотрудников взять под контроль весь путь следования.

Я снова зову Суорца. На мой устный запрос через полтора часа получаю письменный ответ посольства: американская сторона берёт ответственность за следование кортежа президента в Куропаты на себя.

Почему Комитет Государственной Безопасности так поступал?

Могу только догадываться. Ширковский далеко не всё определял в КГБ. Если безопасность встречи в Беловежской пуще он гарантировал и потом не раз подтверждал это в том числе и в Соединённых Штатах Америки в разговоре с вице-президентом Гором, то в данном более простом случае что-то мешало ему поступать также. В России Министерство безопасности (МБ России) в это время реорганизовывалось. За двадцать дней до пика напряжённости с предстоящим визитом Клинтона у нас -- 23 декабря 1993 года Ельцин

подписал указ о преобразовании МБ в Федеральную службу контрразведки (ФСК России).

Московские преобразования системы безопасности могли отразиться и на нашем КГБ, ибо было бы великой наивностью полагать, что бывший отдел КГБ СССР – КГБ Беларуси стал за три года самостоятельным и полностью независимым от породившего его монстра. Не нравилось деятелям ФСК России то, что люди их склада называли заигрыванием Беларуси со США, нужно было этому помешать. Американцы же, повидимому, ориентировались в происходящем в России и понимали, что угрозы, исходящие оттуда, носят чисто словесный характер и рассчитаны на традиционную пугливость провинциалов, т. е. сотрудников белорусского КГБ. Такова моя версия происходившего, фактами я подтвердить её не могу.

Итак, несмотря на все угрозы, предупреждения и “добрые советы” Президент США Бил Клинтон в Минск прилетел.

Январская газета “Свабода” № 3 подавала прилёт так.

“В 11 часов садится ... самолёт № 29000... Подъезжает трап. К нему идут С. Шушкевич с женой и американский посол Д. Суорц. За ним спешат смёрзшиеся девушки в фольклорных нарядах, на головах – искусственные веночки. Какой-то дядька в когда-то модной в Политбюро шапке-“пирожок” несёт следом каравай.

С центрального трапа спускаются 5-6 человек, а за ними спускается Клинтон с Хиллари. Сцена приветствия (нас отделяет метров 120, поэтому не так хорошо видно). Очень быстро девушки с караваем убегают прочь. Клинтон и Шушкевич шагают к почётному караулу. Офицер с шашкой рапортует по-русски, строй ревёт “здравия желаем, господин президент!” Звучит американский гимн, а потом “Мы – белорусы...”

Клинтон смотрится очень элегантно, его плащ подобен, кажется, дирижёрскому фраку. Наш руководитель рядом с ним смотрится пожилым уставшим человеком в сером пальто”.

Дошли до газеты и слухи о чинимых препятствиях визиту.

“Посещение Клинтоном Куропат всемирная пресса подала как самую главную новость визита американского президента в Минск. За распространение информации об этом стоит поблагодарить в том числе и нашу номенклатуру. Своими безмозглыми попытками не допустить Клинтона в куропатский лес они привлекли ещё большее внимание прессы и помогли сделать Куропаты центральным событием визита.

А сражалась номенклатура отчаянно. Мы узнали, что 13 января Президиум ВС направил в американское посольство письменное обращение следующего содержания: белорусские спецслужбы не могут гарантировать безопасность президента Клинтона во время посещения им Куропат; поэтому предлагаем вместо Куропат посетить Курган Славы и установить там мемориальный знак. Через тринадцать часов американцы дали

ответ: если вы не способны, то мы сами обеспечим гарантированную безопасность своего президента”.

Программа приёма состояла из двух частей. Моя жена поехала с Хиллари Клинтон знакомить первую леди США с деятелями культуры и развозить гуманитарную помощь в госпитали и военные части. В Соединённых Штатах знали о Елизарьевском балете, а дочь Клинтонов занималась в балетной школе, поэтому почти вся женская культурная часть свелась к общению с балетной труппой и её руководителем Елизарьевым.

В качестве гуманитарной помощи Хиллари Клинтон привезла дефицитные лекарства

Из интервью
Ирины Шушкевич
журналисту
Александру
Старикевичу:

*“Хиллари
Клинтон произвела на
меня очень сильное
впечатление.
Спокойная, умная,
привлекательная
женщина, мгновенно
оценивающая
ситуацию и тонко*

чувствующая обстановку. Держит себя элегантно, непринуждённо, с достоинством первой леди великой страны и в то же время предельно просто. Супруги Клинтоны прилетели с дочерью Челси. У девочки была и своя программа: она посетила балетное училище — ей это было интересно, поскольку она сама занималась балетом. Вечером мы все вместе были в оперном театре».

Январская 1994 года газета «Республика» писала об ином:

“Тем временем на проспекте Франциска Скорины вовсю кипела работа. На придорожные столбы укреплялись государственные флаги, а работники ГАИ очищали дорогу от припаркованных машин. В Америке их, вероятно, вывозили бы специальным подъемником, а тут легковушки просто вскрывали, снимали с ручного тормоза и оттаскивали в сторону. Проспект в это время еще не был перекрыт, и мы направились на площадь Победы. Выход из станции метро работал лишь на перекрестке ул. Козлова, а площадь уже была обтянута по периметру белым канатом, вдоль которого располагались сотрудники МВД. По милицейским рациям слышались указания начальников участков «обеспечить сохранность флагов». На моих глазах один лихач вскочил на крышу такси и стал владельцем «звездно-полосатого».

Жильцов всех квартир, выходящих окнами на площадь, накануне обошел участковый. «Нам сказали никого не пускать, окон не открывать, а мы уже друзей заранее пригласили, с балкона

собирались посмотреть», -- рассказала гостеприимная дама. – Теперь придется через занавеску подсматривать, хотя и этого нам не рекомендовали».

Из аэропорта в город я поехал с Клинтоном в одном автомобиле. Он восторгался стройками Минска, упорядоченностью и чистотой города, архитектурным корпусом Политехнического института, напоминающим парус. Приехали в резиденцию на Войсковом переулке для подписания межгосударственных договоров. Процедура подписания документов никаких сложностей не составила и носила скорее сценический, чем деловой характер. Всё было заблаговременно подготовлено, вычитано, выправлено и парафировано службами обеих сторон.

Потом была встреча на Площади Победы. Там Клинтона ждали ветераны. Сначала сдержанные, а потом не то, что не устоявшие перед его умением нравиться, а пришедшие в восторг от этого умения, они приветствовали американского президента очень искренне. Я бы сказал, что это было замечательное братание белорусов и американцев. Великолепная встреча!

Следующий пункт программы был по моему мнению самым важным. Предстояла встреча и выступление президента Клинтона перед молодёжью в главном корпусе Академии наук. Когда за несколько дней до встречи мне принесли “рассадку” приглашаемых на встречу президента с молодёжью, я ахнул. Три первых ряда были отведены имеющим несомненные заслуги представителям старшего поколения, ветеранам войны и труда.

Уважение ветеранов, почтительное к ним отношение, забота о их благополучии – наш святой долг. Но пытаться из них делать “вечно молодых” уместно в песнях и тостах в их честь. Опасаться, что предоставленная сама себе молодёжь будет искать не лучший способ самовыражения – ни что иное, как неуважение молодёжи. И, как не раз случалось в деликатных ситуациях, я спокойно попросил меня внимательно меня выслушать.

-- Мой приказ такой: в трёх первых рядах должны находиться молодые люди, свободно владеющие английским языком. В этих рядах не должно быть никаких наушников для синхронного перевода. У нас предостаточно молодёжи, свободно владеющей английским. Далее поступайте как угодно, но не отбросьте тех, кого уже пригласили или обещали пригласить по своей оплошности. Незаслуженно обижать людей не надо. Тем не менее, постарайтесь предельно “омолодить” зал. Всё!

В итоге зал выглядел впечатляюще.

Потом, приезжая в университеты США, Канады, высшие школы Франции, Польши, Чехии и других стран я встречал молодых людей из первых рядов на встрече с Клинтоном. Обычно они сами подходили ко мне и спрашивали, не узнаю ли я их? Самая многочисленная группа – четыре человека – стали докторантами в университете Торонто, двое

– в Денвере, по одному – в Гарварде и Колумбийском университете. К сожалению, они как правило не спешат вернуться в Беларусь, они здесь не востребованы!

Январь 1994 года, Минск. Подписание белорусско-американских соглашений

А без таких людей трудно идти по пути наукоёмкого производства, инноваций и нанотехнологий. Но они ощутили, что такое свобода и их не уложишь в прокрустово ложе неуважения прав человека.

Минск, Площадь Победы, встреча с ветеранами

Мало кто знал о том, что наше правительство, в частности премьер Кебич и министр иностранных дел Кравченко, категорически настаивали на том, чтобы Клинтон выступил перед коллективом

Минского часового завода и всеми силами пытались убедить посла США Дэвида Суорца включить в программу пребывания президента США в Беларуси просещение часового завода. Однако посол поддержал моё предложение – встретиться с молодыми учёными и студентами.

О приглашённых на встречу газета «Республика» писала так:

“На площадке у входа в Академию наук свой паек отрабатывала симпатичная собачка из той же службы безопасности. Она деловито обнюхивала все клумбы и подстриженные накануне кусты, отыскивая взрывчатку. В холе уже толпилась молодежь, пришедшая на встречу с американским президентом. На мой вопрос, по какому принципу шел отбор на эту встречу, девчата из иняза со смехом ответили: «По экстерьеру». Вкус у отбирающего был неплохой.”

Началась встреча с выступления молодого человека, который сначала по-английски, а затем по-белорусски приветствовал Клинтона. Клинтон удивился: “И что, дальше будет такой перевод?” Я успокоил его, нет, перевод будет синхронный. Наш обмен простыми фразами был показан в прямой трансляции, а потом в записи, что породило миф о том, что я свободно владею английским. Увы, я знаю его по-советски.

Январь 1994, Минск, Академия наук, Президент Клинтон выступает перед молодёжью Минска.

Газета «Республика»:

“Начало встречи планировалось на 14.30. Клинтон с Шушкевичем зашли в зал в 15.15. Вопреки ожиданиям, рядом с президентом не было ни одного охранника. Лишь перед сценой встали два телохранителя. Впрочем, зал в это время был уже полностью оцеплен, а внутри сидели только проверенные, осмотренные и обнюханные люди. Тем не менее по громкоговорителям всех предупредили, чтобы никто не вскакивал с мест, когда (и если) президент пойдет пожимать руки молодежи. Свою речь Билл Клинтон начал с того, что

поблагодарил собравшихся за то, что они пришли на встречу. «Я надеюсь, что переводчики работают хорошо и вы меня понимаете», -- продолжил президент. Зал не ответил. «Не знаю, как мне трактовать ваше молчание – да или нет?» -- спросил Билл Клинтон. «Йес, йес», -- ответили из зала. Речь продолжалась ровно

15 минут. После этого Билл Клинтон направился к первому ряду и пошел вдоль него, пожимая руки всем, кто мог дотянуться. Забыв о предупреждениях, народ из задних рядов пошел вперед. Президент не обижал никого и не очень торопился”.

Был ещё один любопытный случай. На встречу в Академию наук мы должны были ехать в разных машинах. Клинтон же приглашает меня в свой лимузин (автомобили для президента и охраны американцы доставили до прилёта Клинтона транспортным самолётом Геркулес).

-- У меня в автомобиле свой микрофон, и мы сможем обращаться к людям.

Я подсел, и мы поехали. Используя микрофон мы действительно несколько раз поприветствовали людей, окруживших проезжую часть улиц, а потом продолжили разговор, благодаря прекрасному русскому языку посла Суорца, ехавшего с нами.

Клинтон не попробовал у нас никакой предложенной еды. В автомобиле он достал “ссобойку” типа нашей студенческой, налил Суорцу и мне кофе. Добротный кофейный запах испугал меня. Я подумал, что если попью кофе, то буду содрогаться вместе с сокращениями моего сердца. А оно частило, так как я побаивался, что не всё получится, как задумано.

-- Уважаемый господин президент, я просто боюсь пить настоящий кофе, обстановка для меня волнительная.

На что Суорц.

-- Вы даром думаете, что президент в такой обстановке пьёт настоящий кофе. Декофенат это, а не кофе.

Тогда Клинтон, и это наверняка не понравилось бы нашим протоколистам, предлагает мне какую-то вафлю в шоколаде в красивой, редкой в то время у нас, красочной упаковке. Я кладу вафлю в нагрудный карман – сладкого совсем не хотелось, а отказаться -- неудобно.

-- Передам это своему семилетнему сыну, скажу, что такое ест сам президент Соединённых Штатов Америки!

* * *

Когда Клинтон улетап, я проводил его в аэропорт “Минск-2”. Считал это своей обязанностью, и из-за удачного в целом официального визита полностью забыл в тот момент, что. День-два меня должны снять с должности Председателя ВС. Меня это не волновало.

После этого я с Клинтоном больше не встречался, но через 16 лет (!) в день моего 75-летия он прислал мне письмо-поздравление с юбилеем.

А вот с другими бывшими президентами США -- Бушем-старшим, Фордом, Картером -- я встречался позднее и не один раз на конференциях и симпозиумах в Вашингтоне, Нью-Йорке, Сеуле.

Куда идти?

На сегодняшние белорусско-американские отношения я смотрю с великим сожалением. Белорусская сторона пытается решать политические международные проблемы методами урегулирования скандалов на свиноферме. Если дело дошло до того, что великая держава применила определённые санкции, нужно срочно задуматься, почему это произошло? Санкции жёсткие, но законные. По сути дела нам сказали: мы не хотим, чтобы у нас были такие клиенты, как вы. Чувствуется, что это очень сильно затронуло интересы определённых лиц. Тот вой, который они учинили, доказывает: это санкции не в отношении Беларуси, это санкции в отношении их. А что сделано в ответ...

Сдержанность, проявляемая американской стороной обоснована. Штаты всегда найдут способ показать, что с ними так обращаться нельзя. К сожалению, отразится это не только на нашей власти, но и на людях, которые эту власть терпеть не могут.

Во время визита президента Клинтона в Беларусь Хилари Клинтон была первой леди, с 2009 года она - Госсекретарь США. На снимке: Х. Клинтон, Е. Кебич, И. Шушкевич.

Лишь один маленький пример. Начали сотрудничать с Венесуэлой. Подурачились по волевому решению предводителя с доставкой нефти за тридевять земель, поняли, что и ежу было ясно – у России по любой цене покупать выгоднее. Но могло было быть и иное взаимодействие. Наши специалисты собрались в Венесуэлу искать и добывать нефть. Взаимовыгодно! Нужно приобрести оборудование – хорошо, деньги есть. Но американской фирме, которая его производит, рекомендовано не продавать. А купить у других -- проблема. Российское и китайское – не того качества. Смеяться будут венесуэльцы, сравнивая с работающим у них американским. Некуда белорусским бурильщикам ехать, негде прилично заработать.

Неразумное это дело – ссориться с великой державой. Даже с великой Россией проще – там знают характер и уровень политической компетенции здешнего предводителя, и на петушину воинственность давно не обращают внимания.

Какими должны быть отношения с Америкой?

Не были романтиками депутаты 12, да и 13 созыва ВС, ратующие за сотрудничество, но не вступление в НАТО, за

нейтральный статус Беларуси, которого можна добиться при активной поддержке США. Если Россия, США и ЕС стали бы гарантами такой нейтральности Беларуси, было бы всем выгодно.

Так получилось, что в Беларуси сегодня сконцентрированы большие сложности. На западе – тектонический политический и прогрессирующий экономический разлом с Евросоюзом, с востока прёт многоденежное оголтелое российское предпринимательство, навязывая дикий капитализм. Власть свирепствует и, пытаясь закрепиться на века, подавляет зачатки гражданского общества, делает неуклюжие попытки сотворить своё привластное послушное “гражданское общество” от “союза писателей” до “союза поляков”, фальсифицирует выборы, физически устраняет оппонентов и не только из политической жизни, клянёт то Восток, то Запад.

Вступи мы в НАТО – тектонический слом будет на восточной границе. Нам обязательно нужно пережить состояние нейтральности. Сегодня Польша занимает проамериканскую позицию, для неё это единственный способ спасения от имперской России. Будь мы нейтральными, она может стать иной, более польской. Наша нейтральность смягчает обстановку, лучше становится и России, и Польше, и Украине, Литве, Латвии.

Фактически, у нас было устное согласие на нейтральность со стороны Европы и США. Велись разговоры и с Россией. Нужно действовать так, чтобы Россия поняла, что это лучший, выгодный для неё вариант. Делать из Беларуси античечню, убеждать, что она хочет стать частью России по своей воле – абсурд. Беларусь уже попробовала глоток свободы, показала что остаётся европейской после двух веков российского закабаления и переживёт отравление этой свободы лукашизмом.

ХІІ. ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И ПОЛИТИКА

Политика и искусство.

Так уж устроен мир, что достойнейшие люди могут быть отнесены к преступникам, а воинствующие неучи взойти на вершины власти. Не будем завидовать судьбе невежды иль глупца в величии неправом. В конце концов, правда всегда торжествует. Хотя нередко к этому времени уже почти не остаётся в живых многих, кто за эту правду боролся, был без причин оклеветан, унижен, репрессирован. Так, увы, было всегда, поэтому и стали столь популярными утверждения «политика – дело грязное» или же, что то же самое -- «политика делается грязными руками». Их, не задумываясь, приклеивают и к тем, кому грязные методы чужды. Строго говоря, доля непорядочных людей среди политиков ничем не больше такой же доли среди людей любого рода занятий, но во многих иных случаях непорядочность не столь явно обнажена для общества.

2003 год, Прага. У президента
Вацлава Гавела

В конце 80-х Горбачёв ввел в обиход заимствованное им без ссылки на Николо Макиавелли (1469-1527) троесловие: «политика – искусство возможного». На съездах народных депутатов СССР ему никто не возразил, так как этими словами можно было оправдывать неудачи и Горбачёва, и съездов. Если же над этой фразой задуматься, то получается, что политика - это делание того, что получается, а не того, что обязывают делать, например, разум, долг, совесть. Можно трактовать и иначе, как прославление макиавеллизма: для укрепления государства допустимы любые средства – насилие, убийства, предательство.

Поздравляя сограждан с новым 1990 годом, президент Чехословакии Вацлав Гавел, фактически, споря с Горбачёвым, но, не упоминая его имени, парировал: политика -- искусство невозможного. Об этой перепалке не было тогда ни слова в советских средствах массовой информации, так как гласность гласностью, а порочить имя генсека было делом по-прежнему опасным. В качестве примера того, что политика для лиц творческих -- искусство, а не приспособленчество и не пренебрежение моралью, Вацлав Гавел напомнил о деятельности Яна Масарика. Она хорошо известна чехам, но почти не замечена в других странах.

Поэтому напомним.

Ян Масарик совершил действительно невозможное: имел мужество покинуть пост посла Чехословакии в Великобритании в знак протеста против подписания в 1938 году Мюнхенских соглашений, точнее, сговора премьера Великобритании Чемберлена, премьера Франции Даладье, Гитлера и Муссолини о передаче Чехословакией Германии Судетской области. Вряд ли можно лучше охарактеризовать сущность произошедшего для Великобритании, чем это сделал Черчилль: **«Англии был предложен выбор между войной и бесчестьем. Она выбрала бесчестье и получит войну»**.

Как министр иностранных дел чехословацкого правительства в изгнании Ян Масарик добился признания этого правительства Лондоном и денонсации в 1942 году Британским кабинетом Мюнхенских соглашений. Одновременно он поддерживал хорошие отношения с СССР. В июле 1941 года подписал соглашение о взаимопомощи, по которому в СССР должны были создаваться чешские части, позднее – Договор о дружбе с СССР. После войны был назначен министром иностранных дел в кабинете К. Готвальда, где был единственным беспартийным. Спустя несколько дней после перехода власти в Чехословакии к коммунистам его нашли мертвым под окнами своей квартиры, размещавшейся в здании министерства иностранных дел. Есть версия, что его смерть -- дело рук советских спецслужб. Если попадаешь впервые в Министерство иностранных дел Чехии, тебе обязательно покажут эту реликвию -- квартиру Яна Массарика, человека, который доказал своей жизнью, что политика – искусство невозможного.

Вацлав Гавел прежде всего как человек творческий считал настоящую политику искусством. Он не мог нравиться ни советскому руководству, ни Горбачёву, ни тандему Путин-Медведев. Но его смерть 18 декабря 2011 года и похороны 23 декабря обнажили невиданные неизлечимые язвы высших российских политиков. Лично для меня Дмитрий Медведев потерял последние крохи интеллигентности и цивилизованности, послав в Северную Корею соболезнование по поводу кончины диктатора Ким Чен Ира и не послав соболезнование родным Гавела и всему чешскому народу. Такова мстительность Путина, воле которого безропотно подчинён Медведев. А ему – Путину - из-за позиции Гавела не была вручена в 2011 году премия Квадрига, основанная немецкими бизнесменами. Гавел заявил, что если это произойдёт, то он откажется от премии Квадрига, вручённой ему в 2009 году.

На похороны Вацлава Гавела прилетели президент Франции Николя Саркози, президент Германии Кристиан Вульф, премьер Британии Дэвид Кэмерон, президент Литвы Даля Грибаускайте, Лех Валэнса, Бил Клинтон и многие другие известнейшие люди, Никто не приехал из России. А как иначе? Ведь Гавел заявлял о грубейшем попрании прав человека в Чечне, о политической составляющей

обвинения Ходорковского, об антидемократичности российской модели демократии.

Ремесло и творчество, наука, политика и искусство. Люди различного уровня интеллигентности, образованности, личных умений и опыта по-разному видят разграничения между этими понятиями. Что наука – это сфера человеческой деятельности, функция которой получение, накопление и систематизация знаний, мне было известно задолго до того, как выпало счастье к науке прикоснуться. Не буду скрывать, в политику я вошёл значительно раньше, чем на уровне ремесленника понял, что это такое.

Удивительного здесь мало, хотя для изучения дисциплин, называемых общественно-политическими, отводилось в СССР до 30% учебного времени в любом вузе и на любой специальности, в том числе и на физико-математическом факультете университета, где я учился. После университета в моём багаже были только отличные оценки по общественным наукам, а после аспирантуры -- кандидатский минимум по марксистско-ленинской философии. Тем не менее, я обязательно должен был поступать и каждые 7-10 лет заканчивать вечерний университет марксизма-ленинизма. Успел это сделать дважды. Но из всего этого общественно-политического многообразия запомнилось лишь следующее: *марксистское учение всесильно, потому что оно верно; партия – ум, честь и совесть нашей эпохи (имеется в виду КПСС, других партий не было); наша цель – коммунизм; политика – концентрированное выражение экономики*. Повторяю: что такое политика на самом деле, я так и не знал, хотя по так называемым общественно-политическим наукам не имел иных оценок, кроме отличных.

Партийная номенклатура и политики

С политикой и политиками советского покроя я по-деловому соприкоснулся после Чернобыля. Для минимизации негативных последствий катастрофы нужны были консультанты по вопросам радиационной безопасности на всех уровнях партийной и государственной власти; нужна была измерительная радиометрическая аппаратура и специалисты, умеющие с нею обращаться. Практически все профессионалы такого профиля находились в БССР в университете и двух институтах Академии Наук. Что касается университета, то львиная их доля была на кафедре, которую я возглавлял. Это и обусловило появление моих широчайших контактов с высокопоставленными представителями партийных и государственных органов. На практике я понял и их обязанности: решать только те задачи, которые доведены директивными партийными органами, регулировать отношения между социальными группами, умиротворять или же пресекать попытки искать решения,

которые могут быть истолкованы как не вполне согласующиеся с линией партии, т. е. с коммунистической идеологией.

Такой подход сделал партийные органы пристанищем и убежищем для многих бездарностей и посредственностей. Настоящему коммунистическому руководителю нужно было усвоить лишь одно правило: план любой ценой, потому что это спущено с самого верха и не подлежит обсуждению. Такой руководитель имел право упрекать, наказывать, карать всех подчинённых, которые, безразлично по каким причинам, хотели бы это правило нарушить. Если же он сам не обеспечил выполнение плана, то с ним могли обойтись самым нежелательным для него образом.

Казалось бы, неплохая система, если планы разумные. А они могут быть весьма совершенными в век вычислительной техники, позволяющей собирать и быстро обрабатывать гигантские объёмы информации, необходимой для обоснованного составления планов.

Однако невозможно предусмотреть все сбои, не говоря уже о таких, как Чернобыль. Поэтому и пошло цивилизованное человечество по пути саморегулирования, конкуренции, постоянной коррекции производства в соответствии с потребностями людей и выразителем этих потребностей -- рынком. Базирующаяся на таком подходе рыночная экономика, конечно же, не панацея от всех бед, но колоссальный шаг вперёд по сравнению с экономикой плановой, регулируемой административными методами, в которой по нелепой задумке коммунистических идеологов конкуренцию должно было заменить социалистическое соревнование.

Наука экономика считает более эффективной рыночную экономическую систему, что обязывает освободить производителей от плановых пут, дать им свободу экономической деятельности. Такая либерализация – гибель для так называемой плановой социалистической и любой иной авторитарной, диктаторской, тоталитарной политической системы.

Как только ни изощрялись после Чернобыля высшие руководители БССР, чтобы обеспечить производство продовольствия на уровне, близком к дочернобыльскому. Перед ними была поставлена именно такая задача. И вот, усвоив одно единственное понятие по радиационной безопасности, они проявляли фантастическую изобретательность, как всё-таки скормить населению, например, мясо, радиоактивность которого в десять раз больше допустимых норм.

Один министр БССР, характеризовавшийся как очень умный вдумчивый работающий руководитель, так мне и говорит:

-- В районах, не загрязнённых выбросами Чернобыля, мы производим идеально чистое мясо. Кто нам мешает делать фарш или суповые наборы из 90% этого мяса и 10% загрязнённого. Смесь укладывается по допустимой радиоактивности и в наши и в международные стандарты.

Терпеливо пытаюсь объяснить ему то, что обязан знать каждый студент, специализирующийся на нашей кафедре. Нельзя так поступать, потому что размазывание радиоактивности не уменьшит главного – полученной населением коллективной дозы радиации. При таком подходе та же общая доза радиации будет распределена между большим количеством людей. А все достоверно известные негативные последствия воздействия радиации на население определяет именно коллективная доза.

Для убедительности повторяю еще раз: коллективная доза при таком подходе не уменьшится, а величина негативного воздействия на людей однозначно определяет коллективная доза.

Но министр не сдаётся.

-- А если вы такой умный, объясните мне, почему мы не можем продавать населению мясной продукт, радиоактивность которого не превышает допустимой нормы?

Начинать объяснять всё с начала не хочется, поэтому иду по другому пути -- добиваюсь приёма у Председателя Госплана, Зам. председателя Совмина. Тот всё понял, сказал, что никаких смесей в республике делать не будут и словами, которые я не решаюсь повторить, охарактеризовал деятельность моего несговорчивого оппонента. Подождав, добавил: не один он у нас такой!

Так произошла моя первая встреча один на один с Вячеславом Францевичем Кебичем, ставшим позднее первым премьером независимой Беларуси. Я был тогда благодарен судьбе за то, что в руководстве республики есть такие люди. Однако оказалось, что я восхитился вершиной айсберга. О подводной его части уже пришлось напомнить в этой книге.

Межклассовая прослойка

Коммунистической партии были нужны учёные. Без них во многом не разобраться. Без них государство существовать и развиваться не может. Вместе с тем, учёные и вообще высококвалифицированные люди умственного труда – контингент достаточно опасный для беспрепятственной реализации догматов КПСС. Поэтому партия проводила такую политику, благодаря которой учёные, интеллектуалы имели пренебрежительно малое отношение к реальной политической деятельности.

Интеллигенции в социалистическом обществе была отведена унижительная политическая роль, роль межклассовой прослойки. До простого люда невзначай доводилось, что люди умственного труда, в отличие от рабочих и крестьян, не создают материальные ценности, но их потребляют. Трудящиеся массы воспринимали это как намёк относиться к учёным и вообще людям умственного труда настороженно, считать их чем-то типа иждивенцев на теле рабочего класса и трудового крестьянства. Если начиналась какая-нибудь

кампания осуждения врачей, кибернетиков, генетиков и даже языковедов, массы единодушно такое осуждение поддерживали и требовали жестокого наказания «провинившихся».

Научным работникам, имеющим учёные степени и звания, платилась довольно большая по советским меркам заработная плата. Партийные руководители не упускали случая подчеркнуть, что у этого профессора, а тем более академика, зарплата больше, чем даже у секретаря обкома, горкома или райкома. И это было правдой. Александр Николаевич Яковлев в своей книге «Сумерки» показал, чем отличались партийные руководители от учёных в плане оплаты их труда. Некоторое время партийцы имели «конверты» -- не облагаемую налогами доплату, всегда -- столы заказов и иные возможности приобрести то, что обычным гражданам никогда не доставалось. Покупательная способность партийного жалования была высокой, чаще всего более высокой, чем зарплата учёных.

Волею судьбы мне пришлось много раз бывать в Южной Корее. Там любят утверждать: среди образованных нет бедных. В любые времена, даже в самые тяжёлые годы японской оккупации, среди образованных действительно бедных не было. Похожая ситуация имеет место и в иных странах. Про людей с высшим образованием в СССР такого не скажешь. Нищий интеллигент понятие советское. Да и само слово интеллигенция появилось в российской империи в середине XIX столетия. Британских, французских, немецких или американских интеллигентов не бывает. Там бывают просто интеллектуалы.

Что же это такое -- интеллигенция? Интеллигент -- человек большой внутренней культуры, как правило, образованный, не позволяющий себе отступить от важнейшего элемента внутренней культуры -- верности определённым принципам. К ним, прежде всего, относятся совесть, справедливость, честность. Большая внутренняя культура отличает интеллигентов от просто образованных людей. Именно это качество возведено в ранг главного при определении понятия интеллигенция в современных российских и иных словарях и энциклопедиях.

Стоявшая на страже коммунистических идеалов Большая советская энциклопедия (БСЭ), толковала понятие интеллигенция так, как указал Ленин. К интеллигентам он отнёс «...всех образованных людей, представителей свободных профессий вообще, представителей умственного труда... в отличие от представителей физического труда». На пяти страницах (!) БСЭ, поясняющих понятие интеллигенция (стр. 311-315, том 10), нет ни слова о большой внутренней культуре. Это преимущество коммунисты лицемерно присвоили себе, повсеместно твердя, что именно КПСС -- ум, честь и совесть нашей эпохи.

Такой подход позволял отвести неоднородной массе, названной Лениным интеллигенцией, унижительную роль межклассовой

прослойки и успокоить её, например, словами Программы КПСС 1971 года: «когда труд каждого человека приобретёт творческий характер, когда небывало поднимется научно-технический и культурный уровень общества, интеллигенция перестанет быть особым социальным слоем». А до того «особый социальный слой» обязан не размышлять, а выполнять повеления партии.

В 1990 году французский журналист, политолог Ги Сарман подметил: *«Советское общество чрезмерно страдает от неподготовленности интеллигенции к позитивной исторической роли»*. Сейчас, казалось бы, страшно представить, какие поступки по требованию КПСС вынуждены были совершать советские учёные, советские интеллигенты против своих же коллег – интеллигентов и учёных. Были в совершенстве отработаны методы умиротворения, осуждения, психологического и морального подавления учёных, не желающих быть безоговорочными рычагами партии, руками самих же учёных. Чтобы пояснить, что тогда творилось, приведу лишь один пример. Не сотрудники КГБ, не академики общественных наук (т. е. не марксисты-ленинцы), а гордость советской науки всемирно признанные академики математик А. А. Дородницын, математик А. Н. Тихонов, микробиолог Г. К. Скрыбин, Нобелевский лауреат физик А. М. Прохоров в июне 1983 публично открытым письмом осудили академика А. Д. Сахарова, назвали его непорядочным, не думающим, человеком, которому ненависть застилает глаза, человеком, потерявшим честь и совесть. Да, да! Именно такими эпитетами они нарекли Андрея Дмитриевича Сахарова, который стал символом величайших человеческих достоинств для всего мира, именем которого названы сотни улиц и площадей в крупнейших городах мира. Не верите? Читайте. Вот это письмо:

«КОГДА ТЕРЯЮТ ЧЕСТЬ И СОВЕСТЬ

Открыв номер американского журнала «Форин афферс» и обнаружив в нем пространную статью академика Андрея Сахарова, мы взялись за ее чтение, ожидая, по правде говоря, всякого. Что Сахаров пытается очернить все, что нам дорого, что он клеветает на собственный народ, выставляя его перед внешним миром эдакой безликой массой, даже и не приблизившейся к высотам цивилизованной жизни, мы хорошо знали.

Сахаровское творение в «Форин афферс» нас тем не менее поразило. Как бы вступив в полемику с американским профессором из Стэнфордского университета С. Дреллом, который высказывается в пользу замораживания существующих ядерных арсеналов СССР и США, Сахаров призывает США, Запад ни при каких обстоятельствах не соглашаться с какими-либо ограничениями в гонке вооружений, ядерных в первую очередь. Он прямо-таки заклинает руководителей Вашингтона продолжать их милитаристский курс, курс на конфронтацию с Советским Союзом, на военное превосходство, доказывая, что Соединенные Штаты, НАТО не должны ослаблять гонку вооружений как минимум еще 10—15 лет.

Это может показаться неправдоподобным, но нижеследующее написано черным по белому. Сахаров умоляет тех, к кому он обращается, «не полагаться на благоразумие противника». Кто же этот «противник»?

Советский Союз, страна, в которой он живет. Он предупреждает хозяев Америки: не верьте миролюбию социалистических государств. Открыто, не стесняясь, Сахаров одобряет планы США и НАТО по развертыванию американских «першингов-2» и крылатых ракет в Западной Европе — этого оружия первого удара, которое намереваются нацелить на нашу страну и другие социалистические государства. Один из его аргументов — если у Вашингтона будут ракеты МХ, а это тоже всем известное оружие первого удара, — «Соединенным Штатам будет легче вести переговоры» с СССР.

Мы несколько раз возвращались к этим местам в статье Сахарова. И у нас появилось какое-то странное ощущение: да он ли это пишет? Ведь все это мы уже много раз слышали, читали. Именно так говорит министр обороны США Уайнбергер. Так говорит президент Рейган. Это язык американских генералов и политиков-ультра. Сахарову не хватает только назвать СССР «исчадием зла» и объявить «крестовый поход» коммунизму — и его хоть сажай в Пентагон, в Белый дом.

И еще одно нам показалось невероятным. Сахаров — ученый. Ему предметнее видно и лучше известно, какими могут стать последствия тех действий, к которым он призывает правительство страны, уже однажды испробовавшей на людях оружие массового уничтожения. Тогда США обрушили атомную смерть на японские города. Их правители хотели показать миру, и прежде всего нашей стране, какой силой они обладают. Сегодня Сахаров по существу призывает использовать чудовищную мощь ядерного оружия, чтобы вновь припугнуть советский народ, заставить нашу страну капитулировать перед американским ультиматумом. Да к какой стране и к какой «цивилизации» он себя относит и чего в конечном счете добивается? И неужели он не понимает, что наращивание вооружений, к которому он призывает, несет угрозу не только нашей стране, потерявшей в последней войне 20 миллионов человек, но всем без исключения народам, самой человеческой цивилизации?

И здесь мы начинаем думать о Сахарове уже не как об ученом. Что же он за человек, чтобы дойти до такой степени нравственного падения, ненависти к собственной стране и ее народу? В его действиях мы усматриваем также нарушение общечеловеческих норм гуманности и порядочности, обязательных, казалось бы, для каждого цивилизованного человека.

Мы знаем, что Сахаров ходит в больших друзьях у тех в Америке, кто хотел бы смести с лица земли нашу страну, социализм. Эти его друзья все время поднимают шум о «трагической судьбе Сахарова». Не хотим сейчас говорить об этом беспредельном лицемерии. Нет, наше государство, наш народ более чем терпимы по отношению к этому человеку, который спокойно проживает в городе Горьком, откуда и рассылает свои человеконенавистнические творения.

Вот что вспомнилось. Ровно тридцать лет назад, в такие же летние дни, в США произошло одно из самых несправедливых, постыдных событий XX века. Власти Америки казнили тогда ученых Этель и Юлиуса Розенбергов. Казнили, основываясь на нелепых, гнусных обвинениях. «Улики» сфабриковали секретные службы США. А, между прочим, в отличие от Сахарова, который призывает к ядерному шантажу против собственной страны, фактически к созданию условий для применения против нас первыми ядерного, оружия, Розенберги были не просто невинными людьми, ставшими жертвой безжалостного механизма американского «правосудия». Они еще и выступали за уничтожение смертоносного оружия. И вообще были честными, гуманными людьми.

Говорить о честности, когда человек по существу призывает к войне против собственной страны, трудно. Несколько столетий назад Эразм Роттердамский сказал, что лишь немногие, чье подлое благополучие зависит от народного горя, делают войны.

Дело, конечно, не в Эразме Роттердамском. А в том, что и в его времена порядочным, думающим людям ненависть не застилала глаза и они не теряли чести и совести».

Академики А. А. ДОРОДНИЦЫН, А. М. ПРОХОРОВ, Г. К. СКРЯБИН, А. Н. ТИХОНОВ.

А могли ли академики поступить иначе, могли ли отказаться подписывать такое письмо или сделать вид, что не они сами его написали и подписали? Для этого нужно было иметь мужество академика Сахарова, а оно – отсутствует в среде тех, кто был принудительно втянут и погряз в соглашательстве, не воспротивился называть себя прослойкой, не претендующей на какую бы то ни было политическую роль. Тогда, в 1983 году, когда письмо четырёх было опубликовано в «Известиях», Генеральным секретарём ЦК КПСС был Юрий Владимирович Андропов -- экс-председатель КГБ с 15-летним стажем на этой наводящей ужас должности. Отказ мог стоить жизни. А за спасение жизни своей и своих родственников грех осуждать академиков.

Наши белорусские реалии

Грех осуждать и белорусских великих, солидаризировавшихся в своём творчестве с подонками, осуществляющими сталинский государственный террор. Но забывать, скрывать от людей их поступки, которые с позиции наших дней никак нельзя считать достойными, тоже вряд ли следует.

27 января 1937 года в Москве начался судебный процесс над 17 известными большевиками из «параллельного антисоветского троцкистского центра», из них 13 человек были приговорены к расстрелу. Остальные – к длительным срокам тюрьмы. Естественно, что приговор приветствовали коллективы рабочих, крестьян и интеллигенции всего Советского Союза. Сессия Академии наук БССР единогласно потребовала «расстрела всей банды фашистов». Через день после начала процесса Янка Купала написал, а 3 февраля 1937 года опубликовал в газете «Звезда» стихотворение «Мало их повесить». Не сомневаюсь, что русскоязычный читатель легко поймёт приводимые далее несколько из 20 четверостиший этого стиха.

Мала іх павесіць
На сухой асіне,
Бо нават асіна
Ад сябе адкіне.

Дзерава адкіне,
Дзерава сухое,
Сябе не спаганіць
Поскуддзю такою...

Гандляры айчынай
Па чужым заказу...
Вынішчыць дашчэнт
Гэтую заразу!

Хай пад сонцам знаюць
Чым мы сёння сталі.
Мы падставім грудзі
За цябе, наш Сталін

Белорусские патриоты, почитатели творчества Янки Купалы единодушны во мнении, что поэта вынудили явить бесчеловечность и написать такие человеконенавистнические строки. Мне же представляется, что великий поэт был не просто романтиком, как и большинство настоящих поэтов, а романтиком, искренне верящим в реализуемость идеалов коммунистической утопии. Он считал обоснованными выдвинутые предателям обвинения и с присущими ему страстностью и профессиональным мастерством гневно их осудил.

* * *

Страшные времена, когда невосхваление деяний партии и правительства грозили смертью, уступили место подходам не менее подлым, но жёстким, а вынужденные позорные поступки переросли в привычку угождать власти, независимо от того, как ты оцениваешь её действия. Слишком медленно выветриваются они из умов многих наших белорусских академиков и иных высокообразованных людей. На ментальность мэтров науки способны влиять лишь их личные потрясения. Если же таковых нет, то их угодничество приобретаем местами даже гипертрофические формы.

Белорусы, по мнению уважаемых политологов, были в советское время более советскими, чем русские. Сегодня отдельные наши академики по уровню верноподданничества власти, нарушающей конституцию и законы, опередили своих коллег на постсоветском пространстве, включая русских. Некоторые из них остаются зашоренными академиками коммунистического толка, хотя их коммунистический прародитель Карл Маркс считал самой отвратительной чертой человека угодничество.

После перестройки отдельные учёные, в том числе и академики, двинулись в политику. В большинстве случаев -- чтобы внести идеи, предложения, программы для совершенствования государства и общества, для улучшения благополучия людей, чтобы квалифицированно работать ради этого самого благополучия. В Верховном Совете Беларуси 12 и 13 созывов были академики, профессора, доктора наук, доценты, кандидаты наук и заметные учёные без степеней и званий. Никому из них не могу бросить никакой иной упрёк, кроме того, на который указал всей советской интеллигенции Ги Сарман: *неподготовленность к позитивной политической роли*. Этот упрёк я принимаю и на свой счёт.

Однако с исчезновением информационной изолированности следовало бы ожидать от интеллигентов если не прозрения, то хотя бы критического анализа своей позиции, осознания своего долга перед обществом, своей политической роли. Но старая картина, увы, пока не изменяется: интеллигенты остаются в рамках ленинского определения и идут в услужение далёким от интеллигентности

деятелям, проще – в услужение властвующему интеллектуальному невежеству.

Вспоминаю, как депутат ВС академик Евгений Фёдорович Конопля, пытаясь вырваться из рокового круга невмешательства интеллигентов в политику, развесил в зале заседаний Верховного Совета множество плакатов с таблицами и графиками, пытаясь втолковать депутатам, как отражается Чернобыльская катастрофа на здоровье граждан Беларуси. Благородные порывы академика ощутимого воздействия на депутатов не возымели. Получился диалог глухонемого со слепым. Принятые позднее законодательные акты базировались больше на эмоциях, чем на научных данных. Но кое у кого след остался. Продолжайся такие подходы систематически – эффект был бы несомненный.

Меня же тянет привести иные примеры неподготовленности интеллигенции творческой и научно-технической к позитивной политической роли, но при этом её страстного желания внедриться в политику. Хотя учёные должны лучше иных знать, что проникновение в политику обязывает предварительно что-то понять в науке о власти – политологии, изучить, освоить на практике. Они же, как правило, набивают в политике шишки, работая методом проб и ошибок. Идя во власть, они имеют все основания считать, что их интеллектуальный потенциал несоизмеримо выше того примитивизма, который демонстрировали всему миру отдельные высшие руководители СССР и БССР на трибуне съездов народных депутатов и парламентов. Это действительно так, но, увы, не показатель уровня политической квалификации тех, кто реально правил, оставаясь в тени. Тем не менее, прямая телевизионная трансляция заседаний съездов Народных депутатов СССР и парламентов республик усилила стойкое заблуждение, что ленинское «кухарка может управлять государством» -- истина. А раз по Ленину может кухарка, то академики тоже должны уметь.

Соблазн для академика

Не уразумел президент Национальной Академии Наук (НАН) академик Александр Павлович Войтович, чем является сделанное ему в 2000 году предложение возглавить так называемый Совет Республики. Не понял, что это способ сделать вакантным место президента Национальной Академии Наук, на которое он был избран по Уставу НАН РБ тайным голосованием учёными академии в 1997 году. Не задумался глава академической науки Беларуси и над тем, какой политический орган поручается ему возглавить и какова значимость этого органа. Если бы задумался и прочёл конституцию, фальшивым способом утверждённую референдумом, то понял бы, что

орган этот бутафорский и служит только для одобрения инициатив и действий президента страны. По Ги Сарману - явил неподготовленность к позитивной политической роли. Тщеславие затуманило разум. Недаром компетентные психологи утверждают: доля людей, совершающих неразумные действия, примерно одинакова среди рабочих, крестьян, профессоров, дворников, академиков и прочих категорий граждан.

Просветление, конечно же, наступило, но с некоторой задержкой. А до того было великое самоудовлетворение и удовольствие от дополнительного возведения в столь же непотребные должности в межгосударственных масштабах: академик Войтович стал Председателем Межпарламентской Ассамблеи ЕврАзЭС, заместителем Председателя Межпарламентской Ассамблеи СНГ (всё -- 2001-2002 гг.). После высшей фазы благодетельствования помутнение разума частично прошло, и академик начал выражать неудовольствие и даже позволил себе не согласиться с каким-то утверждением президента.

Забыл, неблагодарный, что, угождая Лукашенко, стал академиком НАН РБ (1996), Лауреатом Государственной премии Беларуси (1996), Президентом НАН (1997), получил орден Франциска Скорины (1998). Забыл... и достукался: 28 июля 2003 года Лукашенко отозвал Войтовича с поста спикера верхней палаты парламента.

Академик не на шутку возмутился, перешёл в оппозицию и даже заявил о нелегитимности президента. Не покаялся, правда, любезный, за то, что сотворил множество гадостей, дабы угодить всё тому же нелегитимному президенту. И у меня извинения не попросил за то, что ради демонстрации своей преданности Лукашенко в 1998 году своим личным решением, заявив президиуму НАН, что я с этим согласен, лишил меня – члена-корреспондента НАН -- академических выплат таким же непристойным образом, как Лукашенко лишил меня пенсии. В действительности же, когда Войтович позвонил мне по телефону и начал разговор о финансовых трудностях академии, я ответил, что не в состоянии противостоять его страстному желанию угодить предводителю.

Если действия Лукашенко объяснимы: он мстил мне за то, что я абсолютно обоснованно никогда не воспринимал его как порядочного или интеллигентного человека, то мотивация Войтовича была чисто академическая: *отошёл, мол, Шушкевич от науки*. Сам же он отошёл от науки из-за занятия чистым администрированием гораздо дальше, во всяком случае, никому в голову не пришло пригласить его, как учёного, с лекцией в какой-нибудь путный университет, как приглашали меня, в российские, украинские, Варшавский, Ягеллонский, Вроцлавский, Йельский, Колумбийский и даже Гарвардский университет. Зато в лапидарном политическом творчестве академик Войтович преуспел. Опубликовал несколько

больших статей в оппозиционных газетах, объявил правящий режим диктатурой, чего почему-то не замечал, находясь на должности спикера верхней палаты и на должности президента НАН.

Лукашенко 20 июня 2004 года реагировал на выступления Войтовича по-колхозному: *«проблема состоит в том, что это все бывшие плюс пенсионеры, которые очень успешно годами сидели у кормушки Лукашенко. Войтовичи, Кравченки эти, Козулины и прочие, они же хрюкали у кормушки Лукашенко, окрепли, встали на ноги, проворовались или заняли просто предательскую позицию»*

Все, кого данными или же подобными словами Лукашенко похамски поносил, не унизились до того, чтобы вступить с ним в дискуссию, считая, что это будет унижительным для их человеческого достоинства. Войтович же не понял, что его, как говорят (и не только в Одессе), назвали верблюдом, чтобы насладиться тем, как аргументированно он будет доказывать, что это не так. Что и произошло. 28 сентября 2004 года академик Александр Павлович Войтович написал:

«Относительно Ваших оскорбительных и ложных заявлений в мой адрес отвечу кратко: нет, нет и нет. Не «хрюкал у кормушки Лукашенко» и не пользовался ею, «окреп и встал на ноги» без всякой Вашей помощи (еще в то время, когда Вас за пределами организаций, где Вы работали, никто не знал), не «воровал», не «занимал предательской позиции», не «вставал в оппозицию», не совершал «глупость за глупостью». За все деньги, которые я получал, работая в академии и в Совете Республики, расписывался, так что легко сосчитать, сколько имел этих денег; в академии получал больше, чем работая в Совете Республики!» Заметьте, все обращения к воинственно невежественному оскорбителю во втором лице сделаны с большой буквы.

Далее последовали трудные для понимания деяния. Войтович попытался участвовать в президентских выборах 2006 года. Не потянул. Сошёл с дистанции под смешным предлогом «не подыгрывать Лукашенко». Перенёс на политическое поприще сказку о мышках, решивших привязать к хвосту кошки колокольчик: посоветовал премьер-министру Сидорскому принять на себя полномочия президента «из-за нелегитимности Александра Лукашенко». Не переставал важничать. Объявил себя лидером Международного общественного движения «Сотрудничество и прогресс» (январь 2007), через месяц – председателем общественного объединения «Правовая инициатива». Потом урезонился, внял советам не дразнить нелегитимного. Ведь тот может дать команду, которую сам Войтович угодливо выполнял по отношению к другим: лишить права работать в науке и получать академические.

Иной академический путь

Иначе действовал другой академик. Ему было легче, так как он был воистину талантлив. То, что давалось Войтовичу в науке длительной усидчивостью и кропотливым трудом, он постигал быстро и изящно: всегда был отличником, даже Ленинским стипендиатом, с блеском окончил университет, получил красный диплом и в дальнейшем достиг больших высот в научной работе. Стал доктором, профессором, лауреатом Государственной премии СССР, академиком, подготовил более 20 кандидатов наук, некоторые из них позднее стали докторами.

А в смысле писмотворчества... Ну как тягаться трудолюбивому академику Александру Войтовичу, которому для изложения своего скромного мнения нужен, как минимум, газетный разворот, с экстравагантным академиком Анатолием Рубиновым, которому для достижения намеченной цели нужна неполная страница, например:

«Уважаемый Александр Григорьевич!

От души поздравляю с Вашей великолепной победой! С победой всего нашего народа! Это был важнейший и решающий момент для всех нас, для всей нашей страны! Это было то, что называется «момент истины», оценивающий прошлое и определяющий будущее. Блестящие результаты референдума убедительно показали, что наш народ в своем подавляющем большинстве поддерживает Ваш курс, Ваши идеи, Ваши непрерывные усилия по налаживанию всех сторон жизни нашего общества. Если страна продолжит этот курс еще лет пятнадцать, то можно быть спокойным за ее будущее – наше общество и наше государство окрепнут экономически и политически настолько, что станут менее зависимы от личности руководителя. И пусть тогда Президент страны сменяется каждые пять лет – это уже не сможет сбить страну с установившегося пути развития. Но ближайшие пятнадцать лет смена руководителя была бы чрезвычайно опасной и рискованной для будущего нашего государства. И хотя все мы понимаем, что для Вас это неимоверная нагрузка – и психологическая, и интеллектуальная, и чисто физическая, но таков выбор истории, такова уж Ваша судьба от рождения...

Победа на референдуме вдохновила всех Ваших сторонников, всех, кто честно работает на благо нашей Беларуси. Желаю Вам, Александр Григорьевич, на долгие годы сохранить присущую Вам неисчерпаемую энергию, мудрость и страстное желание привести наш народ и нашу страну к счастью и процветанию.

Председатель ВАК А. Рубинов»

Каков угодник!

И всё это при полном понимании, что адресат грубо попрап Конституцию, отверг демократию, не может быть непричастен к исчезновению известных политиков! А ради чего? Ради мелкой личной выгоды, ради приближения к власти имущему, что, бесспорно, должно отразится на личном достатке и благополучии. Вполне подпадает под ленинское определение интеллигента. Человек умственного труда! Но, увы, не человек высокой внутренней культуры.

И нужно же было такому случиться. С автором этих строк – тогда совсем не заслуживающим никаких упрёков пай-мальчиком -- судьба свела меня в Белорусском государственном университете в 1955 году, когда я был на последнем, а он на первом курсе уже физического факультета, который выделился из физико-математического.

Мой замечательный однокурсник Владимир Казущик и я с первых студенческих дней играли в оркестре народных инструментов университета на четырёхструнных домрах, были первыми примами. По меркам нашего оркестра мы с Володией играли неплохо. Во всяком случае, сменившие друг друга руководители оркестра – истинные профессионалы, имена которых – Георгий Иванович Жихарев и Михаил Аркадьевич Лисицын -- и сегодня на слуху, не только не имели к нам претензий, но даже нас хвалили.

И вот к нам приходит новенький. Володя и я сразу же поняли: он играет лучше нас. Простые произведения играет с листа. Мудрый Михаил Аркадьевич сразу же ставит нам его в пример. Вот, мол, чего достигают старанием и трудолюбием. Я со своей стороны радуюсь, потому что могу теперь прекратить бесперспективные, по моему убеждению, усилия освоить концерт Будашкина для домры с оркестром народных инструментов. Лисицын заставлял меня этот концерт разучивать, думаю, для того, чтобы удовлетворить моё тщеславие; говорил, что я способен сыграть, нужно только каждый день уделять этому время. Но я признавал, что не сыграю это очень серьёзное для моих умений произведение. Теперь же, естественно, это должно было стать задачей новенького, у которого в отличие от меня – самоучки -- за плечами музыкальная школа, а наяву -- лучшая техника игры.

Многие годы я был свидетелем и научных достижений Анатолия Рубинова, вплоть до избрания его в 1991 году академиком. Наши цветные фотографии, как преуспевших в решении задач, поставленных XXVI съездом КПСС, оказались в 1986 году на соседних страницах книжки «Ритмы созидания». В то время каждый снимок, помещаемый в такую книжку, и надпись под ним должны были быть согласованы с ЦК КПБ. Под снимком Рубинова его фамилия почему-то не упоминалась, и все похвалы были в адрес установки «Гном-2», возле которой он снят. Подпись под снимком с моим участием,

наоборот, восхваляла нашу кафедру, моего заместителя Евгения Фурсу и меня.

Потом Рубинова потянуло в политику. Летом 1992 года звонит мой советник академик Михайлов Анатолий Арсеньевич, спрашивает, не может ли он зайти ко мне в кабинет Председателя Верховного Совета вместе с академиком Рубиновым.

Я с удовольствием их принял – академиков, настоящих (по моему убеждению того времени) учёных, известных не только в Беларуси. Говорили о трудностях, переживаемых Академией наук, научными учреждениями и вузами страны, обсуждали возможные пути преодоления трудностей. Потом, то ли в шутку то ли всерьёз, заговорили о том, как хорошо, когда физики и вообще естественники попадают в политику. Вспомнили академика Сахарова. Но цели визита я не уразумевал до тех пор, пока Михайлов не посоветовал найти для Рубинова, если я действительно его высоко ценю и уважаю, какую-то высокую государственную должность.

Анатолий Николаевич не стал отнекиваться. Поведал, какой он горячий патриот Беларуси, сторонник демократии, рыночной экономики, прав человека, свободы слова, вероисповедания и проч. и проч. Для меня было полной неожиданностью его желание расстаться с наукой. Без лишнего пафоса могу сказать, что Рубинова я считал гордостью белорусской науки. Стремился сделать всё возможное, чтобы такие учёные не покидали науку из-за трудностей переходного периода.

Не скрывая удивления, я разоткровенничался. Рассказал то, о чём воздерживался говорить открыто с кем-нибудь кроме родственников и самых верных друзей. Рассказал о том, как я из-за шутливого характера своих друзей случайно попал в политику. А случилось это так: пообещал вечером во время дружеского застолья не брать самоотвод, как всегда это делал. На завтра, когда меня предложили кандидатом в Народные депутаты СССР, а секретарь райкома в президиуме собрания, улыбаясь, смотрел на меня и был уверен, что я, как всегда, заявлю о самоотводе, я молчал. Председательствующий переспросил ещё раз.

1986 год. Страницы 52 и 53 из книги «Ритмы созидания» в чёрно-белом варианте.

-- Самоотводы есть?

Все, предложенные собранию, молчали. В итоге я стал кандидатом в депутаты, а потом и депутатом.

-- Обратного пути, Анатолий Николаевич, нет, -- пояснил я Рубинову, – сочтут предателем.

Искренне желая академику добра, предложил, если он не против, поговорить о жизни и обсудить поднятый им вопрос в иной обстановке. Он согласился, предложил встретиться у него дома. Там меня ждала недюжинная кулинарная хватка хозяина и новая неожиданность: ни малейшего упоминания со стороны академика о желании получить высокую государственную должность. Не скрою, я снова обрадовался. Сохранил всё-таки для науки светлую голову!

После этого мы, практически, не встречались даже на сессиях Национальной академии наук, на которые я просто перестал ходить, когда Лукашенко лишил учёных права не только избирать, но и называть президентом НАН её руководителя.

В 2002 году Рубинов назначен на должность Председателя ВАК. Я счёл, что такой пост он, как настоящий учёный, вправе занимать и что его назначение будет способствовать должному уровню справедливых требований к претендентам на учёные степени и звания в Беларуси. Вскоре после этого, будучи за рулём, затормозил перед светофором на перекрёстке улиц Богдановича и Киселёва. Увидел Рубинова в служебном автомобиле рядом с шофёром тоже у открытого окна. Поприветствовал и поздравил с назначением. Эта встреча была последней, во всяком случае, из тех, когда мне приятно было его видеть.

Последовавшее далее подтвердило, что я опять ошибся в человеке. Во-первых, появился своего рода эталон угодничества -- приведенное выше письмо, во-вторых, стали известны факты отказа в утверждении диссертаций по политическим мотивам. В угоду правителю и другим антибелорусам он, в частности, «зарубил» докторскую диссертацию председателя Союза белорусских писателей Алеся Пашкевича, которая была успешно защищена в БГУ на самом компетентном в Беларуси Учёном Совете по филологии. Есть и иные убедительные примеры его ненаучного подхода к делам науки на посту председателя ВАК.

Дальше – больше. Стал разрабатывать антибелорусскую, антидемократическую государственную идеологию, хотя по конституции идеологии, обязательной для граждан, не должно быть. И если министров и высокопоставленных чиновников силовых ведомств принято называть цепными псами правящего режима, то Анатолий Николаевич вполне заслуживает того же звания в области идеологии.

Сегодня на вопрос, почему я так высоко ценил Рубинова во всех отношениях, отвечаю: я очень плохо его знал и воспринимал таким, каким он исключительно ловко прикидывался. Благодарен его тщеславию, во имя которого он хотел прослыть ещё и поэтом: издал книжку своих стихов, точнее псевдоноваторского рифмоплётства. О том, какое отношение его творения имеют к изящной словесности, судите сами.

Ох, народ ты наш, народ,
Ох, народище!
Из полтысячи пород –
Одна породища!
Наш один – за ихних двух
Только дай борща...
И раз в двадцать крепче дух...
Из туалетища!

Если бы не газета «Народная воля» от 20 сентября 2011 года, то упустил бы немаловажную деталь. Во время, что и говорить, финансового кризиса в стране, когда бешено растут цены, а белорусский рубль за считанные дни обесценился по отношению к доллару, евро, российскому рублю и прочим валютам в два-три раза глава верхней палаты, так называемого парламента, «сенатор» Рубинов абсолютно спокоен, денег не считает и не знает, сколько их у него. Так, во всяком случае, он заявил корреспонденту, невольно объяснив причину стремления в чиновники, теоретически -- в «сановники», но сановники принимают решения, а он – одобряет всё, предложенное правителем. Получает за это увесистое вознаграждение, каковы цены и что получают обычные граждане, его не интересуется. Ленин о таких говорил: страшно далеки они от народа. Впрочем, для академика это допустимо, для политика – преступно.

Университетский» вариант

В 2001 году мой родной Белорусский государственный университет отмечал своё 80-летие. Я, естественно, был тогда в оппозиции правящему режиму и очень удивился, получив приглашение на юбилейное торжественное заседание в лучший зал Минска – театр оперы и балета. Приглашение было размашисто подписано ректором профессором А. В. Козулиным.

На заседание я решил не идти, хотя очень хотелось встретиться с давними друзьями и знакомыми. Принял нелёгкое решение не идти, потому что знал А. Козулина лет двадцать: сначала как секретаря комитета комсомола университета, а потом как преподавателя и секретаря партбюро факультета прикладной математики. Я очень хорошо к нему относился, когда сам работал в университете, но потерял тёплые чувства, так как счёл его человеком, втёршимся в доверие к Лукашенко, не имея ни научных, ни педагогических заслуг такого уровня, чтобы стать ректором университета. Как педагог и учёный он, по моему мнению, не был соизмерим ни с одним из предшествующих ректоров: К. И. Лукашовым, А. Н. Севченко, В. М. Сикорским, В. А. Белым, Л. И. Киселевским, Ф. Н. Капуцким. Не импонировало мне и то, что Козулин недопустимо плохо владел белорусским языком. Именно по этой причине Комиссия по образованию, культуре и сохранению исторического наследия Верховного Совета 12 созыва, возглавляемая народным поэтом Нилом Гилевичем, отказалась поддержать его назначение на должность министра образования. Но для Лукашенко незнание белорусского языка было фактором положительным, и он указом от 28 августа 1996 года назначил Александра Владиславовича ректором БГУ.

Многие мои университетские коллеги, преимущественно физики и математики, знавшие, что мне было послано приглашение на юбилейные торжества, пришли ко мне домой через день после торжественного заседания в оперном театре и недвусмысленно дали понять, что, не придя, я поступил правильно. Наговорили много приятного. Мол, я по-прежнему чую фальшь, не попадаюсь в ловушки типа присутствия на юбилее. Ведь будь я там, Козулин мог бы говорить, что все -- и власть, и оппозиция его очень любят, а в коллективе университета это очень положительная характеристика.

Пусть он довольствуется тем, что охмурил патриаршего экзарха Филарета, который пришёл на юбилей и сделал его окончательно православным, назвав в своём выступлении Александром Владимировичем, а не Владиславовичем. Ведь без такого уточнения от его отчества католицизмом пахнет. Пусть наслаждается тем, что сам ректор Московского университета был на

торжествах и что число его, Козулина, членств и председательств в самопровозглашённых академиях и обществах приближается к числу орденов у Брежнева.

-- Ты же знаешь,-- продолжал один из моих знакомых, — Козулин сам лекций по-прежнему не читает и занятий со студентами не ведёт, но посмотри, как описывает его наша многотиражка: *«Внёс существенный вклад в становление системы образования независимого белорусского государства, был инициатором её реформирования и перевода на инновационный путь развития. Один из авторов закона «Об образовании» Республики Беларусь. Никогда не прерывал научной работы, защитил докторскую диссертацию по новым образовательным технологиям»*. Но всем хорошо известно, что в математике он не так горазд, чтобы стать доктором. Поэтому он так угождает Луке, что тот сделал его и доктором, и профессором, заметь, педагогических наук – и всё это без монографии и каких-нибудь путных публикаций. Да и вообще он остаётся позёром, работает только на себя, а университет гниёт. Над предложениями приблизить БГУ к национальному белорусскому открыто насмехается. Выслуживается, изгоняя путных студентов по политическим мотивам. И избрание своё на объединённом совете в прошлом году он устроил только для того, чтобы показать, что он не назначенец Лукашенко, а всеми любимый избранный Советом ректор. Поверь, это ему не простится, ведь Лука популярных давит. Популярным должен быть только сам Лука. Мясникович в Академии такой же «учёный», как и Козулин, но хитрее, и не формирует совет для своего безоговорочного избрания, хотя наделён для этого всей полнотой власти.

Поначалу мне казалось, что мой друг легонько перегибает, имея, по-видимому, какую-то личную неприязнь к правящему ректору и назначенному, а не избранному, как это всегда было, предводителю академической науки. Попытался возразить, но убедился, что так думают все без исключения мои давние соуниверситетчики.

Так что же происходило с Козулиным до и после юбилея?

Окрылённый фантастически высоким карьерным взлётом Александр Владиславович решил не просто закрепиться на достигнутом уровне, а идти дальше. Он заболел той же болезнью, что и, как их тогда называли, «молодые волки» в Верховном Совете Беларуси 12 созыва – Дмитрий Булахов, Виктор Гончар, Геннадий Карпенко, Анатолий Лебедько и примкнувший к ним, но вовремя удалившийся, Леонид Синицын. Каждый из них считал, что вправе претендовать на гораздо большее, чем достиг.

В начале нового тысячелетия Александр Козулин учуял, что может подать себя так, что будет поддержан теми российскими интеллектуалами, к мнению которых прислушивается российская власть. Он начал беззастенчиво «пиариться», забыв, что в

придворном стаде нельзя подымать голову выше остальных приближённых ко «всенародно избранному».

Александр Владиславович становится академиком Академии образования Республики Беларусь (оказывается, есть такая!), академиком Международной Академии высшей школы (и такая есть), вице-президентом Петровской академии наук и искусств, председателем общества «Беларусь—Австрия», председателем Совета ректоров ВУЗов Беларуси. Оставаясь ректором, становится членом правительства Республики Беларусь, министром, членом Президиума Национальной Академии Наук. Искуснейшим образом добивается титула почётного профессора Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова.

Один из известнейших российских интеллектуалов Председатель Совета по внешней и оборонной политике России (СВОП) Сергей Александрович Караганов сказал мне тогда в частной беседе после встречи членов СВОП с представителями белорусской демократической оппозиции в Москве:

-- У вас в Беларуси вырисовывается прекрасная ситуация. На смену лидеру, самобытность которого республику не сильно украшает, может придти настоящий высокообразованный лидер. На мой вопрос, кто он, этот лидер, прямого ответа не последовало. Но довольно быстро я понял, что ответить должен был я сам и сказать Козулин. Весомые члены СВОП пояснили мне это прямым текстом. Оказывается, Козулин давно с ними в контакте, хорошо себя здесь подал и очень высоко котируется.

Успешное раскручивание Козулина в российских привластных кругах не могло остаться незамеченным. А повод для превентивного и решительного пресечения потенциального конкурента, поддерживаемого весомыми российскими силами, найти не трудно. Его нашли незамедлительно. 17 ноября 2003 г. Указом президента Козулин был освобожден от должности ректора Белорусского государственного университета в связи со скандалом вокруг унитарного предприятия «Унидрагмет БГУ».

В роли невинно пострадавшего

Таким образом, Александр Владиславович оказался с нимбом репрессированного и со статусом пострадавшего за правое дело. Как талантливый менеджер он хорошо понимал, что в новых условиях и в новом качестве терять ему уже нечего. «Всенародно избранный» никогда его больше не полюбит, поэтому есть только один путь остаться на виду – добиться лидерства в оппозиции.

Кстати, здесь как нельзя лучше подходит клеймо репрессированного, оно как бы подтверждает, что он давно

противостоит диктатуре и, как и вся истинно демократическая оппозиция, борется за демократию, права человека, государственную независимость Беларуси. А для себя лично и с мудростью древних такой подход согласуется: лучше быть первым в Египте, чем вторым в Риме. Кроме того, оппозиции обещают поддержку и Восток и Запад, если она объединится. Она же занимается «непотребщиной». Вырабатывает принципы, регламент, порядок справедливого объединения и прочую чушь.

Не расплыясь на мелочи, Козулин объявляет себя самым главным объединителем всех социал-демократов, собирает симпатизирующих ему представителей от всех существующих социал-демократических партий, объявляет это собрание объединительным съездом социал-демократов и 10 апреля 2005 г. избирается на нём председателем Белорусской социал-демократической партии. После этого «расширяет» объединение и в том же году объявляет себя учредителем и координатором гражданской инициативы Общенационального движения «Воля народа», хотя до сих пор никто так и не знает, что это такое и кто в него входит.

В этом же году на основе достаточно чистых демократических процедур на итоговом Конгрессе демократических сил должно было состояться избрание лидера объединённых демократических сил (ОДС), который после официального объявления выборов автоматически должен был стать кандидатом в президенты от ОДС.

Предшествовавшая конгрессу кампания по выдвижению кандидатов на роль лидера объединённой оппозиции и делегатов могла нежелательным для диктатуры образом всколыхнуть Беларусь. Власти всех уровней изощрялись, препятствуя проведению избирательных собраний. Помещения для собраний нельзя было добыть ни за какие коврижки. Если же запрет удавалось преодолеть, то приезжал наряд милиции и требовал немедленно освободить зал, так как «поступил сигнал», что он заминирован. В Светлогорске, Витебске и других местах запрет на проведение собрания в частных помещениях и садах производился на основе «заявления соседей» о происходящей там страшной драке. Подсылались провокаторы из абсолютно опустившихся людей, которые в беспробудно пьяном состоянии действительно пытались такие драки инициировать. Приходилось удивляться, как «доблестная милиция» может использовать в качестве своих посланцев такой сброд. В Молодечно в помещении, где находились офисы партий, была объявлена срочная учебная тревога, и бравые брандмейстеры то разматывали, то сматывали шланги.

Несмотря на все чинимые помехи, Конгресс собрался. По итогам региональных собраний выбирать кандидата в президенты нужно было из четвёрки: С. И. Калякин, А. В. Лебедько, А. В. Милинкевич и С. С. Шушкевич. На Конгрессе я сразу же снял

свою кандидатуру, так как приезжал на региональные собрания только для того, чтобы привлечь к ним как можно больше внимания и выполнить решение Центральной Рады моей партии -- Белорусской социал-демократической Грамады (БСДГ). Рада сочла нелогичным заниматься выборами и не выдвигать члена партии для участия в избирательной кампании. Именно этот фактор и обусловил моё выдвижение от партии.

На Конгрессе, опередив во втором туре Анатолия Лебедько на 8 голосов, победу одержал Александр Милинкевич. После успешно поведённой кампании по сбору подписей он стал кандидатом в президенты от ОДС. Однако Объединённые демократические силы расколол Александр Козулин: в декабре 2005 года он также собрал необходимое количество подписей и был зарегистрирован кандидатом в президенты.

При моём настороженно-отрицательном отношении в то время к Козулину я вынужден был признать, что его выступление по телевидению было во много крат более захватывающим, впечатляющим, содержательным и логичным, чем выступление Милинкевича. В избирательной кампании и после неё он проявил завидные бойцовские качества, и, не исключая, что Лукашенко стал по-настоящему его бояться даже в статусе оппозиционера. Правителю республики не стоило особых усилий запрячь Козулина в тюрьму. Сатрапы предводителя состряпали соответствующий приговор.

Пять с половиной лет лишения свободы!

Перманентный лидер

В отличие от Козулина, Милинкевич фактически и пальцем не пошевелил, чтобы разоблачить тотальную фальсификацию итогов голосования на выборах 2006 года, но счёл себя лидером оппозиции на все времена. Козулин за попытку разоблачить фальсификацию итогов голосования сел в тюрьму.

После президентской кампании 2006 года Милинкевич ездил по Европе, не возражал, когда именно его одного воспринимали как лидера, получал похвалы и крупные денежные премии. Наивные европейцы отождествляли его с теми борцами за права человека и за демократизацию, кого в Беларуси разгоняют, сажают, избивают, штрафуют, лишают работы и пенсий.

Сознавая, что политика стран Евросоюза в отношении Беларуси потерпела провал, Милинкевич хорошо освоил роль хвалителя мудрости руководителей ЕС, решивших эту политику изменить на политику пряника и перевоспитания диктатора нежностью. Он просто захлёбывался, выражая солидарность с Бенитой Ферреро Вальднер и Хавьером Соланой, когда те забыли о

своих 4-х требованиях к диктатору, сформулированных в 1999 году на саммите ОБСЕ в Стамбуле и о детализации их до 12 условий в 2006 году. Даже Лукашенко растрогался, узнав о милинкевической трактовке ситуации в Беларуси и его рекомендациях оппозиции и Западу. Как-то даже поблагодарил Александра Владимировича Милинкевича, назвав «конструктивным оппозиционером».

А трактовка эта проста, как грабли, но только для наивных, не вникающих в сущность проблемы обывателей. Базируется она на лозунге: «все войны заканчиваются переговорами и миром, поэтому я за диалог». Забыл, пригретый зарубежьем свежей выпечки политолог, что войны заканчиваются и безоговорочной капитуляцией.

Бывший единый кандидат в президенты от объединённых демократов на выборах 2006 года так и не нашёл в себе смелости создать, возглавить или же вступить в политическую партию и стать на путь открытой политической борьбы с нечеловечным диктаторским режимом. Ведь это не совсем безопасно честно объяснять людям, что происходит, почему и как с этим бороться. Спокойнее быть в НПО – неправительственной организации, а значит и непартийной, т. е. не преследующей политических целей. И власти она не помеха, и зарубежную финансовую помощь законно получать может, и иметь, казалось бы, осуждающее власть название «За свободу» никто не запрещает.

Преимущественно на своём сайте, так как другие коммуникационные средства его раскусили и не очень-то жаловали, Милинкевич стал выдавать себя за такого аналитика-миротворца, политолога, способного сделать глубочайший анализ достижений и провалов президентской избирательной кампании 2006 года, когда он был официальным лидером объединённых демократических сил и когда, благодаря именно его лидерству, всё было правильно. Высказал глубочайшую обиду по поводу того, что оппозиция не хочет объединяться, разумеется, под его лидерством. Испуганный событиями 19 декабря 2010 года сначала вошёл в Раду объединённых демократических сил в начале января 2011 года, но, увидев, что не исключён вариант создать настоящее объединение и не под его предводительством, быстренько из Рады вышел, обвинив всех остальных в непрочности объединения.

Он очень доволен собой и уверен, что завоевал своей безупречной деятельностью право поучать всех белорусов, как Ленин большевиков. Приведу в подтверждение этого моего сугубо личного суждения фрагменты его творчества в моём переводе с белорусского.

«Может ли сегодня демократическая оппозиция захватить политическую инициативу и положить конец режиму, упадок которого виден даже школьникам?»

Нет, пока не может.

Но она способна это сделать при условии, что выработает привлекательное, понятное и убедительное для большинства белорусов видение страны и будет по-настоящему народной».

Ну чем не Ленин? И далее.

«Сегодняшнее состояние оппозиции можно определить как ошеломлённость, похмелье после эйфории да иллюзий и определённую дезориентацию. Причина этого – далеко не лучшее поведение самонадеянных лидеров, которые по разным причинам своеобразно вели себя во время испытаний. По-человечески, гуманистично, можно и нужно их понять, простить их, но политически планка всегда должна быть высокой – это в интересах нашего народа и будущего страны. Потому что заниженная планка ведёт к деградации и всепрощению. А в политике нужно научиться отвечать за свои заявления, действия, союзы и средства, которые получаешь, особенно, если они из «неизвестных» источников и их задача – нанять политических шабашников на сомнительные эгоистические или небелорусские цели».

На Ленина Милинкевич здесь уже не смахивает, но на Кису Воробьянинова, инструктированного Остапом Бендером, вполне. Поэтому не буду утомлять читателя цитированием внутренне противоречивого многословного трактата, смысл которого сводится к тому, что избирательная кампания 2006 года и её лидер – Милинкевич были лучшими, чем все вместе взятые кандидаты в президенты и их достижения в кампании года 2010-го.

Страстно желая оставаться главным лидером оппозиции для зарубежья, Милинкевич по-прежнему оригинальничает. В самой Беларуси он, фактически, мешает надёжному объединению всей демократической оппозиции по той простой причине, что считает себя самым лучшим её лидером на все времена.

Но как смотрится за рубежом!

«Молодые волки» и генерал милиции

Есть много противоречивых суждений о прошлом и будущем. Два наиболее распространённых: 1) кто старое помянёт, тому глаз вон и 2) новое – это хорошо забытое старое. Второе, по моему мнению, позволяет учиться на ошибках прошлого и не повторять ошибок старых.

Убеждённость считать себя очень умными усилилась у депутатов Верховного Совета буквально на самом первом заседании, когда председатель Центральной избирательной комиссии – гроза всех руководителей БССР, Председатель Комитета народного контроля БССР Михаил Лагир -- так и не смог провести первое

«организационное» заседание парламента. Депутаты-филологи сразу вспомнили, что древнерусское «лагир» обозначает топор.

-- Это же надо, была его воля – топором рубил, а когда голова понадобилась – хвост поджал. И такие неразумные деятели занимали такие высокие должности! Мы им покажем!

Так в упрощённом виде восприняли первое заседание многие депутаты. Но быстро убедились, что «показать» не так просто. Избрали председателем ВС БССР Николая Ивановича Дементя, который не слишком сильно от Лагира отличался.

Нельзя не отметить, что группа депутатов от Белорусского Народного Фронта (БНФ) увлечённо работала на благо Беларуси, в рамках их понимания, что для страны является благом. Группа имела авторитетного высокообразованного лидера – Зенона Позняка, безоговорочно ему подчинялась. Никто из депутатов от БНФ не делал заявлений, не согласованных с Позняком. Он был непререкаемым для депутатов от БНФ авторитетом во всех отношениях: политических, национальных, научных, образовательных, нравственных. Не было у него опыта работы с людьми, и это сказывалось. Несгибаемость не всегда была уместной, а заносчивость – даже вредной. Пробовал выделяться Олег Трусов, но, так как ни о чём, кроме своего правильного предвидения и собственной значимости не вещал, его быстро осадил, напомнив, что Верховный Совет и БНФ не партгруппа Института истории АН БССР, где он был партгором.

Наибольшие амбиции являли те, кого называли «молодые волки». Они работали «на себя». Каждый из них был абсолютно несоизмерим во всех отношениях с лидером БНФ Зеноном Позняком, хотя претензий и амбиций у них было немало. Но вместе они считали себя силой, способной превзойти в Верховном Совете всех, включая группу БНФ во главе с Позняком. Дмитрий Булахов, Анатолий Лебедько, Виктор Гончар, Геннадий Карпенко и примкнувший к ним Леонид Синицын были людьми соизмеримых достоинств и возможностей, поэтому никто из них не в состоянии был стать в таком объединении лидером. Придумали неплохую на первый взгляд схему – позвать княжить человека, явно уступающего каждому из них по интеллекту. Мол, с сообразительностью у него неважно, а политической воли – не занимать! Мы будем мозговым центром, а он будет примитивным, но надёжным исполнителем, наслаждающимся иллюзорной властью, базирующейся на наших интеллектуальных достижениях и на наших потребностях. Ведь у него хватит ума, чтобы понять, что без нас он – никто!

И начали.

Сначала решили место расчистить, убрать Шушкевича. Союзников в этом деле более чем достаточно: большинство старых номенклатурщиков, включая самого Кебича, плюс депутаты-аграрии – председатели колхозов, вульгарные сельские коммунисты во главе с

Владимиром Гаркуном. Шушкевич их иначе не величал, как красные помещики... В наступление пошли не гурьбой, а по очереди, на разных заседаниях при каждом удобном случае без включения в повестку дня.

Начал Булахов. Выступает, говорит, что все сложности из-за меня – Председателя Верховного Совета, поэтому у него, депутата Булахова, нет иного выхода, как сложить депутатские полномочия, и кладёт на трибуну депутатское удостоверение.

Понимаю, что блефует. У меня -- два хода. Первый – поручить комиссии разобраться в ситуации и внести предложение, второй – просто поставить на голосование. Решаю, что второй для меня лучше, потому что комиссия может предложить, учитывая сложность ситуации, включить в повестку дня и вопрос о доверии мне. Ставлю на голосование предложение удовлетворить просьбу. Не проходит. Сложение полномочий не принимается. Для меня -- не поражение, но счёт открыт: один – ноль в пользу волков.

Следующий – Карпенко. Посмотрите, говорит, с кем имеем дело. Шушкевич, фактически пенсионер, он почти достиг пенсионного возраста, а по уму он давно пенсионер. Пусть убирается на пенсию. Он ведь во время войны на минских пожарищах коз пас, пусть снова освоит старую профессию.

Далее – Гончар. Вальяжно, широко, обстоятельно. Шушкевич причастен к сложению о себе серии облагораживающих его мифов. Я берусь развенчать всё это мифологическое творчество. Далее формулирует им же придуманные, но правдоподобные мифы, и камня на камне не оставляет от самим же придуманного.

Какой адвокат пропадает, - думаю я!

Но меня в дискуссию о мифотворчестве не втянешь, я такое не раз проходил. Вспоминаю любимое изречение моего друга математика: могу, но не буду доказывать, что я не верблюд. Большинство же хлопает в ладоши, одобряя гневные осуждения в мой адрес в убеждении, что я начну оправдываться.

В этот же период на то же колесо той же мельницы льётся вода председателем комиссии по национальной безопасности Мечиславом Ивановичем Грибом. У меня были тогда все основания назвать его предателем, но, сидя на месте спикера Верховного Совета, делать такое было неудобно, и я от страстного желания воздержался.

Суть дела: на нескольких международных встречах на высоком уровне я отказался подписывать документ о вступлении Беларуси в военный союз в рамках СНГ, мотивируя это положением нашей Конституции о том, что Беларусь стремится к нейтральности. Во всех без исключения случаях, когда при этом присутствовал М. Гриб, он меня поддерживал. И это было логично, потому что нельзя, стремясь к нейтральности, вступать в военные союзы.

А здесь выступает на сессии Верховного Совета и говорит совсем иное!

-- Как же вы, Мечислав Иванович, так резко изменили своё мнение на противоположное?

-- Так решило большинство членов комиссии по национальной безопасности, которую я возглавляю.

-- А своё мнение у вас есть?

-- На этот вопрос я не обязан отвечать!

Как говорится, приплыли. Убеждения, если это выгодно, отступают на задний план. Но я-то думаю, что их и не было. Просто, когда было выгодно, он меня поддерживал. А ситуация меняется не в мою пользу. Не умом он это понимает, а старым милицейским чутьём, генерал милиции всё-таки! Да и обстановка в России подсказывает дистанцироваться от Шушкевича.

Дистанцировался.

После всех потрясений, инициированных разгромом 1991 года августовского путча в Москве, Ельцин назначил в России левое правительство во главе с Е. М. Примаковым, значит, и у нас пора вспомнить, что первоначально в нашем парламенте было 82% коммунистов. Пусть часть из них сознательно отреклась от марксизма-ленинизма, но большинству-то это невыгодно! Ведь почти все руководящие работники не по-советски работать не умеют.

Судьба молодых волков известна. Виктора Гончара, как наиболее харизматичного и популярного за пределами парламента, явного претендента на должность президента, устранили физически. Не исключая, что и Карпенко помогли уйти из жизни. Версия о том, что и Булахов сам укоротил свою жизнь, добившись прощения у Лукашенко угодничеством, весьма правдоподобна. Честолюбие заставило его запить. И он скоро умер. Остальные молодые волки для власти опасности не представляли и не представляют.

«Куды вецер вее, туды голле гнецца».

Грустные слова из белорусской народной песни в заглавии – мягкий вариант решительного русского «держи нос по ветру» и даже более серьёзного поучительного русского: «не плюй против ветра».

В СССР можно было получить признание в качестве учёного в области общественных наук путём восхваления коммунистических догматов или беспощадной критикой западной немарксистской философии, политологии, экономики. Не очень одарённые, а таких к общественным наукам прилипало немало, выбирали первый путь. Более смышлёные шли по второму пути. Те, кого можно отнести к категории пронырливых, ловко сочетали и то и другое в надежде получить доступ к первоисточникам того, что надлежало критиковать и содержалось в спецхране или в закрытых отделах библиотек. Для

особо отличившихся железный занавес мог приоткрыться и шире: их выпускали за границу, как правило, с неоглашаемым дополнительным заданием за кем-то присматривать.

Итак, если ты, например, философ и хочешь быть осчастливлен благами социализма, поноси западных философов, историков, экономистов и прочих интеллектуалов немарксистов. Докажи, что твои убеждения соответствуют требованиям коммунистической партии, которой ты служишь.

А с каким рвением служили! Не подкопаешься. Если бы, как говорят, не наследили, то оставался бы и я в полном неведении о том, кто есть кто. Но попала мне в руки книжечка, изданная в давнем 1962 году *«Философия обречённых»*. Её автор А. А. Михайлов – тогда талантливый молодой философ, только что – в 1961 году - окончивший Белорусский государственный университет. Но какая безапелляционная большевистская хватка! На обложке в скобках – пояснение: *экзистенциализм – реакционное течение в современной буржуазной философии*. Далее: *«это - философия отживающего свой век капиталистического общества, которая пытается внушить трудящимся мысль о бесцельности их борьбы против господства монополий и сил реакции»*. Как и требовала коммунистическая идеология. По-ленински: нет литературы и философии непартийной, есть литераторы и философы только нашенькие, партийные или обслуживающие другие партии, т. е. монополии и силы реакции. Их надо разоблачать.

Для благожелательного восприятия автора высшими коммунистическими идеологами он, критикуя экзистенциализм, обязан был забыть, что зародилось это направление в России в начале XX века (см., например, Новый большой энциклопедический словарь, Москва, 2006, стр. 1388). Ни в коем случае нельзя было забыть, что *«Современная эпоха – эпоха гигантских всемирно-исторических изменений. Её основным содержанием является закономерная смена капитализма социализмом, упадок и загнивание капитализма, непрерывное развитие и укрепление мировой социалистической системы»*. А потом мимоходом упомянуть: *«Не случайным поэтому является и тот факт, что философия экзистенциализма возникла в Германии, где резче всего выразились экономические и политические противоречия»*. Ну не бороться же с тем, что зародилось в России.

А у меня снова своё: «если б знал с кем еду...». Поэтому не удивляйтесь, читатель, что я анализирую содержание маленькой книжонки 50-летней давности. Таких были тысячи, а я вдруг об одной заладил.

В конце 1980-х и в начале 1990-х я познакомился с совсем иным Михайловым. Анатолий Арсеньевич предстал большим знатоком западной философии. Рассказал мне, как трудно ему это

далось. Много лет, работая за границей, по крохам собирал философские статьи и книги, сделал тысячи ксерокопий, чтобы быть на уровне требований времени. Я в свою очередь старался, как мог, чтобы он возглавил в университете кафедру. Наконец, на смену ортодоксальным марксистам приходит знаток и почитатель западной философии, особенно Шопенгауэра, которому, как он меня заверил, посвящены многие его научные статьи. А какая гражданская позиция. Сторонник правового государства, демократии, прав человека, рыночной экономики. Ничего не абсолютизируя, считает необходимым продвигаться именно в этих направлениях. Как было не пригласить такого, да ещё знающего несколько иностранных языков, в советники. Пригласил и, должен сказать, долго оставался доволен его работой.

А в попавшей в мои руки только в 2011 году брошюре всё наоборот. Поносятся Е. Коррет, К. Ясперс, М. Хайдеггер, Р. М. Рильке, Ж. П. Сартр, А. Камю, А. Мальро, Э. Костелли. Среди них, к слову, двое стали лауреатами Нобелевской премии по литературе. Их произведения соответствовали канонам экзистенциализма. Одного из них – Жана Поля Сартра – даже Михайлов в конце своей брошюры помиловал: *«В последнее время он принимает активное участие в борьбе за мир и демократию. Значительную эволюцию претерпели и его взгляды на марксизм-ленинизм, хотя он и не освободился полностью от своих прежних попыток «улучшения» марксизма при помощи экзистенциализма»*.

Уважаемый Анатолий Арсентьевич, я не философ, но как любой грамотный человек азы экзистенциализма понять в состоянии. Экзистенциализм придаёт величайшее значение свободе. По Сартру, быть свободным - значит быть самим собой, нести бремя свободы, если ты личность. Человек обречён быть свободным. Стать «как все» можно только ценой отказа от себя как личности.

Вопреки вашему предположению, Сартр не освободился от экзистенциализма, поэтому и был в 1964 году удостоен Нобелевской премии по литературе **«за богатые идеи, пронизанное духом свободы и поисками истины творчество, оказавшее огромное влияние на наше время»**. Казалось бы, какое признание, какое счастье для автора, удостоенного престижнейшей премией мира. А Жан Поль Сартр от премии отказывается, хочет остаться абсолютно свободным, никакой марксизм и никакую иную идеологию он не желает улучшать, «не желает, чтобы его превращали в общественный институт», считает, что статус нобелевского лауреата только помешает свободе его политической деятельности.

А поучающий Сартра Михайлов верноподданнически восхваляет то, что подобало хвалить в советское время. *«Действительность опровергает философию экзистенциализма, как и опровергала десятки других предшествующих идеалистических теорий. Победное шествие марксистско-*

ленинских идей по всему миру, успехи социалистической системы ведут к высвобождению широких народных масс из-под влияния буржуазной идеологии. Только учение марксизма-ленинизма отвечает на запросы нашего времени, завоёвывая миллионы умов во всех странах».

Право же, не слыхал, чтобы сейчас Михайлов демонстрировал сотрудникам и студентам ЕГУ свою преданность марксизму-ленинизму или покаялся в том, что навязывал её людям ранее.

У меня часто спрашивают.

-- Какие ошибки вы совершили? Отвечаю:

- Одну большую: несколько раз ошибался в людях; воспринимал как очень достойных тех, кто искусно изображал принципиальных, честных, добросовестных, преданных науке или другому делу. Некоторыми даже восторгался. Успокаивает лишь то, что в подавляющем большинстве случаев не ошибался и что мне несравненно больше везло на людей порядочных, честных, достойных, нелицемерных.

Досадно, что ошибся в Михайлове. Из предыдущих глав этой книги, которые я переделывать не намерен, следует, что относился я к Михайлову хорошо. Пригласил его быть моим советником в бытность Председателем Верховного Совета, высоко ценил его образованность и не раз доверял ему выполнение ответственных поручений. Не отрицаю, что способствовал созданию и развитию Европейского гуманитарного университета в значительной мере из-за доверия к Михайлову и хотел видеть его ректором. Только к десятилетию ЕГУ осознал, что корабль плывёт в антибелорусском направлении и не по воле волн. На юбилее выступали по-английски, по-немецки, по-французски, по-русски, по-итальянски, но ни одного слова не было сказано по-белорусски. После торжественного заседания решил молча покинуть сборище, но не сдержался. Сказал при всех.

- Манкуртов вы собрали в ЕГУ, Анатолий Арсеньевич.

Сказал, потому что закралось в меня сомнение. Не решил ли ректор угодить «всенародно избранному» для спасения ЕГУ, над которым нависли тучи. Прямым признанием – нельзя, приведёт к осуждению западными спонсорами; а демонстрацией того же, что делал наш нелегитимный президент - неуважительным отношением к белорусскому языку - можно. Да и в преподавателях оказались тогда те, кого к студентам и подпускать нельзя, например, И. В. Котляров – инженер механик по образованию и социолог-угодник по призванию.

Заигрывание не помогло, ЕГУ был изгнан из Минска и получил прописку в Вильнюсе. Михайлов перестал повсеместно пояснять, что ЕГУ вне политики, стал выдавать себя на Западе и в США оппозиционером, и ЕГУ возымел неплохую поддержку западных спонсоров как оппозиционный белорусский репрессированный институт. Проще говоря, оппозиционеры противостояли режиму,

арестовывались, подвергались экономическим репрессиям, избивались на пикетах и собраниях, а Михайлов, не заезжая в Беларусь, представлял её в международных комиссиях, на конференциях, считался страдальцем, спокойно устроившись на европейском жаловании в европейском Вильнюсе.

После множества упреков лишь слегка позаботился о том, чтобы там, в ЕГУ были признаки белорусскости, но далеко не в той мере, как это требуется для белорусского европейского гуманитарного университета в изгнании. Монополия на ректорство ЕГУ также не напоминает Европу. Академик Михайлов ректорствует дольше, чем президентствует Лукашенко. Такого в Европе нет.

Сухой остаток.

Не просто с нашей интеллектуальной элитой строить национальное европейское государство, стремиться к реформированию политической системы ради благополучия страны и всех населяющих её граждан. Ничто её, эту элиту, надёжно не объединяет. Её представители на деле заботятся о своём личном благополучии, не демонстрируют высокой внутренней культуры, забывают о долге, чести, достоинстве, правах человека, демократии.

Трудно народу с такой элитой.

К счастью, как бы ни старались власти, себялюбцы и политические извращенцы оболванить новое поколение, изолировать его от источников информации нельзя. На них, на молодых, надежда. Их бросают в тюрьмы, изгоняют из вузов, избивают, запугивают.

Они выстоят и победят.

ХІІІ. О УНИВЕРСИТЕТАХ И ВУЗАХ, СТЕПЕНЯХ И ЛЕКЦИЯХ

Моя альма-матер – Белорусский государственный университет (БГУ). Здесь я учился, работал, отсюда ушёл в политику. Могу детально сравнивать его с другими университетами, прежде всего, с университетами СССР. По союзным меркам он относился к хорошим университетам, а его естественнонаучные факультеты и ряд кафедр этого же профиля – к очень хорошим. Не знаю случаев, когда на научных конференциях мирового уровня сотрудники университета – математики, физики, химики, биологи, географы, филологи чувствовали бы себя ущербными. Думаю, что это утверждение справедливо и по отношению к другим специальностям, но просто я не соприкасался с конкретными примерами, это подтверждающими. Горжусь своим университетом, факультетом, кафедрой. В БГУ – большинство тех, кто без длинных предисловий понимает меня, и кого понимаю я. Во время учёбы и работы в БГУ мне пришлось побывать во многих знаменитых вузах СССР и на научно-методических конференциях по высшему образованию, позднее – во множестве зарубежных университетов. Своим детям, внучке, друзьям и знакомых я никогда не советовал пойти учиться в какой-то иной университет, если интересующее их направление представлено в БГУ.

Во многие вузы и университеты, о которых мне хочется рассказать, я попадал, как правило, по приглашению прочесть лекции или по благоприятному стечению обстоятельств, подталкиваемому моим неуёмным любопытством. Очень хотелось посмотреть, что являют изнутри учебные заведения, ставшие известными всему миру. Практически не было случая, чтобы я не обнаружил в посещаемом вузе чего-то поучительного и полезного для себя лично и для своей работы, не только педагогической. За редчайшими исключениями я сам никогда и нигде не предлагал свои услуги в качестве лектора или исследователя. Инициатива исходила от приглашающей стороны.

Люблянский

В 1965 году мой заведующий кафедрой буквально вынудил меня послать доклад на «Amper-colok» -- периодически проводимую всемирную научную конференцию по исследованию атомов и молекул радиочастотными методами. На этот раз конференция должна была состояться в Югославии. Я был уверен в безнадёжности затеи туда попасть и упирался, как мог, так как не хотел заниматься долгой и нудной работой по подготовке материалов для отправки. Но Александр Николаевич Писаревский умел настоять на своём.

Направить письмо в оргкомитет конференции от себя лично считалось тогда чуть ли не государственным преступлением. А для того, чтобы отправить за рубеж страницу тезисов доклада от имени университета и полустраничную анкету с краткой информацией о себе (фамилия, имя, место работы, должность, адрес) нужно было подготовить огромное количество бумаг и справок, подтверждающих, что тезисы не разглашают государственную тайну, не содержат ничего, наносящего вред СССР и не способны принести пользу капиталистическому миру. Кроме того, нужно было собственноручно заполнить в трёх экземплярах многостраничную брошюру с данными о себе и ближайших родственниках, написать подробнейшую автобиографию тоже от руки и тоже в трёх экземплярах. Всё это я проделал. Письмо с тезисами и анкетой было отправлено канцелярией университета в оргкомитет конференции в Югославию.

Не скрою, был приятно удивлён, когда очень быстро примерно через месяц пришел ответ: тезисы будут напечатаны, вы приглашаетесь на конференцию в Люблян.

Однако Министерство высшего и специального образования СССР утвердило для поездки в Люблян группу из пяти человек, в которую меня не включили. На конференцию посылались сотрудники московских и ленинградских вузов, в том числе и те, кто не направил на конференцию доклад и не был автором публикуемых тезисов докладов.

Я, конечно же, возмутился, пожаловался ректору университета профессору, академику Антону Никифоровичу Севченко.

-- Такова стандартная практика, -- сказал он, -- я хорошо это знаю, но попытаюсь тебе помочь.

Он написал личное письмо министру высшего и среднего специального образования СССР Вячеславу Петровичу Елутину, с которым, по его словам, хорошо знаком лично.

-- Поедешь в Москву к своим заказчикам, зайди и в министерство к моему хорошему другу (имя рек), который к министру вхож. Ты сам никогда к министру не попадёшь, а если и попадёшь, то только всё испортишь.

Мне действительно довольно часто приходилось ездить в столицу СССР в командировку к заказчикам выполняемых на кафедре хоздоговорных работ, и я сразу же туда отправился. Зашёл и к «хорошему другу», которому ректор уже позвонил. Хороший друг письмо прочитал, поморщился и велел мне зайти через день. В назначенное дляч прихода время друга ректора на месте не оказалось, но его секретарь сказала мне возвращаться в Минск, так как мой вопрос «в принципе решён», в чём я очень и очень усомнился.

Но вот уж воистину, нет худа без добра!

Возвратившись в Минск в университет, я узнал, что по программе обмена лекторами с зарубежными странами министерство

выделило Белгосуниверситету место для поездки в Югославию в Люблянский университет. Срок поездки – месяц, а не пять дней, как для участников конференции, в число которых меня не включили.

-- Уважаемый Антон Никифорович, -- говорю я сообщившему мне новость ректору -- а кому читать лекции в июне, когда у студентов сессия?

Ректор, много раз бывавший за границей, хорошо знал существующие порядки и мгновенно меня успокоил.

-- Найдётся кому, это их университета дело. Важно, что конференция в июне, ты же на неё стремился. Так вот и будешь на конференции. И чтобы меня не подвёл -- вёл себя там по-советски, скромно и с достоинством. «Обкатку» нужно пройти без замечаний тех, кто за тобой присматривать будет. А такие всегда есть. Отчёт о поездке должен быть без задержки и, как говорят, образцово-показательный. Это ведь твоя первая поездка, а если что не так, то будет последней. Югославия – страна почти капиталистическая, помни это. Правила ведь такие: там тебе их профессорский оклад дадут месячный, так ты смотри, голову не потеряй, получив кучу денег.

Ректорские наставления были более, чем сдержанными, по сравнению с тем, что я с большой группой отъезжающих в разные страны должен был выслушать в одном из зданий ЦК КПСС в Москве. Инструктаж проводился отдельно для тех, кто ехал к капиталистам и для отъезжающих в страны социалистического лагеря. Югославия по инструктажу приравнивалась к стране капиталистической.

Ректор всё предвидел правильно. Я действительно «прошёл обкатку»: отчитал лекции, сделал доклад на конференции, вопросы задавал и при обсуждении сказал несколько слов. Всё для того, чтобы за мной смотрящий не доложил, что я вёл себя пассивно или же слишком ретиво. После конференции выступил на семинаре в люблянском ядерном центре «Джозеф Стефан», полагая, что и там есть смотрящий, хотя на семинаре я был единственным иностранцем. Так вот пусть доложит, что старался и что меня и впредь можно посылать за границу. Самыми же впечатляющими и незабываемыми оказались интереснейшие поездки по Югославии, которые я в состоянии был осуществить, благодаря тому, что полученный мною оклад профессора в Люблянском университете был раза в три весомее оклада университетского профессора в СССР.

Во время моего посещения Люблянский университет (ЛУ) был единственным университетом в югославской республике Словении, одним из старейших и крупнейших вузов Югославии. Он был основан как иезуитский колледж в 1595-1596 годах, подвергся реорганизации в 1809 и 1919 году. Получил статус современного университета в 1919 году, т. е. на два года раньше, моего родного Белорусского государственного.

2008 год. Главный корпус Люблянского университета

Расположен университет в самом центре Любляны. Специалисты-физики готовились на факультете естественных наук и технологии. С руководством факультета я договорился о том, что они – в Югославии, а я -- в СССР будем ходатайствовать об обмене студенческими группами между БГУ и ЛУ по специализации «ядерная физика». О тогдашней скорости реализации взаимовыгодных задумок можно судить по двум датам: договорённость была достигнута в 1966-м, а первая (и последняя!) группа из восьми студентов кафедры ядерной физики с преподавателем кафедры доцентом Владимиром Николаевичем Линёвым и «досмотрщицей» от парткома БГУ Аллой Станиславовной Касперович выехала из Минска в Люблянду в 1974-м.

Для меня оказалось абсолютно неожиданным отношение словенцев к Наполеону: к его памятнику постоянно приносились живые цветы. Оказывается, во время французского правления в 1810 году здесь был основан первый университет, который, однако, вскоре был закрыт. В сознании словенцев, с которыми мне пришлось работать, жила легенда о Наполеоне как о великом человеке, который очень высоко ценил словенцев. Наполеону приписываются слова, якобы сказанные им после завоевания здешних мест: «Иллирия (т.е. в моём понимании – именно эта часть Балкан -- Словения) заслуживает своей государственности!»).

В Югославии, с моей точки зрения, было много хорошего, чего у нас просто не было или же считалось дурным тоном, а то и просто запрещалось. Мне, например, нравилось, что улицы и помещения были по сравнению с нашими как бы очищены, вымыты от лозунгов и плакатов с призывами выполнять, перевыполнять, строить коммунизм и помнить, что партия – наш рулевой. За месяц пребывания в стране я увидел только одно большое панно в зале городской ратуши с призывом, который не сразу смог перевести. Лозунг предназначался

для участников происходивших там вечеров отдыха и гласил: «танцую, не наступай партнёру на ногу!»

Нравилось и то, что обсуждение серьёзных вопросов на научных семинарах в университете велось в крайне непринуждённой обстановке. На столах, как правило, были не только вода, кофе и чай, но и вино и даже виньяк. Правда я ни разу не видел, чтобы алкогольный напиток кто-то несимволически попробовал.

На первом пленарном заседании международной научной конференции не обошлось без курьёза. Несмотря на жару все выглядели достаточно серьёзно, как принято шутить – в манишках и при галстуках, многие – в наушниках для синхронного перевода. И вот, когда заседание уже началось, в зал входят два субъекта в потёртых шортах и мятых «бобочках», а один из них ещё и с волосами длиннющими. Мало того, садятся не на кресла, а на ступеньках в центральном проходе, хотя свободных мест в зале предостаточно.

Ну, думаю я, бродяги какие-то, сейчас их отсюда с треском турнут (как сделали бы, к примеру, у нас в университете). Ан нет, никто и внимания не обращает. А длинноволосый ещё и вопросы докладчику начал задавать, после чего председательствующий попросил его подойти к микрофону – мол, переводчики, находящиеся в стеклянных кабинках, не слышат...

Оказалось, что эти по моему советскому восприятию «бродяги» - известные канадские учёные Букмастер и Скоуэл. На принципах, описанных в их совместной статье, я вместе с сотрудниками лаборатории радиоспектроскопии Института физики АН БССР ещё в аспирантские годы построил первый в БССР прибор, с регистрацией сигналов парамагнитного резонанса методом малой модуляции.

До сих пор не знаю точно, разыграли меня мои люблянские коллеги как совка, или же по неведению завели туда, где мне не позволено было находиться. Двое молодых физиков, один -- сотрудник Института ядерных исследований «Джозеф Стефан», другой – профессор университета, пригласили меня в воскресенье на рыбную ловлю. Моё заявление о том, что я понятия не имею, как ловить рыбу вообще, а тем более спиннингом, ответили, что пора учиться. Вручили мне спиннинг с редкой в те времена безинерционной катушкой. Подучили забрасывать на пустыре -- ровной, покрытой невысокой травой плоской площадке, и – в путь на маленьком «фиате» югославской сборки.

Ехали долго. Остановились в горах и пошли по берегу небольшой речушки против течения, забрасывая блесну в подходящих, по их мнению, местах. Я шёл последним и тоже пытался забрасывать в тех местах, где они это делали до меня. Умудрялся делать «бороду» из лески, за что они заподозрили меня в незаурядных способностях, так как до меня не встречались ещё ни с кем, кто умудрился бы сделать «бороду» на высококачественном

фирменном спиннинге с безинерционной катушкой. Одну рыбку – маленькую форель – мои наставники всё-таки поймали. Потом мы подошли к подвесному мостику, перешли на другую сторону реки и продолжили наше дело: кто забрасывания, а кто распутывание.

Часа за полтора продвижения по противоположному берегу мои наставники рыбной ловли поймали ещё три форели и уже не совсем маленькие.

-- Видишь, -- говорит более удачливый – на итальянском берегу рыбка ловится лучше.

-- Почему на итальянском?

-- Граница с Италией здесь по речке проходит. Перейдя мост, мы вышли на итальянский берег. Но ты не бойся. Если нас обнаружит итальянский пограничник, а мы не отойдём от берега более, чем на 200 метров, то он только поставит в наших паспортах штампели о том, что мы посетили итальянскую туристическую зону. И в твоём паспорте тоже поставит.

Такой штампель, подумал я, будет прямым доказательством грубейшего нарушения полученных мною в ЦК КПСС инструкций при отправке из СССР. И хорошо, если я отделаюсь только тем, что меня не выпустят больше за границу; а можно и с работой распрощаться. Быстрее сматывать удочки! Точнее -- леску на катушки спиннингов. И к мостику. Желание поймать рыбку и показать, что и я что-то умею, пропало. К счастью, к автомобилю мы вернулись без приключений.

Ягеллонский

В старейший университет Восточной Европы – Ягеллонский в польском Кракове – я поехал весной 1974 года по программе Министерства высшего и среднего специального образования СССР «Обмен преподавателями и студентами ВУЗов Советского Союза и стран народной демократии». Я должен был прочесть там лекции по модному в то время курсу – ядерной электронике.

Специализацию «ядерная физика» обеспечивала в Ягеллонском университете кафедра профессора Казимежа Гротовского. Очень широкую известность имел тогда его родной брат -- руководитель театра и режиссёр Ежи Гротовский. Ряд спектаклей он поставил по произведениям, не очень приветствуемым в социалистическом лагере в неадаптированном для этого лагеря виде. Среди них «Каин» Байрона, «Мистерия-Буфф» Маяковского, «Дзяды» Мицкевича, «Акрополь» Выспянского, «Трагическая история доктора Фауста» Марло и многое другое и в то непростое время триумфально путешествовал со своими спектаклями буквально по всему миру. Но если и было у меня чувство путешественнической зависти, то было оно не к брату-театралу, а к брату-физику. Физик Казимеж Гротовский,

как и каждый профессор Польши, имел право раз в пять лет выехать на длительную стажировку для повышения квалификации, практически, в любой зарубежный научно-исследовательский институт или университет, подтверждающий согласие его принять. Для профессоров в СССР не было даже жалкого подобия такой возможности.

Я приехал в Краков, когда Гротовский только вернулся из исследовательского центра в Льеже и не уставал рассказывать о достопримечательностях третьего по величине города Бельгии – места полонничества христиан и любителей старинной архитектуры.

Будучи насквозь советским, я в соответствии с инструктажем, полученным перед поездкой в Москве в здании ЦК КПСС, обязан был не восторгаться тем, о чём рассказывал наверняка заражённый буржуазно-капиталистическим вирусом профессор. Не моё это дело, что где-то есть множество интересных соборов и церквей, что самая знаменитая церковь Льежа Сен-Бертеlemi XI-XII веков отличается от остальных европейских храмов того времени западным фасадом и двумя башнями, что церковь Сен-Мартина XV века – образец редкого готического стиля, а церковь Святого Якоба XI века – самая изящная в Льеже из-за своих каменных кружев.

Я должен был постоянно помнить о том, что приехал читать лекции, в которых обязан не забывать упоминать о преимуществах социализма, и повышать свою квалификацию в области физики и педагогики высшей школы.

Очень сильное впечатление произвели на меня привезённые Гротовским из Льежа рекламные проспекты электронной аппаратуры для научных исследований. То, что давалось нам титаническими усилиями по выбиванию фондов, «добыче» дефицитных деталей, кропотливому монтажу в примитивных условиях университетских и иных вузовских мастерских, там можно было просто приобрести и использовать в исследовательской работе. Ошеломляли, правда, цены. Но когда Казимеж Гротовский по большому секрету рассказывал о заработной плате тамошних работников и бюджете лабораторий, стоимость приборов переставала быть заоблачной.

Вместе с тем, мне было приятно сознавать, что учебные и исследовательские лаборатории «моей» родной кафедры в Минске оборудованы весьма прилично. Не глядя на множество не лучшим образом смотрящихся «самоделок», наши приборы позволяли сделать процесс исследований и обучения соответствующим новейшим достижениям науки, содержательным и эффективным. Поэтому недостигаемость для меня городов типа Льежа вместе с его достопримечательностями тысячелетней давности не была обидной, и я находил причины гордиться тем, что параметры отдельных наших «самотужных» устройств были на уровне и даже превосходили параметры фирменных изделий известнейших фирм.

1975 год. Директор Института ядерных исследований в Броневицах, проректор Ягеллонского университета по науке и промоциям профессор Адам Стшалковский в лаборатории учебного практикума кафедры ядерной физики БГУ

Более всего я сблизился в Кракове с профессором Адамом Стшалковским – директором Института ядерных исследований в Броневицах, тех самых примыкающих сейчас к Кракову малопольских Броневицах, в которых разворачивается действие драмы Станислава Выспянского «Свадьба». Её автор, прожив всего 38 лет, умер в 1907 году, но вряд ли можно найти в Польше человека, который не знает его как художника, драматурга, искателя способа вырвать Польшу из застоя. А Броневицы по-прежнему более известны тем, что о них писал Выспянский, чем тем, что там находится ядерный исследовательский центр.

Об этом с юмором говорил мне профессор Стшалковский, ставший позднее -- проректором Ягеллонского университета по научной работе (и по промоциям, т.е. по продвижению чего-то или кого-то). Он приезжал ко мне на кафедру в Минск, как сказал, чтобы убедиться, что и на советских комплектующих и интегральных схемах можно создавать превосходную исследовательскую аппаратуру.

А у профессора Гротовского я перенял и, не оглашая, постоянно использовал метод приёма экзаменов. Не оглашал потому, что такая «профессорская самодеятельность» запрещалась чиновниками, приписанными к советским вузам и, как мне кажется, запрещена сейчас писаными правилами приёма и выставления оценок, хотя, на мой взгляд, этот запрет – порождение тех советских времён, когда чиновник, а тем более, партийный функционер были убеждены в своей всесторонней компетентности и наделены правами указывать профессорам и доцентам, как проверять знания студентов.

Суть метода такова. На последнюю консультацию для студентов перед экзаменационной сессией вы приглашаете не только тех, у кого есть вопросы по прочитанному вами курсу, но и всех желающих попробовать досрочно сдать экзамен на отлично. Консультация идёт как обычно, но если задаётся серьёзный вопрос, вы спрашиваете, кто из присутствующих студентов может дать на него полный ответ. Ответившему вы адресуете далее новый интересный вопрос. Два-три содержательных ответа позволяют вам заявить.

-- Приходите в день экзамена с зачёткой, я не буду вас спрашивать, а просто поставлю «отлично».

Студенты, как известно, всегда готовы на хитрости. За это их грешно наказывать, но уместно показать, что они вас не одурачили, а просто развеселили. Чертовски приятно услышать через 20-25 лет после выпуска от бывшего студента такие слова.

-- Зная ваш метод приёма на «отлично», мы заранее подготовили несколько вопросов и, естественно, полных хороших ответов на них. Вы же мне сказали.

-- Вы тянете только на четвёрку, на крепкую четвёрку, но за хорошо продуманную режиссуру поставленного спектакля я добавляю вам один бал. Приходите с зачёткой в день экзамена.

-- Так вот этот ваш бал я запомнил на всю жизнь, и, поверьте мне, оправдал его с лихвой своей работой.

* * *

Но вернёмся к Ягеллонскому университету.

Готовясь к отъезду в Минске, я пожалел, что ещё не вышел из печати том Большой Советской Энциклопедии со словами на букву «Я», где можно было бы найти информацию о Ягеллонском университете. Но моё совковское чутьё подсказывало: не могут цензоры допустить заглавный термин «Ягеллонский», связанный с чуждой советскому человеку королевской династией, если его можно чем-то заменить.

И не ошибся.

В 13 томе БСЭ нашел статью «Краковский университет», начинающуюся словами *«Ягеллонский университет, старейший университет в Польше, один из первых государственных университетов в Центральной Европе. Основан в 1364 Казимиром Великим, в 1400 реорганизован Владиславом Ягайло (отсюда и название) по образцу Парижского университета. Расцвет учебной и научной жизни университета приходится на конец 15 и начало 16 веков. Университет имел факультеты теологический, юридический, медицинский и свободных наук. Он был единственной высшей школой в Польше»*.

Далее в энциклопедической справке: в середине 16 века обучение в университете приобрело церковно-схоластический характер, во время фашистской оккупации (1939-1944) он был закрыт, а многие профессора арестованы, в 1942 университет организовал обучение в подполье, после освобождения Кракова возобновил свою работу. В 1971-72 учебном году в состав университета входили факультеты: юридический, философии и истории, филологический, математики и химии, биологии и географии. Библиотека университета основана в 1364 году и насчитывает свыше 1 млн. томов.

Все иные доступные мне советские источники не содержали сколь-нибудь интересной дополнительной информации о Ягеллонском университете, и я познавал и университет и Краков на месте, как говорят, на ощупь. Многое раскрылось в читальных залах библиотеки, иное из приобретённых в самом Кракове книг.

На всю жизнь запомнил воскресенье 13 июня 1974 года, когда я решил пройтись по улицам города. Две недели нахождения в нём сильно раззадорили моё любопытство. За оставшиеся 17 дней хотелось более-менее прилично познакомиться хотя бы с тем, что принято называть вершиной айсберга: с достопримечательностями, внесёнными в туристические рекламные проспекты.

Выйдя на улицу, понял: планы придётся менять.

Море людей медленно двигалось по неизвестной мне тогда причине к неизвестной мне тогда цели. Шествие было хорошо организовано. С обеих сторон некоторых частей колонны шириной в проезжую часть улицы на расстоянии 7-8 метров друг от друга шли монахи (возможно, священнослужители) в сутанах, держа в руках толстую верёвку. Они как бы формировали колонну. Иные люди в сутанах несли громкоговорители, усилители, микрофоны, поддерживали соединяющие их провода.

Спрашивать, что происходит, было неудобно. Все, кроме меня, это знали, и не хотелось выглядеть, «сибирским валенком».

Я, наконец, понял, что это «фэст» или крестный ход верующих и примкнувших к ним любознательных. Шествие последовательно продвигалось к временным алтарям, возведённым специально для этого праздника. Возле каждого алтаря, которых оказалось четыре, движение прекращалось и все слушали фрагмент Евангелие, а затем выступление (проповедь) митрополита Кароля Войтылы. Лично для меня все его проповеди были захватывающе интересными, злободневными, однозначно доказывающими, что оратор – человек неординарный, авторитетный, всеми уважаемый, что все рады его слушать и слушаться.

Содержание одной из проповедей, произнесённой с алтаря с видом на Коллегиум Новум – главное здание Ягеллонского университета, я не забыл до сих пор. Говорить такое по моим в то время советским понятиям, казалось крайне опасным, рискованным прежде всего для самого выступающего. Государственные и партийные власти обвинялись им в невежественном отношении к университету, к образованию и воспитанию, в лицемерии, лживости и аморальности, в преднамеренном извращении предназначения Ягеллонского университета, акт о учреждении которого издал 12 мая 1364 года король Казимеж Великий, получив на это разрешение папы римского Урбана V. Стараниями королевы Ядвиги университет в 1397 году получил от папы римского Бонифация XIX право открыть теологический факультет. Но невежественные власти не хотят об

этом знать, и теологического факультета в Ягеллонском университете сегодня нет.

Через четыре года – в 1978 – митрополит Кракова Кароль Войтыла стал Папой Римским Иоанном Павлом II. Всей своей деятельностью в Ватикане и до него Иоанн Павел II подтвердил свой статус величайшего гуманиста на стыке тысячелетий. Соизмерить с ним кого-либо просто невозможно.

Я же очень горжусь тем, что в декабре 1993 года мне было вручено личное послание Иоанна Павла II, в котором Его Святейшество благодарил Верховный Совет и Правительство Беларуси за возрождение в нашей стране свободы вероисповедания. Более всего в послании мне понравились слова о том, что католическая церковь сделает всё возможное, чтобы католики Беларуси обращались к Богу на родном белорусском языке и чтобы все священнослужители костёлов тоже говорили на родном языке белорусского народа.

2007 год. С Его Высокопреосвященством кардиналом Казимиром Свёнтком на приёме в посольстве Польши

Нельзя в этой связи не сказать добрых слов и о человеке, который привёз мне это послание из Ватикана, о человеке из легенды митрополите Казимире Свёнтеке, которому в 1994 году Иоанн Павел II присвоил самый высокий титул в католической церкви – звание кардинала. С 1991

года он был первым митрополитом новообразованной Минско-Могилёвской митрополии и Апостольским Администратором Пинской епархии.

Когда ему было 3 года, его семью сослали в Сибирь. В период преследований верующих Казимир Свёнтек был арестован, осуждён на смерть и брошен в камеру смерти. Война помешала исполнить приговор, однако, в 1944 году – новый арест и 10 лет каторжных работ в Сибири, за Полярным кругом, у Воркуты. Выйдя на свободу в 1954 году, он оказался в Пинске и отдавал все силы возрождению духовности, восстановлению и реставрации храмов, укреплению позиции Католической Церкви Беларуси до дня своей кончины – 21 июля 2011 года.

* * *

Мой второй визит в Ягеллонский университет в 1987 году совсем не был похож на первый в 1974. Чтобы попасть в Краков мне не пришлось заполнять уйму бумаг и проходить инструктаж в ЦК КПСС. Министерство высшего и среднего специального образования СССР обязано было включиться в процесс политических и экономических перемен, инициированных Горбачёвым и названных перестройкой. Было рекомендовано расширять межвузовские связи, и Ягеллонский университет был определён в качестве партнёра Белорусского государственного университета. В университет-партнёр по-старому направлялась почти партийные делегации для подписания договора о сотрудничестве. Обычно -- в составе трёх человек: представитель парткома, комитета комсомола и администрации. Мой ректор – профессор Леонид Иванович Киселевский почему-то не захотел возглавить делегацию в Краков и сформировал её из двух человек - секретаря парткома БГУ профессора Николая Иосифовича Юрчука и меня.

Мы прибыли в Краков, когда в СССР заканчивался начальный период перестройки. Он характеризовался признанием отдельных недостатков существовавшей политико-экономической системы СССР и попытками исправить их несколькими крупными кампаниями административного характера. Антиалкогольная кампания, ускорение, борьба с нетрудовыми доходами, госприёмка... Каких только названий не придумывали партийные руководители высшего уровня, но всё оставалось по-старому. Однако это было затишье перед бурей, которая началась со слова гласность, впервые прозвучавшего как раз перед нашим приездом в Краков.

Поляки же, не увлекаясь провозглашением перестроечных лозунгов, продвинулись в плане реального реформирования во всех сферах жизни общества дальше нас. Привезенный нами проект договора о сотрудничестве не устраивал руководство ЯУ. Они категорически воспротивились словам, которые для нас в то время оставались обязательными в документах такого рода: «выполняя решения такого-то съезда КПСС и такого-то пленума ПОРП (Польской объединённой рабочей партии)» и т. п. В Польше 1987 года, а тем более, в интеллектуальных её кругах уже не было ни раболепского почитания коммунистических партий и их идеологий, ни осуждения частной собственности. В такое состояние мы пришли значительно позже. Польская сторона решительно потребовала очистить текст договора о сотрудничестве в области науки и совершенствовании академического процесса от идеологии и партийности.

Пришлось лишь радоваться, что «парткомыч» Николай Юрчук, совсем не парткомыч, а настоящий профессор математики и что его никто не воспринимал в ЯУ как партийного руководителя, поэтому процесс «очищения» прошёл безболезненно. В итоге договор был

подписан, а мы с Николаем Иосифовичем кое в чём разобрались и кое-чему научились и, как говорят сейчас, вернулись в БГУ более продвинутыми. Это коснулось и сведений о самом Ягеллонском университете, которые уже тогда не подвергались классовой цензуре. Перестало умалчиваться, что кроме Николая Коперника и Франциска Скорины ЯУ окончили король Ян III Собесский, Кароль Войтыла (Иоанн Павел II), писатель-фантаст Станислав Лем, кинорежиссёр Кшиштоф Занусси, Лауреат Нобелевской премии поэтесса Вислава Шимборска и ставший позднее моим добрым знакомым британский историк Норман Дэвис.

1987 год, Краков, Ягеллонский университет, Коллегиум Маиус. Польская и белорусская сторона готовы к подписанию договора о сотрудничестве

Сегодня трудно подсчитать, сколько раз мне довелось бывать в Ягеллонском университете на конференциях, симпозиумах и с лекциями. Но третье посещение, состоявшееся в 1993 году, запомнилось хорошо и надолго. Оно было частью программы моего официального визита в Польшу как Председателя Верховного Совета Республики Беларусь. Моё выступление перед преподавателями и студентами ЯУ происходило в главном здании университета – всё том же Коллегиум Новум.

* * *

Обычно тексты для выступлений главы государства во время официального визита готовятся министерством иностранных дел и согласовываются с Комиссией по иностранным делам парламента. В самом преддверии визита все они вместе с окончательно доработанной программой пребывания предоставляются выступающему для окончательной правки. Однако, к счастью, к тому времени наше министерство до такого уровня действий ещё не доросло и предоставило по моей просьбе лишь справку о истории, развитии и состоянии наших двухсторонних отношений с Польшей.

«К счастью» потому, что я терпеть не могу ни лекций, ни выступлений, читаемых по бумажке, хотя не единожды рекомендовал молодым преподавателям кафедры написать полный конспект читаемой студентам лекции, добавляя при этом: войдя в аудиторию, положите его перед собой на кафедру и убедитесь, что у вас нет необходимости в него заглядывать; он вам не нужен. Такой подход позволит вам понять, сколько материала можно довести до студента, чтобы он смог осознавать смысл и вести конспект. Если же вы осознали, что способен «переварить» студент и хорошо владеете доводимым до его сознания материалом, то для прочтения лекции достаточно одного листа формата А4 с планом лекции, ключевыми словами и формулами.

Сегодня на лекции многое помогает сделать компьютер и сопряжённый с ним проектор, но ни в коем случае он не должен заменять голову, то есть служить источником информации и запоминающим устройством для самого лектора!

* * *

Итак, выхожу на трибуну самого большого зала Ягеллонского университета в Коллегиум Новум. В первых рядах много лиц, легко узнаваемых, хотя со времени моей работы в ЯУ прошло 18 лет! Ну как тут строго соответствовать протоколу и придерживаться подготовленного текста выступления? Веду себя так, как советовал молодым начинающим лекторам. А ведь правильный давал совет! Совершенно спокоен, потому что передо мной аккуратно отпечатанный полный текст выступления на польском языке, проверенный и уточнённый хорошим знатоком польского языка. Начну сбивать, открою очередной лист и дочитаю. Но в этом нет необходимости. Отношение зала к ставшей на путь независимости Беларуси доброжелательное, а я – её официальный представитель!

После общепринятого благодарю за внимание -- вопросы, море вопросов. Больше всего -- о Беловежском соглашении, о Вискулях, о том, как решились на такой шаг – заявить всему миру, что нет больше монстра, грозящего всему миру ядерными ракетами, изгоняющего целые народы со своих земель и истязавшего невинных людей в гулагах. Как хватило смелости взять на себя ответственность за мирный переход от принудительного объединения – СССР к добровольному Содружеству Независимых Государств. В кратких ремарках – напоминание о том, что Беловежская пуца – наше общее национальное достояние.

Финал давал все основания написать о выступлении и встрече так, как это делалось в напоминающих подобную ситуацию случаях в советских газетах в советское время: *бурные аплодисменты, переходящие в овацию, раздаются возгласы «Niech żyje Białoruś!», «Живе Беларусь!».*

Однако в Минске наряду с высокой оценкой визита в целом и выступления в Ягеллонском университете в частности не обошлось и без особого мнения. При первой же встрече с Зеноном Позняком, я услышал менторский поучительный голос.

-- Вы совершили очередную грубую политическую ошибку, выступив в ЯУ на польском языке. Нельзя так угождать западному соседу, с которым у нас не простая предыстория.

Я ничего не ответил, но, честно говоря, удивился. Ведь и Зенон Станиславович был в делегации, посетившей Польшу вместе со мной. В делегации был и сам Василь Быков. Он тоже никаких замечаний не сделал.

По нашей просьбе польская сторона отыскала на краковском кладбище могилу белорусского поэта Алеся Гаруна. Мы посетили кладбище, убедились, что уход за его могилой такой же уважительный, как и за всеми захоронениями. Возложили цветы.

Что же произошло после?

Ларчик открывался просто. Пришлось ещё раз убедиться, что крайне правые и крайние левые с большим энтузиазмом объединяются, когда считают своим общим врагом (соперником, конкурентом) кого-то лично или какой-нибудь политический институт (структуру, партию). В данном конкретном случае слились в экстазе Председатель Белорусского Народного Фронта Зенон Позняк и тогдашний министр иностранных дел Пётр Кравченко, имевший богатый опыт служения делу КПСС как секретарь Минского горкома партии по идеологии и как помощник секретаря ЦК КПБ. Именно он, вернувшись из Польши, убеждал членов фракции БНФ в Верховном Совете в том, что я предал интересы всех настоящих белорусов, «забыв о том, что государственный язык у нас -- белорусский».

Кроме удовлетворения своей личной ко мне неприязни Кравченко демонстрировал такими действиями свою преданность премьер-министру Вячеславу Кебичу, показывал настолько он искусен, что безо всяких оснований может сотворить «компромат» на меня и настроить против меня БНФ. Сам же Кебич постоянно выдавал себя за моего большого друга, никогда не позволял себе делать даже малые замечания в мой адрес. Работая на перспективу, на то, чтобы с помощью старой номенклатуры получить президентское кресло Кебич нуждался в помощи именно такого человека — внешне интеллигентного, образованного, активного и вместе с тем не обременённого понятиями морали, чести, правдивости.

Не обвиняйте меня в плагиате за то, что назвал Петра Кузьмича Кравченко человеком без совести и чести, хотя действительно значительно раньше меня это сделал в своей книге «Искушение властью» сам первый премьер-министр независимой Беларуси Вячеслав Кебич, потому что и его Кравченко в конце концов «допёк». Я же такое мнение имею о нём очень давно.

Польша, негосударственное образование

Когда из-за мстительности нашего президента и очередного грубейшего нарушения им конституции я лишился, назначенной мне законом пенсии, как нельзя кстати, оказалось предложение основателя частных Высших школ бизнеса Кшиштофа Павловского прочесть в этих школах лекции. Как всегда спросил – на какую тему, Павловский ответил.

-- Определить темы и количество лекций должны вы сами. Учебные планы школ в Новом Сонче и Тарнове составлены по принципу обучения в чикагском National-Louis University. В этих планах предусмотрены лекции известных политиков. Как правило, они сами предлагают и темы и количество лекций.

Тем лучше, подумал я, готовиться, практически, не надо. Расскажу о том, что хорошо знаю. Но вскоре осознал, что всё не так просто, ведь нужно обосновать и Павловскому и студентам и быть самому уверенным в том, что доводимое до слушателей имеет принципиальное значение для сегодняшних политических реалий. И это в условиях полной свободы масс-медиа и доступа в интернет. В итоге подготовка к лекциям оказалась более трудоёмкой, сложной и волнительной, чем в случае конкретно предложенной тематики.

Во время нахождения в Новом Сонче у меня была возможность разобраться в том, что сделал Кшиштоф Павловский в Польше и сравнить с подобными действиями сторонников организации негосударственных вузов в Беларуси. Сам Павловский – выпускник Ягеллонского университета, физик – кандидат наук Горно-металлургической академии в Кракове, действовал как подобает бизнесмену. Изучил спрос, понял, что стремиться получить диплом только что вылупившегося из яйца нового вуза вряд ли кто захочет. Начал с малого, стал готовить секретарей бизнесменов. Срок обучения – три года. Договорился с National-Louis University в США, что будет руководствоваться их программами плюс небольшая добавка местной специфики.

Первый год обучения – освоение английского языка, со второго курса – английский становится основным языком обучения. Для некоторых занятий и на выпускные экзамены пригласил специалистов из того же National-Louis University, чтобы они убедились, что студенты программу их американского университета для секретарей бизнесменов освоили. В итоге официально заключённых с американским университетом соглашений колледж Павловского в Новом Сонче и Тарнове выдавал диплом американского университета. В созданные Павловским учебные заведения потянулись не только граждане Польши, но и зарубежные студенты, в частности, молодые люди из США, которые за значительно меньшую

плату, чем в Америке смогли получить американское образование, а дети граждан США польского происхождения могли не только освоить программу National-Louis University, но и польский язык усовершенствовать. Немаловажную роль сыграл и тот фактор, что проживание в Новом Сонче или Тарнове обходится значительно дешевле, чем не только в США, но и в Варшаве, Вроцлаве, Кракове и других больших городах.

В качестве учебного корпуса Павловский использовал выкупленное за сравнительно небольшие деньги административное здание бывшего завода железобетонных изделий, обанкротившегося в результате внедрения новых технологий в строительстве. Оно было разумно модернизировано. Меня же поразила буквально стерильная чистота холлов и коридоров на всех шести этажах.

-- Как вам это удаётся, -- спросил я у ректора Павловского.

-- Это мой маленький секрет, но вам я его открою. Семейный подряд. Все коридоры и холлы на всех этажах убирает одна женщина, когда она отлучается – её дочка. У них одна единственная, но весьма современная уборочная машина для влажной уборки, практически бесшумная. Убирают во время лекции, отдыхают в перерыве между лекциями. Два этажа за лекцию, и так весь день. Поэтому чисто.

И как здесь не посмеяться над модным в советское время «чисто не там, где убирают, а там, где не сорят».

Может ли быть такое частное учебное заведение в Беларуси?

При сегодняшних кругозоре, образованности и менталитете наших чиновников и законодателей – ни в коем случае. Они захотят контролировать, проверять, навязать идеологические курсы, ввести должность проректора по идеологической работе, обязать получить лицензию на право выдачи диплома. Всё это при должном законе об образовании и строгом его выполнении – суета.

Государство не может быть гарантом качественного образования в конкретном учебном заведении. Разумному правителю такое и в голову не придёт. Президент США не гарантирует качества образования в Гарварде, Йельском, Колумбийском или Калифорнийском университете, об этом заботятся сами университеты. Президент США, Франции или Польши не вручает диплом доктора наук, хотя все эти президенты были прекрасно успевающими студентами. Наш же, являвший собой далеко не подходящий для подражания пример ученика и студента, вручает. Смешно. Но для сатрапов у трона – высшая степень восторга: сам президент счёл возможным...

Польша, столица

В 1997 году ректор Варшавского университета профессор Владимеж Сивиньский прислал мне письмо-приглашение прочесть лекцию о Содружестве Независимых Государств. Она состоялась в самой на то время большой аудитории университета – Рыцарском зале. Студентов на лекции, по моему мнению, почти не было. Зал был полностью заполнен людьми старшего возраста. Обстановка в зале была крайне доброжелательной, вопросы задавались в изысканно вежливой форме. Естественно, что мне всё это очень понравилось, и впоследствии я стремился не отказываться ни от одного приглашения в Варшавский университет, хотя из-за моего подвижного образа жизни это не совсем просто было делать. Случались накладки.

Объявление, которое привлекло на лекцию слушателей больше, чем вмещал большой зал ВУ.

Начиная с 1998 года, я регулярно читал лекции в летних международных молодёжных школах, организуемых при ВУ человеком, хорошо известным всему университету и далеко за его пределами – Яном Малицким. Он же возглавляет в Польше программу Калиновского – финансируемое польским правительством обучение студентов из Беларуси.

История Варшавского университета – пример безжалостного подавления польского патриотизма царским самодержавием. Университет был основан в 1816 году и открыт 20 сентября 1817 года при Александре I. Польское восстание 1830 года привело к его закрытию. Как университет он открылся снова только при Александре II в 1869 году, причём его устав был типичным уставом российских университетов, из которого были полностью устранены элементы самоуправления. Русский язык довлел в университете, всё делопроизводство до 1917 года велось только на русском языке.

Январь 2005 года. Президиум ректорского семинара Варшавского университета. Второй справа – ректор профессор Пётр Венгленский.

Срок полномочий ректора университета – 3 года, он может быть переизбран на второй срок только один раз. В январе 2005 года я получил приглашение от нового ректора выступить на «ректорском семинаре» в новом самом большом зале ВУ, не получившем к тому времени своего названия.

Большинство слушателей – студенты. Вёл собрание, иначе мероприятие не назовёшь, ректор – генетик с мировой известностью -- профессор Петр Венгленский. Я опять был обрадован вниманием зала и тёплым приёмом. После этого ректорского семинара, спонсируемого клубом бизнесменов Варшавы, я неоднократно читал лекции на открытии и завершении работы летних молодёжных школ. У меня даже сложится «тандем» с президентом Литвы Валдасом Адамкусом – он читал вступительную инаугурационную лекцию на английском языке, я – финальную на польском. Таковы рабочие языки современных молодёжных школ в Варшавском университете.

О католическом университете и «моём памятнике»

Абревиатура KUL звучит по-польски «куль» и известна каждому гражданину Польши. Таковы первые буквы названия Католического университета имени Иоанна Павла II в Люблине -- Katolicki Uniwersytet Lubelski Jana Pawła II. Однако мало кто знает, что к появлению и становлению KUL имеет отношение Санкт-Петербург и российские революции.

Во время моей работы в Ягеллонском университете в Кракове в 1974 году я жил в аспирантском общежитии «OLIMP» в одной из двух комнат так называемого бокса. На две отдельные комнаты была одна «лазенка» с умывальником, ванной и душем. Во второй комнате бокса жил стажёр из KUL юрист Адам Гонсяровски. В маленькой общей входной комнатке, которую и у нас и в Польше принято называть предбанником, мы несколько раз столкнулись рано утром и поздно

вечером, так как в одно время уходили и приходили из университета. В результате познакомились и стали заходить один к другому на чай, а то и на глоток вина. Адам был одним из тех редких индивидуумов, к которым почему-то абсолютно безосновательно проникаешься доверием. Мы часто довольно откровенно обменивались мнениями.

Однажды разговор зашёл о священнослужителях, и я «поплакался», что чувствую за собой большую вину за не лучшим образом выполненную предсмертную просьбу моего деда – Петра Иосифович Шушкевича. Адам попросил рассказать подробнее.

Дед в конце 1951 года передал через мою двоюродную сестру Валю, что очень хочет меня видеть, и я приехал к нему в деревню. Он велел мне его не перебивать и дать выговориться.

-- Сыновья мои Бронись и Франэк погибли на фронте, твой отец Стах гниёт в Сибири, твой дядя Вацэк – в Карелию строить завербовался, Янэк – мой младший – хоть и работающий, но только армию отслужил в глуши какой-то, поэтому мыслит по здешнему, по-деревенски. Другое дело ты с Валею. А просьба у меня серьёзная. Хочу, чтоб похоронили меня на нашем деревенском кладбище, по православному обряду и обязательно со священником.

Я попытался было что-то вставить. Мол, о чём ты дед, тебе жить да жить. Но он не позволил и продолжал.

-- Так вот, обязательно со священником. Я – православный и хочу быть похоронен как православный. И не спорь, не говори, что мне помирать ещё рано.

Воинствующий агрессивный атеизм того времени, навязываемый коммунистической партией, вынуждал верующих скрывать свои убеждения, чтобы не потерять работу или же вообще не быть причисленными к врагам народа. Найти священника было не просто.

Через три месяца – в феврале 1952 года дед умер, а наша с сестрой предварительно проделанная подготовительная работа дала результат: попа в трескучий мороз привезли. Привезли на лошади из деревни Слобода, что километрах в 50 от дедовой деревни Щитомиричи. И хотя абсолютно недопустимо так говорить и думать в день похорон, но сестра Валя и я были счастливы: дедово завещание было выполнено!

Однако радовались мы рано, ибо, как говорится, всё решает последний дюйм.

Похороны со священником в 1952 году были событием невиданным. Если бы комитет комсомола, партком или деканат моего университета знали, что я причастен к их организации, то я бы пулей вылетел из числа студентов, а сестра Валя – с «непыльной» работы. С такими «несознательными» тогда только так и поступали. Но концовка была омрачена иным.

Найденный за тридевять земель священник всем понравился и вёл себя безукоризненно. Отказался войти в дом, пока не будет

изготовлен и поставлен у гроба крест, махал кадилом, громогласно и очень долго молился в доме и в трескучий мороз на кладбище. Однако... на поминках после похорон напился так, что его нельзя было рассматривать иначе, чем предмет неодушевлённый. Как сноп соломы бросили мы его в розвальни, укутали в овчину и сосед повёз его назад в Слободу. Я же воспринял случившееся, как оскорбление памяти моего искренне православного, истинно верующего деда.

По большому счёту я, наверное, не прав. С каждым может случиться непредвиденное. И что греха таить, многим, очень многим я прощал и худшие прегрешения. Но память деда стучит в моём сердце, обидно, по сей день обидно.

Слушая меня, Адам не проронил ни слова, потом заметил.

-- Во время моей учёбы в KUL теперешний митрополит Кракова Кароль Войтыла был там профессором этики и нравственного богословия. Не думаю, что кто-нибудь из его учеников, да и вообще из католических священнослужителей, монахов, монахинь, служителей костёла может проявить нравственную нечистоплотность. Мы сохраняем моральность и духовность только благодаря костёлу. Хватит того, что у нас, да и у вас, власть далека от моральности и духовности.

Я хотел было в соответствии с полученными в ЦК КПСС инструкциями попросить не обобщать, но подумал, что застукать нас некому: мы только вдвоём. Адам продолжил.

-- Если вы увидите где-нибудь в Польше нетрезвого ксендза, неаккуратную монахиню, служителя костёла или монаха или же услышите от них грубое слово, то считайте, что католицизм закончил своё существование на польской земле, что мы — католики -- не заслуживаем достойной жизни, что нормальной Польши никогда не будет...

С той поры, вот уже почти сорок лет, я пялю глаза на служителей католического костёла Польши, а последние 20-25 лет и на католических ксендзов Беларуси и проникаюсь убеждением, что Адам был прав. Они — поляки — пришли, а мы — граждане Беларуси, идём и обязательно придём к нормальной жизни.

А пятна есть и на Солнце.

Адам был интересным рассказчиком, очень любил свой KUL, сравнивал его с другим университетом Люблина, носящим имя выдающейся польки Марии Склодовской-Кюри.

От него я узнал, а впоследствии уточнил, что KUL был и остаётся университетом негосударственным и нерелигиозным, дающим образование в области теологии, канонического права и управления, а также в области гуманитарных, общественных, естественных наук, математики, права и экономики.

Основан KUL в 1918 году после закрытия в Санкт-Петербурге католической семинарии. В оргкомитет по созданию университета

входили видные польские интеллектуалы. Они считали своим долгом обеспечить формирование новой католической интеллигенции для возродившей свою независимость Польши путём глубокого изучения как религиозных, так и научных дисциплин в духе гармонии науки и веры. Конференция архиепископов Польши, возглавляемая в то время нунцием Акилле Рати, ставшим позднее папой Пием XI, 27 июля 1918 года одобрила план оргкомитета по созданию университета в Люблине, а в июне 1922 года университет переехал в здание бывшего доминиканского монастыря.

Во время фашистской оккупации Польши университет был закрыт и вновь открылся 21 августа 1944 года после освобождения города Красной армией.

Другой люблинский вуз – государственный Университет имени Марии-Кюри Склодовской (Uniwersytet Marii Curie-Skłodowskiej) был основан коммунистическими властями Польши в 1944 году как конкурент KUL, финансировался государством и должен был превзойти KUL во всех отношениях, затмить его. Тем не менее, граждане Польши проявили достойную солидарность и не дали унизить ни KUL ни бросить тень на новый университет, которому было присвоено имя одной из самых выдающихся полек – дважды лауреата Нобелевской премии Марии-Кюри Склодовской. Один день в неделю все костёлы коммунистической Польши собирали пожертвования на функционирование KUL, и он выжил. Сегодня оба университета плодотворно сотрудничают.

В 2003 году меня пригласил в Люблин на политологическую конференцию легендарный профессор KUL Ежи Ключовски – герой антигитлеровского Варшавского восстания, многократно проявивший незаурядное личное мужество и потерявший в бою с фашистами руку. Он председательствовал тогда на пленарном заседании конференции по политическим проблемам Восточной Европы и читал лекции в Летней политической школе Варшавского университета. Я также был и участником конференции и лектором.

Ключовский предложил продолжить разговор на конференции в KUL, после чего я зачастил в Люблин.

В конце мая 2009 года ректор KUL профессор Станислав Вильк направил мне письмо, в котором сообщил, что Католический Университет имени Иоанна Павла II начал процедуру по присвоению мне звания почётного доктора KUL за активную деятельность по сближению между народами и что торжества по вручению диплома почётного доктора состоятся 1 июля в главном корпусе университета в рамках празднования 440-летия подписания Люблинской унии.

Я же находился в это время в Польше в Кошалине и о письме ничего не знал. В Кошалин переместилась тогда организованная Евросоюзом выставка «Термоядерный синтез». Меня пригласили прочесть на ней инаугурационную лекцию. И вот 4-го июня 2009 года,

войдя в самую большую поточную аудиторию Кошалинского политехнического института, чтобы начать лекцию, я увидел на огромном компьютерном экране поздравление с присвоением мне звания доктора Honoris Causa Католического университета имени Иоанна Павла II в Люблине. Оказывается об этом сообщил уже не только интернет-сайт KUL, но и СМИ Польши.

Шесть человек были удостоены почётного звания доктора HONORIS CAUSA Католического университета в Люблине в день 440-летия подписания Люблинской Унии:

Президент Литвы Валдас Адамкус,
Президент Эстонии Тоомас Гендрик Илвес,
Президент Украины Виктор Ющенко,
Президент Польши Лех Качиньски,
Президент Латвии Валдис Затлерс и
Первый глава независимой Беларуси Станислав Шушкевич.

Из них на торжества вручения дипломов, мантий и юбилейных медалей в Люблин прибыли только четверо – Адамкус, Ющенко, Качиньский и я. Награждённые, которые не смогли прибыть, направили на торжества своих полномочных представителей. По приглашению президента Качиньского наша четвёрка и уполномоченные представители Залтерса и Илверса прилетели из Варшавы на военную авиабазу недалеко от Люблина тем самым злополучным самолётом ТУ-154, который потом 10 апреля 2010 года разбился под Смоленском, унеся жизни около ста человек. Тяжко и больно об этом вспоминать и в Польше, и в России, и в Беларуси. Район чудовищного злодеяния, осуществлённого энкаведистами по приказу Сталина в Катыни дополнился невинными жертвами тех, кто летел почтить их память. Треклятое место с одинаковой безжалостностью, не разбираясь кто есть кто, отобрало жизни людей простых и людей широко известных -- замечательных представителей польской политической, военной, деловой и религиозной элиты. Беларусь потеряла в этой катастрофе своих влиятельных друзей – президента Леха Качиньского, его жену Марию, президента II Речи Посполитой на эмиграции Ришарда Качаровского, передавшего символ президентской власти II Речи Посполитой демократически избранному Президенту III Речи Посполитой Леху Валэнсе. Более десяти человек, погибших в катастрофе, я хорошо знал лично. Память о них – навсегда в моём сердце.

2009 год, Варшава, в Королевском замке с Президентом Речи Посполитой Польши Лехом Качиньским

Возвращаясь к процедуре награждения дипломами о присвоении почётных званий в KUL, замечу, что проводилась она в строгом соответствии с древними европейскими университетскими традициями дополненными элементами современности, например, синхронного перевода. Перед началом торжественного заседания все награждаемые надели подаренные им докторские мантии и шапочки.

Последовательность награждений происходила в порядке латинского алфавита от Адамкуса до Залтерса. Решение Сената университета о награждении и диплом зачитывал на латыни ректор профессор Станислав Вильк. Деятельность каждого из награждённых освещал в своём выступлении лаудатор (от латинского *laudator* – хвалитель, панегирист). Я очень горжусь, что в моём случае это был упомянутый выше легендарный профессор Ежи Ключовски – герой Варшавского восстания, директор Института Восточной и Центральной Европы. Каждому награждённому были вручены диплом факсимильная копия Люблинской унии в натуральную величину, застеклённая в основательном деревянном обрамлении и памятные сувениры Люблина и KUL.

Не обошлось и без инцидентов. Во время пешего перехода участников торжеств к центральной площади Люблина среди тысяч приветствовавших шествие граждан была организованная группа человек из 50-60 с лозунгами и плакатами, призывающими президента Украины Ющенко наказать украинцев, виновных в бесчинствах на польской земле во время Второй мировой войны.

Я шёл рядом с Виктором Андреевичем и видел, как он переживает происходящее. Он совсем перестал быть похожим на того Ющенко, с которым я встречался много раз, например, в 1997 году, когда он был председателем Национального банка Украины, и мы оба были удостоены престижной Международной украинской премии имени Пилипа Орлика. На всю ночь задержал он тогда на работе нескольких сотрудников банка и увлечённо вместе с ними рассказывал каким образом Украина решает труднейшую задачу по обеспечению стабильности национальной валюты. Эта и многие последующие встречи убедили меня в его глубочайшей порядочности, человечности и негиблом украинском патриотизме.

У меня возникает естественное желание смягчить обстановку, попытаться успокоить так болезненно реагирующего на упрёки демонстрантов Президента. -- Ведь наказание это дело суда и правоохранительных органов, -- говорю ему я, -- а законы, по которым можно наказывать – прерогатива парламента.

-- Когда нация подымается с колен, -- отвечает он, -- несправедливо обиженные, униженные и оскорблённые люди, увы, требуют наказания тех, кого они считают виновными в своих страданиях, теми же методами, какими их самих ставили на колени.

Наше не лучшее настроение, порождённое протестующими, продолжает ещё некоторое время ухудшаться, а потом быстро идёт на поправку на ликующей праздничной

площади, где с речью выступил мэр Люблина и с очень краткими приветствиями все четверо награждённых. К началу своего выступления преобразился и Президент Ющенко. Площадь восторженно приветствовала его речь. Но особенно горячо было принято выступление Президента Польши Леха Качиньского. Потом мы все направились к университету, где состоялось торжественное открытие гранитной мемориальной доски, вмурованной в стену главного здания KUL. На ней высечены имена всех докторов *honoris causa*, удостоенных этой степени в честь 440-летия Люблинской унии.

Так я вошёл в когорту тех, кому при жизни открыли памятник.

ВВЦ или тайна, которую семь лет хранила жена

Так уж повелось, что если у тебя есть любимое занятие, то обязательно найдутся препятствия, чтобы им заниматься. Моё любимое занятие – принимать гостей у себя дома, но только в день рождения никто не мешает мне делать это так, как мне нравится.

С конца 90-х я не мог насладиться любимой домашней вольностью. Именно в день рождения оказывался где-нибудь далеко от дома. Так было и в 1999-м: 12-17 декабря мне в соответствии с давно согласованным со мной учебным планом пришлось читать

лекции в высшей экономической школе в Варшаве. Вечером 15 декабря, в день своего рождения, я пригласил нескольких своих друзей в небольшое кафе в центре города в пяти минутах ходьбы от гостиницы, в которой проживал.

Во время нашего скромного застолья официант позвал меня к телефону (мобильников тогда ещё почти не было), мол, звонит жена. Такого я не ожидал. Отыскать меня по телефону за границей в кафе, о котором знали только приглашённые! Но она не стала пояснять, как совершила такой поисковый подвиг, и потребовала срочно вернуться в Минск, так как у неё на руках билеты на самолёт и приглашение для меня за океан на условиях, «которые мне и не снились».

В итоге 19 декабря 1999 года я прилетел в Вашингтон и стал стажёром-исследователем в Центре Вудро Вильсона. Почему и как я туда попал, мне стало известно лишь в 2007 году, хотя жена, как она мне в этом 2007 году пояснила, обещала хранить тайну лишь 5 лет.

Постепенно осознав, что такое Центр Вудро Вильсона (ВВЦ), я спросил у заместителя директора по исследовательской работе господина Ван Дюзена, подпись которого была на направленном мне в Минск приглашении.

-- Почему вы меня сюда пригласили. Ведь я не подавал прошения на получение стипендии, а конкурс у вас огромный и правила жёсткие: на стипендию «могут претендовать исследователи, обладающие выдающимися способностями и уникальным опытом», а я даже гуманитарного образования не имею.

Ответ был исчерпывающим.

-- Это распоряжение господина директора Ли Гамильтона, а его мнение нельзя ставить под сомнение: у него более, чем тридцатилетний опыт конгрессмена и не лишь бы какого, а широко известного.

Но спросить об этом у Ли Гамильтона я не решался, и подумал, что со временем всё прояснится. Следуя правилу «дарёному коню в зубы не глядят», я быстро уgomонился да и отказаться от стипендии, которая в долларовом исчислении раз в 20 превышала мой оклад в бытность Председателем Верховного Совета, я, а тем более, моя жена, сочли абсолютно необоснованным. В итоге до 28 апреля 2000 года я жил и работал в Вашингтоне.

Имея щедрую американскую стипендию, никак не мог привыкнуть к вынужденной американской расточительности. В том же долларовом исчислении продукты питания в Вашингтоне стоили раз в 7-8 дороже, чем в Минске. Месячная плата за квартиру, которую я обязан был снять, была 1000 долларов в месяц. Так что получаемые в ВВЦ деньги было на что потратить.

Препятствий при желании отлучиться из Вашингтона не было, и я слетал за это время на конференцию в Токио, потом в Чикаго и Торонто с публичными лекциями. По их приглашению выступил с

докладами в престижнейших Гарвардском и Колумбийском университетах. Встретился с американцами белорусского происхождения в Нью Йорке, Саут Ривере, Чикаго и других местах. Да и сам Вашингтон с его музеями, галереями, памятниками, планировкой и архитектурой был моим очередным университетом. Иными словами, моя страсть к путешествиям и познанию была удовлетворена здесь как никогда ранее. Кстати четыре месяца и одна неделя стажировки были самой продолжительной моей отлучкой из родного Минска.

Одна из важнейших задач стажёров-исследователей Центра Вудро Вильсона – «содействовать пониманию важных политических процессов современности во взаимодействии с политическими деятелями в Вашингтоне и с сотрудниками Центра». Это и определяет статус исследователей Центра, его отличие от статуса сотрудника или стажёра в бывших советских и в большинстве постсоветских политологических исследовательских учреждений. Попробуй сегодня сказать, что белорусская государственная идеология – нагромождение нелепостей в угоду малообразованному правителю, и ты тотчас же вылетишь из более-менее уютного гуманитарного «исследовательского гнезда» Беларуси. А будешь без избыточной ненавязчивости, но верноподданнически восхвалять правителя – станешь почитаемым в придворных кругах. Более того, при наличии таланта холуя ещё и в никому не потребные Совет Республики или палатку попадёшь на «стипендию», как генерал Николай Чергинец, академик Анатолий Рубинов или борзописец Павел Якубович.

А там в ВВЦ нужно подготовить отчёт по теме «в области гуманитарных наук по национальным и международным проблемам, перекликающийся с вопросами государственной политики и очерчивающие культурные рамки событий..., уделяя особое внимание исследованиям управления, включая развитие демократии и гражданского общества, а также осознавая основные вызовы, перед которыми стоят США и другие страны мира».

Надо, так надо. С моим негуманитарным образованием это не просто, но я твёрдо решил – сделаю всё, чтобы не отличаться от завоевавших право на стажировку в ВВЦ по конкурсу. Хотя стажировались здесь выпускники дипломатических и политологических отделений престижнейших университетов мира, блестяще проявившие себя на достаточно высоких государственных должностях или же в общественно-политической деятельности глобального масштаба. Вице-президенты США, например, Альберт Гор, госсекретари, такие как Мадлен Олбрайт, министры и/или заместители министров иностранных дел России и многих других европейских, азиатских, африканских и латиноамериканских стран.

Стажёр ВВЦ – свободный человек, единственная его обязанность один раз в неделю не пропускать без предупреждения

научный семинар ВВЦ. К услугам стажёра – библиотека со свободным доступом к книгам и периодике. В неё можно приходить в любое время дня и ночи: индивидуальная карточка – ID («айди») -- автоматически открывает все, надёжно закрытые для иных, желающих проникнуть в библиотеку, двери. Эта же карточка позволяет с 8 до 23 часов приходить в отведённый вам офис, с прекрасным компьютером и телефоном для бесплатных звонков в любой штат США.

В рекреации на третьем «стажёрском» этаже сидит вечно улыбающаяся Линзи – доброжелательная секретарь-делопроизводитель, окружённая дисплеями, факс-машиной, телефонами и современнейшими копировальными установками. С её помощью каждый стажёр может бесплатно позвонить в любую страну, бесплатно отправить посылку, но только с книгами, и только на свой домашний адрес.

Последней возможностью я увлёкся больше меры, так как обнаружил весьма интересную особенность американской жизни. Книги в США дорогие. Но есть гигантские магазины-склады, которые у нас назывались бы букинистическими, так как они торгуют подержанными книгами. Обычно в таких магазинах продаются книги в хорошем состоянии, а стоимость отобранных вами для покупки книг определяет продавец по одному ему известным правилам. Если вам покажется, что запросил он дорого, вы вправе отказаться от покупки.

Откуда же берутся такие книги?

Пояснение мне дал профессор университета в Балтиморе с истинно русскими именем, фамилией и отчеством -- Бакунин Андрей Мстиславович, не имеющий, однако, никаких родственных отношений со своим марксистским однофамильцем. Его малолетнего отца, родители которого погибли в 1918 или в 1919 году, принял в свою семью какой-то очень важный российский железнодорожный начальник, воспитал как сына и перевёз в Америку. Я познакомился с Бакуниным на семинарах ВВЦ. Благодаря его безупречным русскому, английскому и тактичности, я чувствовал себя рядом с ним не пассивным свидетелем происходящего, а вполне уверенно. Он поразительно точно ощущал слова и мысли выступающих, которые не доходят до моего неанглоязычного сознания, и шёпотом пояснял мне на чистейшем русском суть докладываемого. Во время пауз многое рассказал о себе. Считает себя американцем, эмигрантом во втором поколении, очень гордится российским происхождением, верен традициям российских интеллигентов, знает порядки продолжающие господствовать на постсоветском пространстве. Ситуацию с книгами пояснил так.

-- Я не могу поступать как большинство американцев. Для меня -- расстаться с книгой -- тяжёлая утрата, хотя я отлично понимаю, что действуют они разумно и вполне обоснованно. Таково одно из следствий развитого рынка труда. Вы переезжаете на новое место

жительства по семейным обстоятельствам, на более высоко оплачиваемую или же более нравящуюся вам работу. Американцы, как правило, не перевозят в новый дом или квартиру холодильник, стиральную и сушильную машину, громоздкую или нелюбимую мебель и... большинство книг. Отвозят книги в ближайший американский «букинистический» и продают их за очень скромную цену. Иногда вообще отдают бесплатно, руководствуясь соображением: я прочёл, пусть другие прочтут.

А далее в очень деликатной форме он сделал мне упрёк в расточительности при приобретении книг для внучки, которая была тогда дошкольницей и для сына, заканчивающего школу и решившего поступать на экономический факультет университета.

-- За практически такие же словари с замечательными картинками и книги по экономике, которые я видел в вашем офисе, в магазине использованных книг вы заплатите не по 30-40 долларов, а по 3-5, а то и доллар-два. Можем завтра поехать в такой магазин, я помогу вам там сориентироваться и предоставлю багажник моего бьюика для транспортировки купленного.

-- Андрей Мстиславович, не в силах скромничать и отказаться. С благодарностью принимаю ваше предложение.

Так родились 17 посылок с книгами, отправленных мною в Минск. Не глядя на наклейку на каждой посылке «BOOKS ONLY» с внушительным штампом Вудро Вильсон Центра, почти все они были вскрыты белорусской таможенной службой, неряшливо упакованы снова с добавлением акта с концовкой «недозволенных вложений нет».

Запомнилась встреча с донорами ВВЦ в марте 2000 года. Наиболее влиятельной личностью на встрече была элегантная высокая полная женщина солидного возраста -- сестра умершего в возрасте 66 лет в январе 1978 года 38-го вице-президента США Губерта Хамфри младшего (Hubert Humphrey, Jr.). Как молодой сенатор Хамфри прославился ключевой фразой своей речи перед конвенцией Демократической партии США в 1948 году: *«Пришло время Демократической партии уверенным шагом выйти из мрака прав штатов на яркий свет прав человека»*.

Сестра Хамфри неизменно называла меня Шушкович с ударением на «у» и спросила, почему я приехал без жены. Не дожидаясь конца моего ответа, обратилась к сопровождавшему её молодому человеку.

-- Майкл, сделайте всё необходимое, чтобы жена президента Шушковича незамедлительно прилетела к нам сюда.

Как только доноры уехали, Майкл не пришёл -- прибежал ко мне в офис с переводчиком, чтобы я не понял чего-нибудь неправильно и стал буквально умолять меня немедленно позвонить жене, чтобы она как можно быстрее прилетела в Вашингтон.

-- Мы покроем ей все расходы на перелёт туда и обратно по любому маршруту, если надо – встретим в аэропорту.

Я заверил Майкла, что жена с радостью прилетит безо всяких задержки и что я позвоню ему сразу же по её прибытии в Вашингтон. В итоге всё так и произошло, 27 марта моя Ирина прилетела в Вашингтон. Единственное, чего никак не мог понять Майкл, как моя жена умудрилась купить билеты на поезд Минск-Москва туда и обратно и на самолёт Москва-Вашингтон также туда и обратно за неполные 800 долларов. Мне же Ирина пояснила всё доходчиво и просто.

-- Это у тебя здесь большущая стипендия, а мы там живём, как и раньше, и 800 долларов – заоблачная сумма! Мне непросто было её одолжить, а ещё сложнее – в неё уложиться, но, к счастью, сейчас не туристический сезон и через Интернет я нашла множество льготных вариантов, из которых выбрала самый дешёвый.

Чего при моей, остающейся советской ментальности, долго не мог понять я, то это зачем сестра Хамфри пригласила мою жену. После оплаты Майклом понесённых женой транспортных расходов о ней никто и не вспомнил. Когда я поделился с Ириной своими размышлениями, то получил ответ, первую часть которого лучше не воспроизводить.

-- Совок ты! Цивилизованные люди всегда ездят в цивилизованные страны с жёнами, если в состоянии их поездку оплатить. Ужав нерациональные расходы, ты и сам мог пригласить меня сюда за свою стипендию. Вот тебе и утёрли нос, объяснив, как надо себя вести.

К этому времени, то есть за три месяца проживания в городе, я очень хорошо разобрался в том, как спланирован и построен Вашингтон и его ближайшие окрестности и мог многими часами показывать здешние архитектурные и ландшафтные прелести жене. Она оказалась гораздо лучшим, чем я, знатоком художественных галерей, выставок искусства и культурных центров. Это был «сухой остаток» от её особой индивидуальной женской программы пребывания в столице США во время моего официального визита летом 1993 года. Её не только провезли и провели тогда по наиболее значимым музеям и художественным галереям, но и напичкали несметным количеством проспектов, книжек и прочих информационных материалов. В отличие от меня она по приезде в Минск не отвезла их на дачу и не сложила в иное укромное место, чтобы когда-то прочесть, а тщательно изучила. Поэтому с её приездом всякая безалаберность проведения свободного времени для меня закончилась.

29 апреля 2000 года, после успешно защищённого мною отчёта о проделанной в ВВЦ работе, мы вместе с Ириной возвратились в Минск.

* * *

Лишь в 2007 году жена открыла мне тайну, которую обязалась хранить пять лет. Оказывается, 15 декабря 1999 года её пригласил в посольство Чрезвычайный и полномочный посол США в Республике Беларусь господин Дэниэл Спекхард.

-- Надеюсь, что вы умеете хранить тайны, -- сказал он, -- то, о чём я вам скажу, можно рассказывать кому угодно, но только через пять лет. По имеющимся у нас сведениям ваш муж может пропасть так, как пропали министр Захаренко и депутат Гончар. Вот вам билеты на самолёт и приглашение для вашего мужа в Вашингтон. Вылет 19 декабря.

О Гарварде, Сахаровском колледже и шотландском виски

Теоретически я познакомился с Гарвардским университетом в 1989-1992 годах. Этому, сам того не подозревая, способствовал тогда ещё доцент кафедры ядерной физики Александр Михайлович Люцко, пригласив профессора Гарвардского университета Ричарда Вильсона в Попечительский совет Сахаровского колледжа в Минске. Вильсон, в разговорах о чём бы то ни было, напоминал о Гарварде и постоянно подчёркивал, что главное преимущество этого университета – умение при наборе студентов руководствоваться исключительно способностями абитуриентов, а не статусом их родителей и возможностями платить за обучение. Когда я переспросил, знаниями или способностями, он чётко ответил способностями и трудолюбием. Это – причины, знания – следствие.

-- Расходы на обучение и проживание частично и даже полностью могут быть покрыты за счет целевых стипендий и финансовых ссуд. Около 70% учащихся Гарварда получают прямую финансовую помощь от университета. В их числе – иностранные студенты. А вот способностями наделить нельзя, это дано свыше, -- говорил он.

Как горячий сторонник поддержки талантливой молодёжи профессор Вильсон убеждал меня, что нельзя комплектовать студенческие группы по социальным, имущественным, национальным и им подобным признакам, что инвестиции в образование именно талантливой трудолюбивой молодёжи – путь к процветанию любой страны, в том числе и Беларуси.

-- За сотни лет мы в Гарварде освоили именно такой подход, свято его блюдем и стараемся совершенствовать. Ищем и находим сочетание таланта и трудолюбия.

Многие мои коллеги и я тоже хотели бы научиться правильно измерять способности абитуриентов, но в лучшем случае мы умеем

оценивать только их знания, в ещё лучшем – сообразительность, поэтому, слушая профессора Вильсона и не имея никаких оснований ему не верить, я ловил себя на мысли, что хотел бы побывать в его альма-матер, этой цитадели науки и образования – Гарварде и хотя бы уловить, как достигли они таких потрясающих высот и стали не просто старейшим частным университетом США, но и университетом с мировым именем.

Судьба оказалась ко мне благосклонной. Я побывал в Гарварде, и не один раз!

Первое приглашение в этот университет я получил в начале 2000 года, будучи стажёром-исследователем в Вашингтоне. В телефонной трубке звучал чистейший русский голос без всякого намёка на акцент.

--Я – Алексей Буланов, аспирант Гарвардского университета из России, был два дня тому в Иллинойсе и слушал ваше интервью для русского радио Чикаго. Позвонив на радио, узнал номер вашего телефона. Мой научный руководитель и директор русского центра Гарвардского университета хотели бы пригласить вас сюда с лекцией о встрече в Беловежской пуще в 1991 году. Я звоню вам по их просьбе.

Как говорят в Одессе, слетать в Америке из Вашингтона в Гарвард, не труднее, чем фунт изюма скушать. Именно так сказала мне тоже по телефону, только не о Гарварде, а о Чикаго, позвавшая меня в этот город для интервью и публичной лекции Марта Лидас – энергичная деловая одесситка, давно переехавшая в США и сменившая свою длинную еврейскую фамилию на фамилию своего мужа-грека.

-- Приглашайте, -- отвечаю аспиранту из России, который пока ещё Алексей, но очень скоро станет Алексом. Так здесь принято. Называю ему номер «своего» факса, точнее факс-машины у всеобщей любимицы секретаря-делопроизводителя ВВЦ Линзи, и буквально через полчаса она приносит мне приглашение с детальнейшим описанием как, куда и когда прилететь, кто встретит, как и кем будут компенсированы расходы и выплачен гонорар.

Лечу в Бостон, в шести километрах от него – Кембридж, в нём главные здания Гарвардского университета. У выхода из аэропорта в толпе встречающих стоит невысокий щуплый молодой человек с двухметровой палкой, к концу которой прикреплена бумажка со словами STANISLAW SHUSHKEVICH. Это Алексей, он приехал за рулём автомобиля, чтобы отвезти меня в русский центр Гарварда.

В пути слышу рассказ Алексея о том, что такое Гарвард. Большую часть того, о чём он говорит, я уже знаю. Услыхал от профессора Вильсона и прочёл в книгах библиотеки ВВЦ.

Но цифры поражают. Старейший университет Америки. Основан в 1636 году. более 6 тысяч студентов, более 12 тысяч аспирантов.

Среди выпускников 8 президентов Соединённых Штатов, среди выпускников и сотрудников 49 лауреатов Нобелевской Премии, 75 нобелевских лауреатов были связаны с университетом как студенты, преподаватели или сотрудники.

Мне же предстоит скромнейшее соприкосновение с этим величием. Нужно прочесть две лекции – одну для сотрудников «Русского центра», другую, с переводом, для тех, кто придёт по объявлению на сайте университета в Интернете.

На первой лекции меня представил ведущий -- заместитель директора центра. В лестных тонах рассказал мою биографию и добавил.

-- В зале 47 человек, что для меня неожиданно много, так как сотрудников Центра здесь только тридцать. Но вход у нас свободный и я рад приветствовать всех тех, кто нашими делами интересуется.

Я же в отличие от ведущего не просто удивлён, а шокирован и не тем, что говорит ведущий, а тем, что вижу в зале, и поэтому почти ничего не слышу. В первом ряду вся из себя сидит Клара Соломоновна Рукшина, которая в первые дни моего проректорства в университете в Минске буквально извела меня своими непрекращающимися посещениями. Я знал, что она совсем недавно эмигрировала в США, но не мог себе представить, что её взяли на работу в этот известнейший в мире питомник президентов и нобелевских лауреатов -- Гарвард.

* * *

Вряд ли могла догадаться Клара Соломоновна, что к успешной защите ею докторской диссертации в Институте Истории Академии Наук СССР в конце 80-х имеет отношение моя бабушка Франя или Франтишка Рафаиловна Романовская (Камейша), которая умерла в 1964 году.

А ведь это так!

Бабушка, истинная христианка-католичка, постоянно учила меня искать в людях хорошее и напоминала об этом в каждом удобном для неё случае.

-- Найти в человеке плохое очень легко, легче, чем хорошее, оно на поверхности -- говорила она, -- а ты ищи хорошее, оно всегда есть, но запрятано. Только тогда людей любить будешь, только тогда сможешь счастливым стать.

В случае с Кларой Соломоновной поиск хорошего был задачей не из лёгких. Её страшно не любили на кафедре. Не любили как человека, но не могли осуждать как специалиста. Она окончила Институт иностранных языков, свободно владела английским языком, защитила кандидатскую диссертацию по истории. Преподавала, была очень требовательной, но студенты на неё не жаловались. Считали справедливой.

На кафедре сложилась ординарная, часто встречающаяся в наших вузах ситуация, когда член коллектива кафедры, на которой нет докторов наук, пытаюсь защитить докторскую диссертацию, как бы бросает вызов всем остальным. Остальные стихийно объединяются в противостоянии. Заслушивают претендента на кафедре и рекомендуют ему доработать, исправить, улучшить, так как не к лицу кафедре рекомендовать к защите «сырую» работу. Такое «заслушивание» может безрезультатно повторяться много раз.

Кафедра отвергала все попытки Рукшиной представить к защите её докторскую диссертацию, и с первого моего рабочего дня в качестве проректора по научной работе я вынужден был выслушивать её жалобы по этому поводу.

Пригласил заведующего кафедрой, на которой она работала, переговорил с преподавателями. Все в один голос: какая там диссертация, бред, да и только! Напереводила с английского ворох чужих мыслей и текстов и выдаёт за свои.

А Клара Соломоновна атакует. Приносит мне свои публикации, просит прочесть главу диссертации.

-- Да я же не специалист в исторической науке, по большому счёту ничего в ней не понимаю.

-- Это они, Станислав Станиславович, не хотят ничего понимать в исторической науке, пересказывают студентам старые басни, не видят нового. А вы поймёте!

В очередной раз обещаю подумать, как ей помочь. Признаюсь, что не очень представляю, как это сделать. Уходит, а я начинаю листать и выборочно читать обзорную главу оставленной рукописи... Хороший стиль, чёткие определения, достаточно лаконичные формулировки. У неё можно поучиться тому, что я постоянно требую от своих аспирантов и соискателей: если у вас есть мысль, не размазывайте её на страницу. Уместите в абзац!

Через день секретарь опять сообщает: доцент Рукшина просит её принять.

Приглашаю, прошу не перебивать.

--Уважаемая Клара Соломоновна. Я не могу вмешиваться в Ваш конфликт с коллективом кафедры хотя бы потому, что было бы невежеством полагать, что я вправе иметь суждение о научных достоинствах диссертации по исторической науке или осуждать научную компетентность Ваших коллег по работе. В ближайшие дни я постараюсь договориться с очень компетентной организацией, чтобы там прошла Ваша предзащита. Мне по должности дано на это право, и я подпишу Вам письмо в эту организацию без официального представления кафедры.

-- Простите, но в Минске нет ни организации, ни Учёного совета, которые бы не прислушались к голосу моих недоброжелателей.

-- Я это давно понял и не намерен искать такую организацию ни в Минске, ни в Беларуси. Но, если Вы в этой организации, простите за грубость, провалитесь, то пеняйте сами на себя и не обращайтесь больше ко мне никогда.

-- А если не провалюсь?!

И вот здесь, именно в этом месте нашего разговора, я допустил не совсем интеллигентную шутку, которая в принципе не могла быть хорошо понята Кларой Соломоновной, но вполне могла быть истолкована и её, и моими недоброжелателями, как вымогательство.

-- Если не провалитесь, то с Вас бутылка настоящего виски.

Приехав в Москву, звоню председателю самого престижного совета по защите диссертаций данного профиля, которого никогда не видел и не знаю. Называю себя, прошу меня принять. Отвечает – приезжайте. Объясняю, что в нарушение общепринятых этических правил хочу направить в возглавляемый им совет диссертацию без предзащиты в университете, где она подготовлена.

Смеётся, просит не ссылаться на разговор с ним, не называть его фамилию. Говорит, что я излишне щепетилен, что не усматривает в моём деянии нарушения каких-то этических норм, что вне зависимости от того, была ли где-то предзащита или не была, без предзащиты в отделе их Института совет диссертаций не рассматривает.

А дальше – сказка для взрослых о гадком утёнке.

Клары Соломоновны диссертацию принимают к защите в Москве, в Институте Истории Академии Наук СССР, и через два месяца происходит её успешная защита.

Последующие события развиваются так, хоть возбуждай уголовное дело о коррупции.

Опять приходит ко мне Клара Соломоновна. Но не в кабинет, а на дачу. Приходит с элегантным подарочным пакетом несоветского происхождения. А в нём – литровая (!) бутылка настоящего шотландского виски.

И вот прошло лет десять, и я вижу Клару Соломоновну в Гарварде и не как обывателя, случайно заглянувшего на открытую лекцию, а как полноправного сотрудника престижнейшего университета.

Какими же не замеченными мною, а тем более, кафедрой, понятливостью, чувством юмора и пробивной силой должна была обладать эта женщина, чтобы так прореагировать на мою шутку и так жизнеутвердиться за океаном? А может быть здесь, в Гарвардском университете, да и в Институте Истории Академии Наук в Москве умеют совсем по иному, чем у нас в Минске, ценить научные достижения и не пытаются их обесценивать из-за того, что автор достижений кому-то не нравится?

Моя первая лекция в Гарварде закончилась обычно, как и другие лекции за рубежом. Было много вопросов. Но, в основном, не по главной теме, а о том, что вообще происходит на постсоветском пространстве и куда идут бывшие республики Советского Союза.

После лекции и кофе-паузы с сотрудниками русского центра Клара Соломоновна сочла своим долгом показать мне «хотя бы что-нибудь очень важное» в Гарварде, за что я по сей день ей очень благодарен, гораздо больше, чем за бутылку.

Прогуливаясь по ночным улицам кампусов Гарварда я узнал, что самыми неприступными даже для очень талантливых абитуриентов считаются в университете медицинский и юридический факультеты: поступить сюда сложно. Самые популярные программы подготовки бакалавров -- программирование, микроэлектроника и робототехника. Среди магистерских программ наибольший интерес вызывают экономика и финансы.

Для лучших студентов юридического факультета учреждены ряд именных стипендий, в их числе и самая престижная -- стипендия имени академика Сахарова. В Высшей школе управления при университете, носящей имя Джона Ф. Кеннеди существует конкурс на стипендии для получения магистерской степени в области государственного администрирования.

Что-то похожее, как известно, всегда было и в наших вузах: именные стипендии для лучших студентов, занятия по индивидуальному плану. Но вот такое у нас вряд ли когда-нибудь случится, чтобы в любое время суток вы могли заглянуть в библиотеку, например, в отдел периодики, найти без чьей-либо помощи и почитать свежие газеты из любой страны мира. В три часа ночи, когда я из чистого любопытства зашёл в читальный зал периодики библиотеки Гарвардского университета, то оказался там совсем не в одиночестве и смог, правда, с помощью библиотекаря, найти «Нашу Ніву», «Народную волю» и любую нашу республиканскую газету трёх-пяти дневной давности. Всё в этом зале настолько просто организовано и размещено, что при следующем визите помощь сотрудника библиотеки мне вряд ли понадобится.

В СССР любили называть советского человека самым читающим человеком в мире. Может быть это и так. Но вот условия для чтения у американцев значительно лучшие. Взять в библиотеке книгу, а особенно сдать – требует минимальных затрат времени. Выбираешь в библиотеке книгу: в читательский билет вписывается день её получения и дата, до которой её следует вернуть. Вернуть можно в любой день и в любое время дня и ночи. В библиотеку можно не заходить, и из автомобиля выходить не надо. Контейнер-приёмник, напоминающий увеличенный в пять раз почтовый ящик с боковым отверстием на уровне открывающегося стекла автомобиля,

расположен вплотную к проезжей части улицы у здания библиотеки. Сбросил в него книгу, и ездая дальше.

Библиотеки в США бесплатные, но за задержку книги сверх дозволенного времени взимается штраф, и очень большой.

* * *

Второй раз я побывал в Гарварде в 2005 году. Снова не обошлось без неожиданностей. Русский центр остался на том же месте, сохраняя старые традиции, но возымел новое название -- Дэвидсон-центр. Он стал так называться в память о человеке, завещавшем центру большую сумму денег. При таком «ненациональном» названии проще понять, почему здесь равнозначной по статусу может быть украинская тематика и даже белорусская. Именно занимающиеся украинской тематикой были инициаторами моего второго приглашения в Гарвард. В зале на встрече со мной была большая группа украинцев из Торонто, которые вместе со своими гарвардскими коллегами ликовали по поводу сдачи в печать очередного тома их совместного творения – Украинской энциклопедии.

Коннектикут, Нью-Хевен, Йельский университет

Мне повезло быть лектором в трёх университетах США, входящих в так называемую «Лигу плюща» -- Гарвардском, Йельском и Колумбийском. Название лиги дало растение, обвивающее старые здания университетов. Всего в этом неформальном объединении восемь колледжей и университетов. Их позиции никогда не опускаются ниже пятнадцатой строчки рейтинга журнала U.S. News and World Report.

Отправляясь в поездку, всегда ищу в Большой Советской энциклопедии (БСЭ) информацию о городах и учреждениях, с которыми придётся соприкоснуться. Для меня по сей день не ясно, почему в БСЭ нет ни слова о Йельском университете (ЙУ). Не упоминается о нём и в заметке в БСЭ о штате Коннектикут, в котором ЙУ находится. Может быть потому, что он не является гигантским? Сегодня в нём 5300 студентов. Но он, вне всякого сомнения, элитный, и аспирантов в нём больше, чем студентов – 6100! Да и основан он ранее Московского университета – в 1701 году. Может быть, о нём нет упоминания в БСЭ потому, что на его гербе надпись «Свет и Истина» не только по латыни «Lux et Veritas», но и на иврите? Может быть потому, что со дня основания его предназначение – воспитывать «образцовых мужей», а не строителей светлого будущего или просвещения широких масс трудящихся?

2003 год. Бухта Сан-Франциско, Ирина и я на паруснике-музее с писателем Ричардом Роудсом и его женой Джинджер.

Так или не так, но в легендарный Йельский я попал. Попал, благодаря знакомству с известным американским писателем, дважды лауреатом Пулитцеровской премии Ричардом Роудсом, автором художественных произведений -- книг о создании ядерной и водородной бомб. Он в свою очередь давно сотрудничал с моим давним знакомым Юрой Орехвой, а для меня просто -- Юрой – белорусом, родившимся в Минске и волею судьбы оказавшемся в Америке.

Юра, по образованию – физик-ядерщик, в 1986 году, работая в Аргонской

национальной лаборатории США в окрестностях Чикаго, так жаждал побывать на своей родине – в Беларуси, что добился от руководства лаборатории командировки на стажировку на возглавляемую мною кафедру в Белорусский государственный университет.

Стажёры всегда выступают с докладом на научном семинаре. Юра предпочёл выступить на белорусском языке. Таким образом в 1986 году впервые в послевоенной истории в Белорусском университете состоялся первый белорусскоязычный научный семинар по физике. Мы, конечно же, не сказали ему об этом, старались по-белорусски задавать вопросы и по-белорусски вести дискуссию. Получилось неплохо, почти без «трасянки» -- простонародной белорусско-русско-польской смеси, тем более – физико-математической. В деликатных случаях выручал английский, пассивное знание которого, т.е. умение переводить печатные тексты и неумение говорить по-английски, было основополагающим принципом изучения языков в советских вузах.

Хорошему белорусскому Юру научили родители, которые после войны долго скитались по Европе и, наконец, получили гражданство США. Отец Юры – Аркадий Орехва, проживая в Западной Беларуси, дружил с Евгением Скурко (Максимом Танком), получившем широкую известность

1988 год. Юра Орехва в гостях у Е. И. Скурко (Максима Танка) – давнего друга его отца. Снимок мой – С. Ш.

Ко времени моего приезда в ВВЦ Юра переехал на работу в пригород Вашингтона Сильвер Спринг в Федеральную службу контроля за ядерными реакторами. Здесь в Вашингтоне и состоялась наша совместная с Юрием встреча с Ричардом Роудсом. Многие мои американские дела были спланированы именно

во время этой встречи. Прежде всего, Ричард сказал, что он уполномочен пригласить меня с лекциями о встрече в Вискулях в свою альма-матер -- Йельский университет, профессором которого работает, и что, если я согласен, то мне будет направлено официальное приглашение. Я, естественно, с радостью согласился и осенью 2000 года прилетел в Нью Йорк, где меня ждал автомобиль, чтобы отвезти из аэропорта JFK (Джона Фитцджеральда Кеннеди) в Нью-Хейвен, до которого от JFK по американским меркам – рукой подать, 130 километров.

Мне хотелось сразу же убить нескольких зайцев, что обычно не получается, но здесь удалось. Дело в том, что в Йельский университет перебралась к этому времени моя замечательная однокурсница, которую все мы, выпускники физфака Белгосуниверситета 1956 года, иначе как Инночка не называем по сей день.

Так вот наша очаровательная Инночка с девичьей фамилией -- Курилова, не раз заявляла в студенческие годы, что обязательно свяжет свою судьбу с какой-то дальней стройкой коммунизма. Потом эта страсть угасла, и талантливая Инночка с блеском защитила в Москве диссертацию, с таким же блеском освоила английский язык и переехала со своим очередным очень умным, как и все предыдущие, мужем в США. Там в отличие от менее талантливых эмигрантов с кандидатской (по-западному—«докторской») степенью она не пошла для начала в посудомойки или няньки, а сочла себя достойной стать сотрудницей Йельского университета. И, знай наших, стала!

Узнав, что я приглашён в «Yale University», она предложила забрать меня в аэропорту, приехав туда автомобилем вместе со своим мужем, и по дороге «наговориться сколько хочешь, никому не мешая, пока муж Володя будет крутить баранку».

2000 год. В кампусе Йельского университета. Слева супруги Володя и Инночка (моя однокурсница), затем я, Галина Гринь, писатель Ричард Роудс и начальник учебного отдела ЙУ.

В пути я узнал, что в Йельском университете 12 кампусов (колледжей-общежитий) и девять факультетов.

Каждый колледж-общежитие включает столовую, библиотеку, комнаты для занятий и зал для собраний, занимает целый городской квартал, создавая, как написано в рекламном проспекте, «неповторимую атмосферу студенческой жизни».

Самый известный сегодня факультет университета – медицинский, основанный в 1810 году, в котором работали в момент моего посещения семь нобелевских лауреатов. Наибольшие конкурсы на факультеты искусств, где готовят музыкантов, художников и актеров. Самыми популярными среди абитуриентов считаются кафедры биологии, химии и биохимии, физики, астрономии, математики и защиты окружающей среды. Наиболее престижные аспирантские специальности: биомедицина, прикладная химия, инженерные науки, вычислительная техника, геофизика, молекулярная биофизика.

Студентов и сотрудников, владеющих русским языком, в Йельском университете предостаточно, и моя первая лекция шла без перевода, хотя аудитория человек на 200-220 была практически полной. Несколько человек, включая Ричарда Роудса, не владевшие русским в совершенстве, сидели возле гражданки Канады украинского происхождения Галины Гринь, приглашённой в Йель из Торонто в

качестве преподавателя современного украинского языка. Она прекрасно знала русский и помогала своим соседям меня понять.

После лекции Галина была моим гидом и переводчиком, показала и рассказала мне много интересного. Оказалось, например, что одна из предназначенных для визит-профессоров квартир, в которой меня поселили и где я с неповторимым трепетом провёл вечер, греясь у старинного камина при свете не менее старинных электрифицированных канделябров, совсем не старая. А старинные канделябры, переделанные (по моему мнению) в электрические люстры, совсем не канделябры, а обыкновенные электрические светильники. Само здание тоже совсем не старое, хотя и напоминает особняк богатого владельца 17-18 столетия. Архитектор возвёл его и множество других строений университета в 30 годы прошлого века, однако, все они как бы говорят: посмотрите, какие мы древние, но какие качественные! Да и вообще, 30-е годы прошлого века были годами бурного развития древнего Йельского университета. На производстве оружия и нефти здешние бизнесмены зарабатывали большие деньги и щедро оплачивали счета университета, необходимые для его совершенствования и развития.

-- Как вы думаете, что это такое, -- спросила Галина Гриль, когда мы подъехали к зданию, напоминающему по размерам и форме пятиэтажную панельную «хрущёвку».

-- Думаю, что это не хрущёвка, хотя бы потому, что сооружение простое и симпатичное, хотя и без окон.

-- Ошибаетесь, стен в ней нет, сплошные окна, но не из стекла.

Хотя я и физик, но сначала не понял, зачем такие огромные дорогушие окна, да еще из дюймовой толщины белого мрамора.

Оказалось, что всё предельно просто. Мы подъехали к уникальному корпусу библиотеки университета – хранилищу и

читальным залам старинных книг и рукописей. Эти уникальные книги и рукописи категорически не переваривают ультрафиолетовое излучение. Меняют под его воздействием цвет, деструктурируются или просто крошатся, выцветают. А мрамор вредный для библиотечного богатства ультрафиолет поглощает полностью, не создавая заметных препятствий для излучения, видимого человеческим глазом, поэтому днём в библиотеке солнечный свет и тепло, но никакого ультрафиолета.

Йельский университет окончили пять президентов США: Тафт Уильям Говард (1909-1913), Форд Джеральд Рудольф (1973-1974), Буш Джордж Герберт Уокер (1989-1993), Клинтон Уильям Джефферсон (1993-2001), Буш Джордж Уокер (2001-2009), с двумя из них -- С Бушем-старшим и Билом Клинтоном мне довелось не один раз встретиться во время их президентства.

Но, пожалуй, самым известным выпускником Йельского университета стал изобретатель и художник Сэмюэл Морзе, имя которого носит предложенная им азбука, широко применявшаяся в телеграфии и вообще в электро- и радиосвязи более ста лет.

Когда Галина Гриль сказала мне, что она приглашена в Йельский университет для работы со студентами, занимающимися по индивидуальным планам, я не сразу уяснил, в чём состоит такая работа. Ведь у нас по индивидуальному плану занимаются студенты, как правило, с отличной успеваемостью, хорошо проявившие себя в исследовательской работе. Да и вообще индивидуальный план -- достаточно редкая форма поощрения тех, кто, занимаясь самостоятельно, способен освоить больше, чем предусматривает программа отдельных лекционных курсов и связанных с ними семинаров и практических занятий.

В Йельском университете -- наоборот, по индивидуальному плану в стенах университета занимаются только те, кто недостаточно подготовлен, чтобы стать полноправным студентом. За подобного рода занятия по действительно индивидуальному для каждого желающего стать студентом плану нужно платить. Иногда очень дорого. Университет же приглашает для работы с такими почти студентами высококвалифицированных педагогов, и они проводят занятия с группами обучаемых -- по 2, 3, максимум 4-5 человек, а иногда и совсем индивидуально.

Крупнейший в американской столице

Высшие учебные заведения США различными способами добиваются высокого качества получаемого в них образования. В качестве ещё одного примера «непохожести» на других предельно кратко упомяну о крупнейшем в американской столице и самом

дорогом по оплате за обучение частном вузе США Университете Джорджа Вашингтона. Он создан решением Сената в 1821 году. В 2008 году плата обучения составляла в нём 38000 долларов в год. Здесь обучались тогда 24500 студентов, 13700 аспирантов, работали 2060 преподавателей. В 2012 году плата за обучение достигла 50000 долларов в год, однако, очень талантливые молодые люди из небогатых семей могут получить здесь образование за меньшую плату и даже бесплатно. Для этого разработаны строгие критерии оценки уровня обеспеченности семей обучаемых и критерии оценки способностей и трудолюбия.

В университете три кампуса: городской, начинающийся в полукилометре от резиденции Президента США - Белого Дома, пригородный и сельский. В каждом из них множество исследовательских институтов. Один из них – Институт исследований Европы, России и Евразии. В сфере его интересов находится Беларусь. Учебная и исследовательская работа теснейшим образом взаимосвязаны, и к той и к другой привлекаются учёные, деятели культуры и искусства, государственные деятели, политики из зарубежья.

Мне повезло. В 2000 и в 2012 годах и я был удостоен чести быть в этом университете в числе приглашённых лекторов.

XIV. О «МОЁМ» ЗАРУБЕЖЬЕ

Люблю путешествовать, а что касается отдыха, то путешествие – лучшая его форма. Во времена Советского Союза желание увидеть мир не должно было выходить за границы СССР, но семь раз я за эти границы вышел. Мне повезло: побывал в Югославии (1966), три раза в Польше (1974, 1987, 1988) и три раза в ГДР (1975, 1976, 1978), по дороге в Югославию целый день провёл в венгерском Будапеште. Официально все поездки были деловыми: 5 раз для чтения лекций (два раза это сопрягалось с научными конференциями); раз чисто для участия в научной конференции; раз для заключения договора о сотрудничестве.

Отдыхать за границей даже не пытался. Иногда выезжал на отдых за пределы Беларуси, в места, которые сейчас стали «ближним зарубежьем». За всю жизнь -- пять раз. Три раза -- по путёвкам (Мисхор, Сочи, Юрмала, два – «диким образом» (Сухуми, Якорная Щель).

Не по душе мне отдых по путёвке. Только в Мисхоре я выдержал такое 24 дня и до сих пор вспоминаю их с содроганием. Планировал два раза побыть в санатории по 12 суток, но удалось только один раз – в Сочи, вторая попытка в Юрмале сорвалась – в первую же ночь попал на операционный стол с аппендицитом.

Страшно не люблю долго находиться в одном и том же месте, завтракать, обедать и ужинать по расписанию. Иное дело – бродить с рюкзаком и спальным мешком в хорошей компании. Такого за мою жизнь не пересчитать в Беларуси, Крыму, Кавказе, на Памире, в Приморье, на Камчатке. Все невзгоды и трудности забываются, эмоции только положительные. Что касается дальнего зарубежья, то, как говорят украинцы, «мешок развязался», начиная с 1991 года.

ФРГ

(Й. Рау, Ю. Шноор, Г. Шноор, М. Штольпе, А. А. Собчак, Р.М, Горбачёва, М.С, Горбачёв, Г. Шрёдер)

В начале сентября 1991 года состоялся мой визит в Дюссельдорф – столицу земли Северный Рейн – Вестфалия. Когда поездку начали готовить, я был Первым заместителем Председателя Верховного Совета, а поехал туда в ранге исполняющего обязанности Председателя ВС РБ. У нас установились очень добрые отношения с этой Землёй, главным образом по двум причинам. Во-первых, премьер-министром там был великий гуманист, истинный христианин Йоханнес Рау, во-вторых, благодаря тому, что в Дюссельдорфе жила замечательная женщина – Юта Шноор. Её муж -- вице-премьер министр полиции в правительства Земли – Герберт Шноор прямо говорил, что помощь Беларуси в Земле Северный Рейн-Вестфалия

руководит Юта. Не занимая никакой должности, она делала всё, чтобы помочь детям Беларуси. Благодаря ей в Минске появилась детская хирургическая клиника, оборудованная по последнему слову медицинской науки.

Во время первого посещения мне не хотелось быть слишком любезным с немецкими руководителями, так как в моей памяти не стёрлись преступления немецких фашистов на белорусской земле. По-видимому, премьер это понимал. Он приветствовал меня краткой речью, которую начал словами.

1992 год. В парламенте Земли Северный Рейн-Вестфалия с Иоганесом Рау.

-- Прежде всего, пользуясь данными мне полномочиями, я хочу попросить прощения от имени граждан Земли Северный Рейн – Вестфалия у господина Шушкевича, а в его лице попросить прощения у всего белорусского народа за те злодеяния, которые чинили мои соотечественники на белорусской земле.

Такого начала я не ожидал. Краткая речь премьера меня шокировала, и обязала изменить моё намерение произнести сдержанное приветствие. Я

волновался, но ничего не мог с собой поделать и начал, буквально, навзрыд.

1992, Потсдам, с премьером земли Бранденбург Манфредом Штольпе.

-- Ваше превосходительство, господин премьер-министр Йоханнес Рау, дамы и господа. Благодарю вас, господин премьер, за ваши добрые слова, за приглашение посетить одну из известнейших и богатейших земель Федеративной Республики Германия. Когда я был ребёнком для меня слова немец и враг были синонимами. Но белорусы – цивилизованные люди, европейцы.

Они научили меня отличать Германию Гётте и Шиллера, Баха и Бетховена, Дюрера и Канта от Германии, связанной с именами, которые я не хочу здесь произносить. Судьба разместила нас

недалеко друг от друга, в одной части света, и нам предназначено судьбой иметь и развивать добрые взаимовыгодные отношения ради благополучия наших граждан.

Из Дюссельдорфа я планировал полететь в Потсдам к премьеру Земли Бранденбург господину Манфреду Штольпе. Выяснил, что господин Рау собирается к нему же. Предложил полететь «моим» самолётом. Он спросил.

-- Останется ли в самолёте после того, как мы с господином Шноором присоединимся к вам, место для маленького подарка лично вам от земли Северный Рейн Вестфалия?

Я недоумевал, о чём идёт речь, и господин Рау пригласил меня в соседнюю комнату. Там стоял тренажёр.

-- Я слышал, что вы любите велоспорт. Но у вас теперь служебный автомобиль – враг велосипеда, а этот велотренажёр не займёт в квартире много места.

Не признаваться же премьеру, что живу я в двухкомнатной квартире с женой и сыном, и такая роскошь как тренажёр превратит в полосу препятствий мой путь к письменному столу.

Премьер Рау на подаренном мне тренажёре с гербом Земли СРВ.

В салоне нашего Ту-134 собралась четвёрка – Йоханнес Рау, Герберт Шноор, Сергей Степанович Линг и я. Интересная беседа сократила до минимума время полёта в нашем воображении.

В Потсдаме я спросил у заместителя премьера РБ Линга, не думает ли он, что Рау займёт в ФРГ более высокий пост? Сергей Степанович ответил молниеносно: займёт обязательно!

И действительно 23 мая 1999 года Йоханнес Рау был избран президентом ФРГ.

На новом посту он продолжил свою великую христианскую миссию, делал всё, чтобы общество было свободным от ненависти, насилия, одностороннего восприятия, предубеждения.

Можно долго рассказывать о гостеприимстве в Дюссельдорфе, о подписанных во время визита соглашениях, о предприятиях и банках, посещение которых входило в программу визитов, наконец, о красоте и благоустройстве Дюссельдорфа. Вместо всего этого я расскажу о впечатлении и делах, навязанных мне Ютой Шноор.

Худенькая невысокая госпожа Юта, не произнося почти ни одного слова, не бросая властных взглядов на тех, кого ей нужно было

привлечь для решения вопросов, которые она считала важными, в одинаковой степени успешно повелевала и премьером Рау, и своим мужем – вице-премьером Шноором, и мною. После подписания всех официальных документов с руководителями земли Северный Рейн-Вестфалия она взяла меня за руку выше кисти, сказала что-то типа хватит терять время на заверения всех и всяк в искреннем к ним уважении, поедом заниматься делом. Иначе можем не застать в палате тех, кто и мне и вам очень нужны.

О какой палате шла речь и кто нам был нужен, я вначале даже не догадывался. Когда приехали, понял – торговая палата, а в ней собрались «акулы дюссельдорфского предпринимательства». Юта продвигалась к подиуму, обмениваясь взглядами, рукопожатиями и дружескими поцелуями, со встречными, бросая удалённым «привет, Ганс, Кнут, Франк...». Взошла на подиум, велела мне сесть в стоящее рядом кресло и произнесла краткую речь о том, что я совсем недавно стал главным в стране, где дети пострадали от Чернобыля и лишены должного медицинского обслуживания. Оторопев и не зная, что делать, я кивал головой в знак согласия. Оказывается именно это от меня и требовалось.

Дюссельдорф, стоят Юта Шноор, Герберт Шноор, переводчик, Ирина Шушкевич.

Вся поездка в Торговую палату заняла не более 40 минут. Просмотрев полученные там чеки, госпожа Юта сказала.

-- Мы с вами собрали миллион марок. Это, примерно, одна восьмая часть того, что требуется, чтобы детская хирургическая клиника в Минске отвечала современным стандартам. Как вам известно, более

половины этой суммы уже есть, остальное будет!

Через год госпожа Шноор организовала пригон в Минск более 50 автомобилей скорой помощи, и они были переданы водителям со всей Беларуси перед зданием Верховного Совета. Единственное, чем мы могли её отблагодарить в то непростое время, была Почётная грамота Верховного Совета.

И грустный финал.

Вскоре после всего этого Юта Шноор умерла. Она оставила завещание, суть которого такова: ни в коем случае не приносите на

мои похороны цветы. Пожертвуйте предназначенные для этой цели деньги на помощь нуждающимся в поддержке детям.

Вышедший на пенсию её муж Герберт Шноор переехал из Дюссельдорфа в Потсдам – ближе к своим взрослым детям и занялся активной благотворительной деятельностью. Он также внёс значительный вклад в обеспечение финансирования и оснащения детского хирургического центра в городе Минске.

* * *

Потом мне довелось побывать в ФРГ немало. В том же Дюссельдорфе, Бонне, Франкфурте, Фрайбурге, Мюнхене, Вольфсбурге, Кёльне. Мог сопоставить, что изменилось в Дрездене, Лейпциге, Наумбурге, Йене, Гере, Айзенахе, Альтенбурге, Потсдаме, по сравнению с тем, что я видел там в коммунистические времена, когда почти все, получаемые за свою работу в Йене деньги, потратил на поездки по ГДР. Пожалуй, больше всего меня поразили Дрезден, Лейпциг и Берлин. Моя любимая Сикстинская Мадонна Эль Греко в картинной галерея Дрездена на том же месте и так же ошеломляет посетителей, но Дрезден совсем иной: по-прежнему чистый, но более красивый и без памятника войне – руин. В Лейпциге, куда меня с женой пригласил размещённый там один из более 20 зарубежных Институтов Польши, я обнаружил совсем иной вокзал и совсем иной город. Полностью исчезла грязная серость зданий и дурной «гэдээровский» запах. Вокзал же, знаменитый тупиковый лейпцигский вокзал, перестал быть только вокзалом, а стал одновременно культурным и торговым центром, где можно отдохнуть и съесть не только знаменитые немецкие колбаски, под не менее знаменитое немецкое пиво, но и попробовать настоящие белорусские драники, украинский борщ и российскую солянку.

**1992 год, район Вольфсбурга,
Краеведческий музей. Анатолий
Собчак, Станислав и Ирина
Шушкевичи.**

Можно долго говорить и про сегодняшний Берлин. Немцы достойно реконструировали здание рейхстага, не убрали из него надписи, сделанные советскими воинами, а разумно вписали их в обновлённое здание с новым великолепным залом заседаний парламента под стеклянной крышей.

Однако самое интересное за рубежом – неожиданные встречи. Одна из них произошла от Вольфсбурга,

города, где градообразующим началом является автогигант Volkswagen. Километрах в 20 километрах от него расположен

краеведческий музей, на территорию которого свезено множество ветряных мельниц со всей Германии. Там я встретил Анатолия Собчака – своего давнего знакомого по съездам народных депутатов и Межрегиональной Депутатской Группе, и, к сожалению, слегка подпортил торжество в его честь.

Мэру Санкт-Петербурга, горячему стороннику преобразования своего города в культурную столицу России Анатолию Александровичу Собчаку предполагалось преподнести изготовленную немецкими мастерами копию пропавшего колокола. Я ничего об этом не знал. Увидев электрическую кнопку, решил, что это включение подсветки экспонатов и нажал её. Раздался громкий звон. Предполагаемый сценарий был сорван – колокол зазвонил ранее, чем документы о его передаче вручили Собчаку. Группа вручающих была расстроена, Собчак шепнул мне на ухо.

-- Вы до предела сократили процедуру передачи. Больше времени останется на ужин.

Михаил Сергеевич Горбачёв при встречах в Вольфсбурге, наоборот, не шутил. Он, полагаю, был обижен на меня за заявление на пресс-конференции. Там на вопрос журналиста, как я отношусь к избранию его председателем Зелёного креста, я ответил.

-- Не понимаю, как можно председателем всемирного экологического общества избрать человека после того, как он позволил себе в мае 1986 года в выступлении по всесоюзному телевидению говорить неправду об опасных последствиях Чернобыля. Именно это выступление стало причиной многих пагубных последствий катастрофы для здоровья граждан Беларуси, прежде всего для здоровья детей. Коммунистический подход и в иных случаях брал в деятельности Михаила Сергеевича Горбачёва верх над подходом экологическим, да и чисто человеческим.

1992, Вольфсбург, фирма Фольксваген. Раиса Максимовна Горбачёва и Ирина Шушкевич с немецкими предпринимательницами

Автогигант Фольксваген 16-18 сентября 1992 года организовал конгресс IPI International Partnership Initiative (Международная партнёрская инициатива) «Европа и мир на переломе» (Europa und die Welt im Unbruch), Были приглашены лица, которых считают интеллектуальной элитой Европы, и известные политики, такие, как Горбачёв и будущий канцлер ФРГ Герхард Шрёдер, а также известные бизнесмены. Здесь можно было узнать

видение будущего людьми просвещёнными и очень опытными. Всё это сочеталось с хорошо продуманными действиями организаторов по рекламе продукции фирмы Фольксваген. Показывая машины спецназначения, представитель фирмы спросил.

-- Вас не пугает этот автомобиль? Он очень большой и может служить пожарникам, строителям, перевозчикам специальных грузов в экспедициях по бездорожью и т. д. Но управлять им может любой человек, умеющий ездить на легковом автомобиле. Не хотите попробовать? Предлагаю вам ключи от него.

Рассказчик, я думаю, был абсолютно уверен, что никто из женщин, к которым он обращался, на такое предложение не согласится. Конечно же. Откуда ему было знать, что в группу аристократов и первых леди затесалась моя жена, которая к тому времени никогда не водила никакого автомобиля, кроме Жигулей, но абсолютно уверовала, что делает это лучше других.

-- Да, я хочу,-- крикнула она по-английски, выхватила у экскурсовода ключи и, сняв туфли на высоких каблуках, поднялась по ступенькам в кабину гиганта.

-- Филипп,-- сказал я шофёру, эмигранту из Эстонии, хорошо говорившему по-русски, предоставленного в моё распоряжение с роскошным лимузином Ауди, -- это результат твоих похвал в её адрес. Поехали за ней до того столба или дерева, которое она снесёт.

Поехали, но, к счастью, ничего плохого не случилось. Моей Ире удалось доказать, что огромная машина вполне ей подвластна. Она даже припарковаться сумела примерно там, откуда стартовала.

Китай

(Цзян Цземин, Вань Ли, Ли Пэн)

Официальный визит в Китай не был похож на все иные визиты такого рода. На нашем Ту-154 мы приземлились в Пекине в аэропорту Шоуду в 20 градусный мороз. Сразу же нас поместили в тепло и показали, как летают китайские руководители и сопровождающие их лица. Всю делегацию Беларуси мгновенно «переселили» в Боинг-737, оборудованный исключительно богато и уютно. Начали «ублажать», наделив китайскими сувенирами и предлагая изысканные блюда китайской и европейской кухни. Я с женой находился в отдельном самом роскошном салоне. Нас обслуживали две очень красивые стюардессы в китайских национальных нарядах, потом я узнал, что и остальная делегация также пребывала не в спартанских условиях. У меня и до этого не было стойких иллюзий насчёт рабоче-крестьянского характера власти в Поднебесной, но здесь они окончательно исчезли.

Через два часа приземлились в международном аэропорту Гаоци города Сямэнь в районе тайваньского пролива. Помня

январский холод Минска Пекина, недели на себя то, в чём приехали и вышли из самолёта в ушанках и зимних пальто навстречу китайским пионерам в лёгких костюмчиках и платицах. Температура воздуха была 25 градусов.

Гостиница «Сямэнь», в которой нас разместили, тянула по основным показателям на пятизвёздочную европейскую. У меня в номере была даже электрическая сауна, которую отделяла от ванной комнаты стена из монолитного толстого стекла, но включить сауну не удалось ни мне, ни гостиничным служащим.

**Из 20-градусного мороза
Минска и Пекина в 25-
градусную жару Сямэня.**

После обеда поехали смотреть Сямэньский мост – многокилометровое сооружение, соединяющее плотно заселённый (более 20 тысяч человек на кв. км) маленький остров Гуланью с материком. Посетили обувную фирму Цили и кондитерскую фабрику. Вечером был ужин от имени правительства Фунцзянь в ресторане «Минсяо».

Таким образом, перед основными встречами на уровне руководителей КНР нам показали, что такое образцовая китайская провинция и специальная экономическая зона. Я бы сказал, и правильно сделали, потому что именно там можно было понять, что в китайском смысле вся Беларусь уже стала более, чем свободной экономической зоной. Все

граждане Беларуси усилиями Верховного Совета получили к тому времени больше экономических и политических прав и свобод, чем китайские предприниматели в свободных экономических зонах КНР.

Следующим утром мы продолжили знакомиться с фирмами – чемоданно-сумочной, текстильной, электронной и совершили экскурсию по острову Гуланью. Посмотрели, как на острове площадью 0,97 км кв., из которых лишь 3,6% плоскость, остальное – скалистые горы, проживают 22 тысячи человек. Вечером состоялся наш отлёт в Пекин. Ужинали на борту самолёта. В 20 часов 15 минут всех членов делегации разместили в резиденции «Дзяоюйтай», меня с женой в огромном роскошном особняке, соединённом тёплым переходом со зданиями, где находились остальные члены делегации.

Трудно представить что-то более роскошное и красивое, чем правительственная резиденция КНР в Пекине для приёма гостей, которых власть Китая считает важными. До этой поездки я, чаще всего

с женой, размещался во время официальных и просто деловых визитов в известнейших резиденциях – Блэйр-Хаузе в Вашингтоне, в правительственном отеле Петербурге возле Бонна, в апартаментах Капакабана-палас в Рио де Жанейро и старинных аристократических отелях Парижа, наконец, в апартаментах для VIP-гостей древней столицы Японии Киото, но китайская резиденция ошеломляла и по сравнению с ними.

09.01.1993, Пекин. С Председателем ВСНП Вань Ли на церемонии встречи в зале Хэйбэй.

Зная размер своего шага, я быстро посчитал, что мне с Ирой предоставлено не менее 1500 кв. метров площади с тремя рабочими кабинетами, большим залом для встреч, столовой, тремя спальнями с выходами в поразному, но предельно качественно оборудованными ванными комнатами, в одной из которых был небольшой бассейн. Что касается жены, то она никак не могла

покинуть переходы между всеми этими залами, которые язык не поворачивается назвать коридорами. В них везде 8-10 января (!) цвела адаптированная к комнатным условиям сакура – множество небольших деревьев японской вишни с приятно пахнущими розовато-белыми цветочками в керамических чашах. В одном из рабочих кабинетов также цвела сакура, в остальных были неизвестные мне китайские вазоны.

На следующее воскресное утро 10 января планировалось посещение Великой китайской стены, но оно не состоялось из-за гололедицы. Поехали в волость Синдзицин, производящую зелень во все времена года. Посетили теплицы и, как нам сказали, дома кооператоров – китайских «колхозников». В процессе распития с ними зелёного чая и вручения им сувениров в благоустроенных коттеджах с раскалёнными трубами центрального отопления все мы усомнились в том, что кооператоры в этих домах действительно живут. Они подолгу искали и чашки, и чайники, и заварку и, ложечки, и, похоже, не меньше, чем мы, удивлялись окружающей обстановке, посуде и мебели. Не нужно было быть психологом, чтобы понять, что демонстрация кооператорского благополучия – просто спектакль.

В Институте физики больших энергий Академии наук Китая

Иное дело – поездка в Императорский дворец «Гугун», где масштабы и величие производят неизгладимое впечатление или Институт физики больших энергий Академии наук Китая, куда я попал на следующий день и где стал свидетелем, проводимых там экспериментов на ускорителе встречных пучков.

Церемония встречи с Председателем Постоянного Комитета (ПК) Всекитайского Совета Народных Представителей (ВСНП) Вань Ли в зале Хэйбэй и приём в Западном зале ВСНП соответствовали высшей категории приёма зарубежных гостей.

С Генеральным Секретарём ЦК КПК Цзян Цзэмином

Деловая в государственном смысле часть поездки состояла из переговоров с премьером Ли Пэнгом в особняке «Фанфэйюань» резиденции, где мы были размещены, и беседы с Первым лицом КНР Генеральным Секретарём ЦК КПК Цзян Цзэмином в его резиденции «Чжуннаньхай».

* * *

Китайская и белорусская пресса высоко оценили итоги визита. Но... Через 3-5 дней после нашего возвращения из Китая заходит ко мне один из сотрудников Секретариата Верховного Совета.

-- Станислав Станиславович, простите, но не могу от вас скрывать слухи, которые ходят среди сотрудников и депутатов. Очевидцы клянутся, что видели, как из грузового отсека Ту-154, летавшего в Китай, выгружали кожаную мебель. Утверждают, что это вы приобрели её в Китае для личных целей, так как никто иной не мог дать команду загрузить её с самолёт. Я говорю об этом вам, так как убеждён, что вы такого сделать не могли.

-- Спасибо, попробую разобраться.

Зову к себе начальника секретариата Александра Петровича Антипенко. Он прямо с порога кабинета.

-- Станислав Станиславович, таким взволнованным голосом вы могли пригласить меня только по одному вопросу. Да, да, да! Мебель из Пекина самолётом привезли в обход вас и меня. Опытный человек (назвал имя, фамилию, должность) договорился с командиром экипажа. Всё по правилам, перегрузки самолёта не было. Факт установлен, действующие лица тоже, приказывайте, что делать.

Злоба очень медленно уступает место рассудительности, поиску справедливого решения. Если на высшем уровне творится такое, что можно вытворять на более низких уровнях государственного управления? Если честно открыто объяснить всем, что произошло, значит прежде всего высечь самого себя.

-- Александр Петрович, приказ мой такой. Пусть любитель кожаной китайской мебели оплатит доставку этой мебели воздушным транспортом из Пекина в Минск по коммерческому тарифу. А шум подымать не надо, о нас и так идёт не лучшая слава.

Шеф Секретариата ВС со мной согласился, сказав, что денег, за которые можно продать мебель, наверняка не хватит на то, чтобы оплатить привоз. Зато запомнит, что жульничество наказуемо.

Бразилия, Уругвай, Кабо-Верде,

(Колор ди Мелу, Лупа да Силва, Джордж Буш, Фидель Кастро, выходец из Беларуси, пакистанский приём, Александр Руцкой)

В 1806 году, спасаясь от войн Наполеона, в Бразилию перенёс свой двор португальский король Жуан VI. В 1821 году он вернулся в Португалию, оставив сына Педру I вице-королём Бразилии. Тот в 1822 году отказался подчиняться парламенту Португалии и провозгласил независимость Бразилии. В 1889 году его сын – король Педру II был свергнут в результате военного переворота. Бразилия перестала быть монархией и стала президентской республикой. Вот, пожалуй, и всё,

что я знал о Бразилии, отправляясь в 1992 году на экологический саммит глав государств в Рио де Жанейро (Рио).

В Бразилию белорусская делегация добиралась рейсовым самолётом по довольно любопытному маршруту Москва – Мальта -- Саале (Кабо-Верде) -- Монтевидео. Сначала самолётом Аэрофлота мы пролетели над бразильским Рио и аргентинским Буэнос-Айресом к уругвайскому Монтевидео, а потом латино-американским Боингом-747 прилетели из Монтевидео в Рио с посадкой в Буэнос-Айрес. Маршрут был не очень логичным, потому что по инерции со времён СССР считалось, что Аэрофлоту не выгодно летать в Рио.

Саммит был посвящён устойчивому развитию человеческого общества и природы. На нём предстояло принять Повестку дня на XXI век и отнести экологический менеджмент к ключевой доминанте устойчивого развития, а также к высшим приоритетам промышленной деятельности и предпринимательства. Для меня полёт на саммит стал источником целого ряда полезных, по-человечески интересных поучительных встреч и обсуждений в Монтевидео и Рио.

Началось с Монтевидео, где в резиденции российского посла я узнал, что в Уругвае на три миллиона граждан приходится не менее 19 миллионов разгуливающих по прериям быков, стада которых периодически загоняют в загоны и отвозят на бойни. Далее на кораблях-рефрижераторах туши плывут в Америку и Европу. Небезынтересно также, что Уругвай, как и все латиноамериканские государства – страна католическая. Но католицизм здесь особый. Костёл посещают по заверению российского посла не более 200 тысяч человек, тем не менее, все граждане вносят пожертвования для функционирования костёлов и считаются добропорядочными христианами.

Второй поучительной неожиданностью был выход из самолёта с великолепным кондиционированием в 38 градусную жару и стопроцентную влажность вечернего Рио, где в салоне первого класса я был одним из попутчиков Генерального секретаря ООН Бутроса Бутроса Гали. Из уважения к должности и возрасту я, естественно, попытался пропустить Генсека ООН перед собой из люка авиалайнера. Он, наоборот, пропускал вперёд меня. Произошла заминка.

Тогда Бутрос Гали пояснил.

-- Я – высший чиновник (bureaucrat), а вы – сановник (dignitary). Мой долг вас пропустить первым.

Так методом проб и ошибок познавались мною и азы дипломатического протокола.

Саммит открылся на следующий день – 3 июня 1992 года. На него приехали 114 глав государств. Открывая саммит и конференцию, мой вчерашний учитель по правилам хорошего тона -- Генеральный секретарь ООН Бутрос Гали отметил: «Никогда ранее в истории так

много не зависело для вас самих, для ваших детей, для ваших внуков, для жизни во всем многообразии её форм от того, что вы делаете или не делаете».

Весьма эффектно приветствовал саммит президент Бразилии Фернандо Афонсу Колор ди Мелу или просто Колор. Молодой и красивый он находился на посту президента второй год, но через четыре месяца после саммита сам ушёл в отставку, спасаясь от импичмента. Выступления глав государств -- президента США Джорджа Буша (старшего), президента Франции Франсуа Миттерана, премьера Великобританиии Джона Мейджора и др. были приняты на саммите достаточнот тепло. Ни одно выступление, однако, не было так восторженно принято, как выступление Фиделя Кастро. Я до сих пор помню, и, что самое удивительное, являюсь сторонником его аргументации. Он призвал развивающиеся страны не соглашаться безропотно, без финансовой поддержки высокоразвитых стран, выполнять вполне логичные строгие экологические требования.

-- Вы разбогатели, осквернив Землю промышленными отходами и ядовитым дымом, а теперь хотите запретить нам покончить с нищетой и встать на ноги или же просто улучшить нашу жизнь теми же методами, как это делали вы. Нельзя в наших странах решить за наш счёт наши и ваши экологические проблемы. Развитые страны должны оказать безвозмездную поддержку развивающимся странам в плане освоения экологически чистых технологий.

Не уверен, конечно, что точно воспроизвожу его слова, но смысл их передаю без искажений. Саммит бурно аплодировал Кастро. Большинство делегатов встали. Я тоже встал. Главы государств -- участники саммита -- сидели в порядке латинского алфавита по названиям стран. Рядом со мной находился бельгиец, он вскочил и восторженно захлопал в ладоши, но потом опомнился и сел снова в своё кресло. Нельзя представителю демократической страны долго восхищаться диктатором, сколь бы логичны не были его заявления!

На саммите были одобрены несколько важных документов: «Декларация РИО по окружающей среде и развитию»; «Повестка дня на XXI век» (Программа 21); «Рамочная конвенция ООН об изменении климата»; «Конвенция ООН о биологическом разнообразии» и др. В совокупности они декларировали набор добрых пожеланий: люди должны иметь право на здоровую и плодотворную жизнь в гармонии с природой; охрана окружающей среды должна стать неотъемлемым компонентом процесса развития и не может рассматриваться в отрыве от него; удовлетворение потребностей в развитии и сохранении должно распространяться не только на нынешнее, но и на будущие поколения; уменьшение разрыва в уровне жизни между странами, искоренение бедности и нищеты принадлежит к числу важнейших задач мирового сообщества; государства должны

исключить или уменьшить не способствующие устойчивому развитию модели производства и потребления.

Через 20 лет не трудно убедиться в утопичности этих правильных пожеланий и в обоснованности гнева диктатора Фиделя Кастро. Конференция ООН «Рио+20», состоявшаяся в июне 2012 года, констатировала: полтора миллиарда человек не имеют доступа к электричеству, два с половиной миллиарда человек не имеют туалета, почти миллиард человек ежедневно голодает, более трети всех известных видов грозит окончательное исчезновение из-за изменения климата... Если мы хотим оставить потомкам пригодный для жизни мир, проблемы деградации окружающей среды нужно решать сейчас.

Но вернёмся к 1992 году. Хозяева саммита в Рио организовали поездку белорусской делегации в Петрополис – бывшую резиденцию португальских королей в 70 километрах от Рио на высоте над уровнем моря порядка километра. Побывав там, можно понять, почему это место называют раем на Земле. Яркое солнце, но не жарко, низкая влажность, море цветов, красивые утопающие в зелени и цветах виллы. Как утверждают бразильцы, здесь самое большое казино в мире, так и не начавшее функционировать в качестве казино. В год окончания его строительства (1947-й) парламент Бразилии запретил в стране азартные игры. Тем не менее, круглый зал предполагаемого казино и дворцового типа отель рядом впечатляют. Ходит невероятное количество бак о тех, кто снимает здесь апартаменты и отдыхает. Что-то определённое утверждать трудно: клиентам гарантируется конфиденциальность.

Известный всему миру Христос на горе и ботанический сад возле Рио запомнились нашей делегации и по своему величию, и по сравнительно небольшому кафе, хозяином которого оказался выходец из Беларуси. В его выбеленный одноэтажный дом под тростниковой крышей в тени вечнозелёных деревьев мы зашли и заказали минеральную воду. Хотелось утолить жажду. Узнав, кто мы и откуда, хозяин явил унаследованное от своих далёких предков истинно белорусское гостеприимство: принёс «от заведения» поднос с фужерами, наполненными почти до верха тем, что применительно к компании можно называть ромом, тростниковой водкой или самогоном. А для меня нет страшнее напитка, чем сахарный самогон. Раза два в жизни мне пришлось его по неведению попробовать, и я после этого, буквально, целые сутки изнывал от головной боли. А здесь всё опять шло к этому. Мои внутренние рассуждения были чисто совковскими: обидеть симпатичного, жизнерадостного, гостеприимного, давно не видевшего выходцев из своей древней родины людей, или смириться с предстоящей головной болью? Была, не была. Обижать не будем. Провозгласили тост, чокнулись фужерами с хозяином, выпили. До дна выпили. Все!

Хозяин незаметно исчез и сразу же вернулся со вторым подносом с такими же фужерами с тем же содержимым. Внутренние совковые переживания повторились, и под дружное «Жыве Беларусь!» мы повторили предыдущую процедуру, и, поблагодарив хозяина, быстренько покинули кафе, ссылаясь на необходимость торопиться. Понимали: третий тур мог привести к абсолютно нежелательным последствиям.

Оказалось, что бразильская тростниковая водка не равня белорусскому сахарному самогону. Ни у кого из её попробовавших не было никаких нежелательных последствий! А кой у кого даже прорвалось.

-- Эффект такой, как будто пили наш, житный.

Кроме официального выступления на саммите, которое наше министерство по окружающей среде подготовило мне так, что не пришлось вносить в него какие-то ощутимые правки, у меня были две индивидуальные встречи. Первая – непродолжительная с президентом Бушем, который вряд ли надеялся на переизбрание в приближающемся ноябре; вторая -- с Фиделем Кастро, который во всех своих переизбраниях на Кубе никогда не сомневался. Буш был предельно вежлив, ориентировался в белорусских реалиях, сказал, что ему нравится ориентация Беларуси на демократию, права человека и рыночную экономику, что рад познакомиться со мной, чья подпись стоит под Беловежским соглашением. Конкретные деловые вопросы в разговоре с президентом США не затрагивались.

С Фиделем Кастро было проще. Мне нравился его кубинский патриотизм, и я, хотя и давно, но внимательно от корки до корки прочёл книгу под названием «Кубинская публицистика», изданную в Советском Союзе. Там была большая статья моего собеседника «История меня оправдает». Абсолютно не лицемеря, я признался, что мне нравится его статья и импонирует его личный героизм. Сказал также о своём участии в обучении кубинских студентов в СССР, после чего Кастро встал, но не позволил подняться из кресла ни мне, ни переводчику. Прогуливаясь перед нами, он рассказал о своём видении ситуации на Кубе и в мире, а также о его желании крепить связи с Беларусью.

Продолжая сидеть, я заметил, что полуботинки Кастро имеют очень высокий каблук, т. е. хотя он достаточно высок, но желает казаться ещё более высоким, настоящим гигантом. И это ему удаётся.

Экзотика для меня всегда привлекательна. Именно за это я был наказан в Рио. Получив приглашение от главы делегации Пакистана на официальный приём в окрестностях Рио, я поехал на него. Встретил там нескольких россиян и других представителей постсоветских стран. Приём по неизвестной нам тогда пакистанской традиции оказался безалкогольным. Пили соки и неизвестные мне ранее напитки, заедая тоже доселе мне неизвестными и для кого-то,

по-видимому, очень приятными порошками и гранулами, насыпанными на серебряные большие и малые подносы. Было не трудно понять, что тремя пальцами можно захватывать и класть в рот большими порциями то, что насыпано на больших подносах. Со снадобьями на маленьких подносах так поступать опасно – обжигают.

В итоге все «постсоветские» согласились, что поступили опрометчиво, «предали Польшу»: пошли не на польский приём, куда нас тоже звали. Исходили по-совковски из неправильных посылов: поляки, мол, рядом, шанс попасть на приём к ним в будущем не совсем маленький, а Пакистан – экзотика, интересно, забавно!

Это опытные зажиточные карьерные дипломаты идут на приём решать вопросы, которые в официальной обстановке продвигаются трудно, а совки – попить да поесть «на халявку» или же увидеть что-то до сих пор невиданное. Не поднялся тогда и я до уровня трезвых политических оценок, куда идти надо, куда – не следует, а куда – пустая трата времени. К счастью, в процессе дальнейшей работы довольно быстро исправился, но всё тем же низкоэффективным методом проб и ошибок.

Интересной частью путешествия в Латинскую Америку стало возвращение. Надо же такому случиться, что как раз в это время в Рио прилетел мой давний знакомый и в то время весьма мною уважаемый первый (и, как выяснилось позднее – последний) вице-президент России Александр Владимирович Руцкой. Он завоевал мои симпатии, когда в Кремле простецки взял меня за лацканы пиджака и громким шепотом сказал.

-- Да я за Бориса Николаевича (Ельцина – С.Ш.) жизни не пожалею!

Не поверить ему было нельзя. Герой Союза, героически слетал в Форос за Горбачёвым, лётчик с более, чем четырьмя сотнями боевых вылетов, дважды сбит, раненый ушёл от преследования в Афганистане... и многое, многое такое, о чём другие и не мечтали.

И вот он возвращается из Венесуэлы, куда летал с официальным визитом, через Рио. Решил заглянуть на экологический саммит. Со мной – как со старым другом. Говорит не шепотом, как в Кремле, а громко всё в той же свойственной ему решительной манере.

-- Какого чёрта уважаемому Ивану Степановичу Плющу – Председателю Верховного Совета Украины, в которой я родился, и вам – нашему с ним славянскому брату, возвращаться рейсовым самолётом? Приглашаю вас обоих на мой правительственный ИЛ-62, гораздо более совершенный, чем ИЛ-62 рейсовый. Прилетим быстрее и комфортнее. Да и поговорить в дороге есть о чём. Новых впечатлений – уйма! Самое главное – в океане на острове Саале поплаваем пока самолёт заправят.

Отказываться от столь заманчивого предложения мне и моему, без преувеличения, доброму другу – Ивану Степановичу Плющу,

казалось неправильным, и мы, поблагодарив за предложение, согласились. Совсем не к месту, подумал я, вспоминать, что сначала Александр Владимирович гневно осудил Беловежское соглашение. Понял потом, наверное, что ошибся. Неожиданные ходы делал: фракцию «Коммунисты -- за демократию», названную шутниками «Волки -- за вегетарианство», создал, но и она помогла Ельцину при избрании голоса собрать, компартию России с человеческим лицом создать пытался... Убедил я себя в итоге, что положительный человек вице-президент России, но, убедил, как оказалось, не на долго.

Минут через 15 после взлёта Александр Владимирович пригласил нас в салон в хвостовой части самолёта. За столиком для пяти человек сидел он, его жена и его помощник. Когда мы сели, комплект оказался полным. Любой из нас мог выйти, подняв сидевшего во главе стола Руцкого.

Стюардесса поставила на стол бутылку водки «Smirnoff», хлеб, холодные закуски. Стопки были устойчивыми и ёмкими. После первого их наполнения в бутылке 0,8 л осталось менее половины содержимого. Не помню, каким был первый и остальные тосты, но хорошо помню, что активно пьющими были только вице-президент России и его помощник. Остальные пригубливали, но не пили. Сначала Руцкой корил нас за сдержанность, потом перестал замечать. Время от времени он допускал недопустимые в приличном обществе высказывания, в том числе и в адрес очень милых женщин -- своей жены и стюардессы, систематически наведывавшей нас то с очередной бутылкой, то с новой закуской.

Я вспомнил почему-то Ельцина и китайское: «беда, коль пигмеи пытаются изобразить себя титанами». Борис Николаевич мог выпить лишнее, и не один раз я был свидетелем этого, но чтобы сквернословить или изменять решение под действием выпитого... Никогда!

Положение у нас с Плющом аховое! Возражать бессмысленно -- вице-президент абсолютно уверен в своей правоте и уже давно никого не слышит и не пытается слушать. Убежать некуда, защищать женщин словами -- не по-мужски. Молчим, не пьём, хотя я уже и не прочь выпить, чтобы снять стресс, но Иван Степанович -- глыба! Ни грамма, а знаю, что умеет. Стремлюсь поступать, как он.

Вице-президент важничает и всё увереннее и увереннее несёт сплошную околесицу.

-- Договорился в Венесуэле о поставках тропических фруктов в Россию. Наконец-то, россияне получают нужные витамины. Да давно бы имели, но вот Гайдар, сколько его на путь истины не ставил, не понял во время своего премьерства важность фруктов из тропиков и вообще в экономике ничего не понимает, сколько его не учил. Не присмотри я, наподписывал бы писем с арифметическими ошибками, хотя сам--

человек честнейший, но невнимательный, а окружение, то ещё! Не то, что палец, руку откусить способно.

Монолог прервался, когда лайнер приземлился на острове Саале. Вице-президента России встречал премьер островного государства Кабо-Верде – бывшей португальской колонии Острова Зеленого Мыса с населением меньшим, чем собирается в праздничный день на Красной площади.

К делу подключился помощник Руцкого, который до этого времени пил в нашей компании и молчал.

-- Поприветствуйте премьера, подчеркните важность наших с его страной контактов.

И вице-президент России начал объяснять премьеру Кабо-Верде важность российско-кабовердийских отношений с таким пафосом и вдохновением, как рассказывал мне с Иваном Степановичем Плющом о влиянии тропических фруктов из Венесуэлы на жизнь российских граждан. К счастью, обмен мнениями с премьером островного государства (кстати, выпускником Гарварда, как мне сообщил сопровождавший его советник) был недолгим.

2011 год. Мосфильм, в перерыве записи телепередачи о распаде СССР, в которой С.Б. Станкевич и я – по одну, а А.В. Руцкой – по другую сторону барьера.

Поехали на пляж по единственной на острове неширокой асфальтной дороге, ведущей от аэропорта к, снова же, единственному на острове посёлку с пятью тысячами обитателей и с бесконечными «пляжами» вокруг. Охранники вице-премьера – атлетического телосложения весёлые и вместе с тем очень серьёзные и ответственные ребята -- стремились уберечь Александра

Владимировича от накатывающих на песчаный берег волн, а он, восклицая, «будет буря, мы поспорим и поборемся мы с ней», рвался в океан. Успокоился лишь тогда, когда при всём старании охранникам не удалось уберечь его от выброса волной на берег. Волны сравнительно быстро смыли с песка отпечаток тела вице-президента и следы унёсших его охранников.

После взлёта Руцкой попросил позвать командира авиалайнера.

-- До Москвы сделайте посадку в Киеве.

-- Товарищ генерал, есть проблемы...

Командир не успел договорить, вице-премьер прервал его.

- Приказываю сделать посадку в Киеве.
- Слушаюсь. Разрешите исполнять.
- Исполняйте.

Посадку в Киеве Руцкой решил сделать ради Ивана Степановича Плюща, которого такой жест заставил смутиться и попробовать возразить, мол, к чему такие заботы сажать громадину с почти сотней человек на борту. Но доброжелательность генерала оказалась безмерной. В Киеве мы сели, Плюща высадили и полетели в Москву.

* * *

Детали полёта в Бразилию в 1992 году я вспомнил по пометкам в старой рабочей тетради, готовясь к поездке в польский Гданьск в конце сентября 2011 года. Ежегодно там 29 сентября в день рождения первого постсоветского президента Польши Леха Валэнсы происходит вручение международной премии его имени. Как член жюри по присуждению этой премии я всегда с удовольствием летаю в Гданьск на заседания жюри и торжества вручения премии в старинном Дворце Артуса. Кроме того, не могу отказаться от удовольствия очередной раз взглянуть на старинный Гданьск – колыбель польского профсоюза «Солидарность», испытать радость общения со старыми друзьями и членами жюри, такими как бывшие президенты Чехословакии -- Гавел, Румынии -- Константинуеску, Болгарии -- Желев.

29 сентября 2011 года, Гданьск, Дворец Артуса. С бывшими президентами Бразилии – Луизом Игнацио Лула да Сильво, Румынии – Андреа Константинуеску, Польши – Лехом Валэнсой.

Премия 2011 года присуждена нами бывшему президента Бразилии Луису Инасиу Лула да Сильво, которого мы кратко называли Сильво. Главная его заслуга на посту президента – решительное снижение процента граждан Бразилии, находящихся на уровне бедности. Процесс этот продолжает его преемница президент

Бразилии Дилма Вана Русеф. По заверениям экспертов близится время, когда в этой стране не нужно будет отгораживать бронемашинами массивы хижин бедняков (фавеллы) от международных мероприятий типа саммита 1992 года. Тогда члены делегации и километра не могли проехать без бронемашин сопровождения, а за городом – без барожирующих над вашим автомобилем вертолётов с пристёгнутыми к сидениям стрелками у открытых люков.

Монголия

Приятная неожиданность произошла осенью 2008. Меня пригласили на открытие Фестиваля культуры и спорта в Улан-Батор – столицу Монголии. Многие руководители этой страны получили образование в СССР. Некоторых из них я знаю ещё со времён СССР.

Сведения о давней истории Монголии, приведенные в БСЭ и школьных учебниках советского времени, расходятся с тем, что доводили до нашего сознания гиды музеев и политики этой страны. Раньше я был уверен, что путём военных кампаний, отличающихся невиданной жестокостью, Чингисхан, правивший Монголией с 1206 по 1227 год, создал самую крупную империю во всей мировой истории. Её население составляло свыше трети тогдашнего 300 миллионного населения Земли. Однако мои старые и новые монгольские знакомые единодушно утверждали, что Чингисхан – деликатнейший правитель, который проводил мудрейшую политику, оставляя на завоёванных землях прежних руководителей и лишь возлагал на них обязанность платить скромную дань. Наказывались лишь те, кто делал это не так, как было предписано.

Географическая карта империи Чингисхана

Култ Чингисхана в Улан-Баторе огромный. Аэропорт Чингисхан, лучший отель – Чингисхан, гигантская скульптура у входа в парламент Чингисхан, в музеях и галереях – географические карты империи 1227 года и Чингисхан во множестве величественных поз.

Очень хотелось как можно лучше во всём этом разобраться, но мне не повезло. Я сильно отравился и не смог не только везде

побывать, но и выступить в намеченное для этого время в парламенте – Великом государственном хурале. Однако болезнь позволила мне детальнее познакомиться с тем, что не входило первоначально в программу поездки. Левомецетин поставил меня на ноги через сутки, и местом моего выступления стал правительственный приём в честь Международного фестиваля.

Приём проводился на бывшей в даче Чойбалсана. Мои монгольские друзья вспоминали его недобрым словом: уничтожил 36 тысяч «врагов народа», разрушил сотни монастырей и храмов. Всё как и в СССР и в те же 1937-38 годы, только населения меньше, поэтому и жертв меньше. При Чойбалсане была запрещена религия. Не знаю, как выглядела прежде его дача, сейчас она являет собой роскошный дворец. Гигантский участок лесистого предгорья, что в условиях Монголии – большая редкость, как мне пояснили, был капитально отгорожен от остального мира ещё при нём.

Небезынтересным было для меня, что Монголия многим обязана СССР и России. Мог только добавить – не только в хорошем, но и в дурном смысле. В миниатюре здесь было повторение событий в СССР. В 1952 году к власти пришёл соратник Чойбалсана Цэдэнбал, в 1956 и 1962 гг. был осуждён культ личности Чойбалсана, в 1984 году Цэдэнбал при содействии ЦК КПСС был смещён со всех постов «по болезни» и до смерти в 1991 году был «на пенсии» в Москве.

До 1990 года Монголия была социалистической страной с единственной правящей Монгольской народно-революционной партией. (МНРП). Сейчас не без трудностей Монголия строит парламентскую республику. Демократии и прав человека в ней несоизмеримо больше, чем в Беларуси.

По Конституции 1992 года Глава государства — президент, избираемый на альтернативной основе путём всеобщего прямого и тайного голосования сроком на 4 года. Президент может переизбираться ещё на один срок. Законодательную власть осуществляет парламент — Великий государственный хурал (ВГХ) в составе 76 членов, избираемых всенародно путём тайного голосования сроком на 4 года. Исполнительную власть осуществляет правительство, формируемое ВГХ по предложению премьер-министра и согласованию с президентом. Кандидатуру главы Кабинета министров представляет на рассмотрение ВГХ президент. Правительство подотчётно ВГХ. На местах власть осуществляют органы местного самоуправления.

Я специально подробнее описал политическую ситуацию в бывшей социалистической МНР, ставшей демократической Монголией, чтобы отметить, что и в Азии между коммунистическим Китаем и довольно далёкой от демократии Россией строится демократическое государство. Здесь несколько партий, они борются на выборах за места в парламенте, создают коалиционные

правительства. Массы протестуют, когда считают, что имеет место недобросовестность членов избирательных комиссий или иная фальсификация. Выходят на площадь. На это не нужно получать разрешение.

2008 год, Улан-Батор, участники Фестиваля культуры и спорта из СНГ у здания музея, второй справа – я.

Наличие множества полезных ископаемых в Монголии сделали Улан-Батор местом размещения офисов зарубежных фирм, а сам город стал сочетанием небоскрёбов, роскошных коттеджей, юрт и старой городской инфраструктуры. Население его выросло за последние 20 лет почти в три раза, а дороги и улицы изменились слабо. Таких беспросветных автомобильных пробок как в Улан-Баторе я, пожалуй, нигде не видел. Если ночью из аэропорта до гостиницы мы приехали за неполных 20 минут, то днём на обратный маршрут нам понадобилось более трёх часов. Монголы – люди спокойные, доброжелательные, если по-русски что-то спросишь на улице, обязательно привлекут того, с кем вместе всё детально разъяснят и пожелают успеха. Легковых автомобилей – невиданное множество: с правым и левым рулём, преимущественно бывшие в употреблении японские и корейские, но есть и роскошные лимузины представительского класса.

Япония

Японией нельзя не восторгаться. Однако понять, кто такие японцы и что такое Япония не просто. Для этого нужно, наверное, с японцами в Японии «пуд соли съесть», а они стремятся солить пищу как можно сдержаннее. Да и был я в Японии совсем недолго: за пять поездок чуть более месяца. Но и за это короткое время впечатлений много, хочется ими поделиться.

Красивых мест Японии не занимать.

Японцы любят красоту, дисциплинированность и пунктуальность. Доктор Кван – кореец, много лет проживший в Японии, хорошо знает эту страну и её обычаи. В этой 128-миллионной стране есть единственная диаспора иностранцев – корейская. В ней порядка 600 тысяч человек. И хотя из приведённых цифр следует,

что на одного корейца в Японии приходится более 210 японцев, доктор Кван организовал мою поездку по южной Японии для чтения публичных лекций, как он сказал, опираясь на корейскую диаспору. Он сопровождал меня с моей женой во время всей поездки, заблаговременно договорился о моих встречах в университете, парламенте Токио, с несколькими губернаторами, каждый вечер вручал мне детальный план проведения следующего дня.

-- Я планирую здесь всё так, как принято в Японии, - говорил он.

Не сразу я уловил, что Кван – профессиональный менеджер, успешно занимающийся различного рода бизнесом, в том числе и организацией публичных лекций. Когда первый раз я из Сеула летел в Токио на конференцию и имел там после окончания конференции один свободный день, доктор Кван предложил мне прочесть в этот день, как он сказал, «пробную публичную лекцию на тему «Куда идут бывшие республики Советского Союза».

-- В вашей книжке «Неокоммунизм в Беларуси» эта тема раскрыта по состоянию на 2000-2001 годы. Уверен, что вы и дальше следите за происходящим.

-- Слежу.

-- Тогда договорились. Организацию я беру на себя. Переводить, как и в Корее, будет господин Хироюки.

Первый секретарь российского посольства в Японии Владислав Ясенев познакомил нас с интереснейшим в Токио

Детали организации и проведения этой лекции я выяснил позднее. А начиналось всё так. Мы подъехали к небольшому зданию, расположенному на горе. Ко входу вела широкая длинная лестница. На её ступеньках стояло несметное количество обуви. Я тоже снял туфли, поняв, что в это помещение в обуви не входят. Не побоялся перепутать свои туфли с иными при выходе. Мои были сантиметров на пять длиннее остальных. В помещении, которое логично назвать большим предбанником, тоже стояло множество обуви. Прошёл в зал, где, подумал, будет лекция. На полу в нём перед огромным

плазменным экраном сидели человек 150-200. Оказалось, что это холл, в котором посетители мероприятий обычно проводят перерывы. Мне пояснили, что с другой стороны есть такой же холл и что в нём тоже на полу сидят люди. Далее был главный зал. И там тоже все сидели на полу.

2003 год, Токио. Приятно выступать перед такими слушателями.

Оказывается, что мой дорогой доктор Кван так разрекламировал лекцию, что на неё купили билеты значительно больше людей, чем вмещал зал. Более того, первоначально предполагалось, что слушатели будут сидеть на стульях. Представляю, что было бы у нас в таком случае!

А японцы образовали цепочку и, передавая стулья друг другу, удалили 300 стульев из зала. В зале сели на пол в два с лишним раза больше человек, чем удалили стульев. Остальные разместились в двух холлах перед плазменными экранами. Везде имелись микрофоны для того, чтобы задать вопросы.

Я никогда не забуду эту лекцию и эту аудиторию. Более благодатных слушателей у меня не было.

Организатором всех моих лекций в Японии был, повторяю, кореец доктор Кван, а переводчиком и в Японии и в Корее -- японец, постоянно проживающий в Корее Хироюки Ямакава, окончивший в Москве университет имени Патриса Лумумбы.

Хироюки Ямакава переводил мои лекции на корейский и японский. Его дочь -- Хана тоже переводчик.

План моего очередного дня всегда составлялся с минимальной дискретностью до двух минут, т. е. одно дело от другого могли отделять только две минуты. Выполнялся план, практически, без опозданий и опережений, не глядя на капризы погоды и автомобильные пробки. И лишь один раз в последний день нашего нахождения в

Японии на острове Окинава план был нарушен: из-за проливного дождя, начавшегося на несколько часов раньше, чем следовало из интернетовского прогноза. Кван считал, что после прочтения семи публичных лекций в различных городах Японии я заслужил два часа отдыха -- прощальное купание в море. Но его пришлось заменить удлинением пребывания в океанарии. Там за отделяющим нас от морской воды стеклом невообразимо большого размера и десятидюймовой (!), т. е. 25-сантиметровой толщины, плавали экзотические рыбы, включая толи шести, толи семитонную акулу-молот.

Итак, об университетах. Я познакомился в Японии только с одним из них – университетом Васседа в Токио. Вступительные экзамены в университет сдаются в марте, учебный год начинается первого апреля. Постороннему войти на территорию университета в марте невозможно. Для нас по предварительной договорённости с профессорской лигой (клубом) Токио сделали исключение. Полицейские, которым при несении службы и вообще в форменной одежде запрещен вход на территорию университета, пропускают к нему в марте только сотрудников университета и сдающих экзамены.

**У памятника ректору, сделавшего
Шекспира понятным японцам.**

На памятнике 1847 года первому ректору надпись: «Он сделал Шекспира понятным японцам». Преподаватели, показывавшие университет были немногословными. Университет, как университет. Созданы все условия для занятий, самостоятельной работы, спорта и отдыха студентов. По нашим меркам – очень много компьютеров. Что ещё можно узнать, когда в марте нет занятий и нет студентов.

Самым важным, полноценным университетом, и в описываемую поездку и в поездках на конференции и симпозиумы, стала для меня сама Япония и её обитатели.

Началось с посещения парламента города Токио. Приезжаем туда в точно указанное в моём рабочем распорядке время. Встречает председатель комиссии по международным делам. В зале комиссии начинается деловой разговор. Первые слова

председателя комиссии для меня – неожиданность.

-- Почему в Токио нет посольства Беларуси?

-- Как так нет? Есть посольство и посол есть – Пётр Кравченко.

Непродолжительное молчание. После чего председатель комиссии по иностранным делам парламента города Токио поясняет, что у них существует известная всем традиция, которую доводит до сведения послов глава дипломатического корпуса – дуайен: после прибытия в Японию послы зарубежных стран наносят визит вежливости в Комиссию токийского парламента по зарубежным делам. Визит помогает наладить деловое сотрудничество. Однако посол Беларуси такой визит не наносил, поэтому мы не знаем, что здесь есть ваше посольство.

Я вспомнил бродившие по Минску слухи.

-- Как это Кравченко добился у Лукашенко назначения его послом, ведь тот хорошо знает, что он продвигает только личные дела и кого угодно продаст?

-- Пообещал, сказав, что это только ему под силу, организовать триумфальный приезд Лукашенко в Токио на зимнюю олимпиаду, а также встречу с императором Японии.

В иронической форме я сообщил об этом моему собеседнику. Тот рассмеялся.

Председатель Комиссии по международным делам парламента Токио счёл, что лучшим подарком для меня будет настоящее японское саке

-- Их величества император Акихито и императрица Митико с иностранными политиками не встречаются.

Во время нашего разговора шло заседание парламента. В перерыве в зал комиссии зашёл спикер и обратился ко мне.

-- Вы возглавляли парламент страны, а я только парламент города. Но мы тоже решаем довольно

серьёзные задачи. Распределяем, к примеру, бюджет Токио, который значительно превышает бюджет Канады.

-- Уважаемый господин председатель, я понимаю ваш юмор. У меня нет оснований важничать. Бюджет, который утверждал во время моего председательства Верховный Совет Беларуси, был очень и очень маленьким по сравнению с упомянутым вами бюджетом Канады.

-- Но ваша республика, теперь – независимая страна и, в частности, вы лично известны всему миру. В лесах Беларуси, в пуще (это слово спикер произнёс на русском со «щ», звучавшем как «с»), найдено выдающееся политическое решение, приведшее к бескровному разделению империи с ядерным оружием на независимые государства.

После ещё нескольких любезностей спикер извинился и сказал, что ему пора идти работать. Пригласил нас заглянуть в зал, где будет вести сессию. Туда, кстати, может войти и сесть на специально предусмотренные места для гостей на «галёрке» любой человек, находящийся в здании парламента. Войти в здание парламента также может кто угодно, предъявив документ, удостоверяющий личность.

Посидев минуты три, я собрался уходить, но переводчик Хироюки Ямакава сказал, что из соображений вежливости нужно

остаться ещё на некоторое время и продолжил пересказывать суть речей выступавших. И вдруг.

-- Теперь вам нужно встать и поклонится.

Встаю, кланяюсь залу. Депутаты и спикер тоже встали и приветствовали меня аплодисментами. Оказалось, что спикер рассказал депутатам обо мне, о том, что моя подпись стоит под Беловежским соглашением. Сказал, что я в зале, в ложе для гостей.

Библиотеки, музеи и иные культурные центры в Токио бесплатные. Не расскажи нам об этом первый секретарь посольства Российской Федерации, мы бы, наверняка задумались, что посетить, а что – не стоит. Тогда были свежи в моей памяти стоимость посещения смотровой площадки небоскрёба The Empire State Building или площадки на крыше торгового центра в Нью-Йорке, разрушенного 11 сентября 2001 года террористами, или, например, плата за подъём и 7-10 минутное нахождение на смотровой площадке телевышки в Торонто.

А здесь – всё бесплатно. Вас любезно приглашают на смотровую крытую (всепогодную!) застеклённую площадку-перемышку между 42-ми этажами двух небоскрёбов, вручают красочный буклет. Гиды на японском, китайском, корейском, английском рассказывают о Токио, предлагают посмотреть в буссоль на город, окрестности и даже на Фудзи, если видимость хорошая. Затем вас спускают на лифте другого небоскрёба и, улыбаясь, глядят вам в глаза, как будто вы их воистину осчастливили. И невольно веришь: обслуживающий персонал действительно счастлив, потому, что доставил вам радость. Ну чем не университет или колледж хороших манер и доброжелательности?

В марте на Окинаве – множество цветов, говорят, что и в иное время – тоже.

Япония во всём заставляет удивляться. Страна расположена на Японском архипелаге, состоящем из более 6800 островов. Четыре крупнейших острова – Хонсю, Хоккайдо, Кюсю, Сикоку -- составляют 97% её общей площади, которая, в свою очередь лишь в неполных два раза больше территории Беларуси. Самый большой остров на юге – Окинава. Он

расположен примерно на одинаковом расстоянии между Кюсю и Тайванем. До 1972 года им распоряжались американцы. Теперь на острове есть американские военнослужащие, в частности,

авиационная база Кадэна, но управление Окинавой перешло в руки японцев.

**В челюсти акулы в Морском музее
Окинавы.**

Нельзя не упомянуть о том, что Окинава -- рекордсмен по долгожительству. Здесь средняя продолжительность жизни мужчин 88 лет, а женщин – 92 года. На 10-12 лет больше, чем в остальной Японии! На Окинаве у меня были две публичные лекции. Одна – в столице префектуры Окинава – городе Наха, другая – в городе Окинава. С ними было всё благополучно, как и со всеми остальными лекциями в Японии.

Более всего меня поразило на Окинаве мемориал погибшим во Вторую мировую войну японцам. Его отличие от памятников Европы в том, что японцы не знают, что такое могила неизвестного солдата. На обязательном элементе

воинской экипировки – большом металлическом пулестойком нагрудном медальоне выгравированы сведения о его владельце. Благодаря этому, все погибшие военные японской армии идентифицированы. Имена всех погибших на Окинаве, а это более 238 тысяч, высечены на плитах из чёрного гранита, установленных возле храма-мемориала. Сам храм со скульптурой скорбящего Будды внутри – творение архитектора, два сына которого здесь погибли. Окинава – единственное место американо-японского сухопутного сражения во время Второй мировой войны. Захватив остров, американцы превратили его в стратегически важную военную базу. Располагая более совершенным вооружением, артиллерийской и авиационной поддержкой с моря, американцы потеряли на Окинаве более 70 тысяч человек, примерно в три раза меньше, чем японцы.

**На чёрном граните высечены имена
всех погибших.**

Из Окинавы мой путь лежал на север, на остров Сикоку в административный центр префектуры Эхимэ город Мацуяму. Город издавна известен своими лечебными минеральными водами. В нём во время русско-японской войны 1904-1905 годов лечили раненых русских

военнопленных. Умерших хоронили на кладбище, на скалистой горе. В день нашего прилёта в Мацуяму исполнилось сто лет со дня первого захоронения, и префект во время нашей с ним встречи спросил, не хочу ли я возложить цветы к подножию обелиска на кладбище.

Я поблагодарил за предложение, и мы с женой поехали на кладбище. Возложили венки и цветы, участвовали в траурном, боюсь этого слова, митинге, посвященном памяти воинов.

Как бы был я счастлив, если бы могилы и места захоронения советских воинов времён отечественной войны были в таком состоянии, как захоронения столетней давности в Мацуяма. Идеальная чистота, идеальный порядок, идеальное состояние столбиков-надгробий с надписями на русском и японском языках: кто похоронен, когда, кем служил на флоте, когда и где родился. На таблички занесены данные со слов раненых, многие из которых, служа на российском флоте, оставались неграмотными. Поэтому кое-что в отдельных надписях может вызывать вопросы. Я же понял, что по меньшей мере из 94 умерших от ран и похороненных здесь -- семь белорусов.

Обложка справочника о захоронениях в Мацуяме

Учащиеся гимназий Мацуямы, а их в городе 22, соревнуются за право ухаживать за захоронениями воинов. Занявшие первое место получают право досматривать могилы японских военных, те, кто на втором месте, ухаживают за могилами военнопленных российской империи. Мне японцы вручили брошюру со списком похороненных и перепечаткой написанного на надгробиях. Приехав домой, я передал брошюру в Институт истории нашей Академии наук.

Мацуяма город студентов, в 1923 году здесь открыт университет, и издавна -- город поэтов. 3000 поэтов-любителей ежегодно соревнуются в

Мацуяма в искусстве хайку -- умении описать момент в трёх строках. В маленьком стихотворении каждое слово на вес золота, каждый образ на счету. Сказать многое, используя мало слов, -- главный принцип хайку.

Узнав всё это, я стал побаиваться за восприятие здешними жителями своей предстоящей многословной лекции. Но всё закончилось хорошо, а с группой слушателей, моим уважаемым переводчиком и женой я отправился в ботанический сад. В Мацуяма он имеет равнинную часть с небольшой речушкой и старинной

рукотворной дамбой, образующей пруд, а также часть горную. Поэтому в нём произрастают растения нескольких климатических поясов. В пруду – разноцветные большие карпы, которых разрешается кормить только продаваемыми здесь же «пирогам» -- воздушными пористыми плитками, мало отличающимися по виду и массе от упаковочного пенопласта. Учитывая плотность плиток и их стоимость, можно быть уверенным, что ими рыбок, смахивающих по комплекции на годовалых поросят, не перекормят. В ботаническом саду всё красиво, и не удивительно, ведь наводят здесь красоту уже 400 лет.

Жена узнала, что некоторым рыбкам за 50 лет при массе более 15 кг.

Следующий город, где доктор Кван организовал мою публичную лекцию о Беловежском соглашении и встречу с мэром, – Фукуока – самый большой город на острове Кюсю. Название Фукуока означает «счастливый холм». В рекламных проспектах перечислен целый ряд символов города: камфорное дерево, камелия масличная, чайка обыкновенная, овсянка

красноухая. За короткое время пребывания в Фукуока ни я, ни моя жена Ира не уловили, что связывает город с этими символами, а мэр господин на нашей встрече ничего об этом не сказал. Он отметил, что Фукуока – четвёртый по значению город Японии – после Токио, Осака и Нагоя, сообщил, что город считается лучшим в мире для шопинга и что, хотя он в этом не сомневается, но не он автор такого утверждения, а авторитетный британский журнал *Monocle*, который провёл по этому вопросу специальное исследование.

Лекция моя прошла нормально, было много вопросов и одна просьба – сделать общий снимок. Я переадресовал вопрос к доктору Квану, так как не мог себе представить «общий снимок» с 900-1000 слушателей, находящихся в зале. Кван сказал, что просьба понятна и снимок будет сделан сразу же после ответов на вопросы.

На сцене зала, где я выступал, находились четырёхступенчатые станки для хора. Доктор Кван взял микрофон и начал командовать. Пригласил на сцену мужчин, сидевших на приставленных стульях вместе со стульями, на которых они сидели. Их оказалось человек 15-20. Попросил этих мужчин сдвинуть станки. Образовалась четырёхступенчатая лестница шириной метров семь-восемь. Перед ней поставили в ряд принесённые стулья. Попросил ещё нескольких человек подняться на сцену вместе со стульями, чтобы ряд стульев

имел такую же ширину, что и лестница. Потом последовали команды: ряды от первого до пятого – на сцену. Затем от шестого до десятого и т. д. Неизменным для всех фотографирований оставался сотворённый под командованием Квана ступенчатый подиум со стульями, доктор Кван, переводчик Хироюки Ямакава, моя жена Ирина и я. Мы занимали четыре центральных стула.

Каменная плита с поучительными наставлениями предков в Японии не редкость

Тогда, в 2004 году, цифровых фотокамер с хорошим разрешением ещё не было. Местный фотограф делал снимки высококачественной широкоплёночной камерой. Обещал прислать один из снимков и мне, но я его так и не получил. Боюсь, что в этом виноват не он, так как японцы – люди исключительно

обязательные.

Снимок на память после лекции с наиболее активными слушательницами

Название города, куда мы отправлялись на следующий день, известно всему миру – Хиросима. Хирóшима, как произносят японцы, делая ударение на «ó». Не один раз доводилось мне рассказывать о бомбе, которую сбросили на Хиросиму американцы, о том, как

великие физики эту бомбу придумали и к чему привели их гениальные открытия и находки. На уровне развития науки тех дней для бомбы, сброшенной на Хиросиму понадобилось сто килограммов обогащённого урана. А мощность взрыва была эквивалентна взрыву двенадцати с половиной тысяч тонн тротила. Глядя в музей Хиросима

на то, что этот взрыв натворил, содрогнётся каждый. Погибли сразу же и умерли вскоре, претерпев чудовищные страдания, 130 тысяч преимущественно мирных граждан, детей, женщин, стариков. Ещё 140 тысяч человек умерли за полгода от лучевой болезни.

После ознакомления с музеем ядерной бомбардировки и осмотра Мемориального парка Мира я понял, что читать лекцию на тему «Хиросима и Чернобыль здесь в Хиросиме, в зале, расположенном в 500-700 метрах от эпицентра взрыва, нельзя так, как я делал это в других местах!

Прежде, чем начать лекцию, я попросил почтить память погибших от ядерных бомбардировок, ядерных катастроф и ядерных аварий. Встали, провели минуту молчания. Далее рассказал о моём видении виновности и о виновниках катастрофы в Чернобыле. Рассказал примерно так, как написано в разделе о Чернобыле этой книги. А потом разговор был о том, что мы называем духовным Чернобылем, а японцы – безответственностью политиков при принятии стратегических решений. Лекцию в целом я прочёл не так, как обычно, а почти на одних эмоциях, но, простите за нескромность, думаю, что получилось неплохо. Желающих получить автограф было несметное множество.

На одном из автографов я прозрел...

Дело в том, что я никак не мог понять, что происходит на самом деле. Менеджером оплачен мой с женой прилёт-отлёт, мы ездим в первоклассных автомобилях, летаем, где логично, самолётами, останавливаемся в превосходных отелях, наконец, я получаю приличный по моим понятиям (и даже очень приличный, по понятиям моей жены) гонорар.

Так причём здесь автограф?

Очень просто. Об автографе попросил по-русски выпускник университета имени Патриса Лумумбы. За пять лет учёбы в Москве он, по-видимому, слегка отвык от хороших японских традиций и, в отличие от остальных, протягивающих для моей подписи открытки, календарики, записные книжки, ещё какие-то красивые карточки, попросил расписаться на входном билете. Я рассмотрел билет, к слову, он тоже выглядел достаточно красиво, Естественно, ничего, написанного иероглифами, я не понял. Но стоимость билета была обозначена арабскими цифрами и стоящим за ними значком «YEN». Это-то я понял! И, вспомнив число слушателей на лекциях, тоже понял, что никакого таинственного спонсора моих лекционных поездок нет. Есть только разумный менеджер, который профессионально всё планирует, организует и платит по совести привлечённым. Не забывает о налогах и о себе.

Южная Корея.

В апреле 1992 года на моё имя пришло письмо-приглашение и проспект с предварительной программой, планируемой в Сеуле конференции по проблеме объединения Кореи. Тогда я не знал порядка планирования таких конференций и возмутился тем фактом, что в программе я фигурировал в качестве выступающего с сообщением на тему «Объединение Кореи. Взгляд из Европы». Потом заметил, что возле некоторых фамилий, в том числе и возле меня, напечатано «no confirmed» -- не подтверждено. Поскольку мне не позволено было выезжать за границу без решения Верховного Совета, я попросил помощника подготовить вежливое письмо-отказ мол, из-за большой занятости неотложными государственными делами приехать не могу.

На следующий день помощник принёс проект желаемого письма и большой красивый запечатанный картонный конверт от той же организации, что и вчерашнее письмо-приглашение. В конверте были два комплекта авиабилетов туда и обратно на рейсы Минск-Франкфурт и Франкфурт-Сеул. В прилагаем к билетам послании говорилось, что Федерация за мир во всём мире будет рада приветствовать на конференции меня и «сопровождающее меня лицо», берёт на себя все расходы по поездке, а визовые вопросы будут без задержки решены прямо в аэропорту Сеула.

Что таить, соблазн слетать в Корею на таких условиях, да ещё первым классом от Франкфурта до Сеула и обратно во Франкфурт, был велик. Мой, как оказалось, искушённый в подобных делах помощник -- Леонид Захарович Комаров -- посоветовал не горевать по поводу того, что сейчас перерыв между заседаниями ВС, а наоборот радоваться и уйти на время путешествия в краткосрочный очередной отпуск. Так я и сделал.

Поездка в Сеул и подготовка к ней стали ещё одним жизненным университетом, практическими занятиями по правилам общения на высоком уровне. Оставаясь в рамках советских представлений, я не знал тогда, что в их капиталистическом мире сопровождающим лицом бывает обычно жена или охранник. Жена, к счастью, тоже не знала. Точнее, и подумать не могла, потому что мыслила по-советски: представьте себе, что на научную конференцию в СССР я приехал бы с сопровождающим лицом -- женой! В кулуарах бы только и говорили: спятил профессор -- без жены уже и приехать не в состоянии. Хотя переводчиком приглашающая сторона обеспечивала, я решил, что лучше всего быть с человеком, компетентным в международных делах и знающим языки. По этим причинам сопровождающим лицом стал мой советник академик Анатолий Арсеньевич Михайлов.

1992 год. Район Пуссана. Мы приземлились на вертолётной площадке судостроительной верфи.

Кроме участия в конференции в Сеуле мы имели возможность побывать с ним в Пуссана и ознакомиться с рядом заводов фирмы DEWOO. От завода к заводу летели на вертолёте корейского производства «Сикорский», в кабине которого можно спокойно разговаривать.

Представитель фирмы

DEWOO обратил на это наше внимание, сказав, что именно корейцам удалось так усовершенствовать американскую модель вертолёта. Он довольно хорошо говорил по-русски, рассказывал нам в каждом очередном перелёте о месте предстоящего посещения, но лингвистическая и вообще смысловая помощь академика Михайлова была очень кстати.

В Корее я, пожалуй, скорее, как физик, а не как Председатель ВС РБ находил для себя много нового. Был приятно удивлён, увидев реализацию на практике новейших технологических процессов, например, резку дюймовой толщины гигантского стального листа плазмотроном с точностью до долей миллиметра для корпусов морских нефтеналивных танкеров. Когда в полёте представитель фирмы сказал, что мы такое увидим, я, полагая, что резка происходит в цеху, спросил.

-- А как вы защищаете персонал от сопутствующего процессу мощного рентгеновского излучения?

Он мгновенно ответил.

-- Самой надёжной из защит – квадратом расстояния.

1992 год. Щит с приветствием в холле администрации завода.

Действительно, излучение ослабевает обратно пропорционально расстоянию от источника в квадрате, но я никак не мог предположить, что цехом служит площадка суши, выступающая в мелководный морской залив. От места резки, где всем управляет компьютер, до помещения с персоналом метров 250-300. Действительно

надёжнейшая, не портящаяся и не ломающаяся защита от излучения.

Здесь же мы увидели, как из нарезанных плазмотроном деталей свариваются секции самых больших в мире нефтеналивных танкеров, а из них собирается и сам танкер. Применяемый для этих целей козловой кран грузоподъёмностью десять тысяч тонн (!) демонстрировал успехи международного сотрудничества: стоял на западногерманских ногах, имел японскую перемычку и корейское компьютерное управление.

Показанный нам автосборочный завод тоже заставил задуматься. В Корейской Республике, где согласно закону рабочий день не должен превышать 8 часов работа длилась по 10 часов в день от понедельника до пятницы и 8 часов в субботу. Узнав об этом от рабочих, я спросил у представителя администрации.

-- Кто позволяет вам нарушать законодательство?

-- Мы его не нарушаем. Все без исключения рабочие подали заявления с просьбой изыскать возможность для дополнительного заработка. Профсоюз поддержал просьбу. Администрация пошла навстречу. Выигрывает и фирма в связи с более эффективным использованием оборудования и увеличившимся спросом, и рабочие – добавочное время оплачивается по более высокому тарифу.

Можно привести и иные примеры, когда завоёванное профсоюзами, революциями и левыми правительствами право на ограниченную длительность рабочего дня порождает трудно разрешимые проблемы государственного и межгосударственного уровня. 35 часовая рабочая неделя во Франции и 40 часовая в Германии обязывает французов всё время работать с эффективностью на 12,5% более высокой, чем работают немцы, чтобы одинаково преуспевать в Европейском Союзе. Это не просто!

Но вернёмся к Корее.

В Корее есть поверье: маленький ребёнок, побывавший на руках известного человека, будет счастливым.

Каждая новая поездка в эту страну усиливала моё убеждение в том, что многие её достижения обусловлены древней традицией использовать любую возможность учиться. Родители готовы пожертвовать всем, чтобы дети получили как можно лучшее образование.

-- Среди образованных нет бедных, - самая «крылатая» фраза в корейском обществе тех,

кого принято называть простыми людьми. Из моего личного опыта общения с корейцами я бы назвал одной из их национальных черт жажду познания.

Часа через два после моей лекции в Сеульском лингвистическом университете мне позвонил в гостиничный номер служащий гостиницы и спросил не откажусь ли я встретиться уважаемым в Сеуле бизнесменом. Я спустился в холл гостиницы, где мне принёс много извинений за беспокойство элегантный человек.

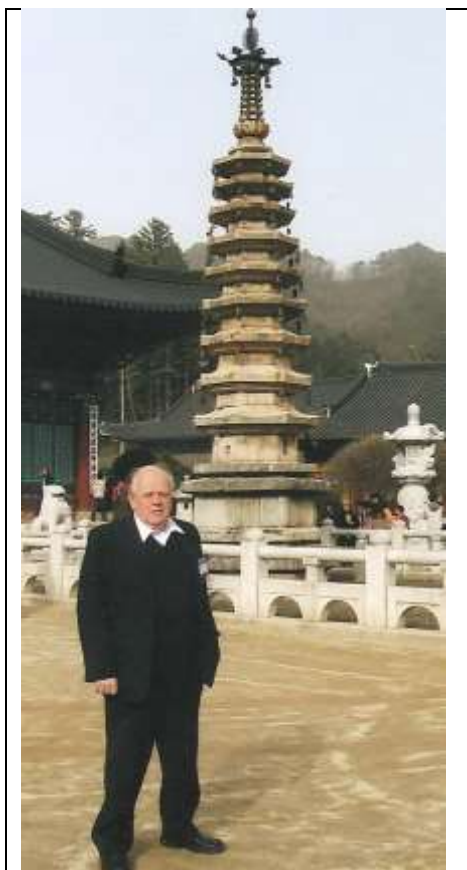
Если корейцы вас пригласили, то обязательно будут цветы.

-- Моя дочка была на вашей лекции в университете, и я знаю, что завтра вы уезжаете из Сеула в Тегу. Я хотел бы вас попросить встретиться сегодня вечером с бизнесменами, работающими или же желающими работать с Беларусью и другими постсоветскими странами и ответить на наши вопросы.

-- Я никогда не занимался бизнесом и не уверен, что смогу на вопросы бизнесменов ответить.

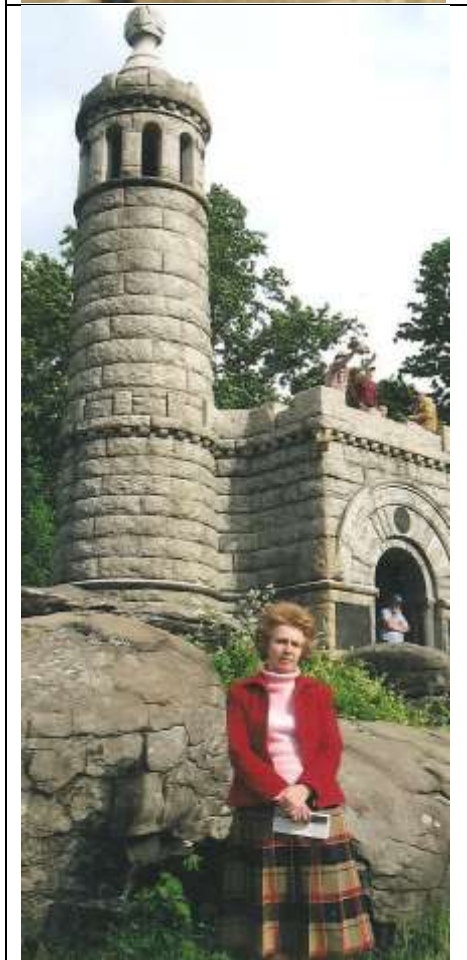
-- У нас не будет более сложных вопросов, чем были сегодня в университете.

В итоге мы договорились о чём-то вроде встречи без галстуков, но и бизнесмены и я пришли на неё в галстуках. Получился вечер вопросов и ответов, преимущественно о Беларуси, встрече в Вискулях и Чернобыле. Удивительным было то, что бизнесмены оказались людьми, имеющими хорошее представление о Беларуси, её истории и существующих у нас порядках.

Южная Корея не переставала удивлять меня во время каждой новой поездки, а таких поездок с 1992 года у меня было без малого 30. Прежде всего, её столица – Сеул. Он сменил много названий. Первое из них -- Виресон – столица государства в 18 году до нашей эры! В годы японского колониального управления город назывался Кёнсон. Окончательное название этого древнего города было утверждено лишь после освобождения в 1945 году. Сеул дважды переходил в руки северокорейских войск во время войны в Корее в 1950-- 1951 годах и был сильно разрушен, его заполнил поток беженцев, большей частью бездомных. Но после войны был восстановлен и снова стал политическим и экономическим центром. Сегодня в нём живёт четверть населения страны. В 1988 году Сеул стал столицей XX летних Олимпийских игр, а в 2002 году — одним из мест проведения чемпионата мира по футболу.

Корейцы заботливо сохраняют всё то, что можно считать их историческим наследием. Здесь много краеведческих музеев под открытым небом, реставрированных древних строений, таких, например, как традиционная корейская деревня с жилищами на деревянных сваях и домиками с подогреваемым от примитивной топки полом.

Мы с женой решили сфотографировать друг друга в одном из таких краеведческих музеев на фоне каменных корейских башен, построенных до открытия бетона.

Франция

13 мая 1970 года в Москве после успешной защиты моей докторской диссертации я пригласил в ресторан «Будапешт» своих уважаемых оппонентов и ещё нескольких давних московских друзей и знакомых. Банкетом в связи с защитой это назвать было нельзя – запрещалось. Дружеским ужином без причины – не возбранялось.

Искренне, от души излился в благодарностях известным учёным – своим оппонентам, один из которых – Герштейн Семён Самуилович – присутствовать не смог. Потом были провозглашены абсолютно неожиданные для меня тосты. Первым «тостующим» был директор Института ядерной энергетики академик Андрей Капитонович Красин.

-- Станислав Станиславович, не следует так трогательно благодарить оппонентов, ведь они мало отличаются от женщин лёгкого поведения. Во-первых, получают удовольствие от клиента, простите, диссертанта; во-вторых, 20 рублей денег (гонорар оппонента – С.Ш.) и, в-третьих, если диссертант достойный, приглашаются вечером в ресторан. Предлагаю тост за их достоинства.

Второй тост провозгласил профессор Владимир Николаевич Лавренчик, с которым я познакомился всего два месяца назад. Узнал, что он, осевший в Москве белорус, работает в месте моей предстоящей защиты -- ВНИИОФИ – Всесоюзном научно-исследовательском институте оптико-физических измерений и читает лекции в Московском университете. Я рискнул попросить его быть моим оппонентом, и он согласился.

-- Андрей Капитонович, вы напрасно хвалите клиента, точнее диссертанта. Он не идёт ни в какое сравнение с настоящими докторами наук, которые отстаивали право получить чёрную шапочку доктора в дискуссии с двадцатью диспутантами в течение 12 часов, не имея всё это время права на перерыв, глоток воды или какую-нибудь еду. Так было во Франции в XVI столетии, когда колледж Сорбонна объединился с Парижским университетом. А наш! Ответил на три десятка вопросов и всё. Ещё и семи часов не прошло с начала защиты, а он уже не только ест, но и от коньяка не отказывается. Предлагаю выпить за великодушие Учёного совета, который к нему так благосклонно отнёсся. Соотношение прекрасное: 16 «за», 2 «против». Такое у нас в Совете ВНИИОФИ редко случается.

Не думал я тогда, что мне, как профессору Лавренчику, который перед моей защитой летал в Париж на научную конференцию, удастся когда-нибудь побывать в Сорбонне. А ведь удалось. Однако соприкоснуться с современной Сорбонной мне посчастливилось только во время поездки во Францию в марте 2007 года и уже не в роли физика, а в непредсказуемой во время нашего ужина в московском «Будапеште» роли политолога.

Официальный визит

Моя первая поездка во Францию летом 1992 года была официальным государственным визитом по приглашению Председателя Сената Алена Поэра.

Перед почётным караулом с Председателем Сената Аленом Поэром.

Председатель Сената – второе после Президента лицо в системе госиерархии Франции. Ален Поэр провёл в Сенате 24 года, был Председателем Европарламента, временно исполнял обязанности Президента, баллотировался на пост Президента Франции, но проиграл выборы Жоржу Помпиду. Разговор с этим благожелательным человеком доставил мне большое удовольствие.

Член белорусской делегации Народный поэт Нил Гилевич (крайний слева) напомнил, что первая запись белоруса в Почётной книге Сената должна быть на белорусском языке.

Мы прошли с ним вместе вдоль возле строя почётного караула в здание сената, где мне предложили сделать запись в книге почётных гостей. Ален Поэр вручил мне памятную медаль Сената, после чего попросил вернуть её и сказал, что она обязательно попадёт ко мне после того, как на ней будет выгравировано моё имя и дата посещения. Досрочно это никогда не делается.

Ален Поэр добавил далее, что уполномочен передать мне приглашение президента Франсуа Миттерана посетить его в

резиденции в Елисейском дворце, куда я и отправился.

Описывать дела государственные двадцатилетней давности вряд ли имеет сегодня смысл, скажу только, что всё, намеченное сделать во Франции во время визита, было сделано и сделано

успешно. Тем не менее, на культурных аспектах поездки и о любопытных личных контактах во Франции не могу не вспомнить.

Уже в Сенате я заметил, что красивая молодая женщина, бойко разговаривавшая с Аленом Поэром на неизвестном мне французском, -- моя давняя знакомая. Но как такое может быть? Я встречался с ней как с профессиональным переводчиком-синхронистом с английского на советско-индийском симпозиуме по парамагнитному резонансу в Душанбе в 1982 году, а здесь – французский. Но до чего похожа! Впрочем, прошло десять лет! Вряд ли она. В помещении Сената мне так и не удалось к ней обратиться.

Моя знакомая московская переводчица Ирина стала помощницей президента Миттерана при контактах не только с русскоязычными.

И вот у президента Франции Франсуа Миттерана опять она, и опять по-французски с президентом! Меня, как говорится, прорвало!.

-- Простите, а вы, случайно, не Ирина?

-- Ирина, и не случайно. Помню вас, Станислав Станиславович, по двум научным конференциям в Душанбе и в Москве. С вами непросто работать, вы не любите говорить медленно, сколько вас не просили. Для синхрониста вы были крепким орешком. А сейчас, смотрю, и уговаривать не надо – никакой торопливости. Я уже пять лет в Париже. Вышла замуж за гражданина Франции.

-- Жаль, что таких увозят, ведь вы и здесь в числе лучших. Я-то не догадывался, что у вас и французский язык – рабочий.

-- Немецкий, испанский, португальский и итальянский – тоже.

Очередной раз ловлю себя на мысли, что ничего не могу с собой поделать. Зависть – отвратительное качество, а я, как ни стыдно, завидую, завидую настоящим профессионалам. К счастью, белой хорошей завистью.

О достоинстве и чести

После была встреча с премьер-министром Пьером Береговуа – сыном Адриана Берегового – эмигранта из Украины, который, попав во Францию, не захотел возвращаться в свою охваченную гражданской войной страну, влюбился в красавицу-француженку Ирен Боделин, обвенчался с ней и поселился во Франции, изменив имя и фамилию на французский манер. Последующие трагические события не оставили меня и вряд ли могут оставить кого-то равнодушным.

Я уже начал упоминать сведения из биографии сына украинского эмигранта, достигшего своим трудом и талантом одной из вершин власти во Франции. Они стали известны мне уже после визита, однако, хочется сообщить их и читателю, поэтому продолжу.

С Пьером Береговуа – премьер-министром Франции.

Петру Береговому, ставшему Пьером Береговуа, исполнилось 14 лет, когда началась Вторая мировая война. В свои 17 он стал участником Сопротивления, а в 20 вступил во французскую секцию Социалистического Интернационала. И только в эти свои 20 он получает специальность фрезеровщика – первое и последнее своё образование. Все остальные знания он приобретает самостоятельно, поэтому до конца жизни его называли «самоучка», хотя правильнее бы было называть «человеком, который сам себя сделал».

После победы социалистов на выборах в 1981 году Миттеран назначает Пьера Береговуа Генеральным секретарём Елисейского дворца, в 1984 он становится министром экономики, финансов и бюджета. Его деятельность позволила Франции достигнуть определённых экономических успехов, а его авторитет во Франции и среди зарубежных финансистов стал неимоверно высок. В 1992 году Миттеран, как считают многие, желая укрепить позиции социалистов в канун предстоящих парламентских выборов 1993 года, назначил Береговуа премьером. Его премьерство оценивают по-разному. Тем не менее, социалисты выборы проиграли, и в марте 1993 года Пьер Береговуа подаёт в отставку.

Во время выборов нередко имеют место скандалы с сомнительной аргументацией. Экс-премьер был обвинён в коррупции. Впоследствии была полностью доказана его невиновность, но... поздно. 1 мая 1993 года Пьер Береговуа приехал в свой избирательный округ, где, кстати, победил и на выборах 1993 года, встретился с избирателями. Вечером попросил шофёра и охранника отвезти его на окраину города, где хотел побродить в одиночестве. Через полчаса он выстрелил себе в голову из пистолета, взятого из тайника охранника, а через ещё четыре часа умер в госпитале, не приходя в сознание. Столь трагично, не в силах противостоять распространяемой прессой клевете победивших на выборах правых, подтвердил Пётр Береговой свои честь, достоинство и незапятнанность репутации.

У Председателя Европейского парламента Эдгона Клепша.

Официальный визит во Францию продолжался. Из Парижа мы вылетели в Страсбург для встреч с европарламентариями. Там мне предоставили слово на сессии Европарламента, который приветствовал нашу делегацию стоя. Я постарался как можно короче рассказать о том, как работает Верховный Совет Беларуси и заверил парламентариев, что мы намерены идти по пути правового государства, демократии, прав человека, рыночной экономики. Не скрывал и переживаемые нашей страной сложности. Было задано немало

вопросов. В ответном слове Председатель Европарламента Эдгон Клепш заверил нас, что европарламентарии будут стремиться помогать Беларуси и содействовать её прогрессивному реформированию.

Встреча с пророком

Следующая моя поездка во Францию была чисто самодеятельной. Хотелось лично встретиться с человеком, уроженцем Минска – Ежи Гедройцем. Впервые я услышал о нём в 1974 году во время моей работы в качестве визит-профессора в Ягеллонском университете. Один из сотрудников шёпотом сказал мне, что есть такой несерьёзный поляк в Париже, который в 1946 году навыдумывал, что Польша, Украина, Литва и Беларусь обязательно

станут независимыми суверенными государствами, но кое-кто в университете в это верит. Мне такое начало разговора показалось провокационным, и я ничего не ответил.

Позднее, получив доступ к запрещённым в советское время публикациям, я открыл для себя Ежи Гедройца как человека, который воссоединил в себе мыслителя, редактора, политолога, организатора оппозиционной элиты, учителя новых поколений и конструктора новой внешней политики, прежде всего Польши. Вряд ли можно найти иную такую личность. Он был уникальным для нашего времени человеком, великим интеллектуалом, умевшим приспосабливаться к реальности, не пытаясь её переделать, и стал живым критерием того, что нравственно в коммунистических условиях.

Гедройц - человек идей и прозрений - отверг привычные стереотипы мышления, дал пример, как нужно освободиться от мифов межнациональных отношений между поляками, украинцами, белорусами, литовцами, русскими. Он сумел предложить польской и иным национальным элитам совершенно новое видение международных отношений и новый тип европейского порядка. Он призвал, прежде всего, поляков признать право украинцев, литовцев, белорусов на самостоятельное государство тогда, когда польское общество было пронизано идеей «Великой Польши». Это означало и идею неизбежности распада СССР, мысль совершенно абсурдную даже для большинства критиков СССР и советских диссидентов. Гедройц оказался провидцем, опередившим политических лидеров мира, предвидел то, что казалось невозможным. Раньше, чем французы и немцы он начал размышлять о европейском единении.

Инструментами реализации идей Гедройца были издаваемый им в Париже журнал «Культура» (Kultura) и публикации книг, ставших вкладом в культурную жизнь польского и европейского общества. Не боясь большинства, он учил не опасаться противостоять «общепринятым истинам». Вокруг него концентрировались великие люди, такие как Юзеф Чапски, Чеслав Милош, ставший позднее нобелевским лауреатом, Юлиуш Мерошевски, с которым Гедройц сформулировал свое новое видение международных отношений, включавших независимую Украину, Беларусь и Литву. Гедройц и его «Культура» помогли Владимиру Максимову начать издание «Континента», показали пример, как можно объединиться и советскому диссидентству вокруг печатного органа, как создавать институты влияния.

Трудно было поверить, что Ежи Гедройц здравствует и по-прежнему живёт в Париже. И меня охватило страстное желание его увидеть. А если я чего-то хочу, и это можно осуществить, то обязательно осуществляю. Узнал телефоны, адрес, созвонился, услышал приятное «буду рад видеть», и в Париж.

Франция производит неодинаковое впечатление на прилетевшего в аэропорт Орли правительственным самолётом, как это было со мною ранее, и на индивидуума, приехавшего скромным поездом по льготному железнодорожному тарифу на Восточный вокзал Парижа. В первом случае красота и роскошь укрывают обыденность, во втором, до красот добираться сложно и долго, а о роскоши и вспоминать не следует. Благо, инстинкт привыкания к красоте и роскоши развит у меня не сильно, поэтому, сняв в гостинице возле вокзала дешёвый номер с завтраком из маленькой чашечки кофе и такой же маленькой булочки, я отправился на автостоянку у вокзала на встречу с моим давним приятелем, аккредитованным в Париже чешским журналистом. Вместо приветствия он развёл руки и сказал.

-- Беда! Я вас страшно подвёл. Ни на одной из станций обслуживания нет крышки, которую я потерял. Моя Тойота плюётся маслом, приходится всё время его доливать, и я не могу вас отвезти в Мезон-Лаффит, как обещал.

-- Не дёргайся, Иржи. Открой капот.

Он открыл, а я в очередной раз вспомнил, чем отличаемся мы, граждане советского происхождения, от западных обывателей. Пожалел лишь о том, что я одет для встречи с великим Гедройцем, а не для езды на Жигулях. Риск потерять белизну рубашки и свежесть галстука была велика, но упустить желаемую встречу было ещё страшнее.

-- Есть ли у тебя свежий номер твоей любимой парижской газеты? Впрочем, можно и несвежий, и нелюбимый, и непарижский.

-- Есть.

-- Дай её мне.

Свернув затычку, такую, какими в деревнях в отсутствие пробок затыкали бутылки с самогоном, но только большего размера, я заглушил ею отверстие для доливки масла в мотор Тойоты. Иржи спросил, а не опасно ли это и не вырвет ли затычку при включении мотора?

-- Не бойся, твоя Тойота, я думаю, не хуже моих Жигулей, а в них обычно не вырывает. Давление то под пробкой – ничтожное, а брызги не вытолкнут.

Так и приехали мы в предместье Парижа Мезон-Лаффит, где я и встретился с Гедройцем. Представитель старинного рода князей Гедройцев, публицист, политик, мемуарист, основатель и редактор журнала «Культура» -- путеводной звезды польских интеллектуалов коммунистического периода -- оказался в свои 93 любознательным человеком, который больше спрашивал, чем можно было ожидать. Весьма располагали к себе его большие добрые, светящиеся интересом глаза, и, глядя в них, я всё-таки уловил момент спросить.

-- Господин Гедройц, как вам удалось правильно предсказать то, что с чем не соглашалось большинство польских интеллектуалов – независимость Литвы, Украины и Беларуси?

-- Это было неизбежно, и подтвердили неизбежность в том числе и вы, видимо, не позднее, чем я ожидал. В этом месте Европы и с этими народами иначе быть не может. Беларусь имеет давний опыт государственности, и это не стереть из народной памяти².

Как, оказывается, всё просто!... Для гения!

* * *

Через год пришло известие о том, что 14 сентября 2000 года Ежи Гедройц умер. Сейм Польши провозгласил год столетия со дня его рождения – 2006-й – годом Ежи Гедройца, а ЮНЕСКО включило его 100-летие во всемирные памятные даты.

Париж, Нормальная политическая школа

Эту школу окончили все премьер-министры Франции, кроме Береговуа. Естественно, что я не мог не обрадоваться, получив приглашение принять участие в организованном этой школой «круглом столе» и прочесть в ней лекцию. Если бы я вздумал поступить иначе, то не избежать семейного скандала. Галантные французы приглашали меня вместе с женой и брали на себя все расходы по поездке.

За «круглым столом» на подиуме было трое основных участников -- посол Франции в Украине, профессор-политолог Нормальной школы и я. В зале на двести мест – человек 120-150, тема – «Франция и восточная политика Евросоюза», Управление дискуссией – в руках ведущего -- посла Франции в Украине, выпускника Нормальной школы. Ко мне вначале обращались редко. Оно и понятно, Отношения с 40-миллионной Украиной для Запада важнее отношений с 10-миллионной Беларусью. Но когда, отвечая на вопросы, мне пришлось заверить зал, что Беловежское соглашение подписано людьми трезвыми, я стал главным допрашиваемым.

-- Такого не может быть. Как же вы не уstraшили КГБ?

-- Как вы не побоялись замахнуться на ядерную страну?

-- Что, даже Ельцин был трезвый?

Ведущий быстро вернул дискуссию в безалкогольное русло, и здесь случилось то, чего ни я, ни моя жена не можем вспомнить без ликования: в зал вошла, снова же, красивая, элегантная ухоженная женщина, занимающая, по-видимому, какой-то руководящий пост в

² За точность передачи смысла слов Ежи Гедройца я ручаюсь. Единственным уточнением может быть общепринятый перевод с польского слова «narodowość» -- национальность, тогда – «не стереть из памяти нации».

школе, и попросила у ведущего разрешение сделать срочное объявление. Ведущий позволил.

2006 год, 29 марта. Площадь Девиль.

Суть объявления сводилась к тому, что студенты приняли решение объявить забастовку, поэтому никаких занятий от понедельника до четверга включительно не будет. Забастовку учащихся, оказывается, допускает и французское законодательство и устав Нормальной школы, если решение принимается официальным студенческим органом самоуправления.

Вспоминаю всё это с радостью, потому что благодаря студенческому бунту, были созданы неповторимые условия для моего знакомства с Парижем. Моя лекция,

намеченная на понедельник, сорвалась. Руководство школы принесло мне извинения по поводу непредвиденного стечения обстоятельств и предложило прочесть лекцию в следующую субботу, оставив за мной на всё это время квартиру визит-профессора в 200 метрах от Пантеона.

Итак, квартира в центре Парижа со всем необходимым для жизни и полная свобода действий! Плюс погода, благоприятствующая замыслам. За всю неделю был только один дождливый день – вторник. Так и хотелось воскликнуть: берегись Париж, я на тебя посмотрюсь вдоволь! И действительно, удалось увидеть многое, но невольно пришло убеждение, что увидеть только вершину айсберга. Могу лишь повторить то, что много раз слышал от других и в чём ещё не раз смог убедиться потом: Париж не перестанет покорять своим великолепием, сколько бы времени ты не посвятил осмотру его улиц, строений, парков, музеев, галерей и выставок.

Мексиканская свадьба в Испании

В 1996 году я познакомился с интересным молодым человеком, гражданином Мексики Фредо Ариас Кингом, получившим в начале 1990-х годов высшее техническое образование в Волгограде. Наши пути неожиданно пересекались то в Варшаве, то в Праге, то в Торонто, то в Вашингтоне. Он хорошо говорит по-русски, тем не менее, в его русском была и остаётся какая-то самобытность, приводящая, хотя и редко, к русскоязычным фразам с изумительными ошибками, которые веселят не только меня. Довольно часто в присутствии весьма уважаемых людей Фредо называл меня своим учителем, на что я никак не мог претендовать, так как никогда его ничему не учил. Но он упорно настаивает на такой моей для себя значимости и довольно хорошо знает моими политические приключения от выборов и подписания Беловежского соглашения, до дел сегодняшних. Утверждает, что всё отыскивает в интернете. Своё уважительное ко мне отношение Фредо выразил в дарственной надписи как автор написанной им книги «Transiciones la experiencia de Europadel este». Вот эта надпись:

«Станислау! Спасибо за всё, то что Вы вкладываете на освобождению и трансформацию Беларуси и других стран. Ваш учитель и друг, Фредо».

Трансформация ученика в учителя меня не смутила, и стала пополнением «Фредо-афоризмов» в моей коллекции. Так как книга написана на испанском языке, понять в ней я смог только фотографии и имена изображённых на них лиц в подписях под ними. Список оказался внушительным: Фредо с Горбачёвым, Валэнсой, Ландсбергисом, А. Яковлевым, Егором Гайдаром, Галиной Старовойтовой, премьером Эстонии Марти Лари, с Ивонкой Сурвиллой и даже со мной, а также с президентом Мексики в 2000-2006 годах Винцентом Фоксом, избирательный штаб которого Фредо Ариас Кинг возглавлял и сделал таким образом весомый вклад в победу Фокса на президентских выборах 2000 года.

И вот летом 2011 года электронная почта приносит мне не менее непреднамеренно шуточное, чем подарочная надпись на книге, послание Фредо – приглашение на его свадьбу в Испанию. Затем одно за другим приходят снова же весёлые письма, из которых можно понять, что гражданин Мексики Фредо вступает в брак с гражданкой Словакии Даной и что свадьба состоится в старинном замке, принадлежащем родной тёте Фредо, в испанской провинции Астурия. Хотя вступающие в брак Фредо и Дана – католики, по канонам католической церкви Испании брак не может быть официально зарегистрирован и освящён католической церковью в Испании. Такое происходит только в тех случаях, если хотя бы кто-то один -- жених

или невеста -- являются гражданами Испании. По этой причине церемония бракосочетания предстояла чисто светской.

В Овьедо гармонично сочетаются традиционное и модерн.

При моём любопытстве, тяге к путешествиям и экзотике отказаться от предложения быть вместе с женой на интернациональной свадьбе в старинном испанском замке было бы самобичеванием. И вот мы в Астурии, в сказочном городе Овьедо.

Молодожёны с родителями перед старинным замком.

Если Минск славится своей чистотой, то весь 220-тысячный город Овьедо – улицы, парки, дома, дворы, магазины и прочее можно отнести к категории стерильных. За многие столетия все потенциальные источники пыли укрыты газонами, кустарником, каменными плитами, щебёнкой. Входя в чей-то дом, нелепо снимать

обувь – неизвестно, где чище – в квартире или на улице. Ползающий по полу супермаркета младенец в белоснежных одёжках никого не удивляет. Мама может спокойно выбирать для него овощи и фрукты – не запачкается.

Первым с приветствием молодожёнам пришлось выступить мне, переводчицей была варшавянка Агнешка Гротовская.

и пели профессионалы. Им не нужно было укрывать свои дефекты с помощью электроники, поэтому громкость была умеренной. Это способствовало спокойному без напряжения голосовых связок человеческому общению, чего я давно не встречаю здесь у нас в Беларуси на похожих мероприятиях. Всё это хорошо сочеталось с прекрасным асурийским вином и базирующейся на местных продуктах асурийской кухне. Кстати, ассирийцы также хорошо солят и вялят свиные «кумпяки», как и крестьяне в белорусской деревне, но окорока эти в Ассирии мясные, почти без сала.

Пока не включено освещение, на фоне замка XIV века, в который нас пригласили на свадьбу, можно различить только невесту,

великолепные песни всё того же мексиканского ансамбля. Часов с

Мы приехали из аэропорта Астурия в Овьедо в середине дня 13 октября 2011 года, свадебная церемония началась в пятницу 14 октября в 20-00 на площадке и газонах перед замком. Около часа длились приветствия и поздравления родственников и гостей. Затем здесь же возле замка начался фуршет и появился мексиканский ансамбль певцов и музыкантов. Играли

Я был уверен, что в 24-00 всё закончится, и мы поедем в Овьедо спать. Но оказалось, что всё только начинается. Нас пригласили в крытый павильон рядом с замком. У входа висел напечатанный огромными буквами список участников в алфавитном порядке с номером стола, на котором предусмотрено для него место. В 0-30 начался праздничный ужин, тосты-поздравления и продолжились

трёх ночи пришло время танцев, управляемое диск-жокеем, а к часам четырём из примерно 300 участников половина уехала в Овьедо специально арендованными автобусами. Пришло время и нам покинуть продолжающееся веселье.

Мексиканские певцы-музыканты радовали всех гостей, не отдыхая.

Свадьба продолжалась и на следующий день. Все приезжие поехали в Ковадонга, где на вершине невысокой горы в окружении гор болеевысоких находится построенный в 14 и модернизированный в 15 веке костёл, возведённый в честь отстоявших независимость Астурии христиан в борьбе с арабами, не позволивших завоевателям вступить на ассирийскую землю. Вечером того же дня все стали участниками застолья в винном хранилище, где в огромном прохладном павильоне выдерживается знаменитое ассирийское вино в дубовых бочках вместимостью до 35 тонн. И, наконец, в последний – третий день свадьбы, для участников, сохранивших силы продолжать веселиться, был приём в старинном ресторане Овьедо Ассурия.

Ковадонга: скромные дома в долине и величественный костёл на горе

Что сказать более. Ассирийцы–испанцы очень похожие на белорусов, но находящиеся в более тёплых климатических условиях. Остальное – как и у нас в «старое доброе время». Трёхдневное свадебное гулянье, очень похожие на белорусские народные танцы, толерантность, доброжелательность.

Отличие – ни одного не то, что выпившего лишнее, но и намёка на приближение такого состояния. Видимо, потому, что очень часто пьют вино, и знают как это делать с пользой для здоровья. Так у них принято.

XV. ПАТОЛОГИЯ

Никаких достоинств

Патологией называют любое отклонение от нормы. Более подходящее негрубое слово для характеристики деяний нашего правителя и нашей власти вряд ли можно найти. Наследственное это у предводителя или приобретенное, установить трудно. В начале 1990-х годов он часто вспоминал о тяжелом детстве, о том, что натерпелся, по-видимому, от сверстников. Похоже, что постоянно мстит за свое страдальческое детство всем, кто не унижается до восхваления его деяний.

Мне не удалось найти, увидеть или услышать заявление, интервью, публикацию хотя бы одного учителя, преподавателя вуза, одноклассника или однокурсника, который бы сказал, что он был не то, что хорошим, а просто путным студентом или учеником. Последующая жизнь, в том числе и райская, не способствовала исправлению дефектности образования и мышления. После многих лет президентства продолжает утверждать, что учился на стихах Василя Быкова, который, как всем известно, стихов не писал. Награждает орденом Франциска Скорины, утверждая, что тот гулял по Петербургу, хотя Скорина умер более чем за 150 лет до основания Петербурга. Все это зафиксировано телекамерами, за что осуществившие видеозапись этих перлов теле-корреспонденты лишены аккредитации в Беларуси.

Систематически говорит неправду и, похоже, сам во все это верит. Утверждает, например, что был рецензентом программы «500 дней». Не исключено, конечно, что говорил о программе на кухне и считает это рецензированием, но автор программы Г. А. Явлинский не только не слышал, но и понятия не имеет о таком рецензенте. Перечень составляющих воинственного невежества предводителя велик, но их перечисление – не моя цель. Напомню лишь о случаях, породивших серьезное разбирательство.

Приехав в Вильнюс весной 2010 года, публично заявил перед телекамерами президенту Дале Грибаускайте, что был в этом городе и разделял опасность нахождения в нем в часы противостояния советским военным, помогал литовцам отстаивать независимость в осажденном парламенте. Выдумка совершенно неожиданно возымела на меня прямое и, что очень удивительно, положительное воздействие. Комиссия Сейма Литвы выяснила, что заявитель из Беларуси не был в трудное для литовцев время в Вильнюсе, а был другой человек – Шушкевич, и представила меня к награде за содействие демократизации Литовской республики. Так, благодаря Лукашенко литовцы вспомнили обо мне, и президент Даля

Грибаускайте сочла необходимым наградить меня высшим орденом Литвы для иностранцев.

Любимый метод правления нашего предводителя – публично унижить подчиненного, убедиться, что и после этого он являет верноподданничество, и именно за это «великодушно» его простить. Оказалось, что довольно много лиц, сделанных правителем высокопоставленными, готовы перетерпеть любое публичное унижение, лишь бы эту высокопоставленность сохранить или возобновить. Примеры. Министру обороны Леониду Мальцеву во время его выступления в заполненном зале заявляется: «Вы уже не министр!» Через некоторое время за проявление безграничной услужливости он получает прощение и снова становится министром.

Есть ли у офицера, точнее генерала, военная гордость и достоинство? Не стыдно ли ему перед подчиненными возвращаться в услужение к воинствующему невежеству? Где славные традиции, где офицерское (генеральское) «честь имею!»?

Или же губернатор Александр Куличков. В похожей обстановке: «Вы уже не губернатор!», и охранники президента выпроваживают экс-губернатора из зала. Оправился, поплакался, стал министром.

Я ни на секунду не сомневаюсь, что бесследное исчезновение генерала Юрия Захаренко, который был членом избирательной команды Лукашенко 1994 года, и вице-спикера Верховного Совета Виктора Гончара, связано с патологической мстительностью правителя страны. Он ненавидел их за то, что они умнее, красивее, истинно образованные, особенно за то, что они – интеллигентные люди, что для него самого, конечно же, недостижимо.

Вспоминаю выступление на съезде Народных депутатов СССР Председателя Советского (потом –российского) фонда культуры академика Дмитрия Сергеевича Лихачева, который буквально разъярил добрую треть народных депутатов СССР, сказав примерно следующее:

– Можно занять высокую должность, притвориться ученым, инженером, специалистом в любой отрасли науки или техники, преподавателем, кем угодно, но нельзя, невозможно притвориться интеллигентом.

Лихачев не приводил никаких конкретных примеров, но многие из Народных депутатов съезда реагировали в перерыве примерно так:

– Вот врезал и по Хрущеву, и по Брежневу, да и по Горбачеву.

Естественно, что в треть разъяренных попал бы и Лукашенко, потому что он был бы во Дворце съездов, если бы не проиграл в 1989 году выборы в Народные депутаты СССР Вячеславу Кебичу.

Изощренную (на уровне его понимания изощренности) мстительность проявил Лукашенко и по отношению ко мне и к другим лицам, занимавшим руководящие должности, которые сочли унижением явить безоговорочное верноподданничество или же явили

его в недостаточной мере. То, что при этом он грубо нарушил Конституцию и законы, может официально подтвердить только Конституционный Суд (КС), но обратиться в КС граждане не имеют права вообще, в том числе и те, по отношению к которым нарушение совершено. По своей инициативе Конституционный суд также не может рассмотреть какой-либо вопрос. Более просто: КС может рассматривать только вопросы, инициированные президентом или государственными институтами, руководителей которых назначает президент. Этих институтов пять: Совет Министров, две палаты «парламента», Верховный суд и Высший Хозяйственный Суд.

Своим декретом № 16 от 9 сентября 1997 года Лукашенко сохранил мою пенсию «как имеющего особые заслуги перед белорусским народом» в размере на день введения в действие этого же декрета (11 сентября 1997 года). Она составляла тогда 3 196 000 рублей, сегодня, после деноминации и исключения из обращения мелких купюр, она выплачивается мне в размере 3200 белорусских рублей в месяц, что менее половины доллара США по курсу Национального банка Республики Беларусь.

Управление
социальной защиты
администрации
Центрального района
г. Минск
№ 16/3 от 17.01.2012

СПРАВКА

Дана источником г-н, КИРЕНКО СТАНИСЛАВ СТАНИСЛАВОВИЧ
Полит. № 44531 ПЕНСИЯ ПО ВОЗРАСТУ, № 11012100
проживающему (ной) по адресу: Г. МИНСК, ПР-7 НАШЕРОВА, д. 78, кв. 14, в том, что
размер получаемой им (ей) пенсии (пенсион, другие социальные выплаты) с 01.09.2011г.
по 30.09.2011г. составила 1188400 (Один миллион 188 тысяч 400 рублей 00 коп.)

в том числе:

за 2011г.

мес.	факт.	пенсия	помощь	помощь
1. январь	3200			
2. февраль	3200			
3. март	3200			
4. апрель	3200			
5. май	3200			
6. июнь	3200			
7. июль	3200	150000		
8. август	3200			
9. сентябрь	3200		500000	
10. октябрь	3200	500000		
11. ноябрь	3200			
12. декабрь	3200			

Справка дана для предоставления по месту требования.

Н.П. Лашина Л.М.
Специальный представитель
(подпись) (подпись)

Ксерокопия справки о получаемой мною пенсии «за особые заслуги перед белорусским народом» за 2011 год. Своим декретом № 16 от 9 сентября 1997 года Лукашенко сохранил ее на уровне сентября 1997 года.

Как и всем «неработающим пенсионерам», социальные службы трижды за 2011 год оказали мне «помощь на приобретение овощей и фруктов».

Сама «пенсия» составила за год 38 400 белорусских рублей, что эквивалентно 4 долларам и 72 центам США. Помощь – 1 150 000 рублей, что эквивалентно 141 доллару.

Мои обращения в суды всех инстанций и ко всем структурам, имеющим право обратиться по этому вопросу в Конституционный Суд с индивидуальным запросом и с открытым опубликованным в «Народной воле» письмом, как и следовало ожидать, оказались безрезультатными.

Патология. Сервизм во всех структурах на всех высших уровнях. Ответы руководителей упомянутых государственных институтов – Совета Министров, обеих палат «парламента»,

Верховного суда и Высшего Хозяйственного Суда – (правда, в большинстве случаев их подписали заместители, руководители «стесняются») лицемерны и убедительно звучат лишь в переводе на общепонятный язык. Он – начальник, мы – дураки. Оправдать можно лишь ответ Высшего Хозяйственного Суда, в котором четко сказано, что в подобных случаях Совмин обязан обратиться в Конституционный Суд.

Где же то правовое государство, о котором написано в конституции? Откуда столько раболепствующих перед начальником, насаждающим беззаконие ради самоудовлетворения и личного благополучия? Что за нелюди выбились в руководители и откуда их столько? В переводе на язык для нормальных граждан существует лишь одно понятие – низкая политическая культура. Строго говоря, говорить о культуре в сообществе нынешних белорусских распорядителей бессмысленно. Низка культура не только политическая, но политическая причиняет людям больше вреда и боли.

А откуда ей, высокой политической культуре, взяться? Интеллигенция ее не старается прививать, да и сама проникнута ею в извращенном виде. Не осознала, как в других странах Европы, своей исторической роли. Не претендует быть на уровне европейских интеллектуалов в политическом смысле, довольствуется позволением быть людьми умственного труда. Руководствуется старыми постулатами власти, вбитыми в головы в советский и предшествующий тоже имперский период. Чтобы достойные подходы в головах людей не зарождались и не овладевали массами в стране, создано множество силовых структур. Главное требование к силовикам – быстрое озверение.

Вспоминаю выступление на сессии сотрудника милиции, депутата, заместителя председателя Верховного Совета 13 созыва Малумова Юрия Георгиевича.

– О какой сознательности и соблюдении законности нами – милиционерами – можно говорить, когда мы стоим в оцеплении, а против нас гигантская толпа, готовая разорвать нас на части. Тогда любую команду я воспринимаю, как бить, бить и бить! И бью вместе со всеми остальными милиционерами, бью и бью!

Кто вбил в голову Малумова, что безоружные люди, в том числе женщины, старики и дети, вышедшие на мирную демонстрацию протеста, готовы разорвать его на части? И это на трибуне законно избранного парламента говорил законно избранный депутат Верховного Совета 13 созыва, имеющий юридическое образование. Он был последним выступающим при рассмотрении вопроса о неправомерных действиях милиции, и дать оценку выступлению мог только председатель Семен Георгиевич Шарецкий, но он промолчал.

А что же делать тем необученным, попавшим под командование сиваковых, павлюченковых, наумовых, малумовых?

Верховный Совет 13 созыва был разогнан воинствующим предводителем, точнее был превращен в новый «парламент», в котором из 220 были оставлены лишь 110 депутатов, заявивших о своей преданности Лукашенко. Малумов, естественно, остался, так как по-прежнему готов бить, бить и бить. Это собрание верноподданных предводителю получило название «нижняя палата». Для создания так называемой верхней палаты и правительства никакого избрания депутатом не требовалось, и предводитель включает в них лиц по своему личному усмотрению.

Источники и составные части белорусской государственности

Число анекдотов о сегодняшнем правителе Беларуси не меньше количества таковых о Брежневе времен его деградации на посту генсека. Один из них – расшифровка аббревиатуры ГУЛАГ как Государства, Управляемого Александром Григорьевичем Лукашенко.

Криминализированная система управления сегодняшними белорусскими госорганами и институтами построена по схеме одной из опор социализма и советской государственности. Такой опорой служило преднамеренно не замечаемое тюремными надзирателями и начальством вообще жесточайшее самоуправление заключенных в тюрьмах, в лагерях и в зоне их «свободного» поселения. Над заключенными всегда висела угроза помещения их в камеры с уголовниками, осужденными за тяжчайшие преступления и наслаждающимися издевательствами над сокамерниками. В такие камеры с «воспитательными» целями переводили политических или, например, тех, кто не соглашался стать тайными рычагами тюремщиков и выполнять их задания в качестве «подсадных уток» в камерах с подследственными заключенными.

И в упомянутых зонах, и в сегодняшней Беларуси абсолютная власть принадлежит тому, кого зовут пахан и которому все дозволено. Все остальные в государственных органах и институтах страны – шестерки двух типов – обычные и козырные. Те и другие безропотно подчиняются пахану, безоговорочно поддерживают все его действия и требования, поэтому допущены к кормушке, наполняемой из государственного бюджета, никем, кроме пахана не контролируемой. Пахан нарекает шестерок тузами, королями, дамами и т. д., т. е. министрами, председателями судов, прокурорами, руководителями организаций и т. п. Однако козырная шестерка, т. е. наиболее приближенное к пахану лицо, в праве замахиваться, а иногда и побить более крупную карту, даже туза, т. е. министра или председателя

совета республики, если пахан не наложит запрет. За попытку вести себя неблагочестиво козырная шестерка перестает быть козырной или же вообще изгоняется из зоны, т. е. из системы управления государством. Чаще всего после отстранения от власти шестерка, занимавшая высокий пост, как бывшие шефы КГБ Республики Беларусь, уезжает от греха подальше – в Россию. На вопрос, кто какой шестеркой является, не всегда просто найти ответ. Козырность нужно заслужить великим угодническим деянием, а надежнее всего – кровью, как в настоящем преступном мире, как в криминализованной зоне.

**В. Шейман награжден
18 орденами и 86
медалями**

Единственная известная всем долговременная стабильная козырная шестерка – Виктор Шейман. Он, вне сомнения, причастен ко многим нечистым деяниям и провокациям, связанным с предводителем и замешан в грязных его проделках. Как говорят в преступном мире, повязан с ним кровью. В свое время любовь пахана к нему была безмерной. Он даже назначил его генеральным прокурором, хотя тот не имел тогда соответствующего юридического образования, возвел из майора в генерал-полковники, одарил множеством орденов, медалей и значков. Вместе с тем, пахан не позволяет козырным шестеркам возвыситься до уровня, на котором они могут составить конкуренцию самому пахану. Нашелся повод и для понижения статуса В. В. Шеймана.

Предводитель сообщил о желании отстранить его от должности госсекретаря Совета безопасности Беларуси за взрыв в Минске в 2008 году. 8 июля того же года появился указ №368 об освобождении Шеймана от должности *в связи с переводом на другую работу*. Указ демонстрировал принципиальность предводителя: не умеешь обеспечить безопасность людей, не подтверждаешь заверения президента в стабильности в стране, иди на другую работу. Однако последующие события вернули Шеймана в ранг козырной шестерки.

11 апреля 2011 года в Минске в метро на станции «Октябрьская» в 17 часов 55 минут происходит новый взрыв, унесший жизни 15 человек. Число пострадавших превысило 200 человек. Лукашенко сразу же изрекает личные умозаключения о причастности к террористическому акту оппозиции. *«Я поручил рассмотреть все заявления от политических деятелей. Эти деятели от так называемой пятой колонны, может, раскроют карты и укажут, кто заказчик»*. Далее, как и всегда, предводитель впал в фазу самолюбования и проговорился о своем истинном отношении к

демократии: *«Всех привлечь и допросить, не глядя ни на какую демократию и вой зарубежных страдальцев».*

Через день после взрыва 13 апреля Лукашенко заявляет: **«Задержанные признались не только в совершении теракта в метро, на их совести теракты в день независимости 3 июля и в Витебске».** Таким образом молниеносно нашлись лица, на которых были повешены все имевшие место в Беларуси теракты и взрывы. Ими оказались Дмитрий Коновалов и Владислав Ковалев, приговоренные 30 ноября 2011 года к расстрелу. Судебный процесс подтвердил то, что сказал Лукашенко через день после взрыва. Многие, в т.ч. и родственники погибших, в результате теракта сомневаются в том, что найдены и осуждены истинные преступники, заслуживающие сурового наказания. Убежденность в идентификации преступников и справедливости вынесенного приговора высказывают лишь комментаторы монополизированных государством средств пропаганды. Незамедлительное приведение приговора в исполнение (расстрел Дмитрия Коновалова и Владислава Ковалева) предельно усложнили возможность доказательного установления истины.

О криминальных методах управления государством Лукашенко проговорился на второй стадии своего президентства в Гомеле. Он фактически подтвердил свою причастность к физическому устранению криминальных авторитетов государственными службами. Вот фонограмма его выступления: *«У нас никто стрелять не будет. А почему? А потому, что президент расставил все на место и говорит: смотрите, мужики, не дай Бог! Всем будет! Я обеспечил это в Минске в основном, в Гомеле, наверное, поменьше. Через определенных мужиков поставил в известность 5 лет назад: не дай Бог только где-то вы создадите обстановку криминальную, я вам поотрываю головы. А мы знаем, сколько их и кто они. Этих ворюг в законе мы же знаем. Вся милиция их знает. Вот сидит наш милиционер. Он работает в Минске. Что ты не знаешь? Знаешь все группы в Минске (смех в зале). Я вам даже больше скажу. Когда я стал президентом, потребовал от министра внутренних дел принести мне списки, положить на стол все преступные криминальные элементы в Минске. А потом пошел по Гомелю, по областям и составил каталог. До сих пор в сейфе лежит. Мы их знаем всех, и они знают, что мы их знаем. И не дай Бог только он шевельнется, а он не дурак. Если власть криминальная, если власть проворовалась, как он, ничего не удержишь. Также? Если ты честно проводишь политику, если сам не ворюга, они этого жутко боятся. И они думают, хлопцы, батька сказал: **замочит** (смех в зале). Был случай, когда они неправильно себя повели. **Помните этих Шавликов и прочих. Где они сейчас? Поэтому в стране порядок, и все довольны. И докладывают через службу безопасности: три тыщи голов за вас проголосовало!**»*

Напрашивается вопрос, кто мог устранить Шавликов и прочих? Ответ ясен: в государстве имеется то, что в диктаторских странах Латинской Америки называли «Легионами Смерти». Очевидно и то, что такой легион может по указанию пахана устранять, т. е. убивать без суда и следствия, профессионально устраняя следы государственного терроризма, не только авторитетов преступного мира, но и политических лидеров.

Вероятнее всего, исчезновение бывшего министра внутренних дел Юрия Захаренко, бывшего депутата и вице-премьера Виктора Гончара – дело рук тайного белорусского государственного террористического подразделения – легиона смерти.

Не подлежит сомнению, что функции криминальных банд выполняют и иные подразделения силовиков, находящихся на государственной службе. Молодых людей запугивают прекрасно оснащенные люди в штатском, завязывают им глаза, увозят в лес, грозят убийством и оставляют вдали от населенных пунктов ночью. 20 декабря 2011 года такое случилось и с группой украинских девушек, протестовавших в Минске возле здания КГБ 19 декабря в годовщину побоища мирной демонстрации протестующих против тотальной фальсификации выборов. Их выследили и захватили при посадке в поезд. На этот раз угрозы оказались еще более изощренными. Люди в масках облили их машинным маслом и грозились поджечь.

Криминализация управления коснулась и зон заключенных. Нагоняя страх на граждан, пахан и его шестерки, включая тех, кто работает в ведомстве государственной пропаганды, не ограничиваются абсолютно необоснованными с правовой точки зрения осуждением политических и общественных лидеров и отправкой их в места заключения. В тюрьмах, изоляторах и зонах продолжается давление на заключенных с целью написания ими них просьб о помиловании. Отказ от написания просьб о помиловании людьми, осужденными безо всякой вины и поэтому не признающими себя виновными, порождает отправку политических заключенных в камеры к предельно криминальным элементам, осужденным за тяжчайшие преступления. Это отрепье побуждается к насильственным действиям против политических узников руководством мест заключения. Понять, что все это звенья одной цепи устрашения помогают и такие факты, как «просочившиеся из зон содержания заключенных сведения» в средства государственной пропаганды, в частности на государственное телевидение, домыслов шестерок об отрицательном отношении к политическим заключенным, **даже криминальных авторитетов, отбывающих наказание за тяжкие преступления.**

Возникает законный вопрос, кто поместил политических заключенных в камеры уголовников, осужденных за тяжчайшие

преступления? Ответ очевиден, все это звенья одной цепи устрашений населения криминализированной системой управления во главе с нелегитимным президентом.

Правящий режим и его предводитель обречены держаться за власть. Потеря власти и демократизация страны неизбежно ведет к тому, что большинство сегодняшних сановников должны будут ответить за творившиеся ими беззакония. Наиболее рьяных ждет скамья подсудимых. Не избежать и перегибов в другую сторону: у людей накопилось очень много обид за тотальную несправедливость, издевательства и глумление над ни в чем не повинными гражданами. Представители нашей интеллектуальной элиты и контрэлиты не доросли и вряд ли скоро дорастут до уровня понимания необходимости «мирного общественного договора» и возведения памятника в натуре и в сознании жертвам и пострадавшим с обеих сторон, как это сделано, например, в Испании.

Беспредел и вседозволенность стали нормой для опричников режима, т.е. для правоохранителей органов, которые должны охранять граждан, а предпринимают превентивные меры в плане подавления зачатков любого свободомыслия. Их действия приобретают формы, несовместимые даже со временами сталинизма и андроповщины, когда людей задерживали на улице или в кино для проверки личности и выяснения вопроса, не должен ли данный человек быть в это время на рабочем месте. ОМОН и лица в штатском врываются в квартиры и дома граждан под предлогом типа «поступил сигнал, что здесь приготавливаются наркотики». Ворвавшаяся шайка крошит все, не замечает открытую дверь, выбивает окна и увозит всех в отделение милиции.

Лишь один пример. Вечером 8 февраля 2012 года «Литвинский клуб» проводил еженедельное собрание интеллектуально-религиозного характера в частном доме, расположенном в Загородном переулке Минска. Сотрудники спецназа в масках ворвались в дом через окно. Были задержаны 32 участника клуба. Впоследствии всех их отпустили без составления протоколов. Лица в штатском не представлялись, цель проникновения в дом не объясняли, выбили два оконных стекла, одно из которых было выломано полностью вместе с пластмассовой коробкой, разбили более десяти тарелок. Хозяин дома считает, что действия сотрудников милиции «нарушили его права и законные интересы, нанесли ущерб его имуществу, нанесли моральные страдания» и требует провести проверку фактов и дать правовую оценку действиям сотрудников УВД Московского района Минска, привлечь к ответственности лиц, виновных в нарушении прав и законных интересов граждан согласно законам Республики Беларусь. Однако, как и всегда, ничего подобного не будет сделано.

Кандидаты в президенты на «выборах» 2010 года

«Если человек думает, что может бесконечно руководить, то он опасен для общества».

Д. Медведев, в бытность президентом РФ.

Поучительным примером для авторитарных правителей СНГ, обеспечивших себе третий и последующие сроки правления путем наглого изменения конституций своих стран, стала российская рокировка Путин-Медведев-Путин. Медведев весьма галантно выразил словами, вынесенными в эпиграф этого раздела, свою признательность Путину: тяжела, мол, для таких, как я, шапка Мономаха, на второй срок претендовать не стану, спасибо за доверие, идите, дорогой Владимир Владимирович, на третий и четвертый сроки. Мало, кто догадывался, почему Путин рекомендовал в 2008 году Медведева на высшую должность в России. Оказывается, бывший резидент КГБ в ГДР прекрасно разбирался в людях и вычислил, кому можно доверить сохранить для себя высшую должность России, не нарушая Конституцию РФ и не опасаясь, что тот сам будет пытаться переизбраться.

Белорусский предводитель убежден, что может быть президентом вечно и никому не может доверить никакой срок, так как никому не доверяет вообще. Он обречен на высшую власть в стране. Её потеря сулит ему печальный финал за содеянные прегрешения. Он вынужден продолжать действовать методами, противоправность которых все время возрастает. Примерами для подражания служат ему африканские диктатуры, но он думает, что избежит судьбы Каддафи или Мубарака, или судьбы пригретого им бывшего киргизского президента Курманбека Бакиева.

Наибольшую опасность для Лукашенко на декабрьских выборах представляли кандидаты в президенты Андрей Санников и Владимир Некляев. При мало-мальски честном подсчете голосов один из них был бы сегодня президентом Беларуси. Таковы данные заслуживающих доверия негласных социологических исследований, не афишируемых потому, что открытые социологические исследования в Беларуси позволены только придворным службам, остальных за это жестоко наказывают.

Итоги сегодняшней белорусской социологии, прибранной к рукам пропагандистской службой правителя, известны до начала «исследований». Более того, для того чтобы опорочить любой подпольный зондаж, используются авторитетные в прошлом «независимые социологи», находящиеся «под колпаком» власти. К ним относятся те, кто поначалу пытался быть независимым и даже публиковал результаты, не нравящиеся правителю, а потом не устоял

перед соблазном, угождая власти, получить за это ощутимые выгоды. После появления информации о неофициальном исследовании выступает, например, профессор Олег Манаев с заявлением о том, что, по его данным, рейтинг Лукашенко в день выборов был 53 %, но почему-то не удивляется и, конечно же, не протестует по поводу 82 % приписанных предводителю Центральной избирательной комиссией. После такого заявления официальная пропаганда на все лады перепевает: видите, профессионалы-социологи, хотя и оппозиционеры, но вынуждены признать, что Лукашенко выборы выиграл. Легкое заигрывание высоко оценивается властью. Профессору Манаеву позволяют даже работать в Беларуси и читать лекции студентам. Более того, ему позволено снова явить из себя независимого и даже заявить, что рейтинг Лукашенко стал самым низким за все время его правления. Но никто в оппозиции не сомневается, что в нужное для правителя время профессор найдет способ поддержать его своим «независимым» заявлением.

В условиях фактического отсутствия доступа к СМИ оппозиция выдвинула несколько кандидатов, чтобы охватить предвыборной агитацией во время сбора подписей за право стать кандидатом и во время предвыборной агитации как можно больше граждан. В итоге были зарегистрированы кандидатами Андрей Санников, Владимир Некляев, Николай Статкевич, Ярослав Романчук, Виктор Терещенко, Григорий Костусев, Александр Михалевич, Дмитрий Усс, Виталий Рымашевский. Совершенно надежно собрали по более чем 100 000 подписей Санников, Некляев, Статкевич, Романчук. Команды остальных потенциальных кандидатов сами высказывали сомнения, что имеют необходимые сто тысяч, однако ЦИК зарегистрировала всех. Цель ясна: используя слабых кандидатов, заявить, что все они одинаковы и не имеют никаких достоинств.

Надо сказать, что спецслужбам это удалось. Костусев абсолютно бездоказательно заявил, что все, кроме него, получали незаконную финансовую помощь. Романчук поклялся в верности Лукашенко. Терещенко во время бесчинств ОМОНа на площади заигрывал с властью на государственном телевидении. Рымашевский и Михалевич письменно подтвердили согласие стать сексотами КГБ.

Достоин и мужественно поступили кандидаты Санников, Статкевич и Некляев, а также Дмитрий Бондаренко – ключевая фигура в команде Санникова. Их не сломили ни тюрьма, ни издевательства.

Настоящий поэт, он же – абсолютно неопытный политик Некляев, и высокообразованный дипломат, чиновник и умудренный опытом политик Санников были одержимы одинаковыми устремлениями – противостоять лжи, фальши, попранию человеческих прав и достоинства граждан Беларуси. У обоих – сильные группы поддержки, и не удивительно, что они лидировали

среди девяти оппозиционных кандидатов в президенты на выборах 2010 года.

Понимая, что при подсчете голосов он выборы проиграет, а в ответ на тотальную фальсификацию будет массовый протест, Лукашенко принял превентивные меры, чтобы в зародыше уничтожить очаг очередной цветочной революции на территории СНГ. В Минск были стянуты подразделения ОМОН со всех областей республики. Еще до окончания выборов начались задержания и избиения потенциальных лидеров протестующих. Вечером 19 декабря были арестованы или «задержаны» семь из девяти кандидатов в президенты, причем наиболее популярные из них – Санников и Некляев – были безжалостно избиты людьми, точнее нелюдьми в штатском.

На Октябрьскую площадь и мирное шествие по проспекту независимости вышло больше людей, чем на киевский Майдан в аналогичной ситуации, по различным оценкам – от 40 до 70 тысяч. Далее все развивалось по стандартной схеме государственного терроризма. Провокаторы разбили несколько окон. ОМОН не то чтобы не препятствовал этому, скорее способствовал. Затем поступила команда «бей», и хорошо экипированные ОМОНовцы начали дубинками зверски избивать всех, кто попадал под руку. Наведение всеобщего страха дополнилось арестом почти тысячи граждан.

**Январь 2010 года.
В. Некляев подарил мне
свою новую книжку**

Поэты, как известно, руководствуются повелениями сердца, чувствами возвышенными; дипломаты и политики – расчетом, учетом существующих реалий. Случилось так, что до Владимира Некляева, арестованного без всяких оснований и заключенного в тюрьму КГБ, дошла весточка из зарубежья «Держись, Володя! Твой брат, Евгений Евтушенко». И в рождественскую ночь 25.12.2010 в тюремной камере Некляев подтвердил, что остаётся поэтом, и написал:

**Мой друг, мой брат, привет тебе, привет!
Ты руку подал мне в нелегкий час, не мешкая.
Поэт в России больше, чем поэт –
И в Беларуси он ничуть не меньше.**

**Ну, вот ему и вышел укорот.
В том ничего невиданного нету.
Пророс 37-й гадючий год.
Из ненависти подлецов к поэтам.**

Неся кресты, терновые венцы,

Поэты, наши кровные отцы,
Шли по этапам, вешаясь, стреляясь,
А вслед им ухмылялись подлецы,
В самих себе, как в коконах, рождаясь.

Они себе цепляли ордена
И на погонах звезды зажигали...
Они украли наши времена!
Они страну у нас с тобой украли!

Украли нашу музыку, стихи,
В лай превратили речи нашей звуки,
По всем святыням расползлись, как мхи,
Не трогайте мое! Отдайте, суки!

Пусть я кричал про то не по уму,
Пусть не туда я встрял – и мне за это
Башку отбили, бросили в тюрьму,
Но я не предал сам в себе поэта.

Поэзию не предал, видит Бог...
Одно мне душу мучает до женья:
Какой за нами неотплатный долг!
С ума сойти! Но мы отплатим, Женья!

Не отдадим на поруг и на смех
Святое наше братство цеховое...
Мы, может быть, последние из тех,
Кто еще помнит, что это такое.

Еще вдохнем мы терпкой густоты
Вина, стихов, и, как не раз бывало,
Я выпью за Есенина, а ты,
Со мной обнявшись, выпьешь за Купалу.

И будут в окнах бабочки на свет,
Лететь всю ночь, и лики с небосвода
Всю ночь смотреть... Привет тебе, привет,
Мой друг, мой брат! Привет тебе, свобода!

Через месяц с небольшим Некляева перевели под домашний арест. Поэзия мало понятна тому клану, который властвует в Беларуси сегодня, поэтов они ненавидят, но пока не боятся.

Политические заключенные Санников и Бондаренко находились в тюрьме полтора года, и вышли на волю лишь благодаря санкциям стран Евросоюза. Лукашенко продолжает их бояться, считая опасными для своей нелегитимной власти, поэтому выпавшие на их долю физические и моральные истязания оказались самыми жестокими. Демонстрирует невиданное мужество остающийся в тюрьме безо всякой вины политзаключённый Николай Статкевич. Он категорически отказывается писать прошение о помиловании, так как справедливо считает себя ни в чём не виновным, а изощрённость карателей сегодняшнего белорусского правящего режима, требующих

от него такого прошения, превосходит изобретательность палачей-энкаведистов мрачного 1937 года. К нему в камеру подсаживают психически неуравновешенного больного СПИДом, который грозит его заразить, в подтверждение чего вскрывает себе вены.

Солидаризуется с подавлением в Беларуси всякого инакомыслия и российский посол в РБ Александр Суриков, безапелляционно заявляя, что в Беларуси нет политзаключённых. Когда же на дипломатическом приёме к нему подошёл вышедший из тюрьмы Дмитрий Бондаренко и сказал: «Александр Александрович, я - тот, кого, по Вашему мнению, в Беларуси нет», господин Суриков поспешил удалиться. Вообще же, бывший губернатор края, сумевший за время своего правления основательно загубить экономику Алтая, выведя её на 78 место в рейтинге российских регионов, почувствовал себя в Беларуси полносластным генерал-губернатором и заявил, что в ответ на размещение в Европе американских систем ПРО в Беларуси могут появиться новые военные объекты, в том числе и ядерные. Даже МИД Беларуси 7 февраля 2009 года выступил с критикой заявления Сурикова, который ретировался сказав, что его «неправильно интерпретировали».

Надежда на спасение

Победить диктатуру на выборах нельзя. Старое сталинское «неважно, как голосуют, важно, как считают», срабатывает без сбоев. Однако выборы могут быть и во многих случаях стали импульсом, приведшим к падению данного конкретного диктатора, но не всегда к изменению политической системы. В Беларуси выборы – возможность в условиях монополии государства на СМИ и тотального превращения государственных СМИ в пропагандистские структуры сделать предвыборные дни временем более широкого, чем в обычной ситуации, общения с людьми.

В этом плане наличие многих кандидатов, противостоящих действующему президенту – фактор положительный, с учетом того, что кандидаты не обрушивают критику друг на друга, а пусть и по-разному противостоят диктатору. Так преимущественно и было на декабрьских выборах 2010 года. Никак не принижая достоинства других кандидатов, убежден, что лучшим кандидатом был Андрей Олегович Санников. Подавляющее большинство членов партии «Белорусская социал-демократическая Грамада» (БСДГ), председателем Центральной Рады которой я являюсь, его поддерживало. Он несоизмеримо лучше других был готов к серьезной государственной деятельности, имел опыт работы на уровне заместителя министра, опыт работы на различных должностях за рубежом, свободно владел английским и французским, неплохо знал

польский, успешно сотрудничал с общественными организациями. Наконец, Санников был широко известен за рубежом в США, Польше, Эстонии, Латвии, Литве, Германии, Чехии и других странах.

Сентябрь 2010 года, Варшава. Справа – Председатель Европарламента Ежи Бузек, далее Станислав Шушкевич и Андрей Санников

Не будет особым преувеличением сказать, что первым шагом к участию в президентских выборах стали более ста тысяч подписей, которые собрал Андрей Санников со своими единомышленниками в 1997 году под разработанным им текстом «Хартия-97». Официальной предвыборной кампании Санникова предшествовала также большая подготовительная работа в возглавляемой им «Европейской Беларуси». Андрей Олегович «сколотил» великолепную команду

молодых, талантливых, работающих людей: Дмитрий Бондаренко, Олег Бебенин, Павел Маринич, Наталья Радина, Евгений Афонагель, Влад Кобец, наконец, его жена Ира Халип и многие другие.

На наиболее посещаемом оппозиционном сайте «Charter97.org» помещались информационные материалы о Санникове, сущности его предвыборной программы, призыв выйти на Октябрьскую площадь Минска после окончания голосования 19 декабря 2010 года. Выйти мирно и показать, как много тех, кто голосовал за перемены, т. е. против Лукашенко. К мирному выходу на площадь после окончания голосования кандидат в президенты Андрей Санников призывал и во время официальных встреч с избирателями во всей Беларуси.

Действенность призыва была фантастической. 19 декабря 2010 года на площадь вышло, по самым скромным оценкам, не менее 40 тысяч человек, а по иным – 70 тысяч. Первый шаг, подтверждающий тотальную фальсификацию итогов голосования, был значительно более убедительным, чем выход протестующих в первый день после голосования на киевский Майдан. Но если в Киеве у фальсификаторов выборов были остатки человечности и силовики по-человечески относились к гражданам своей страны, то в Беларуси командиры силовиков явили свое стандартное озверение и начали самым бесчеловечным образом избивать и калечить мирных протестующих. Начали бить, бить и бить, как говорил один из их представителей на сессии Верховного Совета 13 созыва Малумов Юрий Георгиевич. Еще

до окончания голосования специально сформированные группы силовиков в штатском жестоко избили кандидатов в президенты Санникова, Некляева и Статкевича.

7 июля 2010 года, Вильнюс. Андрей Санников с женой Ириной Халип – гости президента Литвы Дали Грибаускайте на церемонии вручения мне ордена Крест Витаутаса

Всю эту акцию иначе, чем государственным терроризмом, назвать нельзя.

В начале июня 1974 года, когда я был пропитан гордостью за свою советскую родину, английский профессор задал мне простой вопрос:

– Как вы относитесь к вашей аристократии?

В точном соответствии с полученными при инструктаже отъезжающих за границу указаниями, да и в не меньшей мере со своими тогдашними убеждениями, я гордо заявил:

– Уважаемый профессор, в СССР с аристократией покончено в 1917 году. У нас аристократии нет.

– Общества без аристократии не бывает. Мы, англичане, бережно относимся к нашей старой родовой знати – аристократии.
Нет ничего хуже аристократии в первом поколении!

Последние слова профессора мне понравились. Вспомнились многие самодовольные партийные начальники, наделенные правом руководить и требовать, с которыми приходилось сталкиваться. Мало кого среди них можно было отнести к людям высокой культуры. Но только лет через 25–30 я понял, сколь деликатным и вежливым был мой собеседник – профессор из Англии, который не упрекнул меня в воинствующем невежестве за мое незнание элементарных понятий, с которыми знакомят детей в школах цивилизованных стран. Откуда мне было знать также, что был великий русский философ Николай Александрович Бердяев (1864–1948), высланный в 1922 году

большевиками из Советской России, который давно ответил на все возникшие у меня по этому поводу вопросы.

Хочу напомнить их тем, кто ещё не испытал радости соприкосновения с его публикациями.

«Аристократическая идея требует реального господства лучших, демократия – формального господства всех. Аристократия как управление и господство лучших, как требование качественного подбора остается на веки веков высшим принципом общественной жизни, единственной достойной человека утопией».

Я же был тогда совком, не только усвоившим, но и верившим в определения, созданные большевистской пропагандой. Понятие аристократия существовало для меня только в одном его значении – родовая власть. О знати, об аристократии мы ведь знали лишь одно – безудержные эксплуататоры, безжалостные угнетатели. Черное на белом, никаких иных качеств. А о том, что представители аристократии хранили культурное наследие, сберегали традиции, создавали литературу, музыку, живопись, в советских источниках ни слова. Что касается власти: профессор был прав, действительно, ***нет ничего хуже аристократии в первом поколении!***

Не могу воздержаться от желания пояснить ситуацию в сегодняшней Беларуси словами того же Бердяева: ***«Если нарушены истинные иерархии и истреблена истинная аристократия, то являются ложные иерархии и образуется ложная аристократия. Кучка мошенников и убийц из отбросов общества может образовать новую лжеаристократию и представить иерархическое начало в строе общества».***

XVI. ЧЕРЕЗ ГОДЫ, ЧЕРЕЗ РАССТОЯНИЯ

**или связанные со моей жизнью микро-эссе в
случайной последовательности.**

В декабре 1991 года этот снимок появился в сотнях газет и журналов мира. Не исключая, что по этой причине получило широкое распространение неточное мнение о том, что Соглашение о Создании Содружества Независимых Государств подписали в Вискулях три человека, изображённые на снимке: Леонид Кравчук, Станислав Шушкевич и Борис Ельцин (слева направо). В действительности под ним стоят также подписи госсекретаря РФ Геннадия Бурбулиса, премьера Украины Витольда Фокина и премьера Беларуси Вячеслава Кебича. Мы же троём подписали тогда краткое одностороннее Заявление о сути Соглашения о создании СНГ.

- 1) 1992 год, аэропорт Минск-2. Начало официального визита лауреата Нобелевской премии мира президента Польши Леха Валэнсы в Республику Беларусь.
- 2) 29 сентября 2010 года, Гданьск, на собрании в дворце Артуса в связи с вручением Международной премии имени Леха Валэнсы.

Свободы без жертв не бывает. 16 января 1969 года студент Карлова университета Ян Палах на Вацлавской площади в Праге облил себя бензином и поджёг, протестуя против оккупации Чехословакии войсками Советского Союза и других стран Варшавского договора. После его смерти до апреля 1969 года ещё 26 человек предприняли в Чехословакии попытки самосожжения в знак протеста против советской интервенции, один из них – Ян Зайиц покончил собой на этой же площади.

Талантливая Наталья Радина (вторая справа) писала правду о деяниях диктаторского режима и не может навестить своих родителей в Беларуси. На этом снимке её последняя с ними встреча в родном Кобрине, куда со мной приехала и Ольга - жена арестованного Дмитрия Бондаренко. Сейчас Радина живёт и работает в Вильнюсе, где правительство Литвы предоставило ей политическое убежище.

Октябрь 2009 года, Страсбург. Тогда я не догадывался, что встречаюсь с Егором Тимуровичем последний раз. Через два месяца, в день моего 75-летия, находясь в США, я обрадовался звонку мобильного, так как на дисплее высветилось имя Михаила Слободинского – помощника Гайдара. Ожидал поздравлений с юбилеем, получил сообщение о внезапной смерти замечательного человека, истинного интеллигента - одного из главных авторов преамбулы и статей Беловежского соглашения о создании СНГ.

Октябрь 2010 года, Санкт-Петербург. Студенты вузов северной столицы в большом зале Федеральной библиотеки имени первого президента России Бориса Николаевича Ельцина захотели со мной сфотографироваться после окончания встречи, посвящённой предстоящему 80-летию со дня рождения Б. Н. Ельцина и прислали мне эту фотографию.

Между двух народных – гордости белорусской литературы – писателя Василя Быкова и поэта Нила Гилевича. Правящий в Беларуси диктаторский режим не поднялся до уровня увековечить память первого и уважать творчество второго.

2011 год. Станция Гудагай. Бдительные пограничники высадили из поезда Вильнюс-Минск группу студентов Европейского Гуманитарного Университета и меня, полагая, что они под моим руководством едут в Минск протестовать против злодеяний правящего режима. Официальный повод для задержания – «тщательная проверка документов». Никого из задержанных я прежде не знал. ЕГУ был основан в 1992 году в Минске, но правящий в Беларуси режим счёл необходимым его ликвидировать, поэтому в 2004 году он вынужден был переехать в столицу Литвы.

Сентябрь 2010 года, Гданьск. В депутатской приёмной председателя Сената Республики Польша Богдана Борусевича. Справа налево: Дмитрий Бондаренко, Андрей Санников, Богдан Борусевич, Станислав Шушкевич.

В Белорусском академическом центре в Винфилде (США, штат Канзас) периодически собираются учёные, преподаватели, политики и общественные деятели, занимающиеся белорусской проблематикой. На этом снимке можно найти Ивонку и Павлинку Сурвилу, послов США в РБ Дэвида Суорца и Кеннета Яловица, экс-ректора БГУ профессора Козулина, проректора ЕГУ Колбаско, конечно же, меня и многих других.

Франкфурт на Майне, декабрь 2009 года. С одним из известнейших белорусов мира Борисом Китом и его супругой Тамарой. 6 апреля 2010 года Борис Кит, математик по университетскому образованию, отметил своё 100-летие. Во время работы в США он внёс весомый вклад в дело становления американской и мировой астронавтики.

На международный фестиваль культуры и спорта в Намианджу Сити в Южной Корее меня пригласили выступить с приветствием..

Профессор Бальцерович – автор и один из главных руководителей трансформации польской плановой экономики в капиталистическую рыночную. Его «шоковая терапия» была с пониманием воспринята населением страны и вывела Польшу на уровень развитых стран Европы.

Декабрь 2009 года. Самая южная точка штата Флорида – город Ки Вест. Возле дома Эрнеста Хэмингуэя, ставшего музеем.

Космический центр имени Кеннеди на мысе Канаверал. Проезжая на автомобиле по Флориде, туда нельзя не заглянуть.

Январь 2011 года, Екатеринбург, Федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина. Конференция «Гражданский диалог поколений». В президиуме справа налево Мурашов, один из авторов российской Конституции Шейнис, Бурбулис, ректор университета Кошкарров, Шушкевич. Здесь, на Урале – Родине Ельцина – утверждают, что когда он был президентом, Россия шла по пути демократизации и уровень демократии в стране был более высокий, чем сейчас.

2011 год, апрель. Братислава, встреча в МИД. Микулаш Дзуринда, сын этнического русина, с 9 июля 2010 года – министр иностранных дел Словакии. Был премьер-министром (1998-2006) и исполнял обязанности президента (1998-1999). Его считают человеком, который привёл Словакию в Евросоюз.

Братислава. Министр Микулаш Дзуринда среди пикетчиков, требующих освобождения политических заключённых в Беларуси.

Президент города Вроцлава Рафал Дуткевич – широко известный мэр-реформатор в Польше. Город славится не только созданием многих новых рабочих мест, но и вдумчивой реставрацией исторических памятников и иных составляющих культурного наследия.

Студенты-иностранцы БГУ, специализировавшихся на «моей» кафедре ядерной физики и мирного использования атомной энергии, успешно продолжают научную и педагогическую работу на родине. Профессор Мирослав Машлан – ректор Палацкого университета в Оломоуце (Чехия).

На конференциях в Сеуле можно встретить и познакомиться с первой леди Танзании и с экс-президентом Сейшельских островов сэром Джеймсом Р. Манчаом.

Март 2011 года, Прага. Министр иностранных дел Чехии Карл Шварценберг (правый на обоих снимках) заверил нас, что делу демократизации Беларуси может быть оказана серьезная поддержка в рамках программы «Восточное партнёрство».

С одним из истинных потомков белорусских магнатов Радзивиллов мне с Ирой удалось встретиться в резиденции посла Франции в Минске. Его серьёзно волновал вопрос о том, всегда ли высоко качество выпекаемого в Беларуси хлеба «Радзивиловский», на упаковку которого без всякого на то права ставится герб их рода.

Юго-Восточная провинция Республики Корея Джолланамдо в ближайшее время станет образцом экологичности и комфорта. Фото на память с губернатором доктором Джун Ян Парком и его женой у традиционного лозунга-приветствия над входом в гостевой дом мэрии.

В июне 2009 года мне пришлось «тряхнуть стариной» – прочесть инаугурационную лекцию по физике на выставке Евросоюза «Термоядерный синтез» в Политехническом институте Кошалина (Польша).

На число студентов, пожелавших присутствовать на моих лекциях, грех жаловаться.

Снимок позволяет оценить масштабы кафедры ядерной физики и мирного использования атомной энергии в год её 20-летия – 1981-й. К сожалению, не все сотрудники смогли стать участниками дружеского ужина и оказаться на этой фотографии, сделанной за городом в Соснах на подиуме из бетонных блоков для строительства очередного корпуса Института ядерной энергетики АН БССР.

Январь 2004 года, Чикаго. Талантливый, скромный, трудолюбивый литератор Рем Никифорович, сын директора 42-й школы города Минска, в которой учились дети сливок элитарного общества столицы советской Беларуси, эмигрировал в США в начале 1990-х. Он полюбил Чикаго и знал его не хуже, чем я Минск. Как и многие заезжие из Беларуси я обязан Рему всем, что мне удалось познать в этом городе и об этом городе.

В 20 километрах от Сеула вниз по течению реки Ханган на её берегу построены комфортабельные домики для семейного отдыха. Их внутренние стены и перегородки сделаны из натурального ничем не покрытого дерева. Называют домики «русскими». Стоимость проживания в русском доме такая же, как в фешенебельном отеле Сеула. Хозяева строений долго убеждали нас, что жить в таких домах полезно для здоровья и что именно в таких домах живёт большинство граждан России, так как в этой стране очень много леса. А в Корее таких домов мало, так как дерево стоит дорого. От себя добавлю – все отдыхающие здесь – народ молодой и весёлый, с ними захотелось сфотографироваться.

Сеул, 1996 год. Детский коллектив «Маленькие ангелы» известен во всём мире. Он с большим успехом исполняет классические и современные, а также традиционные корейские народные песни и танцы

На Учёном совете университета в Тегу.

Этот сикх весьма доброжелателен, никогда не стриг волосы и там, где это официально не запрещено, имеет при себе холодное оружие - кинжал. Такова традиция.

1991 год. Я решил ознакомиться с «нашим» стратегическим ядерным оружием. На день приобретения независимости «де юре» Беларусь была самой ядерной державой мира: в пересчёте на единицу площади её территории или же на тысячу её граждан приходилось больше единиц ядерного оружия, чем в любой иной стране на планете Земля

В 1993 году известный американский писатель Норман Майлер (в центре) через посла США попросил меня его принять. У своего советника Сергея Паньковского (первый слева), я узнал, что на русский переведена лишь книга Майлера о корейской войне «Нагие и мёртвые». Не желая выглядеть непросвещённым, за ночь я эту книгу прочёл. Подумал, что автор наверняка знает всемирно известных В. Быкова и К. Симонова, спросил, как он к ним относится. Оказалось, что он ни о них, ни об их творчестве ничего не знает. Майлер смог ознакомиться в КГБ РБ с личным делом Ли Харви Освальда, попросил меня ответить на ряд вопросов и вскоре издал книжку «Oswald's Tale» -- очередное художественное произведение об Освальде. Мне, например, приписано в этой книжке то, чего я ему никогда не говорил. Но «Освальдиада» продолжается и многие цитируют Майлера, считая его «Oswald's Tale» исторической правдой.

Во время визита в Хельсинки я пригласил президента Финляндии Мауно Койвисто посетить с официальным визитом Минск. Он ответил, что обязательно хочет побывать в Минске, но не с официальным визитом, а для встречи «без галстуков». Полной неожиданностью стал для меня прилёт господина Койвисто в Минск только на несколько часов со своим поваром и продуктами, «чтобы переговорить со мной о делах и познакомить руководителей Беларуси с истинно финской кухней».

Ион Илиеску – весёлый собеседник. В 1965-1968 годах он руководил отделом пропаганды ЦК РКП, был первым секретарём ЦК коммунистической молодёжи. В середине 70-х годов Чаушеску увидел в нём конкурента, снял со всех постов, но не преследовал. В 1989 году Илиеску возглавил волнения против Чаушеску, а после его свержения дважды избирался на пост президента Румынии – в 1990 и в 2000 году. Не отрёкся от методов, применявшихся Чаушеску: привозил в Бухарест шахтёров, вооружённых железной арматурой, для разгона оппозиционных демонстраций.

15 сентября 1992 года, Бонн, ФРГ. Нужно обладать недюжинными способностями фантаста, чтобы представить, что в честь человека, который отождествлял понятия немец и враг во время войны, в честь Беларуси, которая потеряла в борьбе с немецкими фашистами каждого четвёртого своего гражданина, будет выстроен почётный караул вооружённых сил Германии, а моим сопровождающим будет президент Германии Рихард фон Вайцзеккер.

Первая леди Германии госпожа Марианна фон Вайцзеккер и первая леди Беларуси Ирина Шушкевич на террасе вилы Хаммершмидт.

19 октября 1993 года, София. Первый демократически избранный президент Болгарии Желю Желев встретил официальную делегацию Беларуси в аэропорту. В составе делегации были Его Высокопреосвященство патриарший экзарх Филарет, Народный поэт Нил Гилевич, другие депутаты Верховного Совета, члены правительства Республики Беларусь.

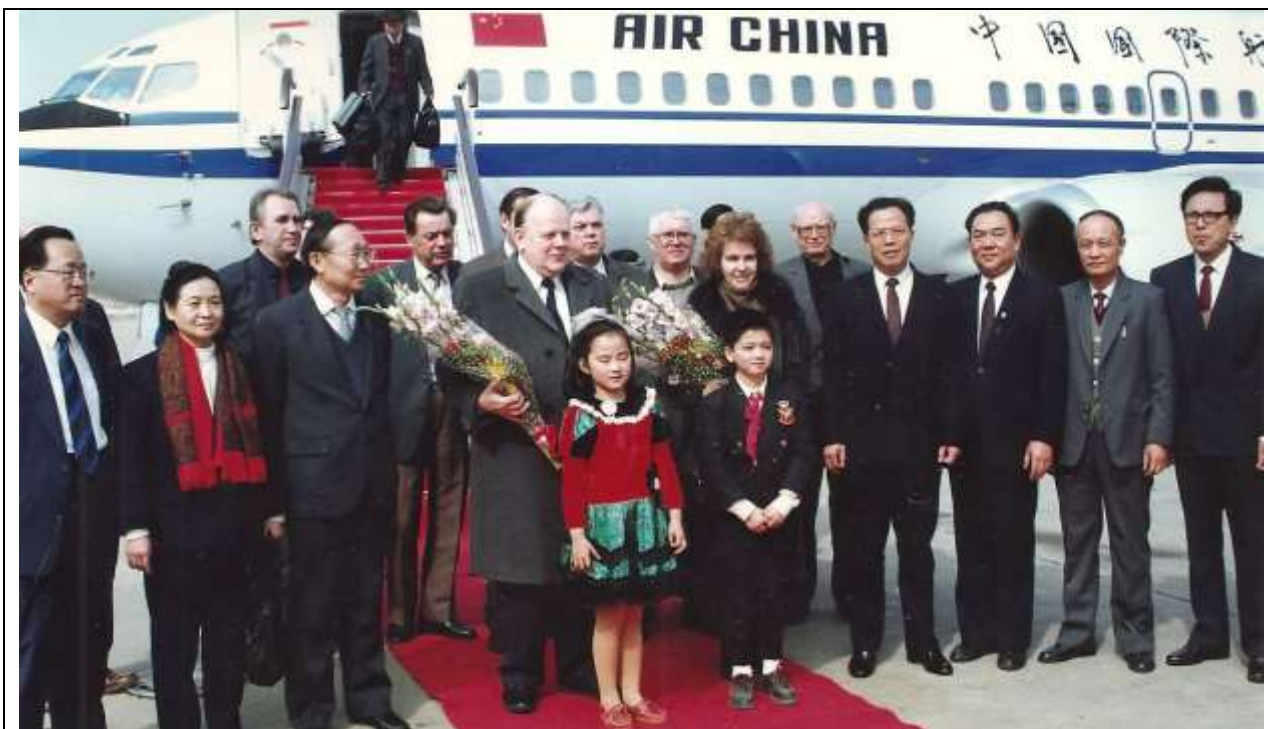
27 августа 2005 года с экс-президентом Болгарии доктором философских наук профессором, по-прежнему интереснейшим собеседником, писателем и аналитиком Желю Желевым на террасе президентского дворца в Варшаве на конференции по проблемам Восточной Европы. Здесь не раз вспоминали о изданной в 1982 году (через 15 лет после полной подготовке к изданию!) его книги «Фашизм». Через несколько дней после напечатания десятитысячный тираж книги был запрещён и уничтожен: коммунистический режим в Болгарии и остальных странах «социалистического лагеря» оказался идентичен фашистскому, детально описанному в книге Желева.

Май 1993 года, Анкара. Переговоры со спикером Хюсаметтином Джиндоруком на праздновании 72-летия меджлиса (парламента). Дата, кратная 12 и 6, считается в Турции юбилейной, как у нас кратная 10 и 25. В парламенте Турции 550 депутатов, причём, в нём представлены лишь партии, набравшие не менее 10% голосов на выборах.

Андрей Санников и Дмитрий Бондаренко брошены белорусским диктатором в тюрьму за то, что их отличает от нелегитимного президента профессионализм, ясный ум, порядочность, честность и достоинство.

Январь 1993 года. В аэропорту Гаоци города Сямэнь в районе тайваньского пролива мы, никак такого не ожидая, попали после январского холода Минска и Пекина в 25-ти градусную жару. Моя с Ириной попытка снять при выходе из самолёта пальто стала сразу же невозможной, так как у нас в руках оказались цветы, которые вручили нам эти очаровательные дети.

2010 год, Рига. Не могу упустить случай ещё раз пожать руку сенатору Дж. Маккейну, многолетнему узнику вьетнамской тюрьмы, всемирно известному борцу за права человека и демократизацию, большому другу Беларуси.

18 мая 1992 года, Амстердам, Выставочный павильон фирмы «Philips». Представительница фирмы знакомит Наину Иосифовну Ельцину, депутата Госдумы Российской Федерации Галину Старовойтову и Ирину Шушкевич с новейшими изделиями, производимыми предприятиями фирмы.

15 января 1994 года. Как не сопротивлялись пришедшие в себя после разгрома августовского путча 1991 года преемники и наследники старых энкэвэдистов, поездка президента США Била Клинтона в Куропаты – место расстрела невинных жертв сталинских репрессий – состоялась. Пояснения американскому президенту давал Зенон Станиславович Позняк. Он сыграл главную роль в обнаружении места и раскрытии чудовищного злодеяния.

Администрации заповедника Беловежская пуца приказано не показывать туристам и журналистам место подписания документа о создании СНГ, согласно которому Беларусь была признана Россией независимым государством. 10 ноября 2011 года посещение Вискулей запретили съёмочной группе российского телеканала ОРТ в составе Катерина Грицевич, Андрей Сысоев, Михаил Сысоев.

Когда я завершал рукопись этой книги, лидер фракции Прогрессивный альянс социалистов и демократов (ПАСД) в Европарламенте Мартин Шульц (Социал-демократическая партия Германии) был номинирован в кандидаты на пост председателя Европарламента на вторую половину срока нынешнего созыва (январь 2012 – июнь 2014). Сейчас он – глава Европарламента.

Июль 1992 года. По просьбе Председателя Сейма Литвы Витаутаса Ландсбергиса мы выбрали местом переговоров Вискули и сели за стол, на котором было подписано Соглашение о создании СНГ. Сознвая, что вокруг пуща, наши охранники играли в соседнем зале в бильярд. Я попросил их присмотреть за моим семилетним сыном, так как жена в это время знакомила госпожу Гражину Лансбергис с резиденцией. Дверь бильярдной была закрыта, ключ торчал в двери. Сын пытался выбежать в холл, но его сразу же вернули. Правильно оценив ситуацию, мой Стас вынул из замочной скважины ключ и запер им дверь снаружи. Профессионалам спецслужб Литвы и Беларуси, оказавшимся в изоляции от охраняемых, пришлось выбираться через форточку и долго искать виновника своего заключения на просторах бывшей резиденции ЦК КПСС.

Октябрь 2011 года. В шведском в Гётеборге с депутатом Европарламента от Республики Литвы профессором Ландсбергисом мы вспомнили забавный случай в Вискулях 19-летней давности. На трёхдневный форум «XX-летие распада СССР» нас пригласили МИД Швеции, мэрия Гётеборга и Гётеборгский университет .

С Вигдис Финнбогадоттир – первой женщиной в мире, избранной на пост главы государства в соответствии с Конституцией страны, я познакомился в Швеции в Гётеборгском университете. Она не готовилась к политической карьере, изучала французский язык и литературу в Сорбонне и в университете Гренобля, историю театра - в университете Копенгагена. Будучи избранной на пост Президента Исландии в 1980 году, четырежды переизбиралась на этот же пост и отказалась участвовать в следующих выборах. Всегда уделяла большое внимание развитию исландского языка, культуре Исландии, интересам молодёжи, женскому лидерству.

На высших государственных должностях Литвы – женщины. Даля Грибаускайте – всенародно избранный президент.

**Ирена Дегутене с
17 сентября 2009
года –
председатель
Сейма –
парламента
Литвы.**

**Ректор Гётеборгского
университета профессор
Пам Фредман пояснила:
пятьдесят процентов
ректоров высших учебных
заведений Швеции –
женщины.**

**2003 год, Южная Корея.
Волнительно получить
диплом почётного
доктора философии в
далёком Сеуле из рук
профессора госпожи
Куанг Юн Ли –
президента
университета, в
котором, к слову,
занимаются и студенты
из Беларуси.**

Вдова легендарного академика, правозащитника и политика Андрея Дмитриевича Сахарова Елена Боннэр приложила немало усилий, чтобы в Минске открылся новый университет - Сахаровский колледж.

России трудно сберечь её национальную гордость - достойнейших, талантливых высокообразованных политиков. Добрые слова о них остаются в памяти и на памятниках.

«Галина Васильевна Старовойтова — учёный, правозащитник, народный депутат СССР, РСФСР, депутат Госдумы РФ, советник Президента России, председатель партии „Демократическая Россия“. Погибла 20 ноября 1998 года в результате террористического акта от рук наёмных убийц.»

1996, Санкт-Петербург.

Рига, октябрь 2010 года, с Президентом Польши Брониславом Комаровским. Мне везёт на неожиданные встречи с этим человеком, который на всех высоких должностях в Польше остаётся большим другом Беларуси и уверен в её трансформировании в демократическую страну в ближайшее время.

6 декабря 2011 года, Таллин, Кадриоруская резиденция. Президент Эстонии Томас Хендрик Ильвес придерживается того же мнения, что и другие руководители стран Евросоюза: отношения с Республикой Беларусь могут получить развитие только после освобождения и официальной реабилитации её властью всех политических заключённых.

С двадцать вторым генерал-губернатором Канады Эдвардом Ричардом Шрайером (с 1979 по 1984 г.) судьба свела меня в Сеуле в конце 1990-х годов на конференциях по мирному воссоединению Кореи. Мы понимали друг друга без переводчика, хотя он говорил на самобытном украинском, а я на белорусском.

В канадском Торонто весна в полукилометре от зимы: правый снимок сделан на южном склоне того же холма через 20 минут после левого

Профессор Сергей Петрович Капица – учёный, телеведущий, главный редактор журнала «В мире науки» - принадлежит к династии русских учёных: сын нобелевского лауреата по физике П. Л. Капицы, внук А. Н. Крылова – известного математика и кораблестроителя. Я познакомился с ним в Сеуле, затем встречался в Вашингтоне, позднее в Москве, где он живёт и работает.

2010 год, Сеул. В парламенте Республики Корея со спикером Палаты представителей Конгресса США Дж. Дэннисом. Тогда не исключали, что он сделает попытку баллотироваться в президенты США в 2012 году.

По моему убеждению канцлер ФРГ Ангела Меркель 29 сентября 2011 года в Варшаве продемонстрировала прекрасное понимание того, что происходит в Беларуси, благодаря серьёзному обсуждению её «правой руки» министра Рональда Пофалла белорусских проблем с представителями демократической оппозиции. На снимке слева направо Сергей Калякин, Александр Козулин, Ева Некляева, Рональд Пофалла, Юлия Слуцкая, Денис Садовский, Станислав Шушкевич, Виктор Ивашкевич. Берлин, 11 января 2011 года.

Смех да и только: мэру столицы Республики Литвы города Вильнюса Артурасу Зуокасу отказано в визе в Республику Беларусь после его встречи в мэрии с белорусской демократической оппозицией. И это после того, как посол Беларуси в Литве Дражин нанёс Зуокасу визит и заверил его «в высочайшем к нему уважении».

На вопрос о цели поездки в Париж президент Дж. Ф. Кеннеди ответил: «Сопровождаю первую леди США». Я могу отвечать, что сопровождаю первую леди РБ уже 20 лет. Новой первой у нас нет. В Сеуле и Вашингтоне, приглашая мою жену выступить, так и объявляют: «Слово предоставляется первой леди Республики Беларусь».

Наш весёлый собеседник на конференции в Москве - отец восьмерых детей Исмагил Каляметдин Шангареев был муфтием Оренбурга, председателем ассоциации мечетей России, подвергался уголовным преследованиям, был оправдан. 11 сентября 2005 года – в годовщину трагедии в Нью-Йорке – возглавил делегацию российских мусульман, которая прилетела выразить свои соболезнования американскому народу и помолиться о спасении душ погибших в терактах.

30 сентября 2003 года. Снимок на память на ступеньках мэрии южнокорейского города Почона, парламент которого присвоил мне в этот день звание почётного гражданина.

Первый Чрезвычайный и Полномочный посол Словакии в Беларуси Мариан Серватко встречал гостей на официальном приёме по случаю государственного праздника Словакии - Дня конституции Словацкой Республики - в национальном костюме.

Любомир Регак – Временный Поверенный в делах Словакии в Беларуси за время работы в РБ в совершенстве овладел белорусским языком.

**Наша природа по душе
Чрезвычайному и
Полномочному
Послу Швеции в РБ
Стефану Эриксону,
его жене Веронике и
сыну Эрику,
которому только в
лесу позволено не
соблюдать этикет.**

Сербия

Украина

См. следующую страницу.

Великобритания

США

Румыния

Литва

Посол Израиля

На встрече, посвящённой моему 75-летию, я был удостоен чести видеть замечательных людей Беларуси, высших должностных лиц зарубежных дипломатических миссий Сербии Украины, Великобритании, США, Румынии, Литвы, Израиля, Венгрии (слева-направо-вниз на блоке снимков), а также получить письменные поздравления от экс-президента США Била Клинтона и экс-президента Польши Леха Валэнсы. .

Окрестности Сан-Франциско

Аризона

Самый дешёвый и самый лучший способ познать красоту природы Соединённых Штатов Америки и научиться природу беречь, – арендовать автомобиль и отправиться в поездку по национальным паркам США.

Колорадо

«Сад богов» у Колорадо-Спрингс

У меня было большое преимущество перед рядовыми путешественниками: я мог надолго доверить руль жене, для которой вождение автомобиля – любимое занятие

Флорида

Юта

С Иоганнесом Рау↑
←С Рихардом фон Вайцзеккером
С Иоахимом Гауком→

Мне довелось познакомиться и вести переговоры с тремя президентами ФРГ. На момент знакомства господин Рихард фон Вайцзеккер был действующим президентом, а господам Иоганнесу Рау и Иоахиму Гауку предстояло стать первыми лицами Федеративной Республики Германия в будущем.

2005 год, Калифорния, Национальный парк США Red Wood, в котором созданы превосходные условия для сохранения рощи из деревьев секвойи и для комфортного пребывания в ней туристов. Я сфотографировал в парке мою жену Ирину со знаменитым американским писателем Ричардом Роудсом, его женой Джинджер и переводчицей Марией у среза секвойи, сломанной ураганом в возрасте более 2000 лет. На срезе обозначены годовые кольца, окончания Второй мировой войны, принятия Декларации независимости США, открытия Колумбом Америки и рождения Христа.

10 и 24 декабря 2011 года москвичи вспомнили, что во время президентства Б. Н. Ельцина выборы были честными.

Лицемерие государственных средств пропаганды, называемых белорусским режимом СМИ, порождён безнаказанностью за наглое враньё. «Из-за громких скандалов как внутри партий, так и между ними, «несогласные» не смогли накануне организованно провести митинг на проспекте Сахарова в Москве. На акцию – она анонсировалась как многотысячная – пришли лишь сотни», – сказано в репортаже Белорусского государственного телевидения ОНТ 24 декабря 2011 года.

2011 год. Беларусь – последняя диктатура в Европе, таков лейтмотив обсуждения проблем с правами человека в Беларуси на международной конференции в Вильнюсе. В президиуме конференции В. Станкявичус (Литва), А. Горбунов (Латвия), А. Рютель (Эстония), С. Шушкевич (Беларусь), (Украина).

Париж, 30 января 2011 года. Фонд Ельцина и ассоциация «Франция-Урал» провели круглый стол геополитической проблематики, приуроченный к 80 годовщине со дня рождения первого президента России. Для обстоятельного разговора в коммуне Кремлин-Бисетр собрались эксперты из бывшего СССР и Франции, некоторые из них – на этом снимке.

Его высокопреосвященство патриарший экзарх Филарет был депутатом Верховного Совета Беларуси 12 созыва. Я считал для себя высокой честью приглашать его в состав парламентских делегаций при поездках в зарубежье. Вдумчивым участием в переговорах и самим своим присутствием в делегациях владыка подтверждал, что Беларусь покончила с коммунистическим отношением к религии и на всех уровнях, включая законодательный, и стремится к истинной свободе совести, равным правам верующих всех конфессий.

На международной конференции в Москве я убедился, что активный пропагандист музыкального искусства Роксана Николаевна Сац унаследовала от своей матери Натальи Ильиничной Сац – инициатора создания и многолетнего руководителя первого в мире детского оперного

театра - умение заражать любовью к настоящему искусству не только детей.

Киев, март 1997 года. Торжественное заседание в связи с вручением Международной премии имени Пилипа Орлика Главе Национального банка Украины Виктору Андреевичу Ющенко (второй справа) и мне. Выступает председатель жюри Владимир Яворивский.

Март 2011 года, Киев. На приёме от имени российского посольства, посвящённом 80-й годовщине со дня рождения первого президента России Б. Н. Ельцина, приятно было видеть экс-президента Украины Леонида Даниловича Кучму с супругой и народного артиста России Валерия Александровича Баранова.

Большой честью для меня было приглашение прочесть инаугурационную лекцию в связи с открытием в штате Канзас белорусского академического центра, созданного усилиями бывших послов США в Беларуси Дэвида Суорца и Кеннета Яловица совместно с Радой Белорусской Народной Республики, деятелями белорусской диаспоры за рубежом и энтузиастами колледжа в Винфилде. Торжественное открытие центра состоялось на собрании в самом большом городе штата Канзас Вичита в конференц-зале гостиницы «Hyatt» 19 апреля 2008 года.

О моём жизненном кредо: как бы не возносила и как бы не опускала меня судьба, горжусь, что я не потерял при этом ни одного из своих друзей, и ни один из них меня не предал. Известный математик профессор Яков Валентинович Радына и его жена Елена Александровна в их числе.

Пути Господни неисповедимы. Этот снимок сделан у входа в гостевой дом Президента США Блэйрхауз 22 июля 1993 года во время моего официального визита в США. Тогдашние (слева направо) Председатель Национального банка РБ Станислав Богданкевич, вице-премьер Михаил Чигирь, Юля Буравкина, Михаил Мясникович, представитель РБ при ООН Геннадий Буравкин, Ирина Шушкевич, Станислав Шушкевич и посол РБ в США Сергей Мартынов были, казалось, борцами за государственный суверенитет Беларуси, за справедливость, демократию, права человека, рыночную экономику. Верность этим принципам сохранили лишь шесть из восьми, причём М. Чигиря не сломил и тюрьма, а остальную пятёрку – репрессии. Мясникович и Мартынов стали приверженцами авторитаризма и «верой и правдой» служат последнему диктатору Европы.

Ганновер, конференция на выставке ЭКСПО-2000 по правам человека в Центральной и Восточной Европе. В президиуме Иоахим Гаук (ФРГ), Мариан Кшаклевский (Польша), Сергей Ковалёв (Россия), Станислав Шушкевич.

Я сделал этот снимок Чрезвычайного и Полномочного Посла Её Величества Королевы Великобритании доктора Найджела Гулд-Дэвиса возле моего загородного домика. В неофициальной обстановке хозяйка этих коз приняла посла великой державы за белорусского дачника.

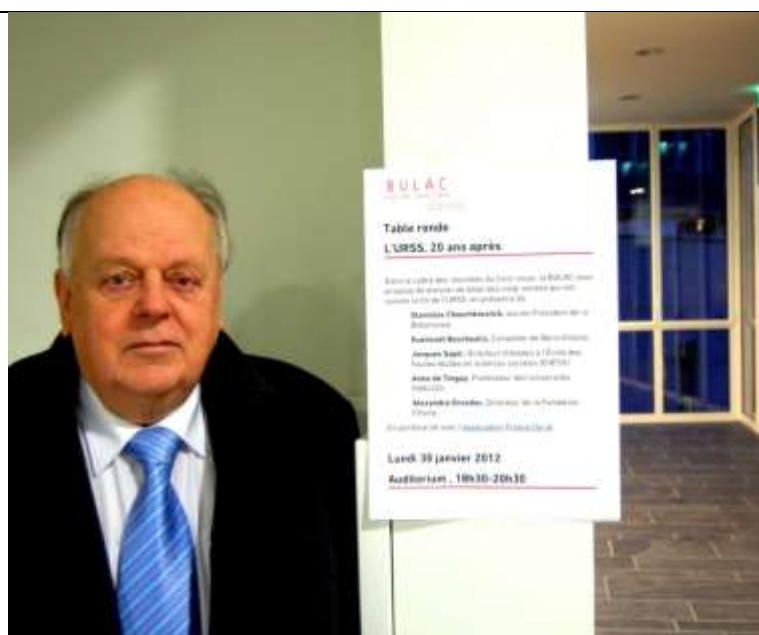

Table ronde

L'URSS, 20 ans après

Dans le cadre des Journées du livre russe, la BULAC vous propose de dresser de bilan des vingt années qui ont suivies la fin de l'URSS, en présence de :

Stanislav Chouchkievitch, ancien Président de la Biélorussie,

Guennadi Bourboulis, Conseiller de Boris Eltsine.

Jacques Sapir, Directeur d'études à l'École des hautes études en sciences sociales (EHESS),

Anne de Tinguy, Professeur des Universités (INALCO),

Alexandre Drozdov, Directeur de la Fondation Eltsine.

En partenariat avec l'association [France Oural](#).

Lundi 30 janvier 2012

Auditorium , 18h30-20h30

Париж, 30 января 2012 года. Фото на память у входа в актовый зал университетской библиотеки иностранных языков и цивилизаций возле объявления о круглом столе на тему «СССР, 20 лет спустя», организованном ассоциацией «Франция – Урал» в канун 81-летия Бориса Ельцина. Справа – увеличенный фрагмент объявления.

2009 год, Страсбург. С депутатом Европарламента Яцеком Протасевичем, возглавляющем парламентскую группу по Беларуси (в центре), и Николаем Статкевичем – кандидатом в президенты Беларуси на выборах 2010 года. Лукашисты бросили Статкевича в тюрьму в день «выборов» 19 декабря 2010 года за смелость баллотироваться и бороться за честные выборы.

Как я не уходил от этого слова, но получились мемуары.

Почему же в финале - фото какой-то благочинной семьи на ступеньках моего загородного домика в 55 километрах от Минска?

Самый правый на снимке - муж этой очаровательной женщины и отец этих радостных детей –

Даниэль Спекхард –

Чрезвычайный и Полномочный посол Соединённых Штатов Америки в Республике Беларусь в 1998-2002 гг.

ОН СПАС МНЕ ЖИЗНЬ.

Как это произошло описано в разделе «Об университетах и вузах, степенях и лекциях».

Я же узнал обо всём достаточно поздно, и не было случая поблагодарить господина Даниэля Спекхарда за его благородный поступок.

**Исправляю упущение:
СПАСИБО, ДАНИЭЛЬ!**

25 марта 2012 года, Вашингтон, университет имени Джорджа Вашингтона. Снимок со студентами и преподавателями после моей лекции о 94-й годовщине Белорусской Народной Республики. Третья слева в первом ряду преподаватель Алеся Кипель – дочь известного деятеля белорусской диаспоры за рубежом Витаута Кипеля. Как похожи американские студенты на белорусских (см. фото на стр. 378), но сколь различны их права и возможности.

26 марта 2012 года, Вашингтон. Снимок на память после вручения мне Медали Свободы имени Трумана-Рейгана. Справа от меня Президент Фонда «The Victim of Communism Memorial Foundation» доктор Ли Эдвардс, слева - известный советолог доктор Ариэль Коэн.

Высокопоставленные сотрудники Госдепартамента США Даниэль Расселл и бывший Чрезвычайный и Полномочный посол США в Республике Беларусь Майкл Козак занимаются проблемами Восточной Европы. Они убеждены, что нелепость отношений РБ - США, порождённая белорусским правящим режимом, неизбежно уступит место конструктивному взаимовыгодному сотрудничеству.

Такого же мнения придерживаются сенатор от штата Иллинойс Ричард Дурбин и сенатор от штата Мэриленд Бен Кардин – вице-президент Парламентской Ассамблеи ОБСЕ и сопредседатель Хельсинской Комиссии Сената США по безопасности и сотрудничеству в Европе.

Вашингтон, 27.03. 2012. С женой и политологами Ани Смит и Фредо Ариас Кингом у мемориала жертвам Второй мировой войны. США потеряли в этой войне 420.000 из 132 млн. своих граждан, Беларусь – 2.500.000 из 10 млн.

Мой давний друг мексиканец политолог и политик Фредо Ариас Кинг организовал моё пребывание в Вашингтоне так, что за 6 дней я прочёл 7 лекций, имел много выступлений и интервью, обменялся мнениями на Капитолийском холме с сенаторами Беном Кардиным и Ричардом Дурбиным, встретился со многими сотрудниками сената, конгресса и госдепартамента, возложил цветы у памятника мученикам тоталитаризма.

Вечером 28 марта 2012 года после моей лекции в Университете Джорджа Вашингтона самой трудной задачей было отыскать место в каком-нибудь недалёком пабе для нашей небольшой компании, чтобы в непринуждённой обстановке продолжить начатый в аудитории разговор. В среду (!) все бары и другие заведения Вашингтона между Белым Домом и землёй университета, в которых можно посидеть за фужером пива, сока или колы, были переполнены студентами, молодыми сотрудниками госдепартамента и... удручёнными опытом профессорами, также, оказывается, жаждущими общения. Нам повезло, поиск завершился успешно: нашли всё, что хотели, и любители пива (профессор Генри Хейл, профессор Роберт Орттунг, переводчик-профессионал Алексей Собченко, Фредо Ариас Кинг и я) и любители колы (стажёр-исследователь Суфьян Жемухов, мусульманин) и не упускающая случая продемонстрировать своё отрицательное отношение к алкоголю любительница сока – моя жена Ирина.

**Все мы ещё раз согласились с Антуаном де Сент-Экзюпери:
«Самая великая роскошь – радость человеческого общения».**

Ежегодно 25 марта в День Памяти жертв тоталитаризма в Вашингтоне возле памятника погибшим в борьбе за свободу проходит траурный митинг. Люди, родные и близкие которых стали жертвами фашизма, сталинизма и иных человеконенавистнических режимов, ставят у памятника зажжённые свечи. В память о великом поэте Беларуси зажгёт свечу и живущий в США внук Янки Купалы Висвидас Матулис (центральный на правом снимке). Организаторы митинга пригласили и меня выступить перед собравшимися как лауреата Медали Свободы 2012 года. Переводчиком была Алеся Кипель – дочь известного белорусского культурного деятеля в эмиграции Витаута Кипеля.

На встречах без галстуков
Председатель Комитета по
иностранным делам Сейма Литвы,
Председатель Международного
форума Парламентарии за
демократию, заместитель
Председателя Комитета по
международным делам
Европарламента Эммануэлис Зингерис
столь непосредственен и открыт, что
общение с ним доставляет большое
удовольствие.

Немало выдающихся белорусов – людей высокой квалификации - убедились: сегодня, честно и добросовестно работая в родной стране учителем, учёным, врачом, предпринимателем, находясь на военной службе нельзя мало-мальски прилично обеспечить себя, а тем более – семью. Они предпочли работать за рубежом, нередко в России.

В их числе генерал-полковник в отставке Иван Владимирович Пасека.

Беларусь продолжают покидать талантливые учёные высшей квалификации, как молодые, так и имеющие несомненные заслуги и умудрённые большим опытом. Среди них – мой коллега по БГУ физик, доктор физико-математических наук А. Патрин – сын Героя Советского Союза Алексея Патрина, первым форсировавшего Днепр во время Великой Отечественной войны. Он – профессор, заведующий кафедрой, вице-декан Политехнического института в Кошалине (Польша), где мы и встретились. Его вряд ли можно подозревать в умеренном белорусском патриотизме. Но невозможно заниматься наукой в Беларуси, стране, которая больше тратит на содержание репрессивного аппарата для подавления свободомыслия, чем на поддержку науки.

С Алесем Беляцким, осуждённым позднее белорусским диктаторским режимом за свою правозащитную деятельность на 7,5 лет лишения свободы, мы отыскивали на кладбище в Праге могилу известного белорусского оперного певца Михаила Ивановича Забейды-Суницкого.

Он родился в 1900 году в деревне Нестеровичи на Гродненщине. Во время российско-польской войны переехал в Барнаул, затем в Харбин. Дебютировал в партии Ленского в опере «Евгений Онегин», Учился у знаменитого Фернандо Карпи. Стажировался в Милане. В Ла-Скала познакомился с Шаляпиным и Собиновым. Карьеру певца продолжил в Познани, Варшаве и Праге, где начал всё чаще включать в свой репертуар белорусские песни, услышанные в детстве от матери, знакомя с ними тысячные аудитории. Лишь в 1963 году ему, наконец, разрешили побывать в БССР и выступить с концертами в Минске и Гродно.

. Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) начала свое формирование в 1975 г. В неё входят 56 государств: все европейские страны, США, Канада, государства Центральной Азии и Закавказья. Государства-участники обладают равным статусом. Решения принимаются консенсусом, имеют большое политическое значение, однако, не носят юридически обязательного характера. Статус партнёров по сотрудничеству имеют средиземноморские страны - Израиль, Иордания, Египет, Тунис, Алжир и Марокко. Азиатскими партнёрами по сотрудничеству являются Япония, Южная Корея, Таиланд, Афганистан и Монголия. Фактически, сфера деятельности ОБСЕ по раннему предупреждению, предотвращению конфликтов, регулированию кризисов и постконфликтному восстановлению охватывает пространство «от Ванкувера до Владивостока». Высшим органом ОБСЕ являются саммиты, которые проводятся по договоренности государств, как правило, один раз в два-три года.

Первый саммит тогда ещё СБСЕ состоялся в Хельсинки в 1975 году. 1 августа 33 государства Европы, США и Канада подписали Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (СБСЕ) - документ, названный «10 заповедей разрядки» или «хельсинкский декалог», включивший в себя положения об уважении суверенитета, нерушимости границ, отказа от использования силы при решении конфликтов, признание территориальной целостности и права народов на самоопределение, невмешательство одних стран во внутренние дела других, уважение прав человека и свобод, сотрудничество между государствами и соблюдение международных законов. В 1992 году в Хельсинки от имени вновь возрождённого европейского государства Республики Беларуси я подписал Хельсинские Соглашения 1975 года, и все мы – участники саммита – приняли документ «Вызов времени», который наделил СБСЕ полномочиями осуществлять практические меры по предотвращению и урегулированию локальных и региональных конфликтов.

Во время саммита Хельсинки-92 я имел официальные личные встречи с президентом США Джорджем Бушем (старшим) и канцлером ФРГ Гельмутом Колем по их инициативе. На общем снимке участников с автографами всех глав государств есть моя подпись и я (пятый справа в третьем ряду).